

Раздел 4.

Быт и настроения различных слоев и групп общества

№ 615

Информация военного отдела Первомайского райкома ВКП(б) в обком ВКП(б) о ходе мобилизации в районе

27 июня 1941 г.

Начало мобилизации с 23/VI-с/г. С 22/VI в ночь на 23/VI-41г. организован сборный пункт в здании районной средней школы. Как командным, так и политсоставом пункт полностью обеспечен. Пункт оформлен лозунгами, плакатами и другими наглядными материалами. Выпускается стенгазета «За Родину».

План мобилизации военнообязанных район выполняет и отправляет своевременно. Ушло по мобилизации коммунистов 36 чел., комсомольцев 15 чел. Настроение населения и мобилизованных хорошее. Все граждане выступают с презрением и ненавистью к кровавым разбойникам фашистской гитлеровской банды.

Были отдельные единицы антисоветских слухов. Например, Старо-Кленский сельсовет: был пропущен слух, что проводится мобилизация 15-летних девушек. Был такой слух, будто с поезда было сброшено письмо следующего содержания: что скоро придет в Россию Гитлер.

Органы НКВД немедленно занялись этим вопросом и вскрыли, что эти подобные антисоветские слухи исходили от сына бывшего попа.

Подано заявлений желающих идти добровольно в ряды Красной Армии 35 чел., из них коммунистов 4 чел., комсомольцев 25 чел., беспартийных 6 чел. мужчин 17-летних, девушек 18-летних; по возрасту с 1925 года – 2 чел., с 24 г. – 2 чел., с 23 г. – 6 чел., с 1922 г. – 14 чел., с 1921 г. – 1 чел., с 20 г. – 2 чел., с 19 года – 3 чел., с 18 года – 2 чел., с 1915 г. – 1 чел., с 1910 г. – 2 чел.; рабочих – 8 чел., служащих – 10 чел., колхозников – 11 чел., учащихся средних школ – 6 чел.

Торговля в районе проходит нормально, также нормально проходит работа в учреждениях и предприятиях района.

Замена ушедших в РККА проводится своевременно. В районе организованы в 4 пунктах курсы трактористов-девушек в количестве 100 чел., занятия курсов начались.

Зав. военным отделом РК ВКП(б) Честных¹

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2073. Л. 13. Подлинник.

№ 616

Информация военного отдела Рассказовского райкома ВКП(б) в обком ВКП(б) о ходе мобилизации в районе

27 июня 1941 г.

Сов. секретно

1. Отмобилизование людей в Красную Армию по заявлению райвоенкома проходит нормально.

2. План поставки лошадей, повозок, упряжи, тракторов выполнен 26/VI. Автомашины ремонтируются и в то же время передаются военным частям.

3. В Красную Армию ушло: коммунистов – 86, комсомольцев – сведений нет.

4. Настроение населения и мобилизованных хорошее. Высказывание большинством среди мобилизованных такое: «Скорее на фронт, закончить с фашизмом и переходить к построению Советской власти в Германии».

Сегодня после получения Указа Президиума Верховного Совета СССР «О назначении пенсии семьям мобилизованных» настроение еще больше поднялось.

5. Всего подано заявлений добровольно пойти на фронт – 162, по предварительным данным, т.е. по заявлениям (в заявлениях не указано ни партийности, ни возраста), коммунистов – 6, комсомольцев – 56, женщин – 60.

С сегодняшнего дня в РВК начинается оформление добровольцев с персональным вызовом.

6. Торговля сегодня проходит нормально. Соль, спички и ряд продуктов в достаточном количестве.

7. Работа учреждений и предприятий проходит нормально. Вместо уходящих в армию немедленно происходит замена.

Зав. в[оенным] о[тделом] РК ВКП(б) Трубачев²

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2073. Л. 87, 87 об. Подлинник рукописный.

№ 617

Информация военного отдела Староюрьевского райкома ВКП(б) в обком ВКП(б) о ходе мобилизации в районе

30 июня 1941 г.

Сов. секретно

1. Разъяснительная работа среди населения Старо-Юрьевского района продолжается о ходе войны с фашистами. Ход мобилизации проходит по-прежнему хорошо.

Из 18 человек, подлежащих явке 29-30/VI-41 г., явилось 18 человек. Из них взято коммунистов 2 чел. Всего коммунистов с начала мобилизации отправлено 30 человек.

С 22 по 30/VI-41г. подано в РВК и в РК ВКП(б) заявлений колхозников, рабочих, служащих и учащихся 32 человека с просьбой о зачислении их добровольцами в ряды РККА для борьбы с фашистами. Из них коммунистов – 9 человек, комсомольцев – 11, беспартийных – 12. В том числе мужчин – 17, женщин – 15.

Настроение среди населения и мобилизуемых хорошее, каждый мобилизуемый горит желанием разгрома гитлеровских банд.

Мобилизованный колхозник Воробьев С.М.³ и др. в комиссии заявили: «Мы идем бить фашистов до последнего человека, лишь бы наше правительство не заключило с ними мир».

В ряде колхозов района чувствуется производственный подъем. В колхозах успешно проводится работа по посадке махорки, взмету паров, вывозке навоза на пары и т.д. Например, в колхозе «Красный путиловец» Николаевского сельсовета колхозники закончили вспашку паров, успешно ремонтируют сельскохозяйственный уборочный инвентарь, производят прополку яровых посевных и т.д. В этом колхозе женщины заменяют мужчин, ушедших на фронт, становятся за плуг и работают.

Кроме этого, на сборпункте были случаи, когда отдельные призываемые приходили выпивши, но хулиганских действий со стороны их не было.

В ночь под 28/VI-41 г. (около 12 часов ночи) неизвестные 3 лица, одетые в костюмы, подходили к колхознику Боголюбовского сельсовета, пасшему лошадей на лугу, и требовали от него лошадь для поездки в неизвестном направлении. Они задавали ему вопрос о Новиковском педучилище: «Что это – завод или какое учреждение?», «Где у вас милиция находится?» и ушли. Через час были организованы поиски этих лиц, но не удалось найти их.

27/VI-41г. в 12 часов ночи у колхозника (сторожа) колхоза имени Чапаева Старо-Юрьевского сельсовета Дрокова Селиверста Ермиловича подожжен был дом. Дом с надворной постройкой и корова с телком сгорели.

27/VI-41г. в селе Старо-Юрьево колхозник колхоза «Красный Восток» И., 59 лет, повесился по причине семейной неурядицы.

По всем фактам нездоровых явлений, недостаткам в работе по мобилизации райком ВКП(б) принимает немедленные меры к устранению их.

Зав. военным отделом

Старо-Юрьевского РК ВКП(б) Синюков⁴

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2073. Л. 104, 104 об. Подлинник.

№ 618

Докладная записка инструктора военного отдела Тамбовского обкома ВКП(б) П.К. Губенко⁵ первому секретарю обкома ВКП(б) Н.А. Логинову о настроениях раненых красноармейцев, прибывших на сортировочный пункт г. Тамбова

2 июля 1941 г.

Прибывший на сортировочный пункт Тамбова в 20 ч. 15 м. 1/VII-41 г. санитарный эшелон № 65019 в составе 9 товарных вагонов с ранеными бойцами принят и разгружен эвакогоспиталем организовано.

При высадке раненые и обслуживающий персонал эшелона охотно рассказывали свои впечатления о событиях на фронте и прифронтовых районах. В их рассказах чувствуется болтливость. Так, например, один из раненых рассказывает в паническом тоне о действиях диверсантов, переодетых в форму НКВД. Другой говорит, что на часть, в которой он находился, наступали танковые части врага, бойцы с подъемом вступили в бой с врагом, ожидая подхода наших танков и авиации, но они не пришли, а танки противника нового образца противостоят 75-мм* орудиям. Третий говорит, что наступающие вражеские самолеты и танки производят большие разрушения, что уничтожено много автотранспорта и самолетов на аэродромах.

Врач эшелона говорит, что их состав формировался неорганизованно, к ним поступали тяжелораненые без надлежащей санобработки. Начальник эшелона заявил, что в пути следования они не обеспечивались на пунктах остановок горячей пищей. Так, в Мичуринск из Грязей он дал заявку приготовить обеды для раненых и обслуживающего персонала, по прибытию в Мичуринск им заявили, что «для того, чтобы вас накормить обедом, потребуется 6 часов», тогда жены железнодорожников в течение 15 минут принесли в эшелон бутерброды, яйца и т.д., и что хороший прием он встретил лишь в Тамбове и т.д.

*Инструктор военного отдела
Тамбовского обкома ВКП(б) Губенко*

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2338. Л. 40. Подлинник.

* Так в документе. Правильно – 76-мм.

№ 619

Заявление красноармейца А.И. Погалова⁶ в Тамбовский обком ВКП(б) о снятии партийного взыскания⁷

2 июля 1941 г.

Секретарю Тамбовского обкома ВКП(б)
тов. Логинову Н.А.
от члена ВКП(б) Красивской райпарторг[анизации],
сейчас мобилизованного в РККА,
Погалова Андрея Ивановича

заявление

Тов. Логинов! Простите, может, я своим заявлением отвлекаю Вас от более важного дела, хотя я это имею в виду.

Положение, в котором я нахожусь сейчас, вынудило меня обратиться к Вам и к бюро обкома ВКП(б) с просьбой пересмотреть решение бюро обкома от 13/VI с/г в отношении вынесенного мне строгого выговора с предупреждением с занесением в личное дело за то, что я по решению обкома от 24/V с/г не выехал в Алгасовскую МТС работать директором.

Тов. Логинов! Уж не так велико мое преступление, чтобы получить такое наказание, тем более что по существующим законам нашей партии и правительства я законно не мог передавать другому лицу Балыклеевскую МТС и выехать в Алгасовскую.

Я политически искалечен и сейчас, находясь в рядах РККА, с первых дней стал чувствовать к себе недоверие парторганизации и командования.

Находиться в такой обстановке и чувствовать себя придавленным – это несовместимо с моим желанием защищать нашу родную родину до последнего дыхания.

Я – физически крепкий, способности имею, идеологически воспитан как большевик, а поэтому в условиях войны я достоин выполнять поручения, которых достойны только большевики.

Прошу Вас, тов. Логинов, и бюро обкома ВКП(б) обратить серьезное внимание на мое заявление и надеюсь, что ранее вынесенное решение обкома от 13/VI с/г в части моего партнаказания будет пересмотрено.

К сему

А. Погалов

Адрес: г. Тамбов, клуб «Авангард», Погалов А.И.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 1887. Л. 82-83. Автограф.

№ 620

Из докладной записки секретаря Тамбовского обкома ВКП(б) Н.С. Пашкина в организационно-инструкторский отдел ЦК ВКП(б) о ходе мобилизации в области

3 июля 1941 г.

После того, как радио передало речь тов. В.М. Молотова о разбойничьем нападении гитлеровских войск на священные границы нашей любимой родины, райкомы и горкомы ВКП(б) организовали на всех предприятиях, учреждениях, в колхозах, совхозах и МТС многочисленные митинги и собрания.

Рабочие, колхозники и советская интеллигенция в своих выступлениях и в принятых решениях выражали гнев и ненависть к вероломному врагу и призывали самоотверженно трудиться на своем посту, всеми силами помогать родной Красной Армии одержать решающую победу над врагом.

Многие выступающие заявили о добровольном вступлении в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. На заводе «Ревтруд» старый кадровик стахановец т. Кирюнчев сказал: «Наша доблестная Красная Армия проучит врага, в этом нет никакого сомнения. Дело каждого трудящегося – всеми силами, не жалея ни времени, ни здоровья, помочь Красной Армии. Я принимаю на себя обязательство работать неизмеримо больше и лучше на благо нашей родины».

Тов. Юдин, браковщик ОТК завода «Автотрактородеталь», член ВЛКСМ, заявил, что он добровольно идет в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, со всей решительностью будет бить врага и, если нужно, отдаст жизнь за дело партии. Тов. Юдин призвал всех участников митинга самоотверженно трудиться каждому на своем посту.

Участник боев с белофиннами т. Флягин (завод «Ревтруд») от имени уходящих в ряды РККА заверил коллектив завода, что молодежь, идущая в Красную Армию, уверена в своей победе и будет защищать свою родину до полного разгрома обнаглевшего врага. Он призвал остающихся рабочих, ИТР, служащих, не жалея своих сил и энергии, работать с большей производительностью труда с тем, чтобы дать еще больше машин и вооружения для нашей армии.

Учитель Филимонов Анатолий Михайлович (Волчковский район) в своем выступлении сказал: «Я иду на фронт добровольцем со своим отцом. Отец работает фельдшером, он будет лечить раненых бойцов, а я беспощадно бить зарвавшихся немецких фашистов».

Блохин Н.А., кандидат в члены ВКП(б), младший лейтенант запаса, в своем заявлении пишет: «Прошу Ламский военный комиссариат послать меня на фронт, так как тов. Молотов по радио сообщил, что германские фашисты напали на нашу страну. Я хочу беспощадно бить зарвавшегося врага. Я участвовал в освобождении трудящихся Западной Белоруссии, правительственное задание оправдал с честью. После освобождения трудящихся Западной Белоруссии участвовал на Северном фронте против белофиннов. Заверяю и клянусь всему 193-миллионному советскому народу, что я оправдаю оказанное мне доверие. Прошу не отказать в моей просьбе и быстрее послать на защиту наших священных границ».

В городах и районах Тамбовской области ежедневно в военкоматы поступают сотни заявлений с просьбой зачислить добровольцами в ряды РККА.

В гор. Тамбове подали заявления о добровольном вступлении в Красную Армию 932 человека, в гор. Моршанске – около 500 чел., в Кирсановском районе – 123, в Инжавинском – 41, в Гавриловском – 37, в Ламском районе – 30 чел. и т.д.

О добровольном вступлении в ряды РККА просят даже старики – член ВКП(б) т. Светиков Петр Никитович, 68 лет (Волчковский район), член ВКП(б) т. Люльчак Г.Г., 60 лет (Инжавинский район).

Ряд товарищей, уходя в Красную Армию, подают заявления о принятии их в партию: «Хочу уйти в Красную Армию коммунистом, – заявил

комсомолец Вяткин Федор Петрович, – в бою с фашистами я оправдаю доверие партии». Уметский райком ВКП(б) т. Вяткина Ф.П. принял кандидатом партии и выдал ему кандидатскую карточку.

Кандидат партии т. Бурашников Устин Алексеевич в своем заявлении Сампурскому райкому ВКП(б) писал: «Прошу принять меня в члены ВКП(б). Страна социализма вступила в отечественную войну с обнаглевшим фашизмом. Уходя на фронт, я хочу членом партии защищать страну коммунизма».

Пичаевским райкомом ВКП(б) принят в партию и получил партийный документ добровольно вступивший в ряды Красной Армии колхозник тов. Денисов Николай Федорович.

Моршанским райкомом ВКП(б) приняты в партию добровольно вступившие в РККА Тяжкин Николай Федорович и Ламзин Борис Петрович⁸.

В момент проведения мобилизации на всех призывных пунктах Тамбовской области мобилизованные являлись в райвоенкоматы в точно установленные сроки. Морально-политическое состояние призываемых и населения в целом хорошее.

На 29/VI-41 г. было мобилизовано нач. состава – 96 %, младшего нач. состава – 96 %, рядового состава – 90 %.

Мобилизованные проявляли высокий патриотизм и глубокую уверенность в победе над врагом, что подтверждается и выступлениями призываемых рабочих, колхозников, служащих и их родственников. [...]».

На смену ушедшим рабочим защищать родину приходят жены, сестры и отцы-пенсионеры.

Пенсионер Зарубов К.Д., проработавший на вагонном заводе более 40 лет, пришел на завод и заявил: «Прошу снять с меня пенсию и принять на работу. Не время сейчас сидеть дома. Мои два сына ушли с завода защищать родину, а я обязан заменить их».

Жена мастера механоэнергетического отдела завода «Комсомолец» т. Алехина, который ушел в РККА, стала на работу у распределительного щита электростанции в качестве дежурного.

Вахтер ликероводочного завода т. Петров призван в РККА, жена его заявила, что «мой муж теперь боец Красной Армии на фронте, а я хочу быть бойцом на производстве и охранять завод. Прошу принять меня в охрану».

На заводе «Ревтруд» коммунисты в первый день войны стали на стахановскую вахту до полного разгрома фашизма. Один из инициаторов этой вахты кандидат в члены ВКП(б) токарь т. Анохин выполняет производственное задание на 300 %.

Число участников стахановских вахт непрерывно растет. [...]».

Трактористов, комбайнеров, штурвальных, мобилизованных в Красную Армию, заменяют девушки и женщины, знающие тракторное дело.

В Лысогорском районе ушедших в РККА трактористов заменили девушки Стрыгина А., Филатова С., Пчелинцева М., Хворова и др. На работу штурвальных на комбайны в Шибряевскую МТС пришли жены комбайнеров Хосина, Углова, Сафонова и др.

В МТС поступают десятки и сотни заявлений от девушек-колхозниц о желании овладеть трактором, комбайном и помогать стране вести отечественную войну. В ряде районов создаются краткосрочные курсы трактористов и комбайнеров.

В Первомайском районе в 2 МТС такие курсы уже работают с 28 июня, в них обучаются 150 девушек. Такие же курсы организованы в Рудовском, Сосновском, Полетаевском, Лысогорском и др. районах. [...]*

В период мобилизации в отдельных районах имели место со стороны бывших раскулаченных и в прошлом судимых антисоветские и контрреволюционные выступления.

Бывший кулак Черемисин М.П. (колхоз «15 лет Октября», Волчковский район) заявил: «Хорошего не дала нам Советская власть» и высказал ряд оскорблений в адрес Советской власти.

Гр. Гридчин (Инжавинский район), будучи мобилизован, напился пьяным, назвал большевиков агрессорами, порвал повестку и ударил зав. военным отделом райкома ВКП(б).

Мордовина М.С. (Тамбовский ТВРЗ) заявила: «Если немец придет, то нам будет лучше».

Юрисконсульт Лебедев (г. Тамбов) в ответ на возмущение т. Антипова, что «Собаки-фашисты нагло лезут на СССР», заявил: «Немцы лезут правильно, им нужна Украина, и мы должны ее отдать, если не отдадим – пропадем».

Конюх колхоза «1-е Мая» (Каменский район) Федин, в прошлом раскулаченный, изорвал повестку на выдачу лошадей.

В том же районе Твилинев, сын участника антоновской банды, допустил антисоветское выступление, заявив: «Теперь мы коммунистам головы посшибаем».

Имели место случаи отказа от службы в РККА: Мучкапский район – Серов В.Д., единоличник, в прошлом судим по ст. 61 УК⁹, и Попов Ф.А., исключенный из колхоза, судим за кражу, отказались от службы в РККА.

Член партии Веденеев, председатель колхоза «Красный воин» (Каменский район), напился пьяным и в момент вручения ему повестки на повозку отказался выполнять наряд.

Чернорабочая ТВРЗ Лопухова Александра Петровна своей подруге Андреевой во время работы говорила: «Теперь не будет продуктов, нужно запастись, раньше нам говорили, что война будет идти на территории врага, а получается, на нашей территории».

К лицам, допустившим антисоветские выступления, партийными организациями и органами НКВД приняты соответствующие меры.

Секретарь обкома ВКП(б) Пашкин

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 1988. Л. 170-185. Отпуск.

* Опущены аналогичные публикуемым патриотические высказывания мобилизованных в РККА, примеры трудового героизма рабочих и колхозников области.

№ 621

Резолюция митинга рабочих и служащих Моршанской суконной фабрики

*3 июля 1941 г.
7 ч. утра*

Мы, рабочие, работницы, служащие и инженерно-технические работники 1-й смены Моршанской суконной фабрики, заслушав сообщение о выступлении главы правительства, председателя Государственного Комитета Обороны СССР тов. Сталина Иосифа Виссарионовича, единодушно заверяем партию Ленина-Сталина и наше правительство в том, что мы:

1. Не допустим в своей среде трусов и паникеров и все предстоящие трудности встретим организованно.

2. Усилим бдительность и беспощадно будем разоблачать всех врагов народа.

3. Подчиним всю нашу работу делу войны и ответим высокой производительностью и высоким качеством товара.

4. В кратчайший срок овладеем техникой воздушной и противохимической обороны.

5. На место уходящих в армию мужчин поставим женщин и обеспечим бесперебойное снабжение нашей любимой Красной Армии.

6. На призыв тов. Сталина, все как один, станем грудью на защиту своей родины, объединимся вокруг партии Ленина-Сталина и поможем нашей доблестной Красной Армии разгромить ненавистного врага всех трудящихся, всего прогрессивного человечества.

Наши возможности неисчерпаемы – враг будет разбит.

Да здравствует непобедимая доблестная Красная Армия, военный флот и советская авиация!

Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая партия и ее вождь тов. Сталин!

ЦДНИТО. Ф. 1014. Оп. 1. Д. 367. Л. 11. Заверенная копия.

№ 622

Докладная записка заведующего военным отделом Котовского горкома ВКП(б) В.А. Кочетыгова¹⁰ в военный отдел обкома ВКП(б) о мероприятиях в связи с выступлением по радио председателя ГКО СССР И.В. Сталина

5 июля 1941 г.

3/VII-41 г. в 8 часов вечера в парке «Химик» состоялся общегородской митинг трудящихся нашего города, посвященный выступлению по радио

председателя Государственного Комитета Обороны Иосифа Виссарионовича Сталина.

С сообщением о переданной по радио речи И.В. Сталина выступил секретарь ГК ВКП(б) тов. Коняев¹¹. Затем слово взяли тт.: Азовский – красный партизан гражданской войны, Голубчик – инженер завода 204, Ступников – мастер завода 204 и другие. Они призывали всех трудящихся на беспощадную борьбу с дезорганизаторами, паникерами, распространителями ложных слухов, с шпионами, диверсантами.

В единогласно принятой резолюции трудящиеся города заявляют: «Будем вести работу со всей силой, как требует этого от нас чрезвычайная обстановка тяжелой войны с силами фашизма. Дадим нашей стране продукцию в нужном количестве и высокого качества».

Сборосдаточным пунктом райвоенкомата наряд по отправке команд выполнен. Проведено пять бесед среди отправляющихся и их родственников. Выпущена стенгазета.

На основе постановления СНК СССР «О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне» штаб МПВО укомплектовал в каждом предприятии и жилом доме группы самозащиты, из которых в 7 домах и 6 предприятиях начали учебу.

Во всех предприятиях, учреждениях и жилых домах города проведены беседы об указах Президиума Верховного Совета СССР от 26/VI-41 г. Кроме того, на всех жилых домах, в учреждениях и парках расклеен приказ № 1 по местной противовоздушной обороне, проведены в каждом доме с жильцами, а в предприятиях с рабочими, служащими и ИТР беседы по этому приказу.

В количестве 45 человек слушательницы курсов медсестер занимаются с апреля 1941 г. по полуторагодичной программе. На днях переключаемся на шестимесячную программу.

Из комсомольцев, осоавиахимовцев и женщин-домохозяек создано около 200 постов по наблюдению за воздухом, по охране мостов, по наблюдению за правильной светомаскировкой.

Надо отметить, что г. Тамбов нас демаскирует.

Зав. военным отделом ГК ВКП(б) Кочетыгов

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2339. Л. 1, 1 об. Подлинник.

№ 623

Из информации первого секретаря Мичуринского райкома ВКП(б) Ф.П. Николашина в обком ВКП(б) о перестройке работы партийных и советских органов, предприятий и учреждений района в условиях военного времени

17 июля 1941 г.

[...]*. 2. Повышение революционной бдительности

На предприятиях, в совхозах, колхозах района значительно увеличена сеть сторожевых постов (люди проверены), выделены объезчики для объезда совхозных и колхозных полей. В большинстве колхозов построены наблюдательные вышки (на 16/VII – 59), установлены секретные посты на некоторых колокольнях неразобранных бывших церквей (3).

Просмотрены все пожарные машины, неисправные отремонтированы, перезаряжены огнетушители, введено постоянное дежурство лошадей при пожарных депо и т.д.

Агитаторами на местах, ответственными, партийными и советскими работниками проведена и проводится большая массово-разъяснительная работа по повышению большевистской революционной бдительности и мобилизации масс трудящихся на борьбу со шпионами, диверсантами, шептунами и дезорганизаторами производства.

В результате этой работы на территориях совхозов им. Мичурина и имени Калинина и колхозов колхозники, колхозницы, партийные и непартийные большевики задерживают ряд неизвестных** шатающихся лиц и доставляют их для выяснения личности в сельсоветы или сдают органам охраны и милиции. На территории Н[ово]-Никольского с/совета задержано 7 человек, Борщевского с/совета – 5 человек, Стаевского – 1 чел., Н[ово]-Тарбеевского – 3 чел., Устьинского – 2 чел. и т.д.

Разоблачается ряд шептунов и лиц, распространяющих разные ложные нелепые слухи (из числа бывш[его] кулачества, неголосовавших при выборах в Советы и другие): в Борщевском с/совете – 8 чел., в Сестренском – 1 чел., Б[ольше]-Сосновском – 1 чел. и т.д. На всех их информации направлены в органы НКВД для принятия соответствующих мер. [...] ***.

4. Как советская интеллигенция отвечает на призыв вождя

На призыв вождя интеллигенция района ответила организованностью и преданностью делу партии Ленина-Сталина. Так, учителя 25 школ в составе 210 человек свой отпуск посвятили агитмассовой работе и работе на колхозных полях. Под их руководством на полях колхозов работало 2850 учащихся.

Выпускаются десятки газет, учителя руководят оборонными кружками и т.д. Так, учителя Н[ово]-Тарбеевской средней школы, Устьинской, Панской и др. записываются в ополчение.

Активно участвует в работе и другая интеллигенция района. [...]****.

Секретарь Мичуринского с.-х. райкома ВКП(б) Ф. Николашин

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2076. Л. 86-88. Подлинник.

* Опущен раздел 1 «Трудовой героизм».

** Далее зачеркнуто: *праздно*.

*** Опущен раздел 3 «Работа советских органов и советской общественности с семьями мобилизованных».

**** То же разделы 5, 6 «Работа агитаторов и агитколлективов», «Как район в целом перестроил свою работу на военный лад».

№ 624

Из информации первого секретаря Староюрьевского райкома ВКП(б) Т.С. Дьякова в обком ВКП(б) о перестройке работы районной партийной организации в условиях войны

22 июля 1941 г.

Сов. секретно

[...]*. Повысилась революционная бдительность трудящихся. Колхозники Черняков Никита Васильевич, Рыжков Владимир Александрович и Текунов Семен Андреевич (Боголюбовский сельсовет) 5 июля с.г. задержали и доставили в РО НКВД осужденных и бежавших из мест заключения Абдуллаева Карана, Дзесабор Хосян и Чарипо Гергаса, происходящих из Узбекской ССР.

4 июля с.г. колхозники колхоза «Новый путь» Старо-Юрьевского сельсовета Юдаков Е. и Беленов Е.Д. задержали вора-рецидивиста Галкина Алексея Андреевича, укрывающегося от мобилизации. Галкин арестован.

4 июля с.г. на станции Старо-Юрьево школьники Михин Владимир, Задонский Николай и работница райзагса Михина М.В. задержали дезертира Суренкова Ивана Ефимовича, происходящего из Тульской области. Суренков арестован.

Благодаря активности колхозников за последнее время привлечено к уголовной ответственности 10 чел. за уклонение от воинского учета и дезертирство. Имеется немало и других фактов оказываемого содействия со стороны трудящихся органам НКВД и госбезопасности в проводимой ими работе.

На основе агитационно-массовой работы, патриотизма трудящихся повысилась производительность труда в колхозах, совхозах, МТС и учреждениях. Колхозники выходят на работу с 4 часов утра и кончают ее поздно вечером. В производственную работу колхозов вместо ушедших в ряды Красной Армии включились подростки и старики. Сейчас в колхозах работают детей школьного возраста 750 чел. 142 учителя, возвратившиеся из отпусков, включились в производственную и агитационную работу в колхозах, из них 44 работают на сеноуборке, 81 на прополке и остальные на других работах.

Пионеры колхоза «Красный плуг» Вишневого сельсовета в количестве 26 человек ежедневно работают в колхозе на прополке посевов. В Скобелевском сельсовете в колхозе «Новая Дружба» 11 учащихся начальной школы работают на вспашке паров. Ученик 4-го класса этого колхоза Швецов Василий, выступая на митинге, на призыв вождя народов товарища Сталина сказал: «Отец мой по мобилизации ушел в Красную Армию бить германских фашистов, а я вот уже 8 дней со дня начала войны с Германией заменил труд своего отца, работаю в колхозе на вспашке паров. Несмотря на то, что мой возраст – 11 лет, я так же буду принимать горячее участие в уборке высокого урожая». [...]*.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2070. Л. 52-53. Подлинник.

* Опущена информация о мобилизационной и агитационно-массовой работе райкома, перестройке работы предприятий, учреждений, колхозов и совхозов в условиях военного времени.

№ 625

Докладная записка директора Тамбовского мясокомбината П.С. Окончука¹² секретарю обкома ВКП(б) Н.И. Невежину об увеличении объемов сдачи колхозниками скота на убой в первые дни войны¹³

23 июля 1941 г.

Секретно

Считаю необходимым доложить Вам следующее:

После объявления о состоянии войны значительно увеличился приток давальческого скота на убой. Имеются случаи, когда отдельные граждане на убой пригоняют сразу по несколько голов, имея официальные справки от сельских Советов на право убоя.

В отдельных беседах с колхозниками я задавал вопрос: «Почему так много бьете? Для чего?». На что получал неизменный ответ: «Нужны деньги в хозяйстве и для того, чтобы рассчитаться с налогом».

Усматривая в настоящем положении, кроме приведенного объяснения колхозников, возможность прямого уничтожения скота, прошу Вас рассмотреть настоящий вопрос.

Для характеристики привожу данные об убое давальческого скота на Тамбовском мясокомбинате за месяц до объявления войны и убой в первом месяце войны:

Наименование скота	с 20/V по 20/VI		С 20/VI по 20/VII-41 г.	
	голов	вес в клг.*	голов	вес в клг.*
Крупный скот	79	299	154	624
Свиньи	254	342	290	300
Овцы	80	34	615	187
Итого		674 (675)		1411 (1111)

К этому следует доложить, что давальческий скот перерабатывается не только в Тамбове, но и на ряде боен Союзаготживсырья, потребкооперации.

Директор Тамбовского мясокомбината Окончук

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2014. Л. 61, 61 об. Подлинник.

* Так в документе. Следует читать – вес в цент.

№ 626

Докладная записка первого секретаря Мордовского райкома ВКП(б) М.И. Шанина¹⁴ первому секретарю обкома ВКП(б) Н.А. Логинову о фактах голода среди красноармейцев воинского эшелона

*Позднее 8 августа 1941 г.**

Сов. секретно

8 августа 1941 г. при остановке воинского эшелона на ст. Оборона в 14 ч. 15 минут, следуемого от ст. Грязи в направлении ст. Поворино ЮВЖД (поезд № 504), имел место случай, что один из «красноармейцев» данного эшелона просил кусок хлеба у одной гражданки – крестьянки, находящейся на ст. Оборона, мотивируя это, якобы, тем, что он голодный и находится не евши десять суток. О чем было немедленно доложено начальнику эшелона.

Поведение «красноармейца» – попрошайничать кусок хлеба – явно антисоветское, направленное посеять панику среди населения тыла о том, что, якобы, в Красной Армии бойцов не кормят.

Прошу через соответствующие органы принять меры к командованию данной части – не дискредитировать войска РККА и выяснить личность этого «красноармейца».

Секретарь РК ВКП(б) М. Шанин

ЦДНИТО. Ф. 372. Оп. 1. Д. 365. Л. 95. Отпуск.

* Дата установлена по содержанию документа.

№ 627

Докладная записка начальника комсомольского эшелона П. Киселева первому секретарю Мичуринского горкома ВКП(б) Н.А. Потапову о бездушном отношении к учащимся, направленным на строительство оборонительных рубежей

9 августа 1941 г.

Срочно

Секретно

Доношу, что, находясь начальником эшелона учащейся молодежи г. Мичуринска и районов Тамбовской области в числе 1900 человек с 3 июля по 30 июля с/г, мною обнаружено:

1. Подбор людей на работу был проведен самым безобразным образом. Директора школ №№ 8, 48, 49 и 50, а также секретари райкомов ВКП(б) и ВЛКСМ Токаревского, Волчковского, Шульгинского, Полетаевского, Мордовского и Шехманского Тамбовской области к столь важному делу отнеслись просто, я бы сказал, бездушно.

Учащаяся молодежь была послана на работы по спецзаданию без предварительного отбора и медицинского освидетельствования, в силу чего во время следования к месту работы пришлось заниматься некоторым отсеиванием больных и отправкой их домой.

В процессе работы выявилось, что имеются больные с тропической малярией, туберкулезом легких и костей, паховой грыжей и рядом других болезней. При заявлении детей на месте жительства об их болезни во внимание ничего не принималось.

В беседе с учащимися было выяснено, что все вышеупомянутые райкомы подошли к подбору людей так: здоровых оставляли для колхоза, а больных и послабее здоровьем отправляли на работы по спецзаданию. Около 200 человек детей были посланы моложе 16 лет. Особенно этим отличались директора 50-[й], 8-[й] и 49-[й] школ, которые больше послали 1925 и 1926 гг. рождения.

Именные списки представили не все при сдаче мне детей, а уже давали только по моему требованию на станции Мичуринск и то только фамилии.

2. Детей отправляли обманным путем на 3-4 дня и то, якобы, в Тамбов исправлять дороги, и 90 % всего состава детей выехали в одежде с тем, что имели на себе. Не было также и постельной принадлежности.

3. Запасы продовольствия и денег на дорогу имели лишь 30-40 %, а остальные ничего с собой не взяли, так как ребят в колхозах собирали секретари КСМ организаций с поля и тут же отправляли их в районы, а последние погрузили их в вагоны и отправили в Мичуринск.

4. По приезде эшелона на место работы дети в течение трех суток сидели на сухой пище, а горячей организовано не было в силу того, что только было 4 человека на месте.

Вопрос с питанием до 30 июля обстоит плохо, были случаи, когда детям на 2 чел. давали горячей пищи по одной тарелке, и только уже принятыми мною мерами стали давать на человека 1 тарелку и то лишь когда я стою на кухне, а если вышел, то продолжается опять такая же мерка. Ребята жалуются, что они голодны. Как н-к, а также и зам. н-ка по политчасти т. Терехов этому вопросу уделяют внимания мало.

Большинство детей ходят оборванными, хотя принятыми мною мерами часть (около 650 человек мужчин) обеспечены костюмами за их счет, но девушки еще нет, и когда они будут обеспечены, еще неизвестно. Одежда, которая носится девушками без смены, от частой стирки рвется.

Среди детей, имеется большая вшивость, отчего нет гарантии, что среди них не может вспыхнуть эпидемия тифа. Мне через баню удалось пропустить 420 чел., но этого мало.

Нужно отметить, что начальник строительства тов. Прибытков и начальник участка тов. Бланкинштейн, зам. н-ка по политчасти т. Терехов обеспокоены только [одним] – это «Давай, быстрее работай!». Что же касается заботы о детях, в каких условиях они работают, как живут и как питаются, это мало интересует. Были случаи, когда, перебрасывая людей с одной трассы на другую, таковые квартирами не обеспечивались и спали

прямо под открытым небом. Только мною они уже размещались по квартирам и по ригам колхозников.

Дети копали окопы, в которых была вода. Когда они стали заявлять, что нужны насосы откачивать воду, то им прорабы заявляли, что нужно будет – будете копать по шею в воде. Дети копали, вернее, выбрасывали грязь из ямы руками, а когда я потребовал дать им хотя бы ведра, мне говорили, что их нет. Когда же я проверил в материальном складе, то там оказалось большое количество ведер.

Считаю необходимым отметить, что я, как коммунист, сознаю, что в военное время ни с чем ни считаются, и если нужно, то каждый гражданин Советского Союза, как патриот своей Родины, отдаст свою жизнь, когда потребуется, за дело Ленина-Сталина, но в корне не согласен, когда прорабы и политруки грубо обращаются с детьми, просто я сказал бы, как с арестованными. Особенно груб прораб Петров, от которого девушки 9-[й] сотни Быкова плакали. Имелись случаи, когда та или иная сотня детей села отдыхать, то политруки и прорабы говорят: «Что вы не работаете, отдадим вас под суд ревтрибунала», а вот разъяснительной работы вести среди ребят они не ведут, ограничиваются лишь [тем, что] изредка прочтут сообщение Советского Информбюро и все.

О времени приезда 1637 чел., которые остались еще там работать, сказать ничего не могу. Могу сообщить только Вам, что перед моим отъездом н-к строительного участка № 1 тов. Бланкинштейн сказал мне, что у них будет формироваться строительный батальон, они будут иметь командиров и строить свою работу на уставах РККА.

Донося о вышеизложенном, прошу Вас принять срочные меры к тому, чтобы хотя [бы] несовершеннолетних детей-школьников вернули по домам, ибо многие из них сильно плачут.

Б[ывший] начальник эшелона П. Киселев

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 1999. Л. 28, 29. Заверенная копия.

№ 628

Докладная записка инструктора Тамбовского обкома ВКП(б) Е.М. Чемровой заместителю заведующего отделом кадров обкома ВКП(б) В.Т. Бурцеву об организации торговли хлебом и общественного питания на заводах «Комсомолец» и «Ревтруд»

6 октября 1941 г.

По Вашему заданию мною проведено дополнительное обследование постановки и организации торговли хлебом и общественного питания при заводах «Комсомолец» и «Ревтруд».

При обследовании столовой № 6 при заводе «Комсомолец» мною установлено следующее: план товарооборота по общественному питанию на 3-й квартал 1941 г. установлен 210 тысяч рублей, фактически выполнено

172496 руб., или 82,1 %. Из месяца в месяц план товарооборота столовой № 6 не выполняется. Объясняется это отсутствием борьбы как со стороны треста общественного питания, а также со стороны директора столовой, за лучшее и полное удовлетворение потребительского спроса, за организацию культурной торговли и использование сметных ресурсов.

В среднем столовая № 6 выпускает 1400-1500 блюд. Качество обедов низкое, меню общедоступных блюд в течение трех месяцев однообразное и ежедневно состоит из супа с пшенной крупой без картофеля и борща с капустой без овощей и картофеля. На вторые блюда приготавливаются каша манная и каша пшенная (последний месяц из пшенной сечки). Заправка, как первых, так и вторых блюд, маргуслиновым* маслом. В связи с отсутствием лука маргариновое** масло кладется в пищу не в зажаренном виде, а поэтому в обедах этот вид жира совершенно не чувствуется. Овощи и картофель в течение всего лета в столовую не завозились, и только 3 октября первый раз в столовую завезен картофель.

При столовой имеется буфет с единицей содержания буфетчицы, но буфет, кроме консервов из крабов, ничем не торгует. С введением карточной системы в буфете проходит отпуск рабочим к обеду хлеба.

Организацией труда не занимаются. При наличии двух официанток отпуск обедов переведен исключительно на самообслуживание, а официантки вместо обслуживания рабочих переключены в качестве надсмотрщиков, чтобы не разговаривали, как заявляет директор, тарелки и ложки, и [занимаются] уборкой столов, но и это ими не выполняется, так как рабочим чаще всего приходится сидеть за грязным и неубранным столом.

Для того чтобы получить обед, рабочему приходится минут 10-15 простоять в очереди за чеком на обед, минут 5-10 – за хлебом и минут 10-15 – за обедом, и зачастую бывает так, что в течение часового перерыва рабочий не успевает получить обед и уходит со столовой голодным.

На кухне, а также в столовой царит ужасная грязь. За отсутствием в столовой ложек рабочим приходится есть первое блюдо через край тарелки, а кашу руками.

Необходимый запас продуктов в кладовой отсутствует, что также влияет на качество обедов, так как приготовление обедов проходит наспех, непродуманно и из наличия того, что завезут, или остатков, имеющихся на складе.

Почти аналогичное положение и в столовой № 7 при заводе «Ревтруд». Несмотря на выполнение плана товарооборота на 102 %, питание рабочих поставлено совершенно неудовлетворительно. На день обследования, то есть 5 октября, меню состояло из лапши постной и картофельного пюре, заправленного маслом, также в незажаренном виде. Приготовление обедов проходит грязно. Лапша и картофельное пюре имели синий, неприглядный вид. Как в первом, а также и во втором блюдах попадался волос, в картофельном пюре – целый неразваренный картофель. Закладка соли и масла происходила только в период раздачи обедов.

Необходимого запаса продуктов нет. На день обследования в наличии склада имелись сахар, мука и масло.

При столовой имеется 7 буфетов с единицами содержания зав. буфетами, но буфеты, кроме хлеба (отпуск по карточкам), ничем не торгуют.

Необходимо также отметить, что в столовой, кроме рабочих завода, столуется 600 чел. учащихся ФЗО. Их питание в день по меню и раскладке дневного рациона, утвержденного Наркомторгом, составляет 6 р. 50 коп. в день. При составлении раскладки и меню при наличии продуктов на складе в первую очередь продуктами питания удовлетворяются учащиеся ФЗО, а что остается – отпускается на питание рабочих. Так, например, 6 октября для учащихся ФЗО к обеду приготавливался борщ мясной, а для рабочих лапша постная.

По заявлению зав. столовой тов. Кареевой, имеющиеся в наличии в кладовой сахар, яйца и мука предназначены исключительно для питания учащихся ФЗО. В течение лета картофель, а также овощи в столовую не завозились.

Торговля хлебом как на заводе «Комсомолец», а также и «Ревтруд» проходит бесперебойно, и очередей за хлебом никаких нет. Есть жалобы на незавоз хлеба по коммерческим ценам.

Инструктор отдела кадров обкома ВКП(б) Чемрова

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2452. Л. 20-22. Подлинник.

* Так в документе. Правильно – маргогуселиновым¹⁵.

** Слово *маргариновое* вписано чернилами вместо слова *маргуслиновое*.

№ 629

Докладная записка заведующего военным отделом Тамбовского обкома ВКП(б) В.В. Хорькова первому секретарю обкома ВКП(б) Н.А. Логинову о фактах незаконных действий со стороны работников штаба ОрВО

*Позднее 18 октября 1941 г.**

С приездом штаба ОрВО в обком ВКП(б) стали поступать жалобы от разных лиц и организаций на незаконные действия со стороны работников штаба.

Так, начштаба ОрВО приказал директору треста столовых и ресторанов тов. Татаринскому передать штабу ОрВО дополнительно к уже выделенному ресторану № 2 столовую № 10. Столовая обслуживала до 800 человек и была горисполкомом ранее отведена для питания формирований горвоенкомата. Штаб мотивировал это тем, что ресторан № 2 не успевает вовремя обслужить питанием работников ОрВО. В настоящее время подразделения, пользовавшиеся ранее столовой № 10, получают сухой паек. Это вызывает много недовольства со стороны командного и рядового состава (заявление в горисполкоме лейтенанта отдельного автотракторного батальона тов.

Сухоцкого, комиссара авторемонтного пункта тов. Щавинского, ст. политрука 71-[го] батальона автосвязи**). Распоряжение о передаче столовой № 10 было дано без ведома горсовета, хотя трест в своей деятельности подчинен ему.

10 и 11 октября с/г без ведома горсовета комендант города распорядился закрыть читальню в Центральной библиотеке и разместить там на ночлег командный состав. Выполняя приказание начштаба ОрВО, горвоенком Громаков предложил горсовету выделить 6 легковых машин, из них две ЗИС-101 и одну М-1. На заявление горсовета и горвоенкома о том, что машины ЗИС-101 имеются только в горсовете, горкоме ВКП(б), в обкоме и облисполкоме и по характеру работы нужны им, начштаба ответил: «Все равно заберем».

11/X-41 г. один из военных, в чине капитана, явился в ресторан и стал требовать отпуска хлеба. На заявление директора треста тов. Татаринского, что ресторан хлебом не торгует, а торгует горторг, сказал: «Вы тут сволочи».

В эти же дни в кафе № 4 ст. лейтенант потребовал отдельного обслуживания, т.к. «чин не позволяет ему кушать со всеми». После обеда заявил: «Посмотрите, что дня через два будет с Тамбовом».

В ресторане № 1 военнослужащий сбил с ног директора ресторана Федосееву и нанес ей, кроме того, несколько оскорблений.

Работник штаба ОрВО интендант 3-[го] ранга (фамилия выясняется) заявил официантке – жене бат[альонного] комиссара тов. Кондратьевой, что его семья осталась в районе, оккупированном немцами, немцев бояться нечего, т.к. обращаются с русскими хорошо. Советовал тов. Кондратьевой не эвакуироваться.

Когда тов. Кондратьева попросила одного капитана повежливее обращаться со служащими, капитан обозвал базарной бабой и пытался ее толкнуть.

Зав. столовой военторга тов. Перис один интендант очень грубо и почти силой заставил ехать на розыски меда для командующего. Вообще часты случаи, когда от лица командующего военные требуют от торгующих организаций продукты.

По имеющимся сведениям, два сотрудника военторга выехали в Москву на автомашине за папиросами, шоколадом, какао для командующего. Об этом сообщили в горком*** зав. столовой военторга тов. Перис и секретарь парторганизации военторга тов. Молчанов.

Выполняя распоряжение горсовета, 18 октября**** сержант милиции тов. Чернов задержал машину, принадлежавшую ОрВО, и потребовал предъявления пропуска или документа. Находившимися в машине было заявлено, что едет член Реввоенсовета, но документы и пропуск предъявлены не были. Тов. Чернову было предложено немедленно явиться в гостиницу. Выполнить это распоряжение тов. Чернов не мог, т.к. находился на посту.

10.X команда склада № 191 явилась в магазин № 55 с требованием немедленно освободить помещение. Начальник команды был в пьяном виде, требовал от кассирши Козловской денег, сахар и хлеб, кричал на работников

магазина, угрожал арестом, обнажал оружие. Из корзинки сотрудницы Андреевой вытащил два флакона с одеколоном, один тут же выпил, другой разбил. По его распоряжению бойцы хватали работников магазина за плечи и выгоняли из помещения. Все это делалось на глазах у покупателей.

Как информировал командующий округом тов. Пашкина, в последнем случае на виновного наложено взыскание.

Зав. военным отделом Хорьков

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2016. Л. 68, 69. Подлинник.

* Дата установлена по содержанию документа.

** Фамилия не указана.

*** Слова *в горьком* вписаны чернилами.

**** Дата *18 октября* вписана чернилами.

№ 630

Из выступления первого секретаря Первомайского райкома ВКП(б) М.Т. Алешина на заседании бюро обкома ВКП(б) при обсуждении вопроса «Об антигосударственных действиях руководителей Первомайского района»*

3 декабря 1941 г.

Сов. секретно

В половине октября в нашем районе чувствовался ряд таких фактов, о которых говорил т. Козырьков. Примерно 14 октября окружающие нас районы – Раненбургский и Н[ово]-Деревенский, районы, которые охватывают наш район по существу с трех сторон, эвакуировались, выгнали скот, люди эвакуировались, трактора, зерно отгрузили. Это отразилось на нашем районе. В Бологовском** с/совете Рязанской области в колхозе «Красный пахарь» колхозники растащили хлеб со скирдов, снопы, и это перекинулось к нам.

Я вместе с нач. НКВД выехал, собрали колхозников, провели собрания, остановили это дело, но это все же отражалось. Пошли через наш район гурты скота – хлеб, который не был докошен, его скот стоптал, потравил, ставили охрану, это ничего не помогло.

Я только хочу несколько уточнить цифру, о которой говорил т. Козырьков, что у нас ряд районных работников разъехались. [...]***.

Я хочу сказать, что трусости и паникерства с нашей стороны не было, что мы плохо работали по уборке и хлебопоставкам – это правильно, имея 43 % хлебопоставок, это для нас позорно. Мы сейчас имеем еще около 40 % необмолоченного хлеба.

Реплика с места (т. Козырьков): Растаскивается?

Были такие случаи, мы 4 человека посадили. В одном колхозе по снопу проса взяли женщины, когда шли с работы, это в одной бригаде в колхозе

«Путь к социализму». Это дело мы устранили на второй же день. Случай хищения 70 пуд. в колхозе «На страже революции» вскрыл не ревизор, а уполномоченный райкома партии. Это мы обнародовали по всему району, и сейчас это прекратилось.

Мы за время войны в октябре и ноябре месяцах делали большой нажим на отдельных руководителей колхозов и Советов: одного секретаря парторганизации сняли с работы, исключили из партии за срыв хлебопоставок; одного пред. колхоза сняли с работы и отдали под суд; уполномоченного райкома исключили из партии.

Решение обкома партии и облисполкома мы обсудили на всех заседаниях правлений и общих собраниях колхозников. Это дало очень много. Сейчас в ряде колхозов колхозники уже заканчивают молотьбу, более 15 колхозов заканчивают молотьбу, к 11 декабря у нас останется необмолоченный хлеб в 10-15 колхозах, в основном мы обмолотим. Сейчас 10 колхозов полностью выполнили поставку зерна, 12 колхозов близки к выполнению. Однако есть и такие колхозы, которые не выполняют. В чем здесь причина? Причина в том, что мы никак не могли организовать молотьбу. Тов. Логинов мне правильное замечание сделал по телефону, что надо было еще до войны позаботиться о кадрах. Мы провели краткосрочные курсы девушек, проучили полтора-два месяца. Комбайнеры ушли в армию, и сейчас эти девушки не осваивают как следует тракторы и комбайны, и некому добиться результатов в молотьбе. Был такой случай: приезжаю в колхоз «Верный путь», комбайн стоит собранный, а около него стоит девушка и плачет, никак не может завести, я завел, а дальше, что делать, тоже не знаю. Это усложняет нам, что мы вовремя не подготовили кадры, причем не оставили механика в МТС. Таким образом, более 15 колхозов молотят вручную (по колхозу «КИМ» и друг.).

В том отношении, что мы собрались эвакуироваться и даже ходим рогожи собираем. Был такой случай: по указанию т. Пашкина надо было отправить шерсть и овчины, собранные для Красной Армии, в Рассказово. Секретарь по кадрам, он же председатель комиссии, пошел в контору Союзабака и отобрал там ряд рогож, чтобы паковать шерсть и овчины, однако, сказали, что эти рогожи берут для эвакуации.

В отношении спирта. Спирт и сейчас находится у нас. Получилось это так: цистерна течет, одна треть цистерн вытекла, если ждать еще час-два, то вся утечет, причем рядом стоит эшелон красноармейцев, и стали котелками растаскивать спирт. Что было делать? Слили его. Правда, разбазарили литров 50, в одном сельсовете разбазарил продавец. В центре с бочки взяли литров 20, но спирт и сейчас стоит, никто его не разбазаривал, кроме как литров 50-70.

Древесный спирт растащили на станции Зимары, но проходил он через нас. Смертных случаев у нас было четыре, остальные – красноармейцы, которые пили там и умерли, это верно, таких было всего 18 случаев. Этот спирт мы не брали.

В отношении мяса и мануфактуры. Здесь была ошибка большая. Надо сказать бюро обкома партии – ошибка была в том, что нас ввел в заблуждение нач. Мичуринского отделения жел. дороги, он слал нам телеграмму за телеграммой «Немедленно разгружайте для реализации». Мануфактуру и спирт никто из районных работников не брали.

Реплика с места (т. Козырьков): Взял редактор районной газеты Шарапов и его заместитель.

Это по вине продавца 70 литров разбазарили, а остальной спирт в целости. У нас там стоит воинская часть, и вчера ночью вызывают пред. райпотребсоюза. Он ко мне приходил, и я сказал, что без разрешения облисполкома никому не отдавать спирт. Тогда вызывают пред. райпотребсоюза ночью и говорят: «Давай резолюцию, чтобы спирт выдали, а то посадим». Когда он отказал, говорят: «Давайте Ваши документы, давайте партбилет». Причем говорят: «Не отдашь – расстреляем».

Реплика с места (т. Митряшов): Кто так говорил?

Начальник особого отдела. Спирт без нас теперь возьмут, поскольку пред. райпотребсоюза разрешил, он мне признался в этом, когда ехал сюда. Был и такой случай, пришли и говорят: «Очищайте райком партии». Я сюда звонил несколько раз. Был и такой случай еще в колхозе «Пробуждение»: колхоз засыпал семена, но проходящая часть сшибла замок и ссыпали все семена. Я говорил об этом комиссару, он говорит: «Мы привлечем к ответственности».

Реплика с места (т. Логинов): Задержали этих людей?

Нет, не задержали. [...]****.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 1962. Л. 13 об.-14 об. Стенограмма.

* Заседание бюро Тамбовского обкома ВКП(б) состоялось 3 декабря 1941 г. (протокол № 180 от 1-6 декабря 1941 г.).

** Так в документе. Правильно – Благовском.

*** Опущена информация о неподтверждении фактов выезда отдельных руководящих работников за пределы района.

**** То же о фактах и обстоятельствах расхищения промышленных и продовольственных товаров в районе.

№ 631

Из выступления второго секретаря Тамбовского обкома ВКП(б) Н.С. Пашкина на заседании бюро обкома ВКП(б) при обсуждении вопроса «Об антигосударственных действиях руководителей Первомайского района»*

3 декабря 1941 г.
Сов. секретно

[...]**. Несколько странно поведение руководителей Первомайского района, которые никак не хотят признать, что у них есть плохого. Что в

районе существует трусость и паника – это факт, и это установлено мною при посещении района 30 ноября и 1 декабря.

Чем можно доказать, что в районе создана паника и трусость среди руководителей района? Во-первых, они созданы тем, что все работы в районе свернуты, и телеграмма ЦК партии и Совнаркома, и решение обкома партии о хлебосдаче районом не выполняются. Обком партии в соответствии с телеграммой ЦК партии и Совнаркома обязал райком послать районный актив в сельсоветы для организации молотьбы и сдачи хлебопоставок без права выезда этих товарищей из сельсоветов без разрешения райкома партии. Как выполнил Первомайский район это решение? Вместо того чтобы на основе этого решения усилить хлебопоставки, т. Алешин, почувствовав приближение фронта, весь актив из сельсоветов и колхозов отозвал и перевел актив на казарменное положение, и к моему приезду весь актив, за исключением нач. РО НКВД т. Зайцева и самого т. Алешина, находился на казарменном положении, т.е. они находились в казармах с 6 час. вечера и до 7 часов утра, причем собрано свыше 50 человек. Конечно, у них никакого оружия нет, и этот актив будет просто поставлен под удар, если случится какая-либо неожиданность – ворвись в район 5-6 мотоциклистов и они могут перерезать весь актив.

Тов. Алехин говорит, что весь актив работает, выезжает в сельсоветы. Когда же выезжать? Освободятся в 7 час. утра, ночь спят на стульях, там надо покушать и бежать в сельсовет за 30-40 километров, а к 6 час. утра вернуться. Это никакой рысак не выдержит. Вот в таком положении у т. Алешина актив. И т. Алешин еще говорит, что у него нет трусости, нет паники. Чем же вызван перевод актива на казарменное положение, как не трусостью и не паникой? Тов. Алешин, только этим можно объяснить.

Реплика с места: М[ожет] б[ыть], директива у него была?

Никакой директивы у него не было, и ни с кем из членов бюро он не советовался, а это его отсебятина. [...]***.

Кроме того, надо сказать, когда я был у т. Алешина в районе, я встретил его в исключительно нервном состоянии, причем характерный факт, который еще раз подтвердит о трусости и панике, которые зародились у т. Алешина. Он дал указание, чтобы с 6 часов вечера райком партии закрывать на замок и никого в райком партии не пускать. Я приехал в райком в половине восьмого вечера, вызываю дежурного, стучусь в дверь, прошу впустить меня в райком, спрашивают: «Кто?». Говорю: «Из обкома партии». «Не можем, – говорят, – пустить. Не откроем». Пришлось идти и по телефону разыскивать т. Алешина, чтобы мне открыли в райкоме дверь. Это говорит о том, что он перетрусил до того, что лишил членов партии возможности зайти в райком партии после 6 часов вечера, да и не только членов партии, но и колхозников, а время-то военное, может быть, нарочный с каким-либо экстренным делом. Когда я решительным образом обрушился на т. Алешина за такой «порядок», он говорит: «Ничего подобного. Если бы я не сделал этого, Вы ругали бы меня за беспечность, что я беспечный человек». Это трусость, невероятная трусость.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 1962. Л. 17, 18 об., 19. Стенограмма.

* Из протокола № 180 заседания бюро Тамбовского обкома ВКП(б) от 1-6 декабря 1941 г.

** Опущена информация о низком темпе уборки урожая, а также о нарушениях правил торговли промышленными товарами и продуктами питания в районе в военное время.

*** То же о негативной реакции М.Т. Алешина на критику со стороны обкома ВКП(б).

№ 632

Письмо первого секретаря Тамбовского обкома ВКП(б) Н.А. Логинова секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову об отмене отчислений из заработной платы рабочих, служащих и ИТР в фонд обороны

15 февраля 1942 г.

Секретно

За последнее время намного увеличились всякого рода удержания и взносы из заработной платы рабочих, служащих и инженерно-технических работников. Эти систематические удержания составляют чуть ли не 50 % зарплаты, а если прибавить к этому еще и периодические отчисления, как-то на приобретение подарков для фронта, оказание помощи пострадавшим от оккупации гражданам Орловской области, проведение воскресников и т.д. и т.п., то общий размер отчислений еще более увеличится.

Мне кажется, товарищ Маленков, при учете исключительной дороговизны на рынке и большого недостатка продуктов в государственной и кооперативной торговой сети следовал бы такой вид удержаний из зарплаты, как «фонд обороны», отменить, имея в виду, что с января м-ца введен военный налог, который, по-моему, и является собственно фондом обороны.

Прошу по затронутому вопросу мне ответить.*

Секретарь обкома ВКП(б) Логинов

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2670. Л. 28. Отпуск.

* Ответа Г.М. Маленкова на письмо Н.А. Логинова в деле не имеется.

№ 633

Из доклада первого секретаря Тамбовского обкома ВЛКСМ В.М. Семичевой на 4-м пленуме обкома ВЛКСМ при обсуждении вопроса «Забота о нуждах трудящихся и задачи комсомольских организаций»

3 марта 1942 г.

[...]*. Уменьшилось по области количество мастерских по ремонту обуви, одежды и домашних вещей. Меньше стало парикмахерских, мастерских по окраске и очистке платья. Только по городу Тамбову во

втором полугодии 1941 года закрыли 11 мастерских, которые были открыты до войны, а в целом по области закрыто 106 мастерских.

Все эти факты еще раз свидетельствуют о несерьезном отношении руководителей местной промышленности и промкооперации к нуждам трудящихся.

Однако эти тревожные факты не вызвали тревогу у ГК и РК ВЛКСМ, политическое значение им не было придано. Мы, комсомольские руководители, не заметили, что на первый взгляд такие мелочи, как горшок, ложка, ухват и другие вещи создают настроения, излишние разговоры о нехватке предметов широкого потребления. Надо понять, что вопросы заботы о нуждах трудящихся – это политика.

Ведь дело дошло до того, что некоторые горе-руководители стали рассуждать так, что поскольку война и весь народ работает на войну, то некогда, да и незачем заниматься такими мелочами, как изготовление горшков, сковород, ухватов, делать веники, лопаты, мыло варить. Зачем теперь красить, чинить и чистить одежду и платье, ремонтировать обувь, надо перестраиваться на выпуск оборонной продукции. Надо жить скромнее теперь: реже мыться в бане и бриться, ходить рваными, грязными, вместо ложек есть прямо из тарелок, не замечать полы в помещении. А на деле получалось, что и оборонные заказы у таких, с появления сказать,** руководителей, выполнялись плохо, и товары ширпотреба не выпускались.

Было бы глупо думать, что военная обстановка оправдывает отказ от обслуживания бытовых нужд населения, что это дело можно отложить до более свободного времени. Такие рассуждения вредны, они изобличают людей в малоинициативности, инертности, бездеятельности. Наоборот, военные условия и неизбежные войной ограничения требуют, чтобы все предприятия, занятые обслуживанием бытовых нужд населения, работали четко, по-военному. Однако многих работников горкомов и райкомов комсомола не волнуют упреки трудящихся на то, что одежду и обувь починить негде, что невозможно найти такую мелочь, как примусная иголка, мочалка, кусок мыла, кочерга, горшок, что за веник приходится платить втридорога***, что, наконец, выпускаемые изделия ширпотреба очень низкого качества. Плохое бытовое обслуживание вызывает недовольство со стороны многих домашних хозяек, причем эти настроения через письма передаются бойцам на фронт. [...]*

ЦДНИТО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 555. Л. 13, 14. Стенограмма.

* Опущена информация о самоотверженном труде комсомольцев и молодежи на промышленных предприятиях и в сельском хозяйстве, а также о работе комсомольских организаций по реализации постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 9 января 1941 г. «Об увеличении производства товаров ширпотреба и продовольствия из местного сырья».

** Так в документе. Следует читать – с позволения сказать.

*** Слово *втридорога* вписано чернилами.

Выступление первого секретаря Пичаевского райкома ВЛКСМ Т.С. Нестеровой на 4-м пленуме обкома ВЛКСМ при обсуждении вопроса «Забота о нуждах трудящихся и задачи комсомольских организаций»

3 марта 1942 г.

Вторым вопросом на пленуме обкома комсомола в присутствии секретарей и помполитов по комсомолу поставлен сегодня вопрос – «Забота о нуждах трудящихся». Это очень большой вопрос и он действительно требует большого обсуждения.

В своем докладе т. Семичева сказала о «Зеленом шуме» – Пичаевском ресторане. Правда, если посмотреть на вывеску, вывеска такая огромная, где написано крупным шрифтом «ресторан» и затем очень мелко через тире «столовая». Вот я коротко хочу остановиться и дополнить доклад т. Семичевой об этом ресторане.

Что из себя представляет это помещение? Помещение очень большое, должно быть уютным, чистым, но вы там увидите другое. Взять, например, портреты наших вождей. Если бы посмотрели на портреты наши руководители партии и правительства, то они были бы огорчены. На этих портретах примерно на одну четверть намерз лед. Правда, мы предложили снять портреты, потому что так относиться к портретам наших вождей и руководителей партии и правительства никто не имеет права. Чем это вызвано? Это вызвано тем, что помещение абсолютно не топится, и когда подают обед, все превращается в пар, и вы не можете увидеть рядом стоящих товарищей. В помещении очень грязно.

Реплика с места: А местные работники обедают в этой столовой?

Я Вам скажу позже. Что же представляют из себя обслуживание и питание? На первое подают суп-рассольник. Что из себя представляет этот суп-рассольник? Огурцы и маленькая доля какой-то части картофеля. В какой части – даже трудно объяснить, потому что картофель расплывается. Говорят, в РПС нет соли, и решили побольше класть огурцов, а соли совсем не надо. Второе когда бывает, когда нет, в каких случаях – сейчас трудно сделать определение, когда бывает второе блюдо. Оно представляет из себя мерзлый картофель плюс к тому без масла, и подают огурец или половину огурца. Вот это содержание обеда. А в большинстве подают суп-рассольник, и то он подается без хлеба.

Спрашивается, почему в районе так плохо с питанием в столовой? Материально, действительно, подорван район во время отечественной войны? Ничего подобного. Картофель есть, мясо есть, лук есть. Я сама видела – на рынке продают. Все необходимое, чтобы приготовить вкусный и хороший обед, конечно, есть. Об этом говорить даже не следует. Но почему все это так готовится? А готовится с той целью, чтобы легче было приготовить, никаких затруднений, никаких излишних хлопот. Когда говоришь с работниками столовой, они говорят: «У нас ничего нет». Когда говоришь с зав. столовой, он говорит: «Война». Некий Кондрашин (пред.

сельпо) говорит: «Война, ничего не сделаешь, сделать ничего нельзя, мяса нет». Когда говоришь ему: «Почему мяса нет, я видела, привезли мясо», то он заявляет: «Сегодня мы решили не готовить мясное, а завтра приготовим».

Реплика с места (т. Плакхин): А нельзя ли вышибить такого зав. столовой и пред. сельпо?

Я сейчас скажу. Дальше подают ложки. Я очень жалею, что не взяла одну из этих ложек, чтобы показать, на что только они похожи. На рынке же продают хорошие ложки. Спрашивается, почему райпотребсоюз не занимается этим вопросом? Опять причиной является война, они так и говорят: «Военное положение, исправить мы не в состоянии».

Когда мы говорим и спрашиваем, какие причины такой плохой работы, то т. Кондрашин заявил: «Может быть, этим вопросом не занимались». Ставили вопрос по-серьезному, начали говорить в райкоме партии. Тов. Кондрашин, видно, выпил мало в этот день и решил подойти ко мне и говорит: «т. Нестерова, ты не ругайся с нами, мы народ хороший, знаете, у нас в фонде обороны есть ветчина, давайте так сделаем: Вам килограммчик и нам килограммчик». Конечно, товарищи, реплика как будто бы и неуместная, но я не согласилась на эту сделку. Я была способна на резкость, но не на такую глупость. Я сказала т. Кондрашину, что если он еще раз будет мне говорить такие вещи, то ему придется отвечать за это там, где следует. Другого положения быть не может. С тем, чтобы молчал народ, не говорил о тех безобразиях, которые творят работники райпотребсоюза – эти пьяницы, алкоголики, да их и назвать по-другому нельзя, – они решили, а не пойдет ли на какую сделку и секретарь райкома комсомола.

Дальше. Стоит бочонок вина. Зачем оно? А для того, чтобы отправить его вместе с подарками бойцам на фронт. Они половину из бочонка отправили, а половину оставили себе, и все, кому не лень, приходят, открывают кладовую и начинают распивать вино. Нет ни одного работника райпотребсоюза, который бы действительно выглядел и разговаривал, как здоровый человек. Нет, они непременно выпившие. Люди заботятся только о себе, а не о населении.

То же можно сказать и о заботе об эвакуированном населении. Со стороны работников райпотребсоюза никакой заботы не проявляется о нуждах эвакуированных. Комсомольцы же Пичаевского района ничего почти не сделали, чтобы устранить эти беспорядки. Нужно определенно было выгнать несколько человек из торговых организаций, и это было бы хорошо.

Реплика с места (т. Плакхин): Надо обязательно выбить таких работников из торгующих организаций. Вопрос о них будет стоять в райкоме партии.

Реплика с места (т. Пашкин): А никого еще не отдали под суд?

Нет еще. В отношении детдома, в отношении заботы о детях. Вы все прекрасно знаете, что о детях заботится вся страна, заботится партия, заботится лично товарищ Сталин, о них беспокоятся все. Как нам не заботиться о детях, которые в будущем нам должны дать очень многое, а у нас о них не заботятся. В Канищевском детдоме кормили детей несколько

дней пересеченной рожью (сечкой). Плюс к тому, в райпотребсоюзе есть на базаре соль, а детдом ее не получал, и в течение 7 дней воспитанники детдома ели несоленую пищу. А это очень тяжело. Во всяком случае, райпотребсоюз мог бы своевременно обеспечить детдом солью. В райпотребсоюзе все есть – и песок, и мука пшеничная, все есть. Но детям ничего не отпускают.

О работе пекарен. То количество, которое предназначено для нужд населения, оно выпекается, но этот хлеб используется неправильно. Часто бывают перебои в хлебе из-за неповоротливости торговых организаций. Качество выпечки хлеба – плохое (хлеб сырой, несоленый). В помещениях пекарен грязно. Руки вытирают о грязные полотенца, нет мыла. И все эти безобразия не беспокоят ни председателя райпотребсоюза, ни председателя сельпо.

ЦДНТО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 553. Л. 125-129. Стенограмма.

№ 635

Из выступления первого секретаря Моршанского горкома ВЛКСМ А.Т. Скачковой на 4-м пленуме обкома ВЛКСМ при обсуждении вопроса «Забота о нуждах трудящихся и задачи комсомольских организаций»

3 марта 1942 г.

Товарищи, мы все с вами изучали политэкономиию и когда изучали политэкономиию, то невольно надо было обращаться к трудам Маркса. У Маркса есть выражение, что общественное бытие определяет общественное сознание. Это определение не потеряло своего значения и теперь в наше время, тем более в период отечественной войны. Поэтому не случайно наша партия Ленина-Сталина придает чрезвычайно серьезное значение делу материального обеспечения трудящихся. Совершенно не случайно мы читаем в передовых статьях газеты «Правда», которые очень ярко ставят задачи перед нами, комсомольскими и партийными работниками, как по-большевистски, по-партийному надо заботиться о нуждах трудящихся. Не случайно обком партии специально принял по этому вопросу решение.

Надо прямо сказать, что обком партии очень серьезно требует от нас, местных работников, коренного улучшения в работе местной промышленности по обеспечению нужд трудящихся. Мне приходилось читать решения ЦК партии по Златоустовскому горкому партии.¹⁶ И надо прямо сказать, что ЦК партии очень серьезный сделал вывод по этому горкому партии. Поэтому вопрос обеспечения трудящихся – есть дело государственное, первостепенной государственной важности.

Наша городская комсомольская организация еще не справилась с теми задачами, которые стоят перед нами. Все эти недостатки, которые отмечала в докладе тов. Семичева, они целиком относятся к Моршанской

комсомольской организации, так как у нас кооперации плохо работают, артель не выполнила план, на рынке взвинчены цены. Но мне кажется, не наша сейчас задача только отмечать эти недостатки на пленуме, ведь за меня эти недостатки устранять никто не пойдет, поэтому нам нужно решить там, на месте, эти вопросы.

Я должна буду сказать, что учиться, как работать, у нас есть у кого. Нужно сказать, что ни один вопрос не проходил мимо горкома партии. Что сделал горком комсомола? Много чего не сделал. Мы с этим делом справились безобразно плохо, неудовлетворительно, но, однако, кое-чего сделали. У нас в городе Моршанске есть детдома, мы имеем больше 30 человек детей, у которых фашисты замучили родителей, и эти дети нами сняты с санитарного поезда. Мы решили этим детям найти родителей. Нашу инициативу крепко поддержал горком партии. Мы собрали председателей уличных комитетов, которые нам называли родителей, которые могут взять на воспитание детей.

Мы направились на квартиры этих родителей, где прочитали обращение матерей города Москвы, рассказали, как у нас живут в детдомах. Я выехала из Моршанска 28-[го] числа, и до 28-[го] числа у нас взяли 5 человек детей.

Я расскажу один факт об этом. Пришли в детдом с женщиной, которая воспитала 11 детей, фамилия ее тов. Каплунова К.Н. Она пальто с себя не сняла, осталась в прихожей. Я говорю: «Мы пришли взять на воспитание ребенка». Тогда директор этого дома кричит одному мальчику: «Коля, иди, пришла мама». Он бросился к ней и говорит: «Мама, мама, а мне сказали, тебя убили». «Нет, – говорит она, – меня не убили». «А как же третья бомба упала, я говорю, тебе больно, а бомба упала на живот». «Потом, – говорит, – тебя положили на койку, потом взяли с койки и унесли, а бабушка, которая была, бегала все от тебя то в дом, то к тебе, то опять в дом. Я и не помню, как ты сумела выздороветь. Мама, мы больше не поедем туда, там фашисты все разгромили, даже мельницу, около которой я катался, и ту фашисты разбили». Около этого дома есть мельница, и вот он посмотрел в окно и говорит: «Мама, мельница наша выросла».

Он является настоящим агитатором, он видел этих мерзавцев, он видел, как на его глазах убили его мать, он видел, как на его глазах убили его бабушку. Вот у этого ребенка теперь уже выработалось замечательное чувство благодарности к своим новым родителям.

Взяла она мальчика, причем пришла выбирать девочку, но пришлось взять мальчика, мы не могли огорчить чувство этого ребенка. Причем у этой женщины 6 сыновей, 5 из них сражаются на фронте, и 6-й пошел в военную школу.

Через несколько дней я зашла посмотреть, как мальчик себя чувствует. При этом наблюдала такую картину: эта Ксения Николаевна легла на диван, мальчик сейчас же подбегает к ней и говорит: «Мама, тебе плохо, у тебя раны болят?». До этого он резвился, а тут подошел к ней и сидел до тех пор, пока она не встала с дивана.

Разве мы, комсомольские работники, можем равнодушно относиться к этим детям? Это будет преступлением. И вот, когда я пришла к себе и рассказала своему народу обо всем, то мы решили всем этим 30 детям найти матерей, как бы это ни было трудно. Нас горком ВКП(б) поддержал. Это решение будет обсуждаться на партийных и рабочих собраниях, и мне кажется, успех будет, этим детям мы найдем матерей. Мы обязаны сделать, нас воспитала партия, нас воспитал комсомол, и мы с вами выросли, возмужали и уже выступать умеем, и наша обязанность – воспитать этих детей.

Второй вопрос, на котором я хотела остановиться, это на вопросе удовлетворения нужд трудящихся. Мне кажется, мы с вами, молодежь, недопонимаем одного, я вот думаю так: ну, нет соли, чем я лучше других, у других нет и у меня нет.

Не знаю, как у вас в районе, но у нас есть вот такие случаи: есть у нас одна знаменитая баня и приходится в эту баню ходить. И вот, когда народ стоит в очереди, и в бане не хватает воды, то отсталые элементы (а они у нас еще есть), так вот, эти отсталые элементы ругают не директора бани, а они ругают Советскую власть. И мы, комсомольские работники, не можем безучастно подходить к этому и молча позволять некоторым отсталым людям контрреволюцию разводить. Она придет, не хочет постоять один-два часа в очереди и уже начинает говорить: «Вот, дожили в очереди стоять». А спрашивается, кто это дожили? Вы думаете, что эти люди очень заняты? Ничего подобного. Она около магазина постоит, куму встретит, поболтает с ней, посидит дома, пойдет в баню.

Я хочу подчеркнуть еще раз, что нам райком партии помогает и очень крепко, в частности, первый секретарь тов. Майоров, чтобы изжить подобные факты. Он вызвал банщика, зав. комхозом и так напарил, что с них пот ключом полился. Он от них потребовал, чтобы они, вставая, спросили себя, на кого они работают. Если вы работаете на народ, то уважайте его, любите, а если нет – то вам найдется и другое место. Горком партии сумел добиться того, что баня приобрела другой вид. Нельзя сказать, чтобы все непорядки были устранены, но все же стало гораздо лучше.

У нас наехало много людей. Ведь раньше, если выйдешь на один конец Моршанска, то другой увидишь, то теперь у нас стало многолюдно, трудно по улицам даже идти, вообще стало труднее справляться с запросами трудящихся. Если раньше у нас баня работала два раза в шестидневку, то теперь она работает круглые сутки, круглую неделю. Мы разрядили очереди в бане, а отдельным отстающим элементам, которые любили болтать, прищемили языки.

И последний вопрос – наша помощь семьям мобилизованных. Всем нам хорошо понятно, у каждого из нас кто-нибудь есть на фронте: или отец, брат, сын. И как бывает неприятно и тяжело, когда чувствуешь, что твой отец или брат сражаются на фронте, не щадя своей жизни, идут на разгром и полное уничтожение врага, а мы здесь, в тылу, не можем создать условий семьям мобилизованных. Мы обследовали тысячу семей мобилизованных.

Есть тут и вина комсомола, что мы отдельные семьи упустили из поля зрения. Так, в семье Соловьева муж на фронте, двое ребят учатся, мать больная, пенсионерка. И несколько дней они не топили помещение, не было дров, и совершенно правильно она нам заявила, что «Мой муж на фронте защищает Родину, а, следовательно, и нас здесь. Вы обязаны обеспечить семью дровами». Миллион раз она права. Но мы исправили свою ошибку, мы завезли ей два кубометра дров, сами распилили, накололи ей и даже затопили печь. После этого женщина пришла к нам в райком и говорит: «Спасибо вам, теперь у меня тепло, варится обед, и если нужно будет, я сама пойду на фронт». И когда она провожала на фронт сына, она не проронила ни слезинки.

Нам надо под руководством партии отзываться быстрее на нужды трудящихся, помогать партии в устранении тех недостатков, которые имеются у нас на месте. [...]*

ЦДНИТО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 553. Л. 145-150. Стенограмма.

* Опущена информация о недостаточном руководстве Тамбовским обкомом ВЛКСМ работой городских и районных комсомольских организаций.

№ 636

Докладная записка облпрокурора Д.Д. Савельева в обком ВКП(б) о привлечении к уголовной ответственности рабочих и служащих оборонных предприятий за самовольный уход с работы

26 марта 1942 г.
Секретно

Проверкой, произведенной прокуратурой Тамбовской области заводов № 204, «Комсомолец» и им. Ленина (г. Мичуринск) по вопросу выполнения указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», установлено следующее:

Завод № 204

Нарушение Указа от 26/ХІІ-41 г. имело место лишь в двух случаях.

27 января 1942 года на завод прибыла группа молодых рабочих, только что окончивших Тамбовскую школу ФЗО. С этой группы молодых рабочих самовольно оставили работу 2 человека, а именно:

1. Судаков Владимир Ефимович, 1925 года рождения, на работу совершенно не вышел. Материал передан администрацией завода прокурору только 21/ІІ-42 года. Ревтрибуналом Судаков В.Е. приговорен к 8 годам тюремного заключения.

2. Татаринцев Василий Григорьевич, 1925 года рождения, беспартийный, на работу приступил 10/ІІ-42 г., работу самовольно оставил

13/II-42 года. Материал для привлечения Татаринцева к судебной ответственности администрацией завода передан только 6/III-42 года. В тот же день прокурором гор. Котовска вынесено постановление о предании Татаринцева суду. В настоящее время дело находится на рассмотрении в ревтрибунале.

Случаев укрытия от судебной ответственности лиц за самовольный уход (дезертирство) проверкой не выявлено.

Количество нарушений Указа от 26/VI-1940 г. (прогулов и самовольных уходов) за период военного времени видно из следующих данных:

Июнь	4	Сентябрь	78
Июль	42	Октябрь	92
Август	48	Ноябрь	101
		Декабрь	сведений нет

Из 264 случаев нарушений было совершено: прогулов – 203, самовольного ухода с работы – 61; из них мужчин – 202, женщин – 62; рабочих – 223, служащих – 7, членов и кандидатов ВКП(б) – 6, членов ВЛКСМ – 28.

Нарушения указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года и 26 декабря 1941 года за январь и февраль месяцы 1942 года характеризуются следующими данными:

	Всего мужчин		Всего женщин		Мужчины						Женщины		Сроки оформ[ления] о напр[авлении] в суд[ебный] орган	
	самовол[ьный] уход	прогул	самовол[ьный] уход	прогул	до 1900 г. рожд.		с 1901 до 1910		с 1911 и моложе		с 1911 и моложе		до 3 дней	свыше 3 дней
					самовольн[ый] уход	прогул	самов[ольный] уход	прогул	самов[ольный] уход	прогул	самов[ольный] уход	прогул		
Январь	1	9	-	10	-	6	-	6	1	16	-	11	21	19
Февраль	1	37	-	12	-	5	-	5	1	27	-	12	30	20

Завод «Комсомолец»

Всего по заводу со дня издания Указа от 26/XII-41 года имело место 3 случая самовольного оставления работы, а именно:

1. Электросварщик Пятышев Андрей Степанович, 1911 года рождения, беспартийный, ранее судимый по Указу от 26 июня 1940 года к 4 месяцам тюремного заключения, 1 марта 1942 года самовольно оставил работу и скрылся неизвестно куда.

12/III-42 года материал был направлен директором завода военному прокурору гарнизона, который 13/III-42 года вынес постановление о предании суду Пятышева. 14 марта с.г. ревтрибуналом дело рассмотрено, и гражданин Пятышев А.С. приговорен к 8 годам тюремного заключения.

2. Павлов Анатолий Михайлович, 1911 года рождения, беспартийный, слесарь механического сборочного цеха, 27/I-1942 года самовольно оставил работу. До этого гражданин Павлов согласно постановления облисполкома был отправлен на работу по изготовлению противотанковых оборонительных рубежей сроком с 15/XII-41 г. по 15/I-42 года. 14 января с.г. Павлов с оборонительного объекта ушел и не являлся на работу в завод до 26/I-42 года. 26 и 27 января Павлов проработал только до обеденного перерыва и после самовольно оставил работу в заводе.

Материал направлен директором завода 2/II-42 года, в суточный срок прокурором Павлов был предан суду, ревтрибунал приговорил Павлова А.М. к 6 годам тюремного заключения.

3. Панферов Георгий Григорьевич, токарь, 1925 года рождения, 28/I-42 г. самовольно оставил работу. Материал директором завода направлен прокурору 9/II-42 года. Военным прокурором Тамбовского гарнизона дело прекращено по мотивам, что Панферов страдает малокровием, работать в данный момент не может и нуждается в лечении.

Количество нарушений Указа от 26/VI-40 года и их характер видны из следующих данных*:

[illegible]

	4	1	2	1	-	-	-	4	-	-
--	---	---	---	---	---	---	---	---	---	---

При проверке выполнения Указа от 26 июня обнаружены следующие нарушения:

Токарь Горбунов не выполнил распоряжения администрации и не вышел на работу 4/I-42 года в выходной день для выполнения срочной работы. Директор завода ограничился наложением на рабочего Горбунова дисциплинарного взыскания. Прокурором данный приказ директора опротестован.

Выявлен ряд случаев несвоевременного направления материала в суд для привлечения прогульщиков и дезертиров к судебной ответственности. Так, например:

Медник Вознесенский с 23 октября 1941 года самовольно оставил работу в заводе, а приказ о предании суду издан директором только 2 января 1942 года.

Этим же приказом директора завода предан суду за прогул с 11/XII по 28/XII-41 года рабочий Корягин.

Работница Прокошина А.Н. 5/XII-40 года самовольно оставила работу. Суду же она была предана только 16/I-42 года.

Рабочий Мацалый в течение месяца с 31/XII-41 г. по 31/I-42 года не выходил без уважительных причин на работу. Директор завода издал приказ о привлечении Мацалого к ответственности только 6/II-42 года.

Подобных случаев имеется еще ряд.

Завод им. Ленина

Слесарь ремонтного цеха Антонов Ф.Р. 4 февраля 1942 г. самовольно оставил работу. Причиной этого явилось то, что Антонова временно нач. цеха перевел на работу в качестве молотобойца в связи с болезнью последнего. Антонов отказался выполнить распоряжение начальника цеха и самовольно оставил работу в заводе. Приговором военного трибунала Антонов осужден к 8 годам тюремного заключения.

Формовщица литейного цеха 7 февраля 1942 года самовольно ушла с работы. Причину самовольного ухода Попова объяснила тем, что она потеряла выданные ей хлебные карточки и не хотела работать до момента получения новых карточек.

За январь месяц по заводу имели место 25 случаев прогула, а за февраль месяц 14 случаев. Из 39 материалов, переданных суду на прогульщиков, 12 материалов переданы с нарушением установленного срока, к ним относятся:

21/I-42 года стерженщица литейного цеха Цветкова К.А. сделала прогул. Материал направлен в нарсуд только 29/I-1942 года.

С 27/I по 29/I-42 года токарь Сидоров не выходил на работу. Материал о нем направлен в суд только 8/II-42 года.

На основании результатов проверки необходимо сделать следующие выводы:

1. Директора этих предприятий не ведут решительной борьбы с нарушениями трудовой дисциплины, систематически на длительное время затягивают предание в судебно-прокурорские органы дезертиров и прогульщиков, тем самым нарушают постановление СНК СССР от 21/VIII-40 г. о направлении директором предприятия материалов на нарушителей Указа не позднее чем на следующий день после установления факта прогула или самовольного ухода.

2. Нарушающими трудовую дисциплину в основном являются молодые рабочие, в значительной степени только что окончившие школы ФЗО, что указывает на отсутствие среди них должной массово-воспитательной работы.

3. Наличие среди нарушителей комсомольцев и даже членов и кандидатов партии указывает, что партийно-комсомольские организации этих заводов значительно ослабили борьбу с нарушителями трудовой дисциплины.

В связи с изложенным прошу обсудить данный вопрос на заседании обкома ВКП(б), заслушать доклады директоров заводов № 204, «Комсомолец» и им. Ленина и принять меры к точному и неуклонному выполнению указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятия».

Прокурор области Савельев

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2699. Л. 14-18. Подлинник.

* Количество самовольных уходов со дня издания Указа от 26/XII-41 г. имеется 3 случая. Общее количество нарушений трудовой дисциплины составляет 46 случаев. (Примеч. док.).

№ 637

Постановление бюро Шапкинского райкома ВКП(б) «О пахоте на женщинах в колхозе «Процветающий труд» Кулябовского с/совета»*

27 апреля 1942 г.

Поручить члену РК ВКП(б) тов. Объедкову путем выезда на место проверить цели организации пахоты на женщинах и при подтверждении цели игнорирования советского законодательства на зачинщиков оформить материал для привлечения к ответственности.

ЦДНИТО. Ф. 188. Оп. 1. Д. 39. Л. 52. Подлинник.

* Из протокола № 6 заседания бюро Шапкинского райкома ВКП(б) от 27 апреля 1942 г.

№ 638

Из протокола совещания секретарей парторганизаций и руководителей предприятий г. Мичуринска об итогах работы предприятий города за первую половину июля 1942 г.

№ 14

21 июля 1942 г.

Сов. секретно

Присутствовало: 76 чел.

Повестка дня:

Об итогах работы предприятий города за первую половину июля месяца 1942 года.

С л у ш а л и:

Об итогах работы предприятий города в первой половине июля месяца 1942 года. (Докл[адчик] секретарь ГК ВКП(б) т. Иванов).

В ы с к а з а л и с ь:

[...]*. **Глухов**¹⁷ (спиртзавод): Во время налета вражеских самолетов коллектив завода в основном держался стойко, и все были на местах, но были отдельные моменты трусости, проявленные со стороны женщин, в частности, телефонистки.

Невыполнение производственного плана объясняется недостатком топлива и сырья. В вопросе противовоздушных мероприятий то, что сделано на заводе, является недостаточным, и сейчас принимаются меры к ликвидации всех ненормальностей.

Полилова (горком ВКП(б): Неправильное суждение т. Глухова, что только женщины проявляют трусость, это надо отнести исключительно за счет самих руководителей, которые не занимались с женщинами, вновь пришедшими на производство. На тех предприятиях, где с женщинами занимались, там женщины проявили стойкость и выдержку.

Дальше остановилась об ослаблении со стороны партийных организаций агитационно-массовой работы на бывших избирательных участках среди неорганизованного населения, а это привело к паническому настроению среди домохозяек, что можно было наблюдать во время бомбежек и особенно после (массовый уход из города).

Краснов (артель «Прогресс»): Правильно отметил докладчик, что ни один хозяйственник не обсудил вопрос среди рабочих о поведении коллектива во время налета вражеских самолетов, а это крайне необходимо, т.к. в это время выявились все ненормальности, которые в дальнейшем будут недопустимы.

Дальше остановился на выступлении директора хлебозавода об увольнении нарушителей вместо отдачи их под суд, а эти нарушители еще набираются смелости заявлять, что их неправильно уволили, и об этом хотят подавать в суд на директора.

Солопов (мясокомбинат): Правильно отметил докладчик, что работа на предприятиях после бомбежек ухудшилась, и нам надо серьезно заняться этим вопросом, развернуть массовую работу среди рабочих, которую за последнее время ослабили. Чем объяснить резкое падение производительности труда в первые дни после вражеских налетов – частично тем, что рабочие на ночь уходили в села, а утром, придя на работу, только и занимались разговорами о бомбежке и куда лучше уходить на ночь. Вот тут и нужна массовая работа. Разъяснить рабочим, как держать себя во время бомбежек, и задачи рабочих в сохранении социалистического имущества.

Половых (ст. Кочетовка): После налета вражеских самолетов у отдельных партийных руководителей наблюдается растерянность и ослабление партийно-массовой работы, особенно в паровозном депо Кочетовка. Ослаблена также и трудовая дисциплина и особенно в вагонном депо Кочетовка. Сейчас приняты меры к ликвидации этих ненормальностей, некоторых руководителей предупредили, что в дальнейшем не может быть терпимо такое положение, какое наблюдалось в первые дни после налета вражеских самолетов. [...]*

Бубнова (промкомбинат): Отметила, что женщины проявляют трусость там, где с ними не работают, а если с женщинами работать, то они проявляют стойкость и храбрость лучше другого мужчины. Нужно работать с рабочими и приучать ко всем трудностям и неожиданностям. Нужно принять все меры к тому, чтобы охранять предприятия как зеницу ока, а не беречь свое личное добро, что делают многие рабочие и руководители.

Потапов (секретарь горкома): Налеты вражеских самолетов вскрыли элементы благодушия и зазнайства на наших предприятиях со стороны руководителей, в результате чего мы находимся не в очень хорошем положении перед Родиной и партией, не выполняются производственные задания, фронтовые заказы и т.п.

Любовь к нашей Родине измеряется не словами и обещаниями, а лишь конкретной работой – это нужно уяснить каждому руководителю, как партийному, так и хозяйственному. Нужно сплотить рабочую массу. Некоторые руководители стояли в позе наблюдателя, куда пойдет фронт, и упустили выполнение производственных планов, ослабили массовую работу среди массы и в результате имеют то положение, о котором в своем докладе говорил тов. Иванов.

Секретари партийных организаций должны коренным образом изменить свое положение и дело поставить так, чтобы полностью выполнить приказ товарища Сталина в оказании помощи фронту.

Кроме этого необходимо всем руководителям строго себе уяснить о предстоящей помощи в уборке урожая, и со всей строгостью будем подходить к тем руководителям и коммунистам, которые этого себе не уяснят. [...]**.

*Секретарь Мичуринского
горкома ВКП(б) Потапов*

ЦДНИТО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 2886. Л. 25-27. Подлинник.

* Опущены выступления руководителей отдельных предприятий о ходе выполнения плановых показателей.

** То же постановление совещания об усилении агитационно-пропагандистской работы, организации социалистического соревнования, недопущении паники и трусости среди рабочих и служащих.

№ 639

Из выступления инспектора организационно-мобилизационного отдела штаба МВО Королева на совещании заведующих военными отделами райкомов ВКП(б) при обкоме ВКП(б) о борьбе с дезертирством

12 сентября 1942 г.

[...]*. Область объявлена на военном положении. Не исключена возможность притока дезертиров. Нужно усилить борьбу еще более в соответствии приказа 064¹⁸.

Я рекомендую в качестве хороших помощников в этой борьбе привлечь жен мобилизованных. Эти люди бесспорно, зная, что муж такой-то женщины занимается дезертирством, скажут об этом. Жены мобилизованных будут лучшим помощником, будут вашим активом в этом деле, и всякое чужое лицо будет выведено наружу этим активом.

Облвоенкомиссар говорил, что много поступило писем, в которых говорилось, что такой-то в армии не служит, при проверке это подтверждалось, и люди изымались. Так давайте возьмемся за этот источник помощи, давайте возьмемся за привлечение жен мобилизованных на борьбу с дезертирством. [...]**.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2512а. Л. 46. Стенограмма.

* Опущена критика работы отдельных райвоенкомов.

** То же военных отделов райкомов ВКП(б).

№ 640

Информация военного прокурора Тамбовского участка Ленинской железной дороги Бородина в обком ВКП(б) о результатах проверки причин самовольного ухода молодых рабочих с ТВРЗ*

10 октября 1942 г.

Произведенной прокуратурой проверкой по Тамбовскому вагонному заводу причин самовольного ухода молодых рабочих установлено следующее:

За время с 1 января по 1 октября 1942 года было принято на работу заводом 1061 человек до 30-летнего возраста, из них от управления трудовых

резервов и школ ФЗО и ремесленных училищ – 310 человек. За это же время самовольно ушло с производства 72 человека, из них молодых рабочих – 67 человек. В подавляющем большинстве самовольно оставили работу молодые рабочие, которые недавно окончили ФЗО и ремесленные училища и проживали в общежитиях завода.

Из 67 человек, дезертировавших из завода, 11 человек являлись комсомольцами. Их по специальности слесарей – 26 человек, токарей – 11, формовщиков – 11, других квалификаций – 12 чел., чернорабочих – 7. По стажу работы: до 2 лет – 3 чел., остальные до одного года. Из всех 67 человек никто за время работы не имел ни взысканий, ни поощрений. Получаемая зарплата до 200 руб. – 13 чел., до 300 руб. – 20 чел., до 400 руб. – 15 чел., до 500 руб. – 2 чел., до 600 руб. – 4 чел., до 700 руб. – 3 чел., до 800 и выше – 4 человека.**

Изучая причины самовольного ухода из завода молодых рабочих путем изучения данных рабочих, самовольно оставивших работу, через посредство бесед [с] руководителями, а также путем беседы с рабочими в цехах и общежитиях установлено, что основными причинами являются:

1. Плохие материально-бытовые условия молодых рабочих заключаются в следующем:

а) Молодые рабочие в своем большинстве получают один раз в день обед в столовой завода, ужинами и завтраками не обеспечиваются, качество обедов низкое.

б) Молодые рабочие размещены в бараках, которые к зимнему периоду еще не подготовлены, и в настоящее время подготовка таковых не производится.

Молодые рабочие в общежитиях плохо обеспечены мягким инвентарем, из проживающих в общежитиях 200 человек имеют одеяла 30 чел.

В комнате мальчиков на кроватях только имеются грязные матрацы, совершенно отсутствуют простыни, пододеяльники, одеяла, полотенца, подушки, тумбочки, табуретки и т.д.

В комнатах девочек отсутствуют одеяла, табуретки.

В общежитии отсутствует электросвет и нет керосиновых ламп, нет шашек, домино, газет (на все общежитие выписывается только 1 экземпляр газеты «Тамбовская правда»).

В общежитиях имеется одна только радиоточка.

На койках рабочих белье грязное, стирка белья организована плохо, отсутствует прачечная для стирки белья, а поэтому молодые рабочие не меняют белья по месяцу и больше, в результате чего имеется завшивленность. Среди рабочих в общежитиях массовым явлением распространена кража.

в) Заводоуправление рабочих не обеспечивает спец. одеждой, у рабочих собственной одежды недостаточно. Управление гос. трудовых резервов последний выпуск учащихся из школ ФЗО № 6 не обеспечило теплыми пиджаками.

Особенно плохо обстоит дело с зимней одеждой и обувью. При проверке в литейном цехе рабочая Ефимова работала босая.

2. Культурно-массовая и воспитательная работа

В общежитиях досуг молодых рабочих не организован, рабочие предоставлены сами себе. В общежитиях отсутствуют, как выше указано, шашки, домино, шахматы, музыкальные инструменты, не организованы кружки самодеятельности, лекции и доклады не проводятся, беседы проводятся редко, в результате чего в общежитиях имеются факты пьянства и хулиганства.

Несмотря на то, что имеется большой процент самовольного ухода молодых рабочих (в том числе 11 комсомольцев-дезертиров) из производства, комсомольский комитет завода ни разу не обсуждал этот вопрос и не мобилизовывал комсомольскую организацию на борьбу с дезертирством на заводе.

То же самое следует отнести к работе завкома, который не принял никаких мер к улучшению бытовых условий рабочим завода.

При прибытии рабочих из школ ФЗО дирекция завода не создает последним хороших производственных условий, не следит за их ростом, у рабочих отсутствует надлежащего качества инструмент, нет повседневной заботы об их бытовых, культурных и производственных нуждах.

Вывод

Все вышеизложенные причины привели к тому, что значительное количество молодых рабочих дезертировало из завода.

Прошу руководство завода уделить особое внимание на молодые кадры рабочих, работающих на заводе, создать им нормальные бытовые условия, снабдить спец. одеждой. При выполнении вышеуказанного рабочие не будут дезертировать из завода.

Обком ВКП(б) прошу обсудить вопрос на бюро обкома о состоянии трудовой дисциплины на Тамбовском ВРЗ.

Военный прокурор

*Тамбовского уч[аст]ка Лен[инской] жел. дор.
военюрист 3-го ранга Бородин*

Резолюция: т. Жаринову. Надо подготовить и провести при обкоме широкое совещание партийного, комсом[ольского], профсоюзного и хоз. актива заводов о работе с молодыми кадрами рабочих, обсудить как следует необходимые меры и на основе материалов совещания внести строго конкретный проект решения обкома к 25/Х. 14/Х. Волков.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 2699. Л. 49, 50. Подлинник.

* Информация направлена также в адрес руководства ТВРЗ и военного прокурора Ленинской железной дороги.

** При подсчете получается 61 человек (вместо 67).

№ 641

Докладная записка заведующей отделом пропаганды и агитации Избердеевского райкома ВКП(б) А.А. Старковой¹⁹ в сектор информации обкома ВКП(б) о политических настроениях колхозников

*Не ранее 25 октября 1942 г.**

На Ваше отношение о политических настроениях колхозников Избердеевский РК ВКП(б) сообщает следующее:

1. Огромное большинство населения нашего района живет здоровыми политическими настроениями. Вместе со всем советским народом, с героической Красной Армией стремится к одной цели – к разгрому фашистских полчищ. Наши колхозники живо и охотно откликаются на выполнение задач и лозунгов партии и правительства на быстрое окончание политхозкампаний.

Несмотря на то, что в нашем районе так же, как и во всей стране, на войну призваны лучшие кадры, взято лучшее тягло, не хватает сложных и простейших сельхозмашин, совершенно недостаточно горючего, несмотря на все это, политхозкампании в нынешнем году идут лучше прошлогоднего. На социалистических полях работали и работают пожилые старики, женщины, не отстают от них дети-учащиеся. На 20 октября наш район на 100 % справился с уборкой яровых и озимых хлебов, на 82,3 %** обмолотил хлеб, хлебопоставки выполнил на 50 %**, зябь вспахана на 26,5 %**. Особо хорошо в районе проходит сбор подарков героическим бойцам Красной Армии. На 25 октября в р-не собрано для подарков: 250 овец, 22 свиньи, 10 телят, 200 гусей, 4200 кур, 7 тысяч яиц, 15 килограмм масла, 65 килограмм меда, 1000 кил. махорки, 15 тонн картофеля, 800 теплых вещей и т.д.

Но в районе есть и другая группа людей (так называемые шептуны), замаскировано действующая среди отсталой части колхозного крестьянства. Они призывают отсталую часть крестьянства саботировать выполнение хлебопоставок, не выходить на молотьбу хлеба, рассуждают так: «Все обмолотим и вывезем, а сами что будем есть?».

В колхозе имени Ленина Петровского сельсовета большинство колхозников неплохо работают в производстве, ждут победы Красной Армии над ненавистными фашистскими ордами. Здесь женщины, жены фронтовиков, показывают пример трудового героизма. Вещева Вера Дмитриевна и Шурупова Ксения Григорьевна работают возчицами хлеба на элеватор. Ими вывезено 2 тысячи центнеров хлеба. Эти колхозницы и на колхозных собраниях ведут за собой колхозную массу. Вещева В.Д. на собрании, посвященном заключению договора предоктябрьского соцсоревнования, заявила: «Работать будем по-военному, мужья придут с фронта – спасибо нам скажут». Женщины-конюхи тт. Кораблины Елена, Евдокия и Пелагея здесь хорошо ухаживают за конем, довели колхозных лошадей до состояния средней упитанности.

Но в этом колхозе есть и профашистские элементы, это Пашенцев Иван Алексеевич 1-[й] (бывший пред. колхоза) и Пашенцев Иван Алексеевич 2-[й] (бывший завхоз) – они угрожают возчицам хлеба: «Возите, возите! Колхоз останется без хлеба – вам не поздоровится». Они же шепчут отсталым колхозникам: «Не ходите на работу. Хлеб всегда успеем обмолотить. В прошлом году молотили хлеб весь год, и ничего не случилось».

В колхозе «Большевик» Семеновского сельсовета агитаторы Разумцева (кандидат ВКП(б), Иволина (член комсомола) правдивым большевистским словом поддерживают политически здоровые настроения колхозников. Часто на колхозных собраниях они читают колхозникам патриотические письма фронтовиков, бывших членов этого колхоза. Так, комсомолец Ермошин В.А. (в прошлом энергичный работник колхоза, а ныне защитник Сталинграда) пишет с фронта к колхозникам, просит их работать для победы, не покладая рук, заверяет земляков: «Я лучше умру, а от Сталинграда не отступлю». Девушки-комсомолки Петрунина Клавдия и Короткова Маруся прислали с фронта хорошее письмо своим подругам-колхозницам. Прочитав это письмо девушкам, Полина Цукалина заявила: «Ничего, девушки, победим врага – снова будем жить счастливо, а пока давайте работать лучше». Колхозники колхоза «Большевик» дружно выходят на работу. Они вовремя справились с уборкой урожая, выполнили на 25/X 650 центнеров хлебопоставок из 780 цент. по плану.

В колхозе «Пробуждение» Песковатского сельсовета начальник политотдела Избердеевской МТС тов. Жуков 19 октября сделал доклад «О текущем моменте», который был им увязан с ходом политхозкампаний в этом колхозе и со сбором подарков Красной Армии. На этом собрании выступило 28 колхозников. Все они, как один, заявили о своей готовности помочь государству в трудный период Великой Отечественной войны. Тов. Жуков в докладной записке райкому ВКП(б) пишет: «Когда я касался в своем докладе о зверствах немцев во временно оккупированных районах СССР, многие женщины плакали. Слышались возгласы: «Придет конец зверю Гитлеру. За все отомстим», а когда я рассказал о захвате немцами хлебобродных районов СССР и при этом призвал колхозников к быстрейшему обмолоту хлеба и сдаче хлебопоставок государству, раздались голоса: «Можете быть уверены, что в долгу перед государством не останемся».

В начале октября в колхозе имени 7-го съезда Советов Петровского сельсовета был сделан доклад «О текущем моменте», на котором присутствовало до 50 человек, главным образом, женщин. После доклада выступали раненые красноармейцы. Они подтверждали правильность слов докладчика о звериной ненависти фашистов к советскому народу, о зверствах фашистов, очевидцами которых они были сами. Колхозницы живо откликнулись на сбор подарков Красной Армии, кроме того, каждая женщина обязалась дать две пары теплых вещей для защитников Родины. Этот колхоз давно выполнил хлебопоставки государству. На этом собрании женщин интересовали следующие вопросы:

1. Когда кончится война с фашизмом?

2. А к нам врага не пустят?

3. Почему Германия оказалась такой сильной, никак ее не сломят?

19 октября для рабочих и служащих жел.-дор. станции Избердей и околodka был сделан доклад «О текущем моменте» тов. Мартыновым (нач. станции, членом ВКП(б)). Присутствовало 82 человека. Рабочие задали вопросы:

1. Почему немецкие самолеты появляются над Швецией?

2. Какие наши взаимоотношения с Турцией и Ираном?

3. Что удерживает Японию от войны с СССР?

4. Как повлиял приезд Уилки²⁰ на улучшение наших отношений с Турцией?

В колхозе имени Фрунзе М[ало]-Самовецкого сельсовета учительница-агитатор тов. Баева читала для колхозников статью тов. Александрова о текущем моменте. Одна из колхозниц, муж которой находится на фронте, легкомысленно заявила: «Что толку, если наши победят, а мой муж будет убит?». Это возмутило всех присутствующих, а колхозница, муж которой уже убит, с возмущением заявила: «Мой муж убит, я его больше не дожусь, но я всей душой желаю победы Красной Армии. Буду радоваться приходу с войны каждого нашего колхозника». Многих колхозников волнуют сейчас следующие вопросы:

1. Почему не открывается второй фронт?

2. А не обманывают ли нас наши союзники?

3. Когда кончится война?

4. Можем ли победить мы одни?

5. Почему в Германии не восстанут рабочие-иностранцы, их ведь там много?

В районе есть и такие колхозы и колхозники, которых еще не коснулась война всей своей тяжестью. Например, экономически крепко живут колхозники колхоза «Кр[асная] волна» Пальневского сельсовета, но когда здесь вопрос поднялся о сборе подарков Красной Армии, то эти колхозники ограничились сбором картофеля и капусты, тогда как они имеют много скота и птицы.

Нездоровые настроения проявляются среди отдельной части колхозников в колхозе имени Плеханова Стеньшинского сельсовета. В начале октября бригадир стал звать женщин на уборку подсолнуха. Колхозница Перова Е.С. категорически отказалась идти на работу, заявив: «Мужа моего убили, хлеба вы не даете, а возите его куда-то, поэтому работать я не пойду». Эта женщина не выполнила минимум трудодней. В колхозе «20-[й] Октябрь» Крутовского сельсовета есть престарелая колхозница Губанова – мать 3 детей, которые все погибли на фронте отечественной войны. Ее дочь Маруся, мед. санитарка, убита в июле 1942 года, сын, лейтенант, умер от ран 25 сентября с.г. Маруся Губанова весной 1942 года попала в плен к немцам, но ей удалось обмануть немца-офицера, у которого она работала прислугой, и убежать через линию фронта. Надо сказать, что горе матери, потерявшей всех своих детей, сейчас используют

антисоветские личности. В беседе с работниками райкома и редакции старушка Губанова заявила: «Мне некоторые люди говорят: зачем твоя Маруся убежала от немца-офицера, жила бы с ним и не была бы убита».

В заключение необходимо отметить, что разговоры политически вредные имеют место только в тех колхозах, где слабо поставлена агитмассовая работа. Здесь антисоветские элементы, шептуны и их подпевалы орудуют безнаказанно, так как их без помощи колхозников трудно уличить и разоблачить.

Зав. отделом пропаганды и агитации РК ВКП(б) А. Старкова

ЦДНИТО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 157. Л. 122-123 об. Отпуск.

* Дата установлена по содержанию документа.

** Числа вписаны чернилами.

№ 642

Жалоба вдовы военнослужащего Демковой в Тамбовский обком ВКП(б) на тяжелые материально-бытовые условия своей жизни и аморальное поведение руководителей Дегтянского района

12 ноября 1942 г.

Мой муж до августа месяца 1941 года работал 2-м секретарем РК ВКП(б). В августе 1941 года был направлен облвоенкоматом в высший институт Красной Армии. После института служил в политотделе. 20 июня 1942 года был убит на фронте с немецкими оккупантами. Я осталась с ребенком, ему 13 лет, учится в 7-[м] классе. Тяжела утрата, как для меня, так и для ребенка, но знаем, что он честно сложил голову за наше будущее счастье, знаем, что партия и правительство ценят таких людей и заботятся о семьях погибших.

Что получается в нашем районе – есть хотя бы энная доля заботы? Я заявляю ответственно, что этого нет. Наши руководители, которых оставили в тылу крепить тыл, давать фронту больше продукции, чутко относиться к тем людям, которые потерпели тяжелую утрату, наши руководители занялись другим, они снабжают только лично себя, как из кооперации, а так и с колхозов. Увлечлись молодыми «дамами», у которых мужья на фронте. Вино, кругом вино, и тяжесть войны лежит только на тех, кто на фронте, и на их семьях.

Мой сын 13-летний потерял отца, не услышит отцовской ласки и не почувствует отцовской заботы, он сейчас уже сам заботится, как прожить. Он сделал в колхозе больше 100 трудодней. Он на своих плечах таскает из леса топку, а дети, отцы которых в тылу, обеспечены всем, они не знают заботы, обути, одеты и сыты, т.к. для них есть кооперация.

Наступила осень, мой сын не имеет обуви, мне нужно купить на рынке за 2000 руб. Для этого я должна что-то продать.

Я, член ВКП(б), считаю в корне неверным и не могу простить нашим руководителям, которые забыли о том, что мы находимся в военной обстановке, и творят безобразнейшие чудеса. Чем занялась семья первого секретаря РК ВКП(б) – самоснабжением, вином, семейными сценами. Жена его, как член ВКП(б), пред. сельпо, секретарь первичной парторганизации, не оправдывает на сегодня всего, пьет по-страшному, на улицах кричит на женщин, которых ревнует к своему мужу, всячески обзывает матом и неприличными словами, к мужчинам расположена близко. 17 сентября она встретила на улице нач. почты Ануфриеву и подняла такой скандал, вся Дегтянка возмущалась. Все это происходит на почве ревности к своему мужу. Таких фактов много. Она ревнует и к пом. секретаря Пашиной²¹, и к счетоводу Кельбуковой и к секретарю РК ВЛКСМ Баевой²², да и в самом деле Дегтянка в этом отношении на первом месте. Вы можете поинтересоваться у народного судьи Астафьевой²³, которая много знает.

О магазинах: товаров и продуктов не видим, они идут черным ходом для спекуляции. У бывшего продавца сельпо Проскуряковой обнаружено много всяких продуктов, как-то: мука, рожь, крупа, соль, мыло и т.д. Казалось, надо судить – нет, она осталась безнаказанной, так как с Расторгуевой вместе пьянствовали, творили другие дела.

Не так давно у уборщицы сельпо отобрали 2 пуда соли, 150 коробок спичек, 8 литров вина, все это было предназначено для спекуляции. Но, однако, этим дело кончится – отобрали и все.

Все это благодаря Расторгуевым, так как ее муж – секретарь²⁴, ей можно творить любое преступление.

Сын Расторгуевых судим на 4 месяца исправительно-трудовых работ, за что нарсудья потерпела от жены Расторгуева большую неприятность. Он пьет, на улицах хулиганит. Нужно сказать, семья не служит примером для всех.

Об этих фактах знает каждый, но говорят только между собой, все боятся сказать, где это нужно, так как это будет плохо.

По разговорам всех членов ВКП(б), мужчины, которых оставили крепить тыл, если не все, а 80 % разложились.

Прошу обратить внимание, в частности, на семью первого секретаря. У его жены бывают часто такие выражения: «Продукты у меня, кому хочу тому и дам». Она дошла до такой крайности, как-то водку продает из своего кабинета или с квартиры.

Получить в кооперации ничего невозможно. За все время войны, т.е. за 14 мес., я с сыном получила 2 кг соли, 2 кгр. 400 гр. муки простого размола и 2 куса мыла. Когда муж был жив, я имела возможность купить на рынке, также он мне высылал, а сейчас я получаю на сына пенсию 270 руб., что для рынка этого мало.

Я думаю, наш сын вполне достоин [того], [чтобы] купить для нас в кооперации как продукты, так и обувь.

Демкова

№ 643

Из доклада секретаря Тамбовского обкома ВКП(б) по пропаганде Е.В. Хорошенко на 12-м пленуме обкома ВКП(б) при обсуждении вопроса «О состоянии партийной пропаганды и агитации в области»

4 декабря 1942 г.

[...]*. Только отсутствием воспитательной работы с населением можно объяснить подобный чудовищный факт, который имел место в Мучкапском районе. Известно, что в центре Мучкапа находится станция железной дороги. 14 ноября через Мучкап следовал со Сталинградского фронта состав с пленными немцами на Тамбов. Состав остановился. Население районного центра во главе с отдельными работниками райкома партии, в частности, во главе с зав. отделом пропаганды т. Сайкиной, высыпало на станцию поглазеть на немцев. Произошла странная картина: установились определенные взаимоотношения между фашистскими бандитами и отдельными гражданами. Наши спрашивают: «Вы что наших вешаете?». Немцы отвечают: «Неправда, это пропаганда». То есть они ведут здесь открытую фашистскую пропаганду. Дело дошло до того, что жители районного центра стали приносить фашистским выродкам хлеб, картошку, пареную тыкву, яйца, и все это наблюдали работники отдела пропаганды, которые никак не реагировали на этот факт.

Никто не понес за это дело ответственности, этот факт не был расценен политически. Спрашивается, как можно расценить это обстоятельство? Как партийная организация Мучкапского района воспитывает ненависть к фашистским выродкам? Когда едут наши раненые бойцы, то им не всегда выносят продукты бесплатно, а иногда дерут с наших бойцов за каждое яйцо втридорога или требуют обмена. Можно ли терпеть подобную обстановку в районе?

Тов. Салмину нужно сделать чрезвычайно серьезный вывод для себя, ибо так работать нельзя, так мы не поможем нашей доблестной Красной Армии разгромить фашистских выродков как можно быстрее.

Надо сказать, что вопрос воспитания ненависти к врагам, вопрос воспитания масс стоит чрезвычайно остро. [...]*.

* Опущена информация о возрастании роли пропаганды и агитации среди населения в условиях войны, а также об агитационно-пропагандистской работе отдельных райкомов ВКП(б).

№ 644

Письмо заведующего сельскохозяйственным отделом Тамбовского обкома ВКП(б) П.Ф. Морозова первому секретарю Гавриловского райкома ВКП(б) И.М. Барсукову²⁵ о ликвидации негативных явлений в колхозах района

*18 декабря 1942 г.
Секретно*

По личному докладу руководящей группы командиров и политработников РККА, направленной в Ваш район для оказания помощи [в] проведении хлебозаготовок, следует:

1. Во многих колхозах района слабая организация труда (поздний выход на работу и ранний уход с работы). Этому способствует в ряде колхозов то обстоятельство, что жены руководящих работников колхоза не выходят на работу, хотя они неплохо одеты и обуты.

2. В некоторых колхозах района отсутствуют счетоводы, вместо их имеются лишь пом. счетоводов, которые не знают учета и вносят путаницу.

3. Имеют место случаи хищения и кражи хлеба, в особенности мелкие кражи, когда хлеб растаскивается с токов карманами, в ряде случаев хлеба недостает у возчиков при перевозке его на элеватор.

Кроме того, имеет место массовое хищение кормов, никакого учета при скормливании кормов нет.

Меры борьбы со всеми этими вредными явлениями не ведутся.

4. В ряде колхозов скотные дворы к зимовке не подготовлены (колхозы им. Молотова, «Красный боевик», «Новый борец»).

5. В некоторых колхозах сознательно задерживается молотья, чтобы не сдавать хлеб государству.

6. Во 2-м Пересыпкинском с/совете идут массовые грабежи населения со стороны преступных элементов. Между тем, мер со стороны районных карательных органов не принимается.

7. В отдельных селах открыто живут дезертиры, освобожденные из тюрем, причем местные органы никаких мер не принимают.

8. В селах Гавриловского района имеются массовые случаи, когда колхозники гонят самогон из хлеба, раймилиция мер не принимает, а иногда сама принимает участие в выпивке самогона.

Прошу Вас по всем затронутым вопросам принять соответствующие меры и о результатах сообщить обкому ВКП(б).

Зав. с/х отделом обкома ВКП(б) Морозов

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3657. Л. 12. Отпуск.

№ 645

Статья Ф.Е. Музычука «Борьба за молодые рабочие кадры», подготовленная для публикации в газете «Известия»*

*Позднее декабря 1942 г.***

1. Бегство от трудностей

В Моршанской школе ФЗО № 5 в большинстве учится колхозная молодежь. Присланы ученики сельсовета по мобилизации. Школа новая – это только второй набор. От неустройства в школе есть трудности. Главные трудности – это недостаточное питание, отсутствие теплой одежды и обуви.

Часто ученики обращаются с просьбой к директору школы:

– Дайте мне отпуск, – просит ученик Дубровин.

– Зачем тебе отпуск? Учиться нужно, – отвечает директор.

– Поеду в деревню, в колхоз, за теплой одеждой, за обувью и за продуктами, – отвечает ученик Дубровин.

Если директор не отпускает, то ученики самовольно уезжают домой. Уезжают и не возвращаются в школу.

2. В пути за учениками

Школа ФЗО № 5 послала в районы мастеров и комендантов за учениками. Еду я в Рудовский район. От города Моршанска это 100 километров. До станции Вернадовка по железной дороге доехал хорошо и быстро, а дальше – испытания начинаются....

– Гражданка, подвези меня до районного села Шереметьево***, – прошу женщину возле Заготзерно.

Посмотрела она на меня и заломила:

– До Шереметьево*** тридцать верст. Давай сто рублей, подвезу, – сказала и больше никаких разговоров.

Ищу попутчика, но нет никого – воскресенье, день выходной. Иду пешком – не знаю дороги. По дороге нагнала меня подвода, договорился за тридцать рублей. Дорога хорошая, санная, укатанная. Колхозная лошадка легко бежит... Вот и – Шереметьево***. Протянулось оно на десять километров. В Рудовском районе большие политические события. Секретарь райкома партии, предрайисполкома, прокурор и друг. за плохую работу сняты с работы.

3. У нового руководства

Иду в райисполком. Докладываю новому предрайисполкома тов. Захарову²⁶. Недружелюбно он меня встретил. Спрашивает:

– Вам учеников дали?

– Да, дали, – отвечаю.

– Зачем же Вы их распустили?

После коротких объяснений тов. Захаров написал резолюцию начальнику моботдела тов. Моисееву собрать и выслать учеников в Моршанскую школу ФЗО № 5. Но Моисеева в селе нет – он в районе.

Иду к начальнику районного НКВД тов. Сорокину²⁷. Даю ему список учеников-беглецов, прошу его содействия.

– Это не мое дело, мое дело – сажать, – отвечает грубо тов. Сорокин.

– Я только прошу Вашего содействия.

– У меня и без Вас много дела.

Итак, начальник районного НКВД отмахнулся. Какое ему дело до молодых рабочих кадров? Он знает только одно – сажать.

Районный прокурор тов. Пчелкин²⁸ дал мне практический совет:

– Садитесь на наш телефон, вызывайте наши сельсоветы. Предлагайте от прокуратуры отправить учеников в школу. Так будет вернее.

Это практическая помощь. Благодарю прокурора за реальную помощь.

В райкоме партии новый секретарь выслушал меня внимательно, сказал:

– Получил я от Моршанского горкома партии список учеников нашего района, бежавших из школы ФЗО. Дам я указания райисполкому, чтобы этих учеников отослали обратно в Моршанскую школу ФЗО.

Коротко и ясно. Только всех учеников до сих пор нет...

В райкоме ВЛКСМ секретарь тов. Гуреева²⁹ горячо отозвалась:

– Это наше комсомольские дело. Завтра же сама вызову всех учеников, поговорю с ними, проверю. Все беглецы будут в ФЗО. Сама прослежу за этим.

4. Говорят ученики и родители

В селе Шереметьево*** колхозники говорят:

– Ржевцева убежала из школы ФЗО. Ничего она не делает, гуляет на улице. Это в военное-то время.

Спрашиваю Антонину Ржевцеву:

– Зачем приехала, почему не едешь в школу?

– Приехала я за теплой одеждой и обувью. Собиралась я каждый день и все откладывала.

Поговорил я с ней, и Ржевцева через два дня уехала в школу.

В селе Рудовка ученики школы ФЗО Молодцева, Грушина, Жабин и Дашин успели устроиться на тракторные курсы. Обманули эти курсы, скрыли, что они ученики школы ФЗО.

Побеседовал я с ними, спросил их:

– Почему бросили ФЗО и поступили на тракторные курсы?

– Не хотим быть столярами, хотим быть трактористами, – ответили мне.

Разъяснил я им:

– Вы окончили курс учения. Советское государство затратило на вас средства. Осталось вам только сдать зачеты и вы будете квалифицированные столяры, поедете на фабрики и предприятия. Ваше столярное мастерство очень и очень нужно советской стране.

Все согласились и выехали в школу.

Обращаюсь к родителям бежавших учеников. Беседую с ними, спрашиваю их:

– Вы знаете, что ваши дети бежали из школы. Почему вы не отправляете их в школу?

– Дети сами отвечают за себя, – заявляет мать ученицы Грушиной. – Она мне сказала, что ее из школы отпустили. Я не знала, что она бежала из школы.

Объясняю матери, что ее дочь через месяц сдаст все зачеты и будет мастером. Мать собрала свою дочь, и она уехала в школу.

Беседую я с отцом ученика Дашина. Говорю ему, что его сын научился в школе делать столы, табуретки, скамейки. Его сыну осталось только сдать экзамены, получить разряд, и он столяром будет. Отец Дашина согласился, сказал:

– Мой сын завтра поедет в школу.

После беседы, после разъяснений ученикам и их родителям девять учеников из четырнадцати уехали обратно в школу сдавать зачеты.

5. В селе все пьют водку

Уехать по железной дороге не так-то легко – трудно. Пишу для учеников командировки. Их нужно оформить в сельсоветах – приложить штампы, печать и подписать председателю сельсовета. Ну, вот и тут встретились трудности: нельзя в селе найти пред. сельсовета. Родители учеников говорят:

– В селе теперь много водки... Кто только не пьет водки. Все люди пьют водку, пьют ее председатели сельсоветов.

Целые сутки ученицы ждали в сельсовете. Пришел председатель Рудовского сельсовета Ф.К. Цыкунов... пьяный. Долго он смотрел в командировки и ... заснул.

Надо найти подводу, отвезти вещи учеников на вокзал. Ученики идут к своему председателю колхоза имени Ворошилова Н.И. Филюлилину. Он накричал на них, подводы не дал. Ученики заявили:

– Наш председатель Никита Иванович уже двенадцать суток пьет, не просыпается.

Иду в правление колхоза – его нет, а без него никто ничего не знает. Иду на квартиру. Жена председателя говорит:

– Никиты Ивановича нет дома, уехал чуть свет в поле.

А ученики мне заявили:

– Врет она. Председатель дома пьяный спит.

Захожу в комнату – храпит. Это спит пред. колхоза. С большим трудом бужу его. Не поднимаясь, пьяный, хриплым голосом рычит:

– Подводы не дам. Отправляю я их не в школу, а в тюрьму.

Полдня бился, пока получил подводу. Дали хромую, зарезанную**** лошадку. Но оказалось, в колхозе нет исправных саней, нет хомута, вожжей и оглоблей. Кое-как собрались и уехали. Заночевали в селе Бадин Угол. До станции Вернадовка сутки ехали.

6. Ст. Вернадовка и ее начальник

Впереди показалась железная дорога. Казалось, нашим испытаниям конец. Но не тут-то было – начались мучения. Спрашиваю дежурного по станции:

– Когда будет поезд?

– Неизвестно, – отвечает, не поднимая головы. В вокзале битком набито людей, негде стоять. В помещении грязно, сыро, холодно.

Счастливыцы сидят и спят прямо на заплеванном полу. Ждут поездов, но нет билетов – неделями валяются в грязи и вшах...

Ищу начальника станции. Где он целые сутки пропадает, не показывается?

– Нет его, в военкомате он, – нехотя лениво отвечают железнодорожники.

На вторые сутки поймал начальника станции. Говорю ему:

– С большим трудом собрал учеников. По командировкам везу их в город Моршанск в школу ФЗО. Дайте билеты, иначе разбегутся они по домам.

Начальник станции не хочет меня даже слушать. На ходу отвечает:

– Поездов нет. Билетов нет.

– Дайте мне жалобную книгу. Разбегутся ученики – вина будет Ваша.

Не дает мне жалобной книги.

Я его прошу:

– Разрешите послать телеграмму в Тамбов секретарю обкома партии.

Не разрешили мне. Что делать? Не отходя, стояли у кассы двое суток и с огромным трудом и с большими усилиями получили билеты. На подножках и в проходах вагонов поехали в Моршанск. Руки и ноги отморозили. Ну и Вернадовка с ее начальником станции...

Ф. Музычук

Гор. Моршанск, Воронежская улица, дом № 45,
Музычук Федор Елизарович.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3565. Л. 13-14 об. Заверенная копия.

* Копия письма направлена редакцией газеты «Известия» в Главное управление трудовых резервов при СНК СССР и 13 марта 1943 г. переадресована в Тамбовский обком ВКП(б) для принятия соответствующих мер. На сопроводительном письме имеется помета: «В дело. Меры приняты по советской, судебной-следственной и партийной линии. Розанцев».

** Дата установлена по содержанию документа.

*** Имеется в виду с. Большое Шереметьево – райцентр Рудовского р-на.

**** Так в документе. Следует читать – заезженную.

№ 646

Обращение семьи Белобородовых в Тамбовский обком ВКП(б) об оказании материальной и продовольственной помощи

*Ранее 16 февраля 1943 г.**

Товарищ секретарь!

Прошу Вас дать нам хотя [бы] маленькую помощь и не дать помереть с голоду. Неужели есть в Советском Союзе такие законы, чтобы семья красноармейца, защищающего свою родину и, может быть, отдавшего жизнь за свою родину, погибла с голоду?

Мы живем Покровско-Пригородного сельсовета** поселок Козивка, дом № 96. Папу нашего взяли в армию в сентябре месяце 1941 года. И вот уже одиннадцать месяцев нет от него слуху.

У нас семья – четыре человека маленьких детей. Мне, самой старшей, 15 лет, а самому маленькому 2 года. Бабушке 68 лет, мама больная, не поднимается с постели. Хлеб нам отказали и говорят, что мы живем в селе и имеем огород 15 сотых, но мы с этого огорода собрали картошек полтора мешка. Мама работала в военном складе 2133, но заболела. По бюллетеню ей не платили, и ей пришлось уволиться, и вот 6-[й] месяц не встает с постели. За папу мы получаем всего сто рублей. Больше мы не имеем никаких средств. В школу ни я, ни братья не ходим, потому что не во что ни обуться, ни одеться, и на голодный желудок в ум ничего не пойдет. Мама еще раньше ходила в райсобес, но там помощи никакой не оказали, а теперь мама, наверно, умрет, и на моих руках останется вся семья.

Товарищ секретарь, еще раз прошу, окажите помощь, не дайте умереть с голоду или же напишите, куда мне обратиться, чтобы нам помогли, несчастным сиротам.

Наш адрес: Покровско-Пригородный сельсовет**, поселок Козивка, дом № 96, Белобородова Мария Григорьевна.

Резолюция: т. Хорькову. Организуйте необходимую помощь. Пошлите кого-либо на место. Надо дать возможность детишкам учиться. Поручите тов. Яковлевой³⁰ – она это сделает лучше, чем кто-либо. Результат сообщите. 28/II. Волков.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3829. Л. 169, 169 об. Автограф.

* Обращение зарегистрировано в Тамбовском обкоме ВКП(б) 16 февраля 1943 г.

** Так в документе. Правильно – Покрово-Пригородного сельсовета.

№ 647

Докладная записка инструктора военного отдела Тамбовского обкома ВКП(б) О.В. Яковлевой первому секретарю обкома ВКП(б) И.А. Волкову о результатах проверки жалобы семьи Белобородовых

10 марта 1943 г.

Материально-бытовые условия семьи

Семья Белобородова состоит из шести человек: матери, бабушки 68 лет и 4 детей в возрасте от 2 до 14 лет. Живут в Тамбовском районе, П[окрово]-Пригородном с/совете, дер. Козивка. В хозяйстве семья имеет дом и огород 0,10 га.

Материально-бытовые условия семьи крайне плохие. Семья живет на средства получаемого пособия за детей в сумме 100 руб. Дополнительного заработка не имеет, т.к. бабушка старая, а мать Белобородова М. больная,

трудоспособная только 14-летняя дочь, которая и выполняет домашнюю работу.

Продуктов питания, картофеля, соли, овощей, обуви и одежды для детей, топлива не имеет. Карточки на хлеб выданы только на бабушку и детей. На больную хлеб не выдают. Выдача хлеба проводится нерегулярно: за 1-[ю] половину февраля выдали только 4 марта. В результате недостатка продуктов и нерегулярного получения положенной нормы хлеба двух- и четырехлетние дети имеют острое малокровие, а мать их после болезни – резкое истощение и гиповитаминоз «С», которая в течение нескольких месяцев не встает с постели.

За топливом дети ездят на салазках за 15-18 клм.

Выводы

1. Семье необходимо срочно организовать помощь в продуктах питания и в особенности овощах, обуви и одежде детям, матери – медицинскую помощь.

2. Обсудить на бюро РК ВКП(б) вопрос бездушного отношения к семьям военнослужащих со стороны председателя с/совета П[окрово]-Пригородного тов. Малишевского, допустившего такое состояние семьи, после проведения декадника.*

Практическая помощь

В процессе проверки была оказана помощь:

1) Матери Белобородовой выдана хлебная карточка и полностью отоварена хлебом. За 1-[ю] половину февраля выдано мукой на всю семью.

2) Выдано продуктов: картофеля – 140 клг., капусты – 15 клг., помидор – 10 клг., соли – 2 клг.

3) Для детей выдано: 2 телогрейки, двое детских ботинок, одна пара валенок, два платья, два полотенца.

4) Оказана денежная помощь в сумме 944 руб., на которые были приобретены нижепоименованные вещи.

5) Завезен на квартиру один воз дров.

6) Оказана медицинская помощь.

Инструктор военного отдела Яковлева

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3829. Л. 168, 168 об. Подлинник.

* За бездушно-бюрократическое отношение к семьям фронтовиков и срыв проведения декадника по П[окрово]-Пригородному с/совету на председателя с/совета тов. Малишевского наложено строгое партийное взыскание – выговор. (Примеч. док.).

№ 648

Письмо директора завода «Автотрактородеталь» им. Кагановича Н.А. Востропятова первому секретарю обкома ВКП(б) И.А. Волкову о тяжелых условиях труда на заводе

16 марта 1943 г.

Иван Алексеевич!

Положение с кадрами мужчин очень тяжелое, в результате литейный цех работает с производительностью 60-70 %. Вместо крайне необходимых 25 чел. имеется всего 8 ч. Женщины не могут справляться с чушками в 40 кгр., т.е. за рабочий день нужно поднять 250 шт., или 10 тонн на одного человека. Для женщин такая нагрузка практически является невозможной.

За январь-февраль призвали свыше 50 челов., и завод терпит крайнюю нужду в труде мужчин.

Убедительно прошу Вас продумать, нельзя ли получить пленных человек 50. И, если можно, прошу дать указание соответствующим организациям и по возможности ускорить это.

Положение – прямо угрожающее.

Прошу извинить за частые беспокойства, но другого выхода нет.

Директор завода [им.] Кагановича Н. Востропятов

Помета: В дело. Вопрос разрешен. 16/III. Волков.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3407. Л. 69. Подлинник.

№ 649

Постановление бюро Тамбовского обкома ВЛКСМ «О заготовке лыка, производстве лаптей и мочала в 1943 году»*

21 марта 1943 г.

Для оказания практической помощи в обеспечении грубой обувью работающих в поле и на заготовке торфа в соответствии с решением облисполкома от 15 марта 1943 г. бюро обкома ВЛКСМ п о с т а н о в л я е т:

1. Обязать райкомы ВЛКСМ начать заготовку лыка в марте, а в период сокодвижения (май, июнь) провести массовую заготовку лыка, для чего широко привлечь к массовой заготовке лыка пионеров и школьников старших классов, организовать воскресники и выход учеников в лес в свободное от учебы время.

2. Обязать РК ВЛКСМ довести задание до каждой комсомольской организации, пионерской дружины, детдома и установить ежедневный контроль за выполнением задания. Добиться выполнения плана, даденного облисполкомом району.

3. Обязать РК ВЛКСМ вместе с руководителями организаций и предприятий, заготавливающих лыко, обеспечить своевременную замочку, выявление и складирование лыка.

4. Наряду с заготовкой лыка обязать РК ВЛКСМ заготовить в период сокодвижения (май, июнь) липовый луб для производства мочала.

5. Обязать РК ВЛКСМ выполнить план плетения лаптей, даденный облисполкомом району.

6. Обязать РК ВЛКСМ добиться от руководителей предприятий, занимающихся плетением лаптей, обеспечить предприятия необходимым количеством кочедыков³¹, сапожных ножей и деревянных колодок. Организовать сбор среди населения кочедыков, сапожных ножей и деревянных колодок и передать в колхозы, в организации, которые занимаются плетением лаптей.

7. Установить три премии обкома ВЛКСМ и облоно и почетные грамоты обкома ВЛКСМ и облоно и обязать РК ВЛКСМ вместе с районными организациями изыскать средства для премирования победителей в соцсоревновании.

8. Обязать лично секретарей РК ВЛКСМ информировать по телефону в декаду раз о заготовке лыка и два раза в месяц о ходе плетения лаптей.

9. Возложить личную ответственность за выполнение данного решения обкома ВЛКСМ на секретаря обкома ВЛКСМ по школам тов. Данилкину.

ЦДНИТО. Ф. 1184. Оп. 1. Д. 600. Л. 47 об. Подлинник.

* Из протокола № 76 заседания бюро Тамбовского обкома ВЛКСМ от 21 марта 1943 г.

№ 650

Директивное письмо райзо и РПС Избердеевского района председателям сельсоветов, сельпо и секретарям парторганизаций о продаже пахарям водки в целях стимулирования пахоты зяби

*Март 1943 г.**

Указание исполкома райсовета депутатов трудящихся и райкома ВКП(б) разрешает Вам продавать** пахарям, которые пахут зябь, для стимулирования пахоты зяби водку по 0,5 литра за каждый вспаханный га за н[аличный] расчет.

Порядок выдачи водки пахарям следующий: каждый день после работы инспектор по качеству и бригадир полеводческий обмеряют вспаханную площадь и проверяют качество. Если пахарь вспахал не меньше одного га и хорошего качества, он имеет право на получение водки, а если он вспахал меньше гектара или гектар, но плохого качества, то такой пахарь не имеет права на получение водки. Водку выдавать раз в неделю в сельпо. Сельпо выдает водку по талону колхоза, подписанному пред. колхоза, бригадирами и инспектором по качеству. Справка должна иметь визу председателя с/совета, разрешающего выдачу. В справке должно быть указано: фамилия пахаря, количество вспаханных га и качество.

Председатель сельпо отчитывается перед с/советом и РПС за выданную водку справками.

Райком ВКП(б), райисполком предупреждают, что если будет водка израсходована на другие цели, кроме стимулирования пахоты зяби, несет

ответственность председатель с/совета и сельпо. Будем рассматривать как срыв пахоты зяби.

Срочно сообщите всем пахарям и пред. колхозам.

*Зав. райзо*****

*Пред. РПС*****

ЦДНИТО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 210. Л. 106-107. Незаверенная рукописная копия.

* Дата установлена по содержанию документа и соседним в деле документам.

** Слово *продавать* вписано чернилами вместо зачеркнутого слова *выдавать*.

*** Подпись отсутствует.

№ 651

**Заявление инвалида Великой Отечественной войны Г.Г. Фролкина
первому секретарю Тамбовского обкома ВКП(б) И.А. Волкову о
предоставлении налоговых льгот**

22 апреля 1943 г.

Секретарю обкома ВКП(б) тов. Волкову
от инвалида отечественной войны
Фролкина Григория Григорьевича

заявление

Прошу Тамбовский обком ВКП(б) рассмотреть мое заявление ввиду как я, Фролкин Гр[игорий] Григорьевич, сейчас в данный момент являюсь инвалидом отеч[ественной] войны. Лишился правой ноги выше колена и левая ранена, тоже не здорова. И вот не имею никаких льгот насчет государственных поставок, как молоко, мясо, кожа, яйца. С огородной площади берут все полностью.

Семья моя состоит из 7 человек. Дочь, 1923 г. рождения, мобилизована на трудовой фронт 25 августа 1942 г. Вторая дочь с 1924 г.р. – инвалидка 2-[й] группы. 3 подростка – школьники. Одна жена трудоспособна, которая не может нас обеспечить питанием.

Помощи мне, как инвалиду отечественной войны, никакой нет. Я подавал заявление в Кирсановское СНК* о льготах гос. поставок. Мне, как инвалиду отеч. войны, вынесли решение: сказали, что жена является трудоспособной, льготу отказать, платить за 1943 г. все госпоставки полностью.

Я, Фролкин Гр[игорий] Гр[игорьевич], прошу обком ВКП(б) рассмотреть мое заявление и дать мне ответ, какие центральные постановления о льготах инвалидов отечественной войны есть или будут. Я прошу дать мне ответ.

К сему инвалид отеч[ественной] войны

Гр[игорий] Фролкин

Резолюция: т. Яковлевой. Разберитесь и подготовьте ответ. 6/V. Волков.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3830. Л. 60, 60 об. Автограф.

* Так в документе.

№ 652

Информация уполнаркомзага по Кирсановскому району К.П. Дегтярева³² в обком ВКП(б) о правомерности обложения сельскохозяйственным налогом хозяйства Г.Г. Фролкина*

*Ранее 28 мая 1943 г.***

Хозяйство инвалида отечественной войны колхозника колхоза «Красный пахарь» Чутановского с/с Кирсановского района Фролкина Григория Григорьевича, имеющего в семье трудоспособного члена семьи (жена), обложено сельскохозяйственными продуктами: по мясу – на основании постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О мероприятиях по развитию общественного животноводства в колхозах» от 18/VII-39 г. (раздел 3 «О мясopоставках»), по молоку – на основании инструкций о порядке проведения обязательной поставки молока и масла государству, утвержденной Совнаркомом Союза ССР 11 января 1938 г., яйцу – на основании постановления Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б), опубликованного в «Известиях» от 14/III-1941 г., по шерсти – постановление Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 30/I-1940 года, по брынзе – постановление Совнаркома Союза ССР, опубликованное в «Известиях» от 24/V-1942 г. № 181.

В силу указанных законов освобождению не подлежит.

*Райуполнаркомзаг Дегтярев
Зав. учетом Редин*

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3830. Л. 59. Подлинник.

* Копия информации направлена в адрес Г.Г. Фролкина.

** Дата установлена по соседним в деле документам.

№ 653

Письмо первого секретаря Тамбовского обкома ВКП(б) И.А. Волкова инвалиду Великой Отечественной войны Г.Г. Фролкину о результатах рассмотрения его заявления

28 мая 1943 г.

Ваше письмо мною получено, для рассмотрения на место командировал капитана тов. Орлова.

Проверкой установлено, что Ваше хозяйство облагается сельхозналогами правильно, т.к. Вы связаны с сельским хозяйством и имеется трудоспособный член семьи.

В период проверки Вам оказана помощь в увеличении огорода на 0,10 га и прикрепление Вашей дочери-инвалида к магазину на получение хлеба.

С приветом

*секретарь обкома ВКП(б) Ив. Волков**

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3830. Л. 57. Отпуск.

* Подпись отсутствует.

№ 654

Заявление военнослужащего А.И. Силантьева³³ первому секретарю Тамбовского обкома ВКП(б) И.А. Волкову об оказании помощи семье в получении хлеба

*Ранее 1 мая 1943 г.**

Секретарю Тамбовского обкома ВКП(б) тов. Волкову
от члена ВКП(б) Силантьева Алексея Ивановича

заявление

Я, Силантьев Алексей Иванович, уроженец и все время проживал в Юрловском районе, село Юрловка. Членом ВКП(б) я с 1938 г. На партийном учете состоял при Юрловском райкоме ВКП(б). В августе месяце 1941 г. по зову нашей большевистской партии и по линии Тамбовского обкома ВКП(б) я был призван в ряды Красной Армии на защиту нашей Родины от гитлеровских бандитов, которые вероломно напали на нашу родину. С октября месяца я уже нахожусь в той части, которая сражалась с фашистской бандитской армией, и до настоящего времени нахожусь в том же полку, который больше года уже гвардейский.

По моему, для Вас понятно, каким частям присваивается! Дальше у Вас может возникнуть вопрос, а оправдал ли я звание гвардейца и тем более как член ВКП(б), это можете судить лишь потому, что я награжден правительственной наградой – медалью «За отвагу». Вот поэтому можете сделать вывод. Между прочим, брат, который со мной, с 1928 г. рожд[ения], уже погиб за Родину под Ленинградом.

Осталась дома моя семья в лице жены и трех малолетних детей от возраста 5-7-11 лет, на сегодня лишённые там пайка, который получают семьи красноармейцев из наших магазинов. Узнал я это из письма, которое получил с родины.

Маленькая характеристика моей семьи:

Ну, если до войны, то я работал на советской и кооперативной работе, а жена работала в колхозе, до настоящего времени жена тоже работает в колхозе. Между прочим, 1942 г. работала как лучшая колхозница и круглый год. И в настоящее время работает конюхом в колхозе. Имеющиеся в личном хозяйстве скот – корова и 5 овец. Были проданы в 1942 г. половина коровы и 4 овцы – продали исключительно на покупку хлеба с рынка для пропитания детей. Это лишь потому, что из колхоза на трудодни ничего не получили.

Для Вас, наверное, понятно, и пишу, что дальше моя семья не в состоянии покупать хлеб с рынка, и убедительно прошу обком ВКП(б), лично тов. Волкова посодействовать через наш Юрловский райком ВКП(б), чтобы он оказал содействие моей семье в получении хлеба из магазина.

Почему я пишу Вам, а не на свой райком? Лишь потому, что я получал письма, где пишут, что моя жена ходила в райком по этому вопросу, но тов. Казаков обещает, а конкретно помощи не оказывает, а потому я решил написать Вам. Ну, вот и все.

А теперь разрешите поздравить Вас с Великим праздником – это 1 Мая, который завоевали в 1917 г. наши отцы и братья. И на нас в настоящее время возложена задача сохранить и впредь все завоевания октября 1917 года, изгнать фашистскую нечисть с нашей территории, освободить наших сестер, жен и детей, которые временно остались оккупированными у гитлеровских бандитов. И это мы все выполним с честью, не отступим ни шагу назад, закон гвардейца – «Вперед!». И мы его выполняем, и я, как член ВКП(б) Вашей Тамбовской области, оправдал и оправдаю в дальнейшем свое партийное звание. На этом кончаю. До приятного свидания. Жду ответ.

С гвардейским приветом Ваш член ВКП(б)

Силантьев

Домашний адрес семьи: Юрловский район, Юрловский с/совет, колхоз «Победа», Силантьева Анна Степановна.

Мой адрес: полевая почта 11982-А, Силантьев Алексей Иванович.

Резолюция: т. Хорькову. Подготовьте ответ после проверки и принятия необходимых мер. 1/VI. Волков.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3844. Л. 42-43 об. Автограф.

* Дата установлена по содержанию документа.

№ 655

Письмо секретаря Тамбовского обкома ВКП(б) Я.А. Плакхина военнослужащему А.И. Силантьеву о результатах рассмотрения его заявления

28 июня 1943 г.

Ваше письмо мною получено, для рассмотрения на место командировал лейтенанта тов. Базилевского.

По сообщению тов. Базилевского, с 9.6.1943 г. два члена Вашей семьи включены в списки на получение хлеба из магазина сельпо.

С приветом

секретарь обкома ВКП(б) Плакхин

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3844. Л. 39. Отпуск.

№ 656

Обращение жителей г. Тамбова к председателю облисполкома И.Т. Козырькову о своевременном отоваривании карточек продовольственными и промышленными товарами

5 июня 1943 г.

Товарищ Козырьков! Дорогой Иван Трофимович, я вынуждена обратиться к Вам за помощью не от одного лица, а всего города Тамбова.

Этого, вероятно, Вы не знаете. Мы, граждане города Тамбова, идем своему государству навстречу, мы все тяжести переносим во имя разгрома нашего ненавистного врага Гитлера. Скоро год, как дали мыла по 100 грамм на карточку и больше ничего. Наши карточки чисты, тогда для чего же их дают, сколько суматохи с ними пока получишь. Если ничего, то не выдавать продуктовые карточки. Я покупаю на базаре обмылку поганую и сейчас заболела чесоткой.

Если вы займетесь вместе с горздравотделом этим вопросом, это будет очень хорошо. Семьям болеть чесоткой – это позор нашим руководителям города Тамбова.

Прошу, помогите. Народ ждет от Вас, своего депутата, помощи.

*[Подписи]**

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3194. Л. 2. Незаверенная копия.

* Подписи отсутствуют.

№ 657

Заявление эвакуированной из г. Москвы М.Н. Колосковой в Гавриловский райисполком об улучшении жилищных условий и обеспечении продуктами питания³⁴

5 июня 1943 г.

Начальнику райисполкома
от эвакуированной с города Москвы
Колосковой Марии Никитичны,

проживающей: Гавриловский район,
с. Паника, Паникинский с/с*

заявление

Я, Колоскова Мария Никитична, обращаюсь к Вам с большой жалобой. Прошу убедительно прочесть мое заявление, оказать мне всевозможную помощь.

Я, гр-ка Колоскова М.Н., живу в Панике Паникск[ого] с/с в очень тяжелом состоянии. Самой мне 27 лет, дети у меня маленькие: одному реб[енку] 4 года, другому – 3 года, третьему – 1 год 2 месяца. Родных у меня нет никого. Родные у меня в фашистских лапах в г. Гомель.

Живу я почти два года – 1 год 11 месяцев. Дети малые, дет. яслей нету. На работу не хожу – нет возможности. С квартиры гонят, люди озверели. Дети как скелеты, сама тоже оборванная, голодные. В квартире печь не исправная, не топлю 2 месяца. Воды согреть негде, хозяйка ненавидит. Притом никакого нет мужа на фронте. Продуктов никаких не получаем, кроме 300 грамм хлеба. Молочка дети не видят в глаза. Пособие получаю 150 руб. (на одно кило соли). Условия очень тяжелые.

Прошу помочь, не оставить меня без внимания. Срочно принять меры прошу убедительно, иначе лишаюсь жизни. Прошу Вас, может, вышлете мне пропуск на адрес: Москва-98, Огородный проезд, д. № 2, кв. 5. Буду работать по две смены, только выйти с тяжелого положения. Или дайте пропуск, если отогнали фашистов. Адрес: Смоленская область, Знаменский район, д. Бродино. Не оставьте моей просьбы.

Колоскова

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3847. Л. 81, 81 об. Автограф.

* Так в документе. Правильно – Паникский с/с.

№ 658

Обзор писем, поступивших в редакцию газеты «Тамбовская правда» за период с 28 мая по 5 июня 1943 г.

Не ранее 5 июня 1943 г.*

№№ пп	Фамилия, имя, отчество, адрес автора и время поступления письма	Содержание письма	Куда направлено и дата отправления письма
1	Бучнев ³⁵ , зам. нач. политотдела Б[ольше]-Липовицкой МТС, 28/V	Автор сообщает, что руководители колхоза «На страже» Тамбовского района систематически, из года в год, расхищают колхозное достояние и остаются безнаказанными. Кладовщица Селезнева А.Е. растратила 6 цент. 19 кгр. ржи, 4 цент. 95 кгр. проса, 1 ц 36 кг гороха, 1 цн. 87 кг пшена, 2 цн. 16 кг муки, 3 цн. 69 кг печеного хлеба. Большие растраты и у Селезнева И.Ф. Материалы на растратчиков были переданы в райзо и райпрокурору. Мер, однако, никто не принял. Наоборот, в поощрение таких деяний Селезневой А.Е. поручена работа секретаря Серебряковского с/с.	Обл. прокурору 29/V
2	Козявкина А.Д., Уваровская райбольница	Жена фронтовика, мать двух детей, жалуется на несправедливость по отношению к ней со стороны гл. врача Уваровской больницы, где Козявкина работала медсестрой инфекционного отделения. Врач Тафинцев снял с работы Козявкину за то, что она не явилась на воскресник после ночного дежурства. В этот день Козявкина выпекала для семьи хлеб, т.к. паек получила рожью. Козявкина просила оставить ее на работе, обещала отработать за воскресник несколько смен, обращалась в райздрав, ничто не помогло. С 1/X-42 года она без работы, ее гонят из занимаемой ее семьей комнаты, не прописывают в новой квартире, обязывая уйти в частный дом. Но семья фронтовика, оставшаяся безо всяких средств к существованию, не может перейти в частную квартиру, т.к. платить ей нечем. В течение зимы не раз являлся завхоз больницы с требованием «убираться вон». Дело о выселении из квартиры передано было в суд. При разборе дела Козявкину почти не допрашивали. Суд решил выселить ее из квартиры. Козявкина заявляет о крайне тяжелом материальном положении ее семьи.	Обком Медсантруда, председателю 29/V
3	Листопад А.И., пол[евая] почта 42652-Р**	Автор, будучи уполномоченным обкома ВКП(б) по к-зу «Красный труд» Никифоровского р-на, обнаружил там крайнюю бесхозяйственность и	Облпрокуратура, т. Савельеву

		преступное отношение к общественному достоянию. Во-первых, 83 цент. семенного картофеля исчезли неизвестно куда. Хранение остального картофеля было из рук вон плохо, отсюда большая часть его сгнила. Под н[овый] год больше 40 лошадей имели хорошую упитанность. К началу весеннего сева большинство из них оказались сильно истощенными. Лучшая конематка abortировалась вследствие того, что председатель к-за, будучи пьяным, загнал ее. Сын председателя в прошлом году утопил лошадь. Завхоз колхоза также загнал лошадь. Много лошадей пало от истощения и чесотки. Райпрокурор обо всех безобразиях в колхозе знает, но умышленно скрывает их. В колхозе царит произвол председателя, избивающего подростков и колхозниц. За 1942 год не было ревизий, не составлен отчет. Всех безобразий не перечислишь.	29/V
4	Макарова М.В., Избердеевский р-н, к-з им. Ворошилова***	Жена фронтовика пишет, что она с пятью детьми погибает с голоду. Все, что было в хозяйстве, продали. Сейчас ни одежды, ни продуктов питания нет. У нее грудной ребенок лишен молока. Семья питается гнилой картошкой. Старшему ребенку 10 лет. Дети побираются, но это не прокармливает. Ее сына в колхозные пастухи не взяли. Макарова в отчаянии. Она обращалась к председателю райисполкома. Он в помощи отказал. Жена фронтовика просит о срочной помощи.	Избердеевский РК ВКП(б), Сухареву 2/VI
5	Витюк, эвакогосп[италь] № 5354*****	Автор жалуется на безобразия в обслуживании раненых. В госпитале антисанитария. Кормят плохо, нормы урезают. В перевязочной отсутствуют необходимые медикаменты. Массовой культурной работы не ведется. Раненым бойцам и командирам систематически задерживается выдача денег на 2-3 месяца.	Эвакоуправление по госпиталям 2/VI
6	Кузнецова М.И., г. Мичуринск, Украинская ул., д.148, 31/V*****	Мать двух фронтовиков жалуется на несправедливость горсобеса. Как только было получено из части извещение о гибели ее второго сына, собес снял мать с пособия и требует какую-то справку о том, что сын был на фронте, якобы, для зачисления ее на пенсию. Но ведь старший сын Кузнецовой сейчас на фронте. Оба сына не имеют своей семьи, все время жили с матерью. Мать-старуха буквально обивает пороги учреждений и нигде не находит поддержки. Ни пособия, ни пенсии ей не выдают.	Секретарю Мичуринского горкома ВКП(б) 2/VI
7	Ерохина И.Г. и др., Сампурский р-н,	Группа эвакуированных пишет, что они***** не могут получить хлебный паек за апрель и май м-цы. Вследствие этого положение их,	Сампурский райисполком,

	с. Медное, 1/VI*****	особенно семей фронтовиков, крайне тяжелое. Люди голодают. Все они работают в колхозе, и времени, чтобы отыскать председателя сельпо, у них нет. Сельпо же не беспокоится о людях, которые ничего в хозяйстве не имеют, и, следовательно, паек для них – единственное средство к существованию.	председателю 2/VI
8	Чертилин Ф.М. и др., Красивский р-н, с. Моршань-Лядовка	Инвалиды отечественной войны и эвакуированные жены военнослужащих жалуются на райпрокурора Елисеева ³⁶ , который бездушно отнесся к их заявлению о том, что продавец магазина № 3 не выдавал им продпак с декабря 1942 года, а хлеб на них получал. Заявление прокурору было подано 13/IV, но до сих пор ответа от него нет. Большая группа людей находится в крайне тяжелом материальном положении.	Облпрокурору 3/VI
9	Холопов С.Е., Алгасово, ул. Лотикова, 81 3/VI*****	Автор сообщает о том, что н-к Моршанской тюрьмы Лысенко ³⁷ , ранее работавший нач. Алгасовского отд. НКВД, 6 мая заехал с двумя неизвестными в военной форме в кладовую с/х артели им. Кирова и в присутствии члена ревкомиссии Синякина вынудил председателя артели выкroить ему товар на ботинки, самовольно взял сверток кож и уехал. На такое насилие был составлен акт. Председатель обращался с этим актом в различные районные организации, но никто не захотел принять.	Областное управление НКВД, тов. Митряшову 3/VI
10	З.Е. Лассман, Астраханская, 116*****	Жена подполковника медицинской службы, эвакуированная в Тамбов, имеющая на иждивении дочь и слепого отца 76 лет, не получает хлебной карточки, работает в к-зе «Рассвет» Покрово-Пригородного с/с. В колхозе хлеба не получает. Уличный комитет № 168 стандартной справки не дает. Семья Лассман подвергается со стороны соседей оскорблениям, имеются факты антисемитских выпадов. Автор, кроме этого, указывает ряд лиц, нигде ни работающих, получающих хлеб по карточкам, занимающихся спекуляцией.	Горсовет, тов. Моисейцеву 3/VI
11	Абрамова, Полетаевское райзо	Автор жалуется на то, что специалистов райзо не снабжают причитающимися им по карточкам предметами первой необходимости и продуктами. За все время войны они получили по 400 гр. соли, по 1 флакону одеколona, зубную пасту и больше ничего.	Облторготдел 5/VI-43 г.
12	Н. Макарова, Коноплянская НСШ Красивского р-на*****	Жена командира Кр. Армии, эвакуированная, сообщает, что райпотребсоюз недобросовестно относится к распределению пайка. Еще в апреле из области для семей начкомсостава, эвакуированных в Красивский	Красивский райисполком, председателю

		район, был послан паек, состоящий из 2 кгр. муки, 1 кгр. крупы, 400 грамм масла, 400 гр. мыла на каждого члена семьи. В середине мая мука в торгующую сеть поступила. Но комиссия при райисполкоме и райпотребсоюз очень долго ее распределяли и, наконец, послали по торговым точкам в конце мая. В райцентре выдали пшено, а в остальные сельсоветы разослали пшеницу – отбросы, одну шелуху. Якобы, не хватило пшена. Однако и эту шелуху семьи командиров не получили. Ее сдали для размола на Инжавинскую мельницу, где ее и до сих пор «размалывают». Об остальной части пайка и вовсе ничего не слышно. Это в Красивском районе. Рядом же – в Инжавинском – все благополучно, семьи начкомсостава получили причитающийся им вышеуказанный паек сполна.	5/VI
--	--	---	------

Зам. ответредактора Черняк
Зав. отделом писем М. Шихман³⁸

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3408. Л. 140-141 об. Подлинник.

-
- * Дата установлена на основании заголовка.
- ** Помета против п. 3: *Сообщить т. Шиндину, пусть расследуют и разберут, сообщат мне результаты. Волков.*
- *** Помета против п. 4: *Срочно передать т. Яковлевой для контроля и сообщения мне о результатах. Волков.*
- **** Помета против п. 5: *Сообщить т. Хорькову. [Волков].*
- ***** Помета против п. 6: *т. Яковлевой. Проследить за результатами. Волков.*
- ***** Помета против п. 7: *Сообщить т. Татаренкову. [Волков].*
- ***** Слово *они* вписано чернилами.
- ***** Помета против п. 9: *Обязательно сообщить тов. Лещуку. Пусть расследует и доложит мне. [Волков].*
- ***** Помета против п. 10: *т. Сергованцевой. Разрешите этот вопрос. Волков.*
- ***** Помета против п. 12: *Сообщить т. Бурцеву. Пусть займется. Волков.*

№ 659

Из докладной записки лектора П.И. Шувалова³⁹ секретарю обкома ВКП(б) по пропаганде Е.В. Хорошенко о состоянии агитационно-массовой и пропагандистской работы в Староюрьевском районе

23 июня 1943 г.

Во второй декаде июня с/г по Вашему поручению я выезжал в Старо-Юрьевский район для чтения лекций на тему: «Текущий момент и наши задачи» и ознакомления с состоянием агитационно-массовой и пропагандистской работы.

Лекции читал в следующих пунктах района:

		Присутствовало
1	Райцентр, ДСК – для партийного колхозного актива, интеллигенции	300 ч.
2	Село Мизинец* – для колхозного актива и интеллигенции	220 ч.
3	Село Н[ово]-Никольское	80 ч.
4	Село Б[ольшая] Дорога	60 ч.
5	Колхоз «12-[й] Октябрь» – для колхозн[иков]	100 ч.
6	Совхоз имени Ленина – для рабочих, ИТР, служащих и колхозного актива	120 ч.
7	Махорочный совхоз	90 ч.
8	Чурюковская МТС – для рабочих и служащих	70 ч.

Лекции везде слушались с большим интересом, задавалось много серьезных вопросов. Особенно население интересуется вопрос о причинах роспуска Коммунистического Интернационала и др.

Задавались следующие вопросы:

1. Почему распустили Коммунистический Интернационал?
2. Почему ликвидированы политотделы в МТС и совхозах?
3. Какое сейчас наше отношение с Польшей?
4. Что сейчас происходит в Китае?
5. Какое положение в Индии?
6. Когда же союзники откроют второй фронт в Европе?
7. Почему в городах открывают церкви?
8. Какое положение сейчас в Германской Компартии?
9. Что стало с Тельманом⁴⁰?

10. В чем заключаются противоречия между французским генералом де Голлем и Жиро⁴¹ и много других вопросов.

В Старо-Юрьевском районе за последнее время церковники оживили свою работу. В некоторых селах, как, например, в селе Большая Дорога, в Подгорное, Мизинец*, Ново-Никольское и других, произошли массовые выступления церковников и верующих. Сотни колхозников по ночам и днем устраивали моления и просили бога послать дождь. Особенно это ярко проявлено в селе Большая Дорога. Вечером 10, 11 и 12 июня в этом селе колхозники и другие верующие собирались по несколько сот человек и у развалин старой церкви на могиле Дуньки-Черепашницы** устраивали

моления. Около церкви имеется могила одной бывшей**** ненормальной женщины по имени Дунька, которая ходила по селам и собирала черепки от горшков. Ее и прозвали «Дунька-Черепичница». Она умерла, и вот прошел слух, что Дунька – «святая», и что если помолиться богу на ее могиле, то будет дождь. Каждый вечер и ночь собираются у ее могилы сотни людей и молятся богу.

Моление устраивалось даже и днем, в рабочую пору. 13 июня днем около часу дня на могиле этой «Дуньки» собралось около 200 человек, большинство колхозников-женщин, которые даже ушли с поля.

Такие дела происходят и в других селлах.

В селлах усиленно распространяются слухи, что, мол, коммунистов распустили, ликвидировали политотделы в МТС, скоро распустят и колхозы.

Вследствие такого явления в районе я проверил в некоторых селлах и колхозах состояние агитационно-массовой работы среди населения и выявил следующее:

Вот, например, село Большая Дорога, где особенно ярко проявляется выступление верующих, какое здесь положение с агитационно-массовой работой среди колхозников и населения. В селе имеется агитколлектив в количестве 23 чел., которым руководит т. Зельцер М.Г.⁴², он же парторг первичной парторганизации (директор НСШ). Агитколлектив работает из рук вон плохо. Семинары с агитаторами проводятся редко, без подготовки, агитаторы там ничего не получают кроме накачки. Памятка агитатора на период весеннего сева не изучалась с агитаторами, они ее не имеют, а в парткабинете их около 100 шт. валяется***** в пыли. Зав. парткабинетом т. Шустов забыл до сих пор их послать.

Агитаторы – большинство учителя, расставлены по колхозным бригадам, но в поле среди колхозников совершенно не работают и в колхозах не бывают. Первомайский приказ т. Сталина ни среди агитаторов, ни среди колхозников не изучается. Тов. Зельцер – парторг, он же руководитель агитколлектива, на мой вопрос, как изучается приказ т. Сталина от 1 мая, мне ответил: «Мы его изучали путем проведения митинга». Ясно, что колхозники, население села этого исторического документа не знают*****.

В этом селе имеется изба-читальня (находится у самых развалин церкви, где происходит моление), имеется заведующая избой-читальней т. Храмцова, беспартийная, которая работает 11 месяцев, однако, работы там нет. Изба-читальня совершенно не работает, она никогда не открывается, там имеется одна лишь ломаная скамейка***** и все.

Вот такая работа здесь проводится, вот почему церковники здесь разгулялись. [...]*****.

Лектор обкома ВКП(б) Шувалов

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3554. Л. 30-31 об. Подлинник.

* Так в документе. Правильно – с. Мезинец.

** То же. Следует читать – Черепичницы.

*** Слово *бывшей* вписано чернилами.
**** Слово *валяется* вписано чернилами.
***** Слова *не знают* дописаны чернилами.
***** Слова *ломаная скамейка* вписаны чернилами.
***** Опущена информация о работе отдельных агитколлективов района.

№ 660

Письмо военнослужащего И.В. Кострюкова в Тамбовский обком ВКП(б) об оказании помощи семье⁴³

30 июня 1943 г.

Привет с фронта! Секретарю областного комитета партии Тамбовской области [пишет] Кострюков Иван Васильевич, 1918 г. рождения, работал с 1935 г. по 1939 г. в ТВРЗ. С 1939 г. нахожусь в рядах РККА. Семья моя состоит из 6 человек, из них я и брат Кострюков Михаил, 1922 г. рождения, тоже в армии, с 1940 г. был средним командиром и уже погиб на Центральном фронте. Мать, Кострюкова Анна Ивановна, рождения 1896 г., больна и нетрудоспособна. Три сестры учатся, 1924 года рождения, 1929 г. и 1932 г. Семья моя проживает в Инжавинском районе, Лопатинском с/с, д. Дуровка.

Изба моя совершенно развалилась два года тому назад, мать ходит по квартирам. Топлива нет, хлебом не обеспечивают совершенно. Обуви и одежды уже как год ничего нет. Мать не раз обращалась в район к властям за помощью, ее слушать не желают, и налог совершенно не сложен. Пользуются тем, что она темна и больна.

Я прошу Вас оказать мне в этом помощь моей семье, а то получается непонятно. Я все молчал, думал, ладно, как-нибудь. 26 июня еще получил два письма, со слезами просят и упрекают. Хотя мы, командиры-коммунисты, понимаем тяжесть, переносим ее, сами разъясняем бойцам и помогаем в этом, а тут получилось у самого.

Прошу о принятых мерах сообщить мне по адресу: Полевая почта 12550 «И», Кострюкову Ив[ану] Вас[ильевичу].

Пока до свидания. Будь здоров. С боевым приветом

И. Кострюков

Резолюция: т. Хорькову. Прошу разобраться, принять соответствующие меры и дать ответ. 25/VII-43 г. Майоров.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3847. Л. 235-235 об. Автограф.

№ 661

Представление прокурора Гавриловского района М.С. Склярского⁴⁴ в Гавриловский райком ВКП(б) о результатах проверки обстоятельств массовых случаев заболеваний и смертей среди жителей с. Васильевка

9 июля 1943 г.

В результате проведенной райпрокуратурой проверки обстоятельств массовых случаев заболеваний и смертей среди гр-н с. Васильевка установлено:

1. С осени 1942 г. в к-зе «Ревтруд» Васильевского с/с остались не скошенными и ушли под снег 30 га проса, не успевшего полностью созреть. С наступлением весны 1943 г. местное население начало самоуправно собирать просо, перерабатывать его на пшено, муку и употреблять в пищу.

Как впоследствии было установлено врачами, известная часть проса была поражена ядовитым грибом и вызвала тяжелое отравление со смертельным исходом у ряда лиц. Первый случай смерти на этой почве был в начале м-ца с.г. в семье Толкачевых, действительно нуждавшейся в хлебе, а последний случай был в конце июня с.г. в семье Мачиной У.Ф. Всего умерло за это период 6 (шесть) человек, а 4 (четыре) заболевших вылечились и сейчас здоровы.

2. Проверкой также установлено, что из общего числа всех умерших от отравления 4 человека не нуждались в продовольствии, имели относительно зажиточное хозяйство (коров, овец и некоторые ресурсы хлеба) и поедали это недоброкачественное просо только из-за своей жадности.

К примеру, Ульяна Мачина и ее дочь Пелагея, несмотря на смерть своей родственницы Дарьи Мачиной, продолжала употреблять в пищу это просо и, уже лежа на смертельном одре, возражала против того, чтобы уничтожить оставшееся просо. Она же вместе со своей дочерью наотрез отказалась отправиться на лечение в больницу, а только после их смерти остальные члены этой семьи согласились на лечение в больнице, где они и выздоровели.

3. Проверкой также установлено, что подвергшиеся заболеванию члены семьи Толкачевой в марте с.г. обращались за помощью в с/с, и она была взята на снабжение хлебом через сельпо (2 из 3 человек семьи).

4. Наконец, проверкой также установлено, что ни руководители с/с, к-зов Васильевки, ни медработники в лице врача Родионовой, ни мед. фельдшер Воронков ни непосредственно, ни через райздавоотдел не приняли всех мер к разъяснению населению опасности употребления в пищу этого проса и даже к изъятию его от населения, хотя эти события длились на протяжении почти двух месяцев.

5. В свою очередь отдел гособеспечения РИКа «не заметил» этих событий и не принял по ним должных мер, что тем более было недопустимым, поскольку в Васильевском с/с установлены случаи опухания некоторых лиц от истощения (в семье Лаптевых, Банниковых и др.).

Аналогичные случаи голодного опухания имеют место в некоторых селах района, но эти данные не учтены отделом гособеспечения РИКа, не реагирующего поэтому на них своевременно.

6. Райздравотдел также не учитывает специально у себя всех таких больных, обращающихся за медпомощью в амбулаторию и больницу. Такое равнодушие со стороны приведенных выше организаций и их руководителей является совершенно нетерпимым и заслуживает строжайшего осуждения.

7. Не находя целесообразным возбуждение по всем этим материалам уголовного дела, настоящим представлением вношу для обсуждения следующие предложения :

1) Осудить, как недостойное советских работников, поведение пред. Васильевского с/с т. Токарева, пред. к-зов «Красный партизан» т. Патрина, «Ревтруд» т. Мачина С.З., медфельдшера Воронкова, а также руководителя отдела гособеспечения т. Янина⁴⁵ и райздрави Говердовского, допустивших полную беспечность в деле заблаговременного выявления остро нуждающихся в продовольствии для оказания им необходимой помощи и предотвращения заболеваний (и смертей) от поедания недоброкачественного проса, пораженного грибом.

2) Обязать отдел гособеспечения (т. Янина) и пред. всех с/с и к-зов взять на точный учет всех остро нуждающихся лиц с тем, чтобы организовать немедленную продовольственную помощь за счет местных ресурсов и средств отд[ела] гособеспечения.

3) Одновременно обязать зав. райздравотделом т. Говердовского также организовать полный учет всех обращающихся в медучреждения р-на больных с алиментарными отеками для своевременного информирования райгорорганизаций на предмет принятия ими соответствующих мер помощи этим лицам.

4) Предложить нач. РО НКВД т. Ледовских⁴⁶ выехать в с. Васильевка, на месте принять меры к изъятию у населения недоброкачественного проса, собранного на полях к-за «Ревтруд», и передаче последнему этого проса для использования его на корм птице (при санкции на это зооспециалистов райзо).

5) Предупредить всех пред. с/с и к-зов, а также зав. отд[елом] гособеспечения т. Янина, что они несут личную ответственность за безусловное и четкое выполнение настоящего указания, и что при возможности выявления новых фактов смерти вследствие неоказания помощи в ней остро нуждающимся виновные в этом должностные лица будут привлечены к строжайшей уголовной ответственности.

6) Вопрос о возможности дальнейшего использования на работе [пред.] к-за Мачина С.З., по вине которого остались не скошенными 30 га проса, растущие весной 1943 г., чем к-зу был нанесен большой материальный ущерб, разрешить после проверки всей хозяйственной деятельности этого к-за. Поручить райзо закончить проведение этой проверки к 25/VII-43.

Прокурор Склярский

№ 662

Письмо семьи Соловкиных на фронт Е.К. Соловкину о тяжелых условиях жизни*

20 июля 1943 г.

Здравствуй, дорогой наш папа! Шлем мы тебе все по привету и от души желаем доброго здоровья навсегда. Папа, когда мы получили твое письмо, были очень рады. Но ты уже знаешь теперь, что у нас большое несчастье – прирезали корову, переделали на колбасу и продавали в Тамбове. Мама только приехала с Тамбова – пошла на работу, как раз на этот день давали паек, и ее сняли с работы 16/VII. Он говорит: «Сокращение штатов», а сам принял на ее место. Окромя было кого сократить – одиноких и кто работает один месяц. А ты уже знаешь, что она работает 2 года. Митька Кувардин – он его помощник, сказал, что «он тебя снял по сердцу». Когда корову прирезали, и мама пошла просить лошадь, он ей сказал: «Запрягайся сама и вези». А она ему ответила, что «нужно тебя на мужнее место, а муж мой отвезет». На это осерчал и враз снял с работы. Это такой директор, что обзывает босой командой, ворами, ругает матом. Когда она пошла к нему с надеждой и вышла от него со слезами, он даже выгнал ее из кабинета. Все говорят, что неправильно, даже председатель профсоюза. Но с ним ничего не сделаешь, он как бывший помещик – всем глотку рвет, все рабочие кричат, кто ему против скажет, он говорит: «Угоню на фронт».

Папа, постарайся об этом, а то мама вдалась в тоску. И корову прирезали, выручили мало – 21 тыс. руб., а корова стоит до 70 тыс., и маму с работы сняли, и паек отказали. Мука стоит 3000 руб. и больше. Ей стараться негде. Прокурор ему друг, с ним заодно. Работы больше нет, потому что все работают на прежнем месте.

Папа, после тебя многих побрали, и жены не работают, а получают. А стали говорить ему, то ответил: «Не ваше дело, кому хочу, тому и буду давать».

Папа, ты обязательно постарайся насчет пайка, а то очень плохо у нас. Все очень дорого. И что же – все завоевали для своих детей, а ты второй год воюешь и не завоевал? Папа, постарайся взять его на фронт, а то он тут всех рабочих замучил и над всеми измывается как настоящий вредитель. Мама через него болеет, не так через корову, как через него, толстобрюхого пьяницу. Как он ее огорчил. Он только и грозит: «Угоню на фронт да на трудовой фронт». Папа, постарайся его туда взять. Пусть попробует, чем он другим грозит.

Папа, нам паек сейчас не дают нигде. Говорят: «Иди работать», а работать негде, и удивляются, почему ее сняли. Бригадирка стала у него спрашивать, он ответил: «Она очень ругается».

Папа, будешь писать, то пиши на райвоенкомат или на нас. А то если попадет ему в руки, он утаит. Это есть настоящий зверь. Папа, посоветуй нам, как быть с коровой. Мы если приготовим сена воза 3-4, то купим одни, а не приготовим, то с кем согласимся.

Новостей больше нет. Будут – сообщу. Папа, у нас многие посылали в часть своим мужьям, и оттуда прислали, чтобы поставить на работу или выдать хлеб.

Затем до свидания. Остаемся живы и здоровы, того и тебе желаем.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3846. Л. 211-212 об. Автограф.

* Письмо направлено из с. Терновое Инжавинского района.

№ 663

Докладная записка уполномоченного Тамбовского обкома ВКП(б) В.Ф. Лимонова первому секретарю обкома ВКП(б) И.А. Волкову о фактах нарушения принципа добровольности при проведении подписки на второй государственный военный заем в колхозе «Волна революции» Гагаринского сельсовета Пичаевского района

26 августа 1943 г.

В бытность в Пичаевском районе мною проверены факты извращения принципа добровольности при подписке на второй военный государственный заем в колхозе «Волна революции» Гагаринского сельсовета.

Следует считать установленным, что местные советские и колхозные активисты по указанию и при прямом покровительстве секретаря по кадрам Пичаевского райкома ВКП(б) тов. Епихина⁴⁷, являвшегося уполномоченным райкома по реализации займа в этом сельсовете, допустили грубое администрирование по отношению к колхозам и явно нарушили принцип добровольности при подписке на заем.

Выяснилось, что некоторые колхозники сельхозартели «Волна революции», производя предварительную подписку на заем, обещали передать колхозу телят и ягнят для продажи их на базаре и покрытия за счет этого подписных сумм. Зав. фермой колхоза тов. Самошкин Павел Гаврилович, например, рассказал, что он сразу же на собрании подписался на заем и для покрытия подписной суммы отдал правлению колхоза своего барана. Добровольно передали свой мелкий скот колхозу для покрытия подписной суммы по займу и некоторые другие колхозники.

Однако по отношению целой группы колхозников сельский Совет, активисты колхоза не без ведома секретаря РК ВКП(б) тов. Епихина применяли методы принуждения и наглого обмана. Об этом свидетельствуют следующие заявления пострадавших колхозников.

Колхозница Белова Акулина Васильевна (жена убитого на фронте красноармейца, имеет на иждивении троих малолетних детей) заявила: «На

заем я подписалась на 1000 рублей. Думала их постепенно изыскать за счет продажи продуктов и внести. Но на второй же день после подписки на рассвете ко мне в дом пришел уполномоченный по займу Никитин Н.П. (бухгалтер сельпо) и потребовал, чтобы я свела своего телка на колхозный двор для оплаты подписки на заем. После настойчивых требований Никитина я вынуждена была отдать телка. Позднее я узнала, что телка моего продали и взяли за него 3900 рублей и все их без моего согласия записали на заем, несмотря на то, что я давала согласие подписаться на 1000 рублей».

Колхозница Мускатова Татьяна Павловна (мать инвалида отечественной войны, имеет на иждивении 2 человек) рассказывает: «Меня заставили подписаться на заем на 1000 рублей. Сразу же потребовали, чтобы я внесла эти деньги. Вызвали в сельсовет. Сидела я там с дочкой с утра до вечера. Все время меня заставляли внести деньги. Потом несколько раз приходили уполномоченные на дом и настойчиво требовали, чтобы я отдала им барана. В конце концов я вынуждена была барана отдать. Его свезли и продали за 1500 рублей. Всю эту сумму без моего ведома внесли на заем, а мне вручили облигации».

Колхозница Орешкина Анна Тихоновна (мать красноармейца, имеет на иждивении 2 внучат) рассказала: «На заем я подписалась на 1000 рублей и сама отдала барана. Его продали за 1600 руб. Недовольна я тем, что все деньги, вырученные от продажи барана, без моего согласия внесли на заем. Просила я сельсовет остаток от подписки (600 рублей) зачислить в уплату сельхозналога, но и этого не сделали наши руководители».

Колхозник Кривошеин Николай Никифорович, 67-летний старик, по поводу подписки на заем заявил: «У меня на фронте 4 сына. Знаю, что им надо помогать громить врага. Сам я без устали работаю в колхозе. При подписке на заем я без лишних слов подписался на 1000 рублей. Сам свел на колхозный двор телка для продажи. Но поступили наши руководители со мной неправильно. Они продали моего телка за 3040 рублей и ни с того, ни с сего все эти деньги зачислили на заем. Получилось так, что почти все мои соседи дали на заем по 500-800-1000 рублей, а с меня, старика, взяли 3000 руб. Вот за эту-то несправедливость я и обижаюсь на наших руководителей колхоза и сельсовета».

О грубом администрировании сельских активистов говорит также прилагаемая копия докладной записки* инспектора областного управления сберегательных касс тов. Анисимова, расследовавшего жалобу колхозницы Колесенковой М.И.** К этой записке* следует добавить, что колхозница Колесенкова – это 85-летняя старуха, мать красноармейца, содержит на своем иждивении 3 малолетних внуков, не имея в семье ни одного трудоспособного.

Всего было собрано у колхозников сельхозартели «Волна революции» 4 телка и 15 овец, которые проданы Пичаевскому райпромкомбинату за 36240 рублей. Вся эта сумма, без учета сумм подписки колхозников и без их согласия, внесена в подписные листы и в погашение займа.

Таким образом, факты принуждения и надувательства колхозников при подписке на заем в сельхозартели «Волна революции» имели место. При всем этом проявлено местными работниками бездушно чиновничье отношение к семьям красноармейцев.

Секретарь Пичаевского райкома ВКП(б) тов. Епихин, будучи уполномоченным по займу в Гагаринском сельсовете, сам лично не прибегал к изъятию скота у колхозников, но он, несомненно, толкал местных активистов на путь администрирования, покровительствовал обману колхозников и за все это должен нести ответственность.

*Уполномоченный обкома ВКП(б) по Пичаевскому району
отв. редактор [газеты] «Т[амбовская] п[равда]» В. Лимонов*

Резолюция: т. Розанцеву. Ваше мнение? 30/VIII. Волков.

Помета: Епихин снят. В дело. С контроля снять. Розанцев.

ЦДПИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3628. Л. 159-161. Подлинник.

* Слова докладной записки вписаны чернилами.

** Приложение не публикуется.

№ 664

Телеграмма первого секретаря Избердеевского райкома ВКП(б) В.К. Сухарева начальнику госпиталя № 1395⁴⁸ о самовольной уборке картофеля на колхозных полях красноармейцами, находящимися на лечении

1 сентября 1943 г.

По Вашему указанию бойцы творят бесчинства в колхозах района, самовольно под силой оружия производят уборку в колхозных полях картофеля. Подняли большие волнения среди колхозников. Немедленно отмените свое незаконное распоряжение, иначе буду молниировать зам. наркома Хрулеву.

Секретарь райкомпарта Сухарев

ЦДНИТО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 210. Л. 47. Отпуск.

№ 665

Письмо учительницы Е.Ф. Проскуряковой⁴⁹ младшей сестре⁵⁰ о материально-бытовых условиях жизни и работе*

*Октябрь 1943 г.***

Здравствуй, милая моя сестра Лиля! Шлю тебе сестринский привет и от души желаю успеха в жизни.

Милая моя сестренка, я получила твое письмо уже давно, но тебе все не отвечала лишь потому, что занималась особой работой. То есть мы так же, как и вы, начали работу в школе с 1/X-43 года, и вот я работаю вновь в школе среди уч-ся. Веду физику в 8-х и в 6-х классах и в одном 8 классе «а» веду математику, т.е. алгебру и геометрию, а там буду вести и тригонометрию.

Вот, Лиля, теперь себе представляешь, как мне приходится много поработать прежде, чем пойти на уроки, ведь я 8-е классы веду впервые в своей жизни. Но пока с работой справляюсь. Что будет дальше – увижу, постараюсь справляться и впредь. Что сама не осилю, то буду к тебе обращаться за помощью, так как у тебя память свежее, т.е. ты проходишь этот материал позже, не просматривая программу 8-х классов. Но там нет ничего недоступного, все просто.

Теперь, Лиля, я получила $3\frac{3}{4}$ фунта шерсти от Ариши на валенки, но валять теперь, наверное, надо погодить, возможно, эта шерсть тебе пригодится на чулки или кофточку, так как ты валеночки уже себе достала, и Женя тоже достала и ей тоже придется валять обождать. А еще я думаю так. Валять их отдавать буду тогда, когда пройдет сезон, то есть к весне, к будущему году, тогда сваляют лучше и дешевле. Лиля, а старые валенки также подшей, а то новые везде будешь носить, их ненадолго хватит. В старых будешь ходить за дровами, за водой и везде по разным делам, а в новых будешь ходить куда получше и в школу. Я тоже себе подошью свои старые и новые подошью валенки и буду в них ходить везде и всюду, то есть на базар, в школу. А в Ражки⁵¹ буду опять ходить в лаптях. А в лес в нынешнем году ездить не обещаюсь, потому что надеюсь на школьные и хозяйские дрова.

Я перешла жить на новую квартиру в каменный красный дом. Его будут отоплять хозяева. Дом на две квартиры. В одной квартире я живу с хозяевами. Их в семье 3 человека: парнишка 1926 года рождения и его мать с отцом, имеющие по 57 лет от роду. За квартиру им буду платить по мерке картошки, а дрова – их и те, что мне дадут из школы.

Жить, Лиля, с хозяевами буду вместе, работы мне будет меньше. Печку она топит сама, дров носит сама. Вода рядом – носит сама. Баню топят, и я буду мыться, а там я во весь год только 1 раз была в бане, а то дома мылась в 1 месяц раз. Там я все время себя чувствовала, как не дома, хотя и прожила целый год. Та старуха была непутевая. Я ей платила по 2 кг пшеницы в месяц, а ей, видите ли, показалось мало, просила прибавить ей деньжонок и отремонтировать окна, которые вывалились от гнилости. Я ей посулила и денег прибавить, и окна отремонтировать, и топить «голландку» в своей комнате, подкидывать в русскую печь, когда там буду себе варить или печь блины, хлебы. Моя старуха рада, а я собрала пожитки да ушла. Сказала: «Теперь до свидания. Пускайте квартирантов семейных, которые будут отоплять и вам будут дом ремонтировать».

Сегодня у меня был урок, и я его провела в 8 часов утра – хотела [...]***, но задержали, ибо начал накрапывать дождь, проверив тетради, написав 2 письма, дождь все усиливается. Теперь хозяйка топит баню, и я

вымоюсь, а то в бане не помню, когда была. Хоть немного, но поживу за этой хозяйкой, как за матерью – у нее дочь учится в Н[ижнем] Ломове в учительском институте. Эта дочка и посоветовала своей маме пустить меня к себе на квартиру. А еще у нее 4 сына – все на фронте. Двух уже убили. Все они молодые и женатые. Мать о них сильно убивается. Вообще, мать и отец – люди смирные. Думаю, этот год я у них проживу неплохо. Только каменные избы – сырые, там только зимой будет плохо, но мы с тобой, помнишь, томились, в каких каменных жили, да не подошли. Жили в Воронеже у Архиповых в сыром углу, у Лавлинских жили тоже в сырой. Я прошлый год жила в Пензе в каменной, хотя та была сухая. Не умерла, ну и теперь проживем, тем более будем топить с двух рук – я и хозяева.

Лиля, я на своем огороде собрала 90-85 мер картофеля, 7 ½ мер проса – есть, чем питаться. Приезжай, хватит и для тебя. Возможно, на будущий год увидимся. Мне кажется, что война скоро кончится, скоро разгромим врага, и мы будем жить [...]****, будем пользоваться отпусками и поедем опять работать в город, будем учиться. Жду я этого дня, когда мы увидимся и будем жить вместе.

Лиля, теперь нас, учителей, поднимают понемногу. Вот нам дали по 4 кг соли, дали 800 гр. меда, по 4 литра керосина, дали мне кофточку, вязаную майку, белую бумажную [...]***** – можно будет носить вместо рубахи. Лиля, а эвакуированные учителя от нас уезжают, их вызывают в свои области облоно, и они понемногу от нас потекли. Одна уехала в Курскую область, другая – в Орел. А меня хотят послать под Пензу в одно село, а мое место отдать другому, но я не поехала. Меня стали пугать Курской областью, а я ответила, что в Курскую область я поеду, на фронт поеду, а в село Черноезеро под Пензу не поеду. Лучше буду токарем. И так слабо у них вышло меня отправить под Пензу, неповинную. Пусть сначала найдут вину, а потом отправляют. Лиля, а лошади от работы не упадут.

Лиля, я не работала на школьном участке. У нас работают сторожа и ученики. Слишком много будет чести везде работать. Мы не должны много на свои руки налегать, а должны руководить учащимися. Пусть ученики работают, а мы – руководители, а не работники.

Мой адрес: п/о Голицынское Пензенской области, с. Голицыно⁵², улица Московская, дом № 12, Проскур[якова] Е.Ф.

Личный архив В.Л. Дьячкова.

* Письмо направлено по адресу: п/о Избердеевское Тамбовской области, деревня Кучино, колхоз «3-й решающий», Елизавете Федоровне Проскуряковой.

** Дата установлена по почтовому штемпелю.

*** Одно слово неразборчиво.

**** Два слова стерты на сгибе листа.

Постановление бюро Инжавинского райкома ВКП(б) «О снабжении хлебом рабочих сил и служащих района в ноябре месяце 1943 г.»*

31 октября 1943 г.

Ввиду установления лимита на получение прод[овольственного] зерна на ноябрь месяц 1943 года в количестве 40 тонн, а контингенту рабочих и служащих по существующим нормам в р-не требуется не менее 64 тонн, допустить примесь в хлеб жмыха или картофеля не более 15 % для всего населения района, за исключением больницы и дошкольных организаций.

ЦДНИТО. Ф. 965. Оп. 1. Д 292. Л. 120 об. Подлинник.

* Из протокола № 61 заседания бюро Инжавинского райкома ВКП(б) от 31 октября 1943 г.

№ 667

Информация начальника отделения милиции станции Тамбов Ефремова первому секретарю обкома ВКП(б) И.А. Волкову об аресте группы лиц, занимающихся подделкой хлебных талонов

12 февраля 1944 г.

Нами вскрыта и арестована группа воров-расхитителей хлеба через посредство подделки изготовления хлебных талонов типографическим способом, в которую входили наборщица типографии издательства «Тамбовская правда» Лобкова Екатерина Ивановна, которая имела связь с группой немых: Жировой Прасковьей Георгиевной, Бухариной Прасковьей Петровной, Жуковым Александром Александровичем, Паченикиным Николаем Епифановичем, снабжала последних типографическим шрифтом, а Жирова и другие, имея типографический шрифт, через посредство подбора цветным карандашом и сходственной бумаги подрисовывали имеющуюся бумагу под точный цвет выпускаемых серийных хлебных карточек, занимались подделкой хлебных талонов и, имея связь с работниками столовой № 1 ОРСа ДН-6 ст. Тамбов Алтуфьевой и Дмитриевой, через последних реализовывали поддельные хлебные талоны на хлеб – за что продавцы получали половинную часть хлеба по данным поддельным талонам, а поддельные талоны продавцы Алтуфьева и Дмитриева и продавец ларька горторга Чурикова Прасковья Ильинична сдавали при отчетах в горторготдел. Вместе с настоящими талонами данная группа получаемый хлеб по поддельным талонам ежедневно до 20 килограмм распределяла среди участников группы, а часть его реализовала на рынках г. Тамбова.

При аресте данной группы изъято типографического шрифта, состоящего из 1064 букв, 70 типографических линеек, 20 типографических колодок, полный февральский набор из шрифта для печатания хлебных талонов за 9/II-44 г. по 600 грамм, лист бумаги, на котором изготовлялись

хлебные талоны, и 124 изготовленных хлебных талона за 9/II-44 по 600 грамм каждый, 11 штук хлебных талонов по 300 грамм каждый, 20 штук хлебных талонов по 200 грамм каждый, 4 штуки по 100 грамм каждый.

Самим составом преступления данная группа занималась с января месяца 1943 года и по день ареста.

Следствие продолжается. О чем и доношу.

*Начальник ОМ НКВД ст. Тамбов
капитан милиции Ефремов*

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4184. Л. 76. Подлинник.

№ 668

**Из доклада председателя Мичуринского горисполкома С.А. Молоканова
о задачах по восстановлению городского хозяйства**

*Позднее 1 мая 1944 г.**

1. Что пережил город за 2,5 года?

а) Бомбардировок массированных в городе и на жел.-дор. узле – 26.

Ими сброшено фугасных бомб – 4674.

Разбито прямым попаданием 48 домов, частично повреждено (выбиты стекла, рамы, двери, крыши и фасады зданий) – 1470 домов.

Разбито мостовых – всего 24890 кв. мет., в том числе полностью уничтожена мостовая по улице Гоголевской от ЦГЛ до ул. Герасимова (13200 кв. м).

Частично повреждено мостовых по улицам: Красная, Герасимова, Советская, Революционная, Коммунистическая, Воронежская – всего 1800 кв. мт.

Разбито мостов – 10 шт.

Разбито переходных мостиков – 10 шт.

Разрушено смотровых колодцев на водопроводной магистрали – 30 шт.

Повреждена водопроводная магистраль – 129 пог. метров.

Порвана и разбита электросеть – 9900 пог. метров, электросвязь – 185285 пог. метров.

б) Для оборонных сооружений (строительство дотов, дзотов, блиндажей, амбразур, щелей и газоубежищ) разобрано заборов – 2400 пог. мет., снято ворот – 50 штук, разобрано сараев – 16 штук.

в) Общий убыток от налета вражеской авиации составляет 31 милл. руб., из коих по частновладельческому сектору – 6 милл. рублей.

г) Если ко всему этому прибавить, что на протяжении трех лет мостовые, тротуары, подъездные пути, дома, заборы, ворота и крыши, принадлежащие ведомственным наркоматам (Наркомзему, НКПС, Наркомпищепрому, Наркомпросу и другим), не проводили даже профилактического ремонта, к тому же эвакуацию основных предприятий (ПРЗ, завод им. Ленина, вуза) и частично населения города, оставивших

фактически здания, сооружения, подъездные пути без надлежащей охраны, что привело городское хозяйство в крайне запущенное состояние.

2. Итоги проведенной инвентаризации городского хозяйства представляют следующую картину:

Всего домовладений – 7784, из них: Наркомхоза – 611, НКПС – 832, Наркомпищепрома – 19, Управления промкооперации при СНК СССР – 30, Наркомместпрома – 6, Наркомзема – 50, [Нарком]средмашстроения – 12, Наркомторга – 47, Наркомпросвещения – 27, Наркомздравоохранения – 29, других наркоматов – 54 и частновладельческого сектора – 6067.

3. Культурно-бытовые предприятия города

В городе имеется: бань – 8 (из них Наркомхоза – 2, НКПС – 5, Наркомзема – 1).

Водокачек – 5 (Наркомхоза – 1, НКПС – 4).

Электростанций – 8 (Наркомхоза – 1, НКПС – 3, Наркомсредмаша – 1, Наркомпищепрома – 3).

Парикмахерских – 12 (Наркомхоза – 3, НКПС – 2, Наркомторга – 1, Управления промкооперации при СНК СССР – 6).

Ассенизационных обозов – 6 (Наркомхоза – 1, НКПС – 3, военведа – 1, НКВД – 1).

Больниц – 5 (НКПС – 3, Наркомздрава – 2).

Поликлиник – 6 (НКПС – 4, Наркомздрава – 2).

Родильных домов – 2 (НКПС – 1, Наркомздрава – 1).

Детских яслей – 6 (НКПС – 4, Наркомпроса – 2).

Школ – 21 (НКПС – 7, Наркомпроса – 14).

Детских садов – 17 (НКПС – 3, Наркомпищепрома – 1, Управления промкооперации при СНК – 1, военведа – 1, Наркомпроса – 10, Наркомлеглапрома – 1).

Детских домов – 3 (Наркомздрава – 1, Наркомпроса – 2).

Вузов – 3 (НКПС – 1, Наркомзема – 1, Наркомпроса – 1).

Техникумов – 2 (Наркомзема – 1, Наркомздрава – 1).

Железнодорожных училищ – 3 (Главного управления трудовых резервов при СНК СССР – 3).

Радиоузлов – 3 (НКПС – 2, Наркомсвязи – 1). [...]**.

[Подпись]***

ЦДНИТО. Ф. 513. Оп. 1. Д. 3563. Л. 10-12. Незаверенная копия.

* Дата установлена по содержанию документа.

** Опущен план мероприятий по восстановлению городского хозяйства в 1944 г.

*** Подпись отсутствует.

Письмо девочки Клавды учителю истории школы № 34 г. Москвы Л.И. Апарникову о плохом питании детей в Новотомниковском костнотуберкулезном санатории Агласовского района

18 мая 1944 г.

Здравствуйте, дорогие дядя Леня и тетя Валя! Я вашу открыточку получила и была очень рада.

Дядя Леня, теперь я Вам напишу, что ко мне приезжала мама, я была очень рада, она ехала семь дней и была у меня три дня и ушла пешком, не знаю, как поедет дальше – машиной или нет. Она мне привезла продукты, я очень рада. Дядя Леня, нас и сейчас плохо кормят, все ребята голодные, хлеба не дают, кричат: «Добавок», а добавка нет. Когда приехала мама, то стали давать немножко хлебушка, который сами пекут, просяной, и маслица и беленькой мучицы. Вам мама все напишет, как приедет домой. Она говорит, что она здесь очень настрадалась. Купают здесь один раз в месяц, и мы грязные, а иной раз по одной простыне дают, а сейчас опять нет хлеба, и ребята не наедаются.

Дядя Леня, я перешла в четвертый класс, мне нужны книги для четвертого класса. Письма я получила от одной девочки – от Нади Горшковой. Я очень рада, я ей тоже написала, а больше я не от кого не получала.

Дядя Леня, Вы уже давно писали, что Вы мне послали книги и бумаги, но я не получила, я даже сама не знаю почему. Дядя Леня, если Вы получите мое это письмо, то обязательно напишите, что Вы получили и напишите маме, что я Вам написала письмо. Дядя Ленечка, помогите, пожалуйста, мамочке моей переехать в Москву. Дядя Леня, спасибо Вам за то, что Вы заботитесь обо мне, мамочка мне читала Ваши письма.

Дядя Леня, мое здоровье пока ничего, ну, а натечники у меня еще есть. Ну, дядя Леня, теперь ждите письмо от мамочки, она все напишет.

Ну, пока до свидания, целую вас всех, большой привет Боречке и тете Вале, и Наде Г., и тете Клаве, и всем остальным знакомым. Писала плохо, и, наверно, очень много ошибок, ну, лишь бы понятно. Целую.

Клава

Дядя Леня, у нас сейчас очень много комаров и прям не дают покоя, кусаются.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4119. Л. 44-45 об. Автограф.

№ 670

Информация руководителей Рудовского района в обком ВКП(б) о фактах опухания от голода жителей района

*5 июня 1944 г.
Сов. секретно
Срочно*

За последнее время особенно увеличилось количество зарегистрированных фактов опухания на почве недостатков в хлебе среди колхозников, главным образом, многодетных семей военнослужащих.

Так, например, в Рудовском сельсовете в 119 семьях имеется 176 человек опухших и 339 человек истощенных, в Осино-Гаевском сельсовете в 53 семьях 91 чел. опухших и 74 чел. истощенных, в Питимском сельсовете в 18 семьях 36 человек опухших и 25 человек истощенных, в Софьинском сельсовете в 13 семьях 9 чел. опухших и 38 чел. истощенных. Истощенных в других сельсоветах имеется большое количество, например, в Б[ольше]-Шереметьевском сельсовете – 107 человек, в Дмитриевском – 27 чел., в Глуховском – 62, в Анненском – 81 чел., Вышенском – 73 чел., Липовском – 39 чел., Красивском – 64 человека и в Б[адин]-Угловском – 19 чел. Причем в районе сложилась такая обстановка, что в полученных письмах с фронта фронтовики просят помочь их семьям хлебом, а собранный фонд помощи семьям фронтовиков полностью израсходован. Еще дополнительно изыскать хлеба на месте совершенно нет возможности, тем более, для удовлетворения такого большого числа семей фронтовиков.

В районе это обстоятельство настолько усложнило работу всех советских органов, как и в сельсоветах, что, начиная с утра, рабочий день заполняется приемом указанных выше лиц об оказании им неотложной помощи.

В данное время все, чем было возможно, незначительному числу лиц, многодетным семьям фронтовиков оказана единовременная помощь, но без оказания срочной помощи областных организаций мы обеспечить не сможем. Поэтому просим Вас изыскать срочно возможности и отпустить в порядке оказания единовременной помощи отделу гособеспечения и бытового устройства семей военнослужащих Рудовского района на июнь месяц шесть тонн муки для выдачи временно впавшим в крайнюю нужду семьям фронтовиков по пять килограмм на едока.

О Вашем решении просим сообщить.

*Секретарь РК ВКП(б) Толмачев
И.о. председателя РИКа Косов*

Резолюция: т. Зейфман. Позвоните, что выдано 8 тонн, перепроверив предварительно у Жданова. Волков.

Помета: т. Толмачеву сообщено. Б. Зейфман. 9.VI.1944 г.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4182. Л. 56. Подлинник.

№ 671

Письмо А.А. Комлевой сыну И.Я. Комлеву на фронт о тяжелых условиях жизни⁵³

25 июня 1944 г.

Во первых строках своего письма я кланяюсь своему сыночку Ване и желаю тебе, дорогой сыночек Ваня, доброго здоровья навсегда. Еще тебе кланяется твой братец Володя, он желает тебе всего хорошего навсегда в твоей фронтовой жизни.

Теперь, дорогой сыночек Ваня, я тебе опишу о своей жизни. Я живу очень плохо. Мой сыночек Володя шесть месяцев учился по военному, а я, сам знаешь, какая стала старая. И у нас некому работать. На нас наложили налоги и обязательства на картошку 2 ц 72 кг, еще 100 яиц наложили. И мы, сыночек Ваня, не знаем, чем платить будем, когда у нас нету ничего. Мы сейчас питаемся щавелем и мерзлой картошкой.

Вот, дорогой сыночек Ваня, посоветуй, как нам жить. Мы, было, сами знаем, что надо помогать родине, но нечем. А нам не дают помощи никакой и не считают, что вас пять сыновей в армии, скоро пойдет шестой. Он тоже прошел комиссию, ему сказали, что годен к службе. Тогда как я останусь одна жить. Но ничего, родную землю надо очищать от проклятых врагов.

Дорогой сыночек Ваня, получила твою справку и пошла с ней в Шапкино. Меня с ней сказали: «Плати налоги», тогда будут помогать. Дорогой сыночек Ваня, расстроилась, не знаю, что мне делать и чем платить, когда у меня осталась одна хата и двадцать соток усадьбы. Весь огород мне не дали. Прошу, дорогой сыночек Ваня, постарайся обо мне. Может быть, станут давать хоть 600 грамм хлеба, чтобы я как-нибудь дожила бы хоть до новой картошки.

Но теперь, дорогой сыночек Ваня, я тебя прошу: пришли нам свою фотокарточку как не можно, а то от всех братьев есть, а от тебя нету. Я хоть буду смотреть на вас и то как хлеба наемся.

Дорогой сыночек Ваня, опиши о своей жизни, как ты живешь, и какие у вас успехи. Как не можно бейте крепче врага и скорей домой, а то мы без вас помрем.

Затем до свидания. Остаюсь жива и здорова, того и тебе желаю.

Тамбовская обл.,
Шапкинский р-н,
ст. Мучкап, Кулябовский с/совет,
Комлевой А.А.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 5175. Л. 251, 252 об. Автограф.

№ 672

Обращение специалистов сельского хозяйства Алгасовского района в ЦК ВКП(б) и НКЗ СССР об улучшении их снабжения промышленными и продовольственными товарами

17 июля 1944 г.

Доводим до Вашего сведения, что партия и правительство заботятся о специалистах сельского хозяйства, находят возможным даже в трудные годы Отечественной войны оказывать нам материальную помощь в снабжении нас промышленными и продовольственными товарами. Приказ Народного Комиссариата торговли Союза ССР и Центросоюза СССР и РСФСР № 15/23 от 17/I-44 г. говорит об этом, но данный приказ не выполняется: снабжение специалистов крайне неудовлетворительно. За первое полугодие 1944 г. каждый специалист получил 0,900 гр. сахара и кондитерских изделий, 0,400 гр. мыла, одну пачку спичек и 2 кг соли. Мы неоднократно обращались в райсоюз за получением пайка, что нам положено, но райсоюз не выдает нам, ссылаясь на то, что им облсоюз не занаряживает для специалистов с/х продовольственные и промышленные товары. Промышленные товары каждый специалист получил на 24 руб. (по одним чулкам).

Мы писали докладную записку в марте м-це заместителю народного комиссара торговли СССР т. Денисову, но он прислал отношение в облторготдел проверить наше сообщение, а облторготдел не позаботился выслать представителя проверить этот факт и поручил проверить самой зав. торготделом Алгасовского р-на т. Бельденковой⁵⁴, которая сама творит эти безобразия, т.е. растраниживает товары не по назначению.

В доказательство прилагаем отношение от заместителя народного комиссара торговли СССР и Тамбовского облторготдела, что мы неоднократно обращались, но руководители отнеслись бюрократически и продолжают снабжать нас в таком же порядке.

Снабжение хлебом производится [с] систематическими перебоями и недоброкачественными выпечками (овес непросеянный с просом), которого даже не получаем по целому месяцу, например, с 15 июня до 16/VII-44 г. Когда начинаем требовать, то нам предлагают получить немолотый овес.

Специалисты не снабжаются средствами передвижения в командировку в колхозы и ходят пешком по 20-30 км. Обувь и одежду специалисты не получают в течение 3 лет и ходят разутые и раздетые. Зарплату получаем несвоевременно, задолженность – 2-3 м-ца. Командировочных не получаем внутри района.

Просим Вашего содействия в улучшении снабжения и бытовых условий с/х [специалистов] Алгасовского р-на. В противном случае мы будем вынуждены покинуть работу в данном районе. Сообщите по адресу: с. Алгасово, ул. Октябрьская, д. 14, Хариной Екатерине Михайловне.

Е.М. Харина Иванова
Рожнова Давыдова
Романенко
М. Конева

Резолюция: Тов. Сергованцевой, Гнездиловой и Насекину. В пятидневный срок разработайте и внесите на рассмотрение бюро исчерпывающий проект постановления по этому вопросу. Ив. Волков. 4/VIII.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4118. Л. 188. Подлинник.

№ 673

Выступление секретаря Тамбовского обкома ВКП(б) Я.А. Плакхина на заседании бюро обкома ВКП(б) при обсуждении вопроса «О хозяйственном состоянии колхозов Паревского с/совета* Инжавинского района»**

22 августа 1944 г.

Здесь товарищи уже говорили о положении дел в Паревском сельсовете. Взять такой пример: если в 1941 году колхозникам было выдано на трудодень по 70 грамм хлеба, то в 1943 году колхозникам дали на трудодень по 20 граммов. Средств производства почти нет ни в одном колхозе сельсовета, тягла нет, инвентаря нет. Нет ни бестарок, ни телег, ни сбруи. Животноводства почти нет в районе. Районные организации не замечали или не хотели заметить того, как ликвидируются колхозы. Характерно, что чаще всего приходится слышать одно: «Там одни бандиты живут»⁵⁵. А на самом деле там много честных, преданных Советской власти колхозников живет и работает. И это верно, что были такие случаи, когда колхозник вставит в глаза соломинку и выходит на работу. Довели колхозников до самой крайней нужды в Паревском сельсовете.

Я должен сказать и очень нелестное о работе т. Шабанова. Он там долгое время был уполномоченным РК партии и не видел, до чего довели колхозы. Однако он и сам виноват в том, что довели колхозы до такого состояния, когда были случаи опухания людей с голоду.

Что породило такое положение в колхозах Паревского сельсовета? Безответственное отношение руководителей к порученному делу.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4049. Л. 76. Стенограмма.

* На территории Паревского сельсовета находились колхозы «Передовик», «Искра», «Путь к социализму», им. Кирова, «Красный путь», «Красное Боброво».

** Заседание бюро Тамбовского обкома ВКП(б) состоялось 22 августа 1944 г. (протокол № 31).

№ 674

Спецсообщение УНКГБ по Тамбовской области о жалобах учащихся школ, студентов Тамбовского пединститута и техникумов на плохую постановку учебного процесса и бытовые условия*

19 января 1945 г.

Сов. секретно

В – Восточн[о]-Казахстанская область, Кировский р-н, п/о Белоусовка, Рудник, барак № 4, кв. 1, Рубинова В.Г.

Из – Тамбовская обл., Платоновский р-н, п/о Столовое, Горлова К.И.

«...Не знаю, куда бы скрыла глаза от существующих порядков и от постановки дела в нашей школе. На работу в школе никто не обращает внимания, и она идет очень плохо. Руководитель такой неуч, хам, пьяница (это выродок из семьи Страховых), что такого еще никогда не бывало. Он совершенно ни за чем не следит, а только и знает, что переправляет школьный урожай к тестю в Рассказово, да продают. Устраивает различные выдуманные денежные сборы с учащихся, а потом тратит их по своему назначению. Все получаемое на учащихся – тетради, карандаши и т.д. – продается через его родственников, а до ребят ничего не доходит. Все учителя молодые, бессильны что-нибудь предпринять. Да оно и бесполезно. У него брат Петр Михайлович, председатель райисполкома⁵⁶. В школе все растащили, разломали печи, штукатурку для побелки потаскали, стали тащить доски из пола, двери. Додумался снять с крыши амбара цинковое железо да поделать корыта, ведра для себя и своих приятелей...».*

В – г. Москва, 71, 2-й Донской проезд, № 9, Дом Коммуны, Моисеева Н.Е.

Из – г. Тамбов, ул. Ф. Энгельса, № 92, Моисеева Т.М.

«...В институте очень холодно... Я хочу подать заявление тов. Сталину, чтобы он встряхнул институтскую администрацию, а то уродуют студентов, вероятно, есть враги Советской власти...».

В – Полевая почта 15492, Маслин Т.И.

Из – г. Тамбов, пединститут, инфак, Маслина Т.И.

«...Совершенно еще не топили и не думают топить. Холод адский. Институт тоже не топят, так что никогда не бывает тепло. Уже половину месяца нет света. В холоде и тьме живем с 11 октября. К тому же нет воды, и приходится ходить на Цну за водой. Пока еще терпим, но что будет дальше? Сессия на носу. Надо усиленно готовиться, а где условия...».

В – Полевая почта 47701-М, Болдырев Петр Мартынович

Из – Тамбовская область, Шехманское п/о, с. Хренное, Болдырева

«...Десятый Яблонецкий класс распустили за неимением учителей по немецкому и истории. В Шехмани нам учиться нельзя, мы отстали на целую четверть, а некоторые предметы и вовсе не проходили за неимением учителей...».

В – г. Ростов-н[а]-Д[ону], Машиностроительный институт, студентка 1-го курса Аверьянова А.Т.

Из – г. Тамбов, Советская, 93, пединститут, истфак, В. Чекин

«...У нас условия очень плохие. В комнате живем 15 человек (в общежитии), отопление еще не начиналось, несмотря на то, что уже идет

декабрь месяц. Света электрического нет, питание 2-хразовое и 500 гр. хлеба, а чего дают Вам, наверно, известно. Даже воды холодной и то не бывает каждый день. На занятия ходим, не умываясь, грязные, голодные...».

В – Свердловская обл., п. Сухой Лог, прокуратура, прокурору Тарасову
Из – Тамбовская обл., г. Мичуринск, почтамт до востребования, Тарасова

«...Ты знаешь, папа, как у нас все студенты мучаются, и все из-за Кречетова. Среди студентов распространилась эпидемия, и двое наших суходожских умерло. Продукты и деньги, которые он привез, и топливо – все он променял и продал. Дали ему 50 литров спирта на устройство общежития, а он его променял, раздал, заимел всюду друзей, вследствие чего каждый день пьяный, продукты и топливо раздаются друзьям. Студенты приходят к нему и говорят, что, мол, мы даже учиться не можем, а он говорит: «Вас кто сюда звал, зачем вы ехали? Не нравится – езжайте обратно». Рассчитывали на 3-хразовое питание, а кормят один раз и то скоро, наверно, не будут...».

В – Воронежская обл., Лосевский р-н, Нижний Кисляй, Вершигорский
Из – Тамбовская обл., Жердевский сах. завод, Вершигорский

«...Ты не тужи о том, что не учишься в техникуме, условия ужасные. Помещение как в школе, так и в техникуме совершенно не отапливается. Стены все покрыты льдом, нормальных занятий нет, кто когда захочет приходит и уходит. Много учащихся и студентов болеют. Сейчас у нас эпидемия тифа. Нину я тоже в школу не пускаю, да и мало кто ходит. Еще никогда у нас не было так с топливом. Завод стоит, так как нет угля...».

В – г. Сталино, ул. Волкова, д. 8, Бубис Эмма Давидовна

Из – Тамбовская обл., г. Мичуринск, Плодовый техникум, Склемина З.

«...В общежитии часто бывает холодно, так как комната большая, а топим торфом. В техникуме совсем не топят, и там так же холодно, как и на улице. Писать совсем невозможно, едва высиживаем 6 часов. В столовой кормят неважно, большей частью капуста на первое и на второе. Из-за хлеба все также плохо, получаем не каждый день. Уже привыкли без хлеба. Если хлеб дают в столовой, то за ним бывают большие давки...».

В – Свердловская область, Суходолжье***, Риковский поселок, Селезнева

Из – Тамбовская обл., г. Мичуринск, Федеративная, 63, Пищевой техникум, Клава

«...Вот уже третий год не знаем своей специальности. Один день говорят, что техникум мукомольный, а другой – нет, ничего подобного, техникум по переработке плодов и овощей. Студенты не знают, что из них выйдет. Было несколько уроков по переработке, так преподавательница сама не знает, будет в дальнейшем переработка или нет. Найдут преподавателя по мукомольному, то это ни к чему. В техникуме никаких порядков. Директор

занят строительством, учебная часть его не касается, да и некогда. Завуч старый, все перепутает, что ни скажи, переиначит, но все равно придерется, отругает и все. О чем спрашиваешь, этого совсем не скажет...».

В – Воронежская область, Добринский р-н, Н[ово]-Черкутинское п/о, Балашова М.И.

Из – Тамбовская область, ст. Жердевка, сах. завод, техникум, 2-[й] курс, 1-я группа, Балашова К.

«...Мы живем в нетопленых комнатах, хлеба не дают, стипендии за декабрь тоже не дали. Как мне надоело жить в таких условиях, все прокоптились на практике, да и в комнате тоже копать без конца...».

В – Свердловская обл., г. Сухой Лог, ул. Ленина, № 113, Богданова Е.

Из – Тамбовская обл., г. Мичуринск, Федеративная, 63, техникум, Богданова Т.

«...Преподаватели у нас все новые. Зав. учебной частью тоже новый. Этот человек – что-то особенное, к нему нельзя подойти ни с какими вопросами, со студентами он не хочет разговаривать. Преподаватели все молодые, только по электротехнике очень хороший...».

В – Москва, 6, Косой переулок, № 23, кв. 1, Майорова (для Будяк Р.П.)

Из – Тамбов, пединститут.

«...Условия для работы ты знаешь какие: ни света, ни нужных книг, холод зверский. Все мы простужены, насморк не проходит. Я себя очень плохо чувствую, придется полежать в постели...».

В – Тамбовская область, Красивский р-н, с. Красивка, Беляева М.А.

Из – Тамбов, пединститут

«...Часто занятия не стала посещать, так как болят горло, голова и легкие. Наверное, простудилась. В институте у нас очень холодно, так как совсем не топят. Уроки часто срываются...».

В – Москва, Малая Пироговская, д. 18, кв. 76, Филиппова Александра Вас[ильевна]

Из – Тамбовская область, Знаменский р-н, п/о Княжево, Филиппов В.П.

«...Условия учебы нисколько не лучше ваших. В институте царит ужасный мороз. Топить еще не начинали, а за дровами и торфом студенты ездят почти каждый выходной день...».

В – г. Ростов-[на-Дону], ул. Донская, д. № 10, кв. 2, Вислюгина Надежда Ивановна

Из – г. Тамбов, Железнодорожная, 145, Каретникова Валентина Алексеевна (Лиде)

«...В институте холод невозможный, в аудиториях каток, так как трубы полопались, и вода замерзла...».

В – Тамбовская область, Старо-Юрьевский р-н, райком ВКП(б),
Маслина Александра Изосимовна

Из – Тамб[овская] обл., Тамбов, пединститут, Маслина Т.И.

«...Ты спрашиваешь об условиях в институте и общежитии. Разве они могут измениться? До сих пор еще не думали топить институт, а также и общежитие. Скоро экзамены, а ведь мы ничего не делали, да и ничего на ум не идет. Разве станешь работать, когда такой адский холод, даже руки отмерзают...».

В – г. Харьков, п/о 28, полевая почта 18245, Каныгин Николай Николаевич

Из – г. Тамбов, Студенческая, 4, кв. 22, Каныгина Анна А.

«...В аудиториях института адский холод, стены подернулись снегом...».

В – Тамбовская обл., ст. Богоявленск, Первомайский р-н, с. Никольское, Федосеева Пелагея Абрамовна

Из – Тамбовская область, г. Моршанск, Свободная, 28, школа механизации, группа комбайнеров, Федосеева Е.И.

«...Нам дали общежитие. В комнате очень холодно, все время бываем одетыми и спим не раздеваясь. Варить негде. Есть печка, но она без плиты. В школе тоже холодно...».

В – Коми АССР, Железнодорожный р-н, с. Турье, Мельникову С.Я.

Из – г. Мичуринск, Тамбовск[ая] обл., Воронежская, 1, Росглавплодоовощ, Артемова

«...Учусь я в пищевом техникуме, его перевели из Свердловска в Мичуринск. Приехали, а здесь нет здания. Дали здание, но приходится ходить в 3-ю смену – с 6 часов вечера до 12 часов. Общежития нет. Сейчас живем в комбинате, где и работаем по 12 часов, а пойдешь на занятия – нет света. Занятий не было до 1 декабря... Жили 35 человек в одной комнате, теперь осталось 19. Живем не дай боже никому: и голодные, и холодные. Многие уехали домой. Кормят один раз в сутки...».

В – Свердловская область, г. Камень-Уральск****, 5-й горотдел, Аварийный поселок, барак 32, Белькову А.Д.

Из – Тамбовская область, ст. Чакино, сельхозшкола

«...Жизнь наша не похожа на студенческую. Во-первых, в комнатах холодно, совершенно не топят, во-вторых, света нет, занимаемся при коптишках. Очень трудно учиться в таких условиях. В общежитии так холодно, что мерзнут руки, когда высунешь из-под одеяла. Многие из девчат заболели, если так жить, то все здоровье потеряешь...».

В – Курская область, ст. Новоборисовка, Борисовский р-н, Борисовский овощесовхоз, Чеснокова Евдокия Ивановна

Из – Тамбовская область, Сампурский р-н, школа механизации имени Кагановича, кв. 5, Лукашова Мария Егоровна

«...Согнали нас в общежитие 14 человек, холодно, грязно, баня была за все время раз. Окна разбитые, двери светятся насквозь. Хлеб дают не каждый день, бывают часто перерывы...».

*Начальник Управления НКГБ по ТО
полковник госбезопасности Смирнов⁵⁷*

*Начальник отдела «В» УНКГБ по ТО
подполковник госбезопасности Подвальников⁵⁸*

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4806. Л. 2-4. Подлинник.

* Составлено по материалам, добытым в результате цензурирования корреспонденции пунктами военной цензуры НКГБ Тамбовской области за период с 1 по 15 января 1945 г. (*Примеч. док.*).

** *Резолюция:* Травину. Расследовать на месте и принять нужные меры.

Помета: Все факты при проверке подтвердились. Директор снят с работы, и материал передан в суд для привлечения к ответственности. 9/III-45 г. Травин.

*** Так в документе. Правильно – г. Сухой Лог.

**** То же. Правильно – г. Каменск-Уральский.

№ 675

Из докладной записки руководителей Тамбовской области в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о неотложных мероприятиях по улучшению состояния коммунального хозяйства г. Тамбова

27 января 1945 г.

Общее состояние областного центра – города Тамбова – крайне неудовлетворительно. Город почти не имеет электроэнергии. При потребности 12,6 тыс. кВт в час город получает максимально 3-3,5 тыс. кВт. В силу этого население совершенно не получает электроэнергии, потребность предприятий союзного подчинения удовлетворяется на 40-50 %, предприятия местной промышленности электроэнергии совершенно не получают, культурно-просветительная сеть работает с большими перебоями.

Электросетевое хозяйство города находится в крайне неудовлетворительном состоянии. Электросеть по своей структуре крайне разнообразна и изношена. Потери электроэнергии в сети достигают до 30 %.

Население города потребляет всего лишь 30 литров воды в сутки, т.е. в два с лишним раза ниже нормы, вследствие недостаточности источников водоснабжения и малой пропускной способности водопроводной сети.

При наличии в городе канализации последняя загружена чрезвычайно слабо. К сети канализации подключено всего лишь сто зданий. Вследствие

этого и крайне ограниченного транспорта по вывозу нечистот значительная часть их остается не вывезенной и зарытой на территории города.

Жилищный фонд города сильно изношен, ряд жилых домов начали выходить из эксплуатации. Характерной особенностью жилого фонда города является то, что многие дома являются деревянными домами, обложенными кирпичом, что в современных условиях эксплуатации усугубляет износ фонда.

Город внешне не благоустроен. Замощения имеют только главные улицы. Щебенчатые тротуары были построены до войны. В связи с близостью фронта мостовые и тротуары подверглись значительному разрушению проходящими и формируемыми танковыми частями.

Телефонная связь в городе осуществляется через телефонную станцию емкостью в 600 номеров, построенную 46 лет тому назад. Станция пришла в такую ветхость, что разговоры по телефону стали почти невозможными.

Город имеет около 120 тысяч населения, в том числе более двадцати пяти тысяч детского, а культурно-просветительная сеть в городе развита слабо в силу отсутствия соответствующих зданий для ее размещения. В городе нет летнего театра, нет Театра юного зрителя, нет кинотеатров на окраинах. Существующие кинотеатры размещены в центре города.

Внутригородского транспорта в городе нет, что при протяженности города в 10 километров и расположении промышленных предприятий на окраинах города создает для населения ряд затруднений по связи с центром города и промышленными предприятиями. Значительная часть рабочих и служащих затрачивают на эту связь ежедневно от 2 до 4 часов.

Исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся и обком ВКП(б) еще в конце 1939 и 1940 года обращался в ЦК ВКП(б) и СНК СССР с ходатайством об оказании помощи в создании самых элементарных условий в работе и жизни областного центра – города Тамбова. В результате этого обращения СНК СССР было предложено СНК РСФСР, Госплану при СНК СССР и некоторым наркоматам осуществить ряд мероприятий по городу Тамбову. Однако эти мероприятия не были проведены в жизнь.

Для улучшения положения в городе исполнительный комитет областного Совета депутатов трудящихся и обком ВКП(б) настоятельно просят ЦК ВКП(б) и СНК СССР оказать помощь и утвердить следующие мероприятия по городу Тамбову:

1. Строительство городской коммунальной электростанции мощностью в 6 тыс. кВт (с последующим расширением до 12 тыс. кВт) на местном топливе – торфе, добываемом на торфоболоте Голдым, запасы которого определяются по запроектированной мощности электростанции на тридцать лет.

В 1945 году провести проектно-подготовительные работы, определив объем капиталовложений по этому строительству 5-6 милл. рублей со строительством жилых бытовых помещений и корпуса электростанции, а также начать подготовительные работы по торфоболоту к торфодобыче в 1946 году.

До ввода в эксплуатацию электростанции на местном топливе отпускать ежемесячно существующим в городе электроустановкам нефти в количестве 329 тонн (в том числе: городской электростанции – 160, заводу «Ревтруд» – 73, заводу «Автотрактородеталь» им. Кагановича – 51, заводу «Комсомолец» – 45 тонн), 970 тонн угля для вагоноремонтного завода, ТЭЦ завода № 204 для отпуска городу 5000 кВт в час каменного угля 8 тысяч тонн.

2. Реконструкцию электросетевого хозяйства – заменить провода в количестве 7 тысяч метров и установить компенсаторы на основных промышленных предприятиях, для чего отпустить: 5 синхронных конденсаторов, голого кабеля сечением в 50 кв. мм – 2 тыс. метров, голого кабеля сечением в 25 кв. мм – 7 тыс. метров и подъемного кабеля – 1 км.

3. По улучшению водоснабжения разрешить проведение следующих работ:

- а) построить насосную станцию на артезианской скважине № 2;
- б) построить артезианскую скважину в южной части города в районе пехотного училища;
- в) проложить трубопровод от артезианской скважины № 2 до Коммунальной улицы диаметром 300 мм протяжением 320 пог. метров;
- г) построить станцию подкачки воды на Пролетарской улице;
- д) заменить водопроводную линию с диаметра 100 мм на диаметр 200 мм по Советской улице от Октябрьской улицы до Первомайской площади протяжением 2550 пог. метров;
- е) заменить водопроводную линию с диаметра 100 мм на диаметр 200 мм по Лермонтовской улице протяжением 300 пог. метров. [...]*

4. Отпустить 370 тыс. рублей на расширение канализации и провести следующие работы:

- а) проложить канализационную ветку по Лермонтовской улице от улицы Карла Маркса до главного коллектора диаметром 200 мм протяжением 500 пог. метров;
- б) проложить канализационную ветку по Пензенской улице диаметром 200 мм протяжением 200 пог. метров;
- в) проложить канализационную сеть по территории областной больницы диаметром 150 мм протяжением 3000 пог. метров;
- г) предложить** участок главного коллектора с диаметром 400 мм на диаметр 700 мм протяжением 385 пог. метров;
- д) построить часть очистных сооружений из первой очереди. [...]*

5. По улучшению работы узкоколейной железной дороги – отпустить 890 тыс. рублей и провести следующие работы:

- а) нарастить узкоколейную железнодорожную ветку от тупика к городу протяжением 2 клм. с устройством станции и складочной площадки на территории лечебного городка;
- б) проложить узкоколейную железную дорогу к Власовскому торфоболоту протяжением 3,5 км;
- в) увеличить подвижной состав вагонеток на 14 и мотовозов на 2. [...]*

6. Строительство трамвая – в 1945 году провести все подготовительные работы по технической документации этого строительства, произвести заготовку шпал, проложить трассу и выполнить другие работы, связанные с подготовкой строительства трамвая, отпустив на проведение всех указанных работ 300 тысяч рублей с тем, чтобы закончить строительство первой очереди трамвая протяженностью 12 километров в 1946 году.

7. По улучшению состояния жилищного хозяйства – передать горисполкому для постройки дом № 183 по улице Карла Маркса, принадлежащий заводу «Анилокраска» Главхимпрома. Отпустить на достройку этого дома 450 тыс. рублей. Выделить для достройки и восстановления аварийных домов: алебаstra – 112 тонн, цемента – 70 тонн, олифы – 13 тонн, железа кровельного – 12 тонн, гвоздей – 10 тонн, стекла – 4000 кв. метров.

8. По улучшению благоустройства города – перемостить проезжие части улиц общей площадью 10 т. кв. метров. Построить сливную станцию. [...]*

9. По транспорту жилищно-коммунальных предприятий – в целях обеспечения вывозки из города мусора и нечистот, подвозки в город топлива выделить 11 автомашин, из них ЗИС-5 – 7 штук.

10. Разрешить строительство телефонной станции системы АТС на 4 тысячи номеров с проведением этого строительства в 1945-1946 годах. До окончания строительства новой телефонной станции провести капитальный ремонт существующей, для чего выделить следующие материалы. [...]*

11. По обеспечению города горючим – для вывозки грузов в город (главным образом, топлива) флотом Управления по освоению и эксплуатации малых рек выделить в 1945 году до начала навигации: керосина – 164 тонны, бензина – 290 тонн, автола – 36 тонн, солидола – 0,5 тонны, дизельного топлива – 20 тонн.

Для обеспечения перевозки торфа по существующей узкоколейной дороге выделить Тамбовскому гортоптресту: керосина – 50 тонн, бензина – 5 тонн, автола – 2 тонны и для подтрелевки дров к местам погрузки керосина – 20 тонн, бензина – 30 тонн.

Секретарь обкома ВКП(б)
*Ив. Волков****

Зам. председателя облисполкома
*Морозов****

Помета: В дело. Записка без приложений направлена в ЦК и СНК 27 января 1945 г. Хранить на правах особо важного документа 2/П. Волков.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4760. Л. 167-172. Отпуск.

* Опушен перечень материалов, необходимых для выполнения указанных работ.

** Так в документе.

*** Подпись отсутствует.

№ 676

Спецсообщение УНКГБ по Тамбовской области о жалобах населения на непосильные налоги*

21 февраля 1945 г.

Сов. секретно

В – Сталинская обл., гор. Краматорск**, Станкострой, дом № 7, кв. № 3, Власкину Ф.Н.

Из – Тамбовская обл., Красивский район, дер. Марьевка, Власкина К.Н.

«...Нас замучили налогами. Ведь недоимки налога за два года больше 3 тысяч, а платить нечем, приходится продавать последний хлеб. Мы просим, чтобы ты написал обжалование в центр. Дело вот в чем: Борис работал трактористом и заработал 33 трудодня, МТС заверил их и прислал в колхоз, чтобы оплатить. Пред. колхоза Рязанцев П.К. не хочет принципиально платить лишь потому, что Борис ушел из трактористов, т.к. он всю весну и лето обучался. Так мы обжаловались пред. райисполкома Савельеву⁵⁹, но Рязанцев не обращает внимания на приказ Савельева, говоря, что я самый главный, хочу – отдам, хочу – нет, и никто ничего не сделает. А ведь хлеба приходится 1 ц. 9 кгр. Борис в армии, а поэтому, говорят, и хлеба ему нет...».

В – Ленинград-34, п/я 109«К», Маркину П.Е.

Из – Тамбовская обл., ст. Оборона, Шульгинский район, Сосновский сельсовет, колхоз «Красный хутор», Маркин Е.Г.

«...Хоть ты бы пришел на сколько-нибудь, а то за нас некому совсем заступиться. Твой отец и мать уже старые, а с них опять все налоги берут. Заставляют мясозаготовку везти, а везти нечего. Мама даже заплакала, а ведь у нас 4 сына там и пишут, чтобы мы не платили налог и даже прислали нам справку, но здесь не подчиняются закону. Люба Баженова говорит, что ваш сын пишет и разлагает вас. Папу здесь не признают. Начальники друг друга поят, гуляют, а нас, бедных, в ногах толкут. Только живут одни начальники...».

В – Полевая почта 02211«Г», Дьяконову Н.В.

Из – Тамбовская обл., Лысогорский район, Татановский сельсовет, колхоз «Красная Москва», Дьяконовой В.П.

«...Я думала, что с меня налог за 1944 г. не будут брать, а теперь мне принесли 600 р. налога, а на твою справку говорят, что у них своя власть. Вы там погибаете, а мы здесь погибает от налога...».

В – Ленинград-11, в/ч 6401«Б», Ураеву Н.М.

Из – Тамбовская обл., Пичаевский район, Б[ольше]-Ломов[исский] с/совет, с. Б.-Ломовое***, Ураева М.И.

«...Все платежи заставляют выполнять в обязательном порядке: и в фонд обороны, и лотереи, и займы. Давала я в фонд обороны картофеля один центнер, но наша власть не сочувствует нам, говорят, чтобы отдала 2 цент. Я

сопротивляться не стала, вывезла 2 цент. Сами отыгрываются за чужой спиной, а нам никакой помощи нет, ни одной красноармейской семье не привезли дров, а себе везут. О хлебе вопрос кончен, нет и говорить нечего, мы уже привыкли без него. Надоело так жить и бесплатно работать...».

В – Чкаловская обл., гор. Орск, п/я 11, штаб в[нутренней] охраны, Семенову М.С.

Из – Тамбовская обл., Гавриловский район, Кандауровский сельсовет, д. Павловка, Семенова Л.Е.

«...Дорогой супруг Марк, платежами меня доняли, уже продаю последние пуды хлеба и не знаю, с какого источника мне брать и платить государству. Дорогой супруг Марк, от двух сынков ничего нет, оба, верно, сложили головы за советскую Родину, за власть.⁶⁰ Дочка Настя страдала полтора года, теперь Настя там же, и ты, дорогой супруг Марк, уже 4-й год [на фронте], и все мы еще не заслужили ни малейшего поощрения от Советской власти. Все до копейки и до грамма с нас берут и приходят, если еще не уплатила, последний пуд берут и картофель насыпают, даже последнее барахло, какое есть в сундуке. Дорогой супруг Марк, напиши письмо на район Гавриловский, что они еще тебе ответят. Опиши все, кто где из семьи. Дорогой супруг, посмотришь на людей, никого у них нет ни на фронте, ни на трудфронте, и ничем они не облагаются...».

В – г. Молотов-24, в/ч 6324, Ермохину И.Р.

Из – Ст. Оборона, 3[агот]зерно, Ермохина А.И.

«...Нам принесли налог на 1944 г. Налогом мы облагаться не должны, потому что мы, во-первых, не колхозники, а служащие, во-вторых, мы все учащиеся, а мама нетрудоспособная. Всего нам принесли обязательство на 3000 руб. Если бы нам принесли в начале 1944 г., то мы, может быть, выплатили понемногу, а то, когда год прошел, теперь и требуют, а тут скоро и на 45 г. принесут. Вот поэтому мама и слегла, у нее сердечный приступ...».

В – Литовская ССР, гор. Вильно, в/ч 2115«Ч», Панфилову Ф.П.

Из – Тамбовская обл., Алгасовский район, с. Самодуровка, Панфилова М.

«...Вся местная власть нас обижает. Насчет хлеба плохо. Получили только по 300 гр. на трудовень, аванс и все. Телка у нас взяли за недоимки 1938 г., но я платила тогда. А мне говорят, что тогда телок пойдет на мясопоставку за 1944 год, а в 1944 г. я не должна облагаться налогом, а наш с/совет вручил все обязательства и все хозяйство переписали на маму. Мать с дочерью имеют корову, овец, а иждивенцы – нет, и считают так: эта семья не имеет никого на фронте, а меня пишат как квартирантку. Наложили 2 тыс. [р.] налога, 1 тыс. [р.] займа, 250 [р.] лотереи, 430 р. военного налога, почти все уплатила, а с/х налог не уплатила и не буду платить, хотя председ. сельсовета Митькин с наглостью требует, чтобы я платила, а то грозит, что он возьмет овцу или корову, или посадит меня. У меня не крыт двор. Я

подавала в правление заявление, чтобы мне помогли, выдав солому, но мне в этом отказали. Прошу тебя, походатайствуй о всем через район...».

В – г. Кемерово, 5-[е] п/о, клуб КИМ, Мельникову Я.И.

Из – Тамбовская обл., Бондарский район, Граждановский с/с, д. Кукановка, Мельникова Н.Е.

«...Дорогой сынок, наложили на меня 1000 р., выплачивать мне нечем. Они взяли у меня корову 16 декабря, стоит моя корова на колхозном дворе и говорят: «Когда деньги отдашь, тогда и корову отдадим». А мне платить нечем, если есть деньги, то пришли, я буду выкупать корову. Телок у меня цел, 2 ц. Все зачли за огород и за лотерею, я только получила 30 кгр. и все. Дорогой сынок, я была голодная, а твою корову сберегла, осталась я босая через нее, а ее взяли и не отдают...».

В – Ворошиловградская обл., Баново-Андрацитовский район****, п/о Шатово, ст. Щепово-21*****, Косову С.М.

Из – Тамбовская обл., Уметский район, Бибиковский с/совет, дер. Тимофеевка, Косов М.Ф.

«...Дорогой наш сынок Сема, новость у нас есть, налог с нас весь берут 1007 руб. Идет такой грабеж. Картошки мы вывезли 4 ц. Сема, наша власть собирает на оборону, мы дали 20 клг., им показалось мало, на другой день пошли собирать. Судоргин пришел в бригаду, самовольно взял 25 кгр., на третий день идут опять с конца и у всех начали замки ломать. Сема, до нас дошли. Судоргин завел бригаду 6 человек поздно вечером, я была одна, двери закрыла, со двора заложила. Бригада шумит: «Открой, а то будет хуже». Я им не открывала, они перелезли через ворота, было окно, они его проломали и открыли дверь, вошли в сени, дверь избы была на крючке, они начали шуметь: «Открывай, а то будем стрелять». Взяли топор, давай дверь рубить, я напугалась, давай кричать: «Караул!», они вышли из сеней, подогнали три повозки, начали ломать у погреба замок, сломали замок, начали посыпать картошку одну фуру. Прибежала дочь Поля, стала их ругать: «Почему вы их оставляете голодными, несмотря на то, что четыре сына на фронте, из них двое погибли?». Я сидела ничего не знала, пришла дочь и сказала: «Чего же вы сидите, у вас всю картошку взяли». Дорогой сынок Сема, как жить нам...».

В – Сталинградская обл., г. Камышин, военное училище «М», Панов Н.П.

Из – Тамбовская обл., Избердеевский район, Н[ово]-Ситовский с/совет, с. Ивановка, Панова Е.П.

«...Жизнь наша съезжает на конец. Вчера у нас какой-то Степан пришел взять овцу, а мы не знаем за что. С нас начали требовать все за 1944 г.: и мясо, и шерсть, и яйца. Обязательство нам на 1944 г. не давали, а теперь берут. На 1945 г. принесли обязательство на мясо и яйца. Наверное,

сегодня придут и возьмут барана и картошку. Нам еще вывозить 2,5 цент. ...».

В – Полевая почта 04789«В», Салощев С.В.

Из – Тамбовская обл., п/о Волчок, Тютчевский с/совет

«...Я налоги не должна платить, но плачу. Картофель у меня председ. выгребла самовольно. Я ей дала 50 кгр., она говорит: «Мало». Влезла в погреб и насыпала сколько ей было нужно. Однажды я заболела и не поехала в извоз. Она мне не дала пайка соли, говорит: «Хоть умри, а должна ехать...».

В – Полевая почта 42669«Р», Кочукову А.Я.

Из – Тамбовская обл., Лысогорский район, Лысогорский сельсовет, с. Л[ысье] Горы, Кочукова М.Г.

«...Нас тут начали грабить. Пришел пред. с/совета и спросил с/х налог 2500 р., а у нас их нет. Тогда он пошел в горницу, влез в сундук и взял швейную машину. Грозит, что возьмет телку. Мы не знаем, что нам делать...».

В – Полевая почта 5628«Н», Орлову А.И.

Из – Тамбовская обл., Бондарский район, Кременское п/о, дер. Старое Телище*****, Орлова А.Н.

«...На поставку картофеля мне еще извещения не было, деньги все уплатила. Когда я работала в колхозе, ко мне приехала власть, все взяли: и картошку, и свеклу, и кукурузу, и телка. Я пошла за ними, догнала, стала говорить: «За что взяли?». Они говорят: «Еще приедем – все заберем...».

В – Полевая почта 32538«А», Жукову С.И.

Из – Тамбовская обл., Бондарский район, с. Керша, Жукова Т.П.

«...Жить очень трудно. Приходят к нам, спрашивают: «Давай картофель». Мы отдали 1 ц. 15 кгр. Приходят снова, дом на замке, сломали его. Мы весь день стояли на улице. Потом дали им на лотерею 100 р. – «Давай еще 250», денег нет ни копейки. Лезут в сундук, берут своей рукой что хотят и уходят. Ох, папа, если бы ты посмотрел, что здесь творится...».

Начальник управления НКГБ ТО

полковник государств[енной] безопасности Смирнов

Начальник отдела «В» УНКГБ ТО

подполковник госбезопасности Подвальников

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4806. Л. 6-8 об. Подлинник.

* Составлено по материалам пунктов военной цензуры НКГБ Тамбовской области за период с 1 по 25 января 1945 г. (Примеч. док.).

** Так в документе. Правильно – гор. Краматорск.

*** То же. Правильно – Большой Ломовисс.
**** То же. Правильно – Боково-Антрацитовский район.
***** То же. Правильно – ст. Щетово-21.
***** То же. Правильно – Старо-Челищево.

№ 677

Докладная записка инструктора транспортного отдела Тамбовского обкома ВКП(б) И.Ф. Рязанова заместителю секретаря обкома ВКП(б) по транспорту Е.Ф. Мясникову о состоянии бытовых условий в паровозном отделении и депо ст. Тамбов

23 марта 1945 г.

I. Общежитие

Всего на паровозном отделении и депо имеются 6 общежитий с общим количеством проживающих в них 241 человек. По их содержанию находятся в удовлетворительном состоянии и по оценке руководства дороги занимают второе место на дороге.

Все общежития обеспечены необходимой мебелью, кроватями, постельным бельем (белье в основном новое). Во всех общежитиях имеется кипяток, бачки для охлажденной кипяченой воды. Помещения побелены, температура в помещениях – 16-18°, в помещениях чисто. Рабочие обеспечиваются мылом.

В общежитии молодежи, где помещаются 86 человек, имеется Красный уголок. Политвоспитатель ежедневно проводит читки, беседы. Проводятся лекции, а также имеется передвижная художественная библиотека.

Но наряду с этим имеются недостатки:

1. Постельного белья имеется одна смена, а пододеяльников совсем не имеют. Не все общежития обеспечены железными кроватями, часть имеется топчанов.

2. При депо не организована прачечная, а также при общежитиях не выделены помещения, где бы можно было производить стирку белья. При общежитии молодежи отведена одна комната для умывания, где мужчины и женщины умываются совместно, что создает неудобство, в особенности, для женщин.

3. При общежитии рабочих склада топлива отсутствует сушилка, и сушка одежды, обуви происходит в общежитиях, в результате чего воздух в помещении неприятный.

4. Имеющийся душ к зимним условиям не приспособлен, т.е. не утеплен, температура в зимнее время ниже нуля, в результате чего водопроводные трубы часто замерзают, из-[за] чего душ не всегда работает, и приезжающие из поездок пар[овозные] бригады не всегда имеют возможность помыться.

II. Спецдежда

Спецодеждой рабочие склада топлива обеспечены полностью согласно установленных норм за исключением ботинок (вместо кожаных выданы на деревянных подошвах).

Не обеспечены полностью спецодеждой паровозные бригады: из 252 полупальто недополучили 33, [из] 146 телогреек [недополучили] 33, [из] 172 шаровар [недополучили] 42.

По приказу 957/Ц поездные кочегары в 4-[м] квартале 1944 г. должны были получить костюм легкой ткани, белья по 2 пары, портянок 2 пары, 1 пару ботинок, 1 шинель, шапку и фуражку установленного образца. Из всех выше перечисленных предметов кочегары получили ботинки и по 1 паре белья.

При паровозном депо имеется мастерская для починки обуви, пошивочная мастерская до сего времени не организована.

III. Зарплата

В течение 1945 г. задержек со стороны управления дороги в переводе денег не было, но задержки в выплате зарплаты имеются. За 1-[ю] половину февраля выплату должны произвести с 15 по 20/II, но выплата производилась с 19/II по 6/III, т.е. задержали выплату на 14 дней.

Со стороны руководства дороги и паровозного депо допущена большая волокита в выплате причитающих[ся] денег за экономию угля паровозным бригадам. Выплата за экономию угля свыше 20 % происходит с утверждением управления дороги и требует[ся], чтобы по каждому отдельному случаю был акт с описанием, за счет чего произошла экономия, а эти акты своевременно не составляются руководителями депо, и управление дороги настойчиво не требует своевременной высылки. В результате чего задержка выплаты за экономию угля паровозным бригадам доходит до 10 месяцев. Пример: тов. Воробьеву за июнь м-ц причиталось 1341 руб., Блохину – 842, Герасину – 906, Аксенову за август – 2513, Горбунову – 4166, Рябову – 2371, Макурину – 2025.

Всего за 1944 год и январь м-ц 1945 года не уплачено 98 человекам, общая сумма составляет 86000 руб., и только 20 марта с/г ведомости и акты посланы в управление дороги на утверждение. Такая постановка с выплатой за экономию топлива не создает заинтересованность у паровозных бригад в борьбе по экономии топлива.

IV. Общественное питание

Качество приготовляемых обедов в столовой паровозного депо вполне удовлетворительное. Со стороны рабочих имеются положительные отзывы на качество приготовляемых обедов.

По ремонтному цеху депо выделено 35 наркомовских обедов и 70 дополнительных обедов выделено за счет подсобного хозяйства, дополнительные обеды выдаются за перевыполнение нормы выработки. Из наличия работающих в ремонтном цехе 130 человек дополнительное питание получают 105 человек. Также дополнительные обеды выдаются за перевыполнение технической скорости паровозным бригадам.

Наркомовский паек⁶¹ паровозные бригады получают полностью и своевременно.

Отрицательным моментом в работе столовой является то, что само помещение не приспособлено к столовой. Стены на протяжении всего года сырые, а в зимнее время со стен льется вода, потолок от испарения почернел, и местами отваливается штукатурка. В столовой недостает табуреток, и ряд обедующих вынуждены обедать стоя.

Для рабочих склада топлива подноска обедов организована к месту работы, но для подноски пищи нет соответствующей посуды. Подноска обедов производится в простых открытых ведрах. На складе топлива нет помещения, где бы могли рабочие пообедать, имеющееся служебное помещение склада топлива занято под квартиры рабочих депо.

Общее состояние бытовых условий рабочих в отношении с прошлым годом значительно улучшилось, но имеется еще ряд недостатков, которые необходимо устранить.

Инструктор транспортного отдела обкома ВКП(б) Рязанов

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 5108. Л. 38-39. Подлинник.

№ 678

Из стенограммы заседания бюро Тамбовского обкома ВКП(б) при обсуждении вопроса «О материально-бытовом обслуживании семей военнослужащих в совхозах «Плавица» Шехманского района и «Комсомолец» Тамбовского района»*

11 апреля 1945 г.

Тов. Ненароков: Действительно, товарищи, в совхозе «Плавица» бытовые условия рабочих очень тяжелые. Я совхоз принял в разрушенном состоянии. Дома за год мы не обновляли, а приходит все в ветхость. Мы не справлялись с ремонтом квартир, печей в связи с тем, что у нас не было плотника, печника. Все же мы принимали меры к тому, чтобы разместить семьи, которые жили по 3 семьи в одной квартире, по другим квартирам.

В этом материале не совсем верные факты. Когда проверяли, я был в Москве. Но все же скажу, что семьи военнослужащих получали валенки, выдавал им капусту и другое.

В общем, наш совхоз находится в тяжелых условиях, вот и получаются такие обстоятельства.

Тов. Волков: У вас замечательные индивидуальные огороды, видно, когда-то были высотоварные огороды, а у вас люди пухнут.

Тов. Ненароков: Поддерживали семьи военнослужащих, выдали больше 4 тонн капусты, раздали чечевицу, но никогда такого положения не было, чтобы я отвечал: «Мне не до вас, у меня свиньидохнут». Это неверно.

Тов. Власов: Где Вы до этого работали?

Тов. Ненароков: Работал в системе Наркомата совхозов, 10 лет на партийной работе.

Тов. Власов: Столько лет на партийной работе, а такое положение создалось в совхозе. Безобразно относитесь к семьям фронтовиков, к семьям военнослужащих.

Тов. Ненароков: Я стараюсь. Помогали продовольствием, выдавали валенки.

Тов. _____:** Это – мелкие подачки.

Тов. Ненароков: Совхоз исключительно в тяжелых условиях, мы действительно не можем выдать большего. Животноводы у нас молоко за выполнение плана получают.

Тов. Волков: Факты опухания Вы признаете?

Тов. Ненароков: Я не замечал. Вот с Ананьевой – я не замечал.

Тов. Бакланов: Как получалось дело с пайками семьям военнослужащих?

Тов. Ненароков: Пайки выдавались через сельсовет без меня. Я был в Москве. Моя жена свою собственную картошку решила поменять на масло у одной женщины, которая получила паек. Жена это сделала. Жена узнала, что это женщина бедная, и отнесла это масло ей обратно. Я даже сказал ей: «Какие из бедных женщин будут просить – дай так».

Тов. _____:** «Какие будут из бедных женщин просить...». Почему дожидались, какие семьи низко Вам головы поклонят?

Тов. Ненароков: Когда обращались в совхоз, мы выделяли помощь.

Тов. _____:** Он просто не понимает.

Тов. Власов: Не хочет понять, снять его с работы.

Тов. Волков: Давно бы сняли, хотели поддержать совхоз.

Тов. Бакланов: Как же Вы отрицаете Ваше отношение к семьям военнослужащих, что «У меня свиньидохнут, мне не до вас»?

Тов. Ненароков: Могут некоторые так заявить, но это неверно, так как одни выражают довольствие, другие – недовольствие.

Тов. Бакланов: Что выдавалось семьям военнослужащих и каким Вы оказали помощь?

Тов. Ненароков: Семьям военнослужащим мы выдавали мясо, крупу, каким и цифры я не могу назвать. Выдавалось молоко, зачисляли остро нуждающихся в столовую, снабжали обувью, одеждой.

Тов. _____:** Сколько семей получили помощь?

Тов. Ненароков: Примерно, семей 30.

Тов. Бакланов: Перечислите семьи фронтовиков, которые получили помощь.

Тов. Ненароков: Вот, Ганшина. Выдали ей 2 пуда ячменя, топку на зиму, освободили ее от работы для того, чтобы она ухаживала за детьми.

Тов. Волков: Насчет Ганшиной – у нее сейчас трое сражаются на фронте и 6 человек находятся на ее иждивении. Попробуйте на 2 пуда ячменя прожить с шестью человеками в полуразрушенной квартире. Вы давали это

для того, чтобы люди жили по-человечески, или для того, чтобы записать, что Вы давали?

Тов. Ненароков: У нас ограниченные ресурсы.

Тов. Волков: Ограниченные не ресурсы, а ваши головы. Нельзя прожить с шестью детишками на это женщине погибшего мужа.

Тов. Ненароков: Помимо этого выдавали муку, мясо и другое.

Тов. Волков: Проверяли же люди, факты есть.

Тов. Споров: Вас предупреждали, что Вы должны явиться на бюро и по какому вопросу?

Тов. Ненароков: Нет, меня не предупреждали, по какому вопросу вызывают. Я думал, что вызывают в связи с положением в совхозе, в связи со сменой руководства.

Тов. Власов: Вот, он уже знал. Если бы он сумел организовать индивидуальные огороды, то не ты бы людям давал, а люди тебе бы дали картошку и капусту.

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4635. Л. 14-16. Стенограмма.

* Заседание бюро Тамбовского обкома ВКП(б) состоялось 11 апреля 1945 г. (протокол № 89).

** Так в документе. Фамилия не указана.

№ 679

Спецсообщение УНКГБ по Тамбовской области о жалобах семей военнослужащих на неказание материальной помощи*

*Позднее 30 апреля 1945 г.***

Сов. секретно

В – Полевая почта 15400«Ф» (3370/71), Нагих Н.Г.

Из – Тамбовская обл., Мичуринский р-н, Мановицкий с/с, учхоз им. Калинина, Нагих М.П.

«...В настоящий момент я не работаю, т.к. у меня сломана рука. Дирекция учхоза мне отказала хлеб, говорит, что мы твоих сыновей не видели. На справки, которые даны нам для льгот, не обращают внимания. Мои сыновья льют кровь, а я живу на птичьих правах...».

В – Полевая почта 48552«Р» (3154/36), Глотову С.С.

Из – Тамбовская обл., ст. Токаревка, ул. Пушкина, Глотова К.Я.

«...Подавала несколько заявлений в районный отдел гособеспечения для оказания мне какой-либо помощи как семье фронтовика. Пришли на обследование и не нашли, где я живу. Прихожу сегодня в райисполком, дают детям фронтовиков конфеты и печенье, спрашиваю: «А мне?» – «Тебе нет». «Почему?» – «Ненуждающаяся семья». А проверили они меня? Нет. Неужели ты не завоевал хоть гостинец для детей? Разве это закон, когда они находят

нуждающихся семей в конфетах и печеньях. В это время у меня болела Светлана, и мне не дали. Напиши ты или часть в райисполком. Пусть знают, что нам здесь [не] помогают, как мы переживаем. У нас упала стена, но знаю, что помощи не будет...».

В – Полевая почта 33534«К» (3458/50), Мосалову С.К.

Из – Тамбовская обл., Советская, д. № 153, Мосалов К.

«...Помочь нам некому. Мичуринский [отдел] гособеспеч[ения], который призван помогать семьям в/служащих, к нашему сожалению, за все время войны не дал ломаного гроша. Я к бюрократам гособеспечения ходил ровно год каждый день. Знаю, что я им надоел, но они мне больше делают неприятностей. Я перестал к ним ходить, т.к. бесполезно. Решил написать тебе, чтобы ты поговорил со своим начальством. Ведь эти «деляги» совсем обнаглели...».

В – Полевая почта 45999 (3496/11), Богачкову И.А.

Из – Тамбовская обл., Бондарский р-н, Знаменский с/с, д. Знаменка, Богачкова П.Т.

«...Овцу взяла власть. Вас там трое, вы защищаете Родину, а мать тут грабят и в укладку залезли. Взяли машинку, 5 метров мешкалы, ½ пуда ржи. Мать не работала, на ее иждивении трое ребят. Ты [бы] там похлопотал, прислал бы на прокуратуру или на райвоенкомат.

В – Полевая почта 39985«М» (3197/34), Юдину П.И.

Из – Тамбовская обл., Шульгинский р-н, Березовский с/с, д. Огородка***, Юдина А.Т.

«...5 марта у нас был сбор семян. Мать болела, а меня не было дома. Пришли Полина Ивановна и Василий Иванович и стали спрашивать картофель. Мама ответила, что мы сами питаемся одним картофелем и на трудодни не получили. Они насыпали самовольно 50 кг. С мамой сделался сердечный приступ, а они над ней смеялись. Напиши письмо военному комиссару, как издеваются над твоей матерью...».

В – Полевая почта 18683«М» (3502/45), Реутову В.Н.

Из – Тамбовская обл., Красивский р-н, Леонтьевский с/с, к-з «Мировой», Реутова Н.

«...Дети тяжело больны корью. Твоя просьба к тов. Калинин у до сих пор не удовлетворена. Из Тамбова пришел приказ, чтоб оказать помощь, но акт обследования лежал в с/совете не меньше 1 м-ца. С горем пополам нас обследовали, а до сих пор молчат. Сейчас я сижу совершенно разута, не в чем принести воды. Зима сейчас все подобрала, и сейчас живем очень плохо...».

В – Полевая почта 69644«В» (3174/43), Городничеву И.В.

Из – Тамбовская обл., Хоботовский р-н, с. Степанищево, Городничева С.

«...Ты обязательно должен приехать, иначе твои дети погибнут. Нюра умирает, дни ее сочтены, а Славик и Олег совершенно беспризорные, некому их кормить. Чужим они не нужны, и мать их умирает. Жаль детей: грязные, голодные и холодные. Отпросись у начальства, чтобы их определить, иначе они погибнут...».

В – Полевая почта 45175 (3205/71), начальнику штаба.

Из – Тамбовская обл., с. Тулиновка, Интернациональная ул., д. № 18, Лазарева М.С.

«...Имею на иждивении сына 9 лет и дочь, которая бесконечно болеет от недостатка питания. Живу в разваленном доме, сплю на голых досках, одежда вся подносилась. На заводе часто не дают хлеб по 10-15 дней, а о своевременной зарплате и речи не может быть. Поэтому приходится очень и очень быть совсем голодными. Сын, который ходит в школу, в первый класс, часто школу не посещает за неимением питания, а также и одежды...».

В – Полевая почта 68859«Н» (3235/46), Майбога М.С.

Из – Тамбовская обл., Мордовский р-н, с. Мордово, Коммунальная, 27, Майбога.

«...Вот повседневная забота, везде говорится, пишется, но не исполняется. На свой заработок (200 руб.) я не могу существовать. Пиши в район (у нас пред. РИКа Кузнецов Е.М.) и копию в обком партии т. Волкову. Владимир писал в райисполком, но мне ничего не помогли. Я погибаю, не знаю, за что мне братья, хоть петлю на шею и все. Идет лето, а ни обути, ни одеться, дети раздеты, а средств, чтоб купить, нет, наоборот, все проживается...».

В – Полевая почта 52260 (3227/51), Тебекину

Из – г. Тамбов, авиашкола, рабочий пос., барак 3, кв. 21, Тебекина

«...Всю зиму прожила в холодной квартире, здоровье мое плохое, все ноги в ранах. Послали письмо тов. Сталину, что мы в таком состоянии, но ответа нет. Мама ходила в райсобес, чтобы нас взяли в детдом, а они не берут. Напиши письмо в Тамбов, чтоб нам помогли, питания никакого нет...».

В – Полевая почта 49486 (3181/70), Гребенникову М.Д.

Из – Тамбовская обл., 2-я Гавриловка (по штампу), Гребенникова А.

«...Нам нет никакой помощи, иным дают картофель, мануфактуру, а нам ничего. Была я везде, и нигде не обращают внимания. Тов. Мордвин выгоняет из своего кабинета, какие приходят пайки, то они делят их по себе...».

В – Полевая почта 18696 «П» (3215/34), Захаркину М.Л.

Из – Тамбовская обл., Мучкапский р-н, Анберский***** с/с, с. Анберевка***** , Захаркина Л.Н.

«...Папа живет очень плохо. Никто никаких мер не принимает. Председатель с/совета, председатель колхоза пьянствуют. О людях заботы нет. Живут все плохо, но хуже отца никто не живет. Хлеба нет, колхоз должен отцу хлеба 70 кг, и не дают. Я ходила ко всем начальникам, никто никаких мер не принимает, нигде ничего не добьешься...».

В – Полевая почта 52127 «Б» (3450/57), Лямину Н.Ф.

Из – Тамбовская обл., Волчковский р-н, Озерский с/совет, д. Озерки, Лямина М.А.

«...Паек мне отказали, как тебя взяли, 2-й год не получаем. Поговори со своим начальником. Отец погиб, получили извещение. Меня перевели на сельпо, а сельпо указывает на совхоз. Я ходила, ходила и устала ходить...».

В – г. Астрахань, п/я 60, 2-[е] отд., 36-[я] палата, Садиков А.Ф.

Из – Тамбов[ская] обл., Пичаевский р-н, Егоровский с/с, Садикова Т.Е.

«...Хлеба нет, топки нет, ребята в одних рубашках и те рваные, а помощи ниоткуда нет. У меня была комиссия из гособеспечения и приказали покрыть двор, но председатель Красивский Василий Степанович никому не подчиняется...».

В – г. Новосибирск, 10-[й] объект, барак № 47, ком[ната] 10, Грибовская А.А.

Из – Тамбовская обл., Красивка, Садовая, 4, Грибовская

«...Военкомат бездействует, второй год ни одного собрания жен офицеров не собрали. Семьи фронтовиков ничем не обеспечивают и никакого внимания не уделяют. Я такого безобразия нигде не встречала. Выдается по линии сельпо по 54 гр. муки на день и все, а о крупах говорить не приходится...».

В – Воронежская обл., ст. Отрожка, в/ч 7475, Затепакин Г.С.

Из – Тамбов[ская] обл., Уваровский р-н, Ольшанский с/с, к-з «Коммунар», Затепакина А.Г.

«...Хлеб нам не отдали ни за 1942 г., ни за 1944 г., тебя нет дома, и на нас никто не обращает внимания. Мама ходила к прокурору, но он ничего не сказал...».

В – БССР, г. Брест-Литовск, в/ч 5271, В.С. Плескач

Из – г. Моршанск, Тамбов[ская] обл., ул. Комсомольская, 25, Плескач М.

«...Живешь – просто из сил выбиваешься. В наш спецторг прибыло много хорошей мануфактуры и обуви, но нам, семьям фронтовиков, ничего не выделили. Я в течение 4 лет ни одного метра не получила...».

В – г. Шадринск, Курганская обл., кав. училище, литер 52, Селиванов Н.Н.

Из – г. Моршанск, Тамбов[ская] обл., Первомайская ул., будка № 5, Селиванова Е.

«...Эту зиму я переживала страшный холод. Все было во льду. Я ходила везде, и нигде помощи не оказали. Если бы ты посмотрел, как твоя мать живет, 4-й год хожу насчет квартиры, и все обещают. Нужно дать взятку, тогда дадут. У меня 3 сына в Красной Армии, и нигде не обращают внимания...».

В – Таджикская ССР, Гармская обл., Комсомолбазков***** р-н, Ерин Д.К.

Из – Тамбов[ская] обл., Глазковский р-н, Красивское п/о, с. Лежанки*****, Каменская М.Д.

«...Сильно болею, а поправляться нечем. Нет ни картошки, ни хлеба. Помощи никакой не оказывают, за февраль дали 6 кг кукурузы. За март давали детям паек, но я болела, пошел Валя, а ему сказали, что в списках нет. Ходила я на днях в с/совет, просила паек, но они его уже сожрали. Не знаю куда обратиться, в Глазок пойдешь – там тоже внимания не обращают. Живу тем, что хожу собираюсь, живу в землянке. Муж погиб, сама я пятая, дети все нагие, а мне, как на смех, чулки дали...».

В – г. Кострома, П[олева] п[очта] 77002«М», Луговцев В.В.

Из – Тамбов[ская] обл., Шехманский р-н, Первомайский с/с, д. Первый Бычок, Луговцева О.М.

«...Тебя взяли, а пособие я еще не получаю. Хожу каждый месяц. Говорят, что «пособие назначено, пришлем в этом месяце», и все до сих пор присылают...».

В – Костромская обл., г. Буй, 52-[я] ОМСГ, литер «Б», Струменщиков В.С.

Из – Тамбов[ская] обл., Мичуринский р-н, с. Никольское, Новоникольский с/совет, Струменщикова О.И.

«...Райком партии никакой помощи не оказал. Тов. Бабайцев положил заявление под стекло. Я 6 раз ездила, но результата никакого нет. Ты защищаешь Родину, а они не могли детям помочь. Мы ведь эвакуированные, а Тая притом больной ребенок. Ходила в райисполком, тоже ничего не добились, обещали дать американские вещи, я пошла, а меня даже в списках нет. Обращалась к тов. Казьмину насчет денег, чтобы платили на Таичку, он сказал, что эта справка не действительна...».

В – г. Горький, 4, П[олева] п[очта] 89545«А», Королев И.В.

Из – Тамбов[ская] обл., Уваровский р-н, 2-е Уварово, Кустарная, 59а, Королева В.А.

«...Осталась я одна, а должна содержать 8 человек. Обуви нет, обращалась в гособеспечение, но ничего не дали. Государство ни одной ниткой не помогло, даже сейчас паек детям не дают, а давали 100 гр. овса...».

В – Тамбовская обл., Каменский р-н, нарсуд, Курганов Б.Г.

Из – Полевая почта № 27933, Васильев Г.П.

«...Моя семья очень и очень плохо живет, все разуты и раздеты, сидят голодные. Местная власть плохо обращает внимание на семью, ведь у меня 6 человек детей. Я прошу тебя, помоги моему семейству, жив буду – не забуду тебя...».

В – Полевая почта 73463«М», Торопцев А.Д.

Из – Тамбовская обл., Пичаевский район, село Пичаево, Торопцева П.А.

«...Я – инвалид 2-й группы, а мне не дают хлебные карточки, осталась я беззащитная, я не знаю, где мне взять, и не знаю, как проживу...».

В – Полевая почта 01290, Жигулин М.Я.

Из – Тамбовская обл., Ракшинский р-н, с. Пара*****, Жигулина М.М.

«...Дорогой папаня! Живем очень плохо. Болели тифом вся семья, что делать и как жить, не знаем. Пособие отказали, власть каждый день ходит за налогами. Изба вся разваливается, дует везде ветер, картофеля осталось мало и тот мерзлый. Соли нет и купить не на что. Все разуты и раздеты, купить не на что, денег нет. Мама пухлая. Остаемся мы сиротами. Вышли справку, что ты в армии и напиши своему начальнику, чтобы нам оказали помощь, хотя [бы] заменили потолок...».

В – Полевая почта 40184«Д», Мулюкин С.К.

Из – Тамбов[ская] обл., Пичаевский р-н, п/о Байловское, Мулюкин

«...Дорогие наши Сережа, Валечка и детка... Ходим почти голые, не знаем, доживем ли до урожая. У нас ничего нет и покупать не на что, ходим, шатаемся от голода. Если вы чем-нибудь сможете нам помочь, что же делать, если нет смерти, а руки на себя не наложишь...».

*Начальник управления НКГБ по ТО
полковник госбезопасности Смирнов*

*Начальник отдела «В» УНКГБ по ТО
подполковник госбезопасности Подвальников*

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4806. Л. 18-20а. Подлинник.

* Составлено по материалам отделения ВЦ НКГБ № 7 и пунктов ВЦ НКГБ Тамбовской области за период с 10 по 30 апреля 1945 г. (Примеч. док.).

** Дата установлена на основании примечания документа.

*** Так в документе. Правильно – д. Огаревка.

**** То же. Правильно – Арбеневский.

***** То же. Правильно – с. Арбеневка.

***** То же. Правильно – Комсомолабадский.

***** То же. Правильно – с. Лежайка.

***** То же. Правильно – с. Парский Угол.

№ 680

Информация отдела пропаганды Пичаевского райкома ВКП(б) в обком ВКП(б) о политико-моральном настроении трудящихся района в связи с окончанием войны

*Позднее 20 мая 1945 г.**

В ночь с 8 на 9 мая было получено сообщение о полной капитуляции Германии перед Красной Армией и союзными войсками. Это важное сообщение было немедленно передано во все сельсоветы, колхозы, предприятия и учреждения, в тракторные бригады.

С 6 часов утра повсеместно в райцентре, сельсоветах, колхозах проводились митинги, позже гулянья трудящихся колхозников, рабочих, служащих и школьников.

Радостная весть глубоко всколыхнула тружеников нашего района. Трудящиеся ответили на историческую победу над врагом новым трудовым подъемом. Колхозники Канищевского сельсовета в этот день взяли обязательство первыми закончить работу по рытью траншеи на строительстве газопровода Саратов–Москва. Слово свое они сдержали – задание выполнили полностью 14 мая 45 г.

Колхозники с. Кутли Фарафонтова А.Ф., Кастрикина К.И. в честь победы дали обязательство на 200 % выполнять задание на строительстве газопровода по рытью траншеи – при норме 2,5 куб. метров выполняют 5,25 куб. метра.

Первенство одержали бригадиры тракторных бригад Демин И.Ф., Першин М.Е., Сидорин В.А. – к 20 мая закончили план тракторных работ в весеннем севе. Слово свое также сдержали.

Но отдельные товарищи, как, например, бригадир тракторной бригады Пичаевской МТС Фунин А.П., который был забронирован как специалист до конца войны, на факт окончания войны реагировал иначе, заявив: «Война окончилась – я не работник», занялся пьянкой, бригадой руководить не стал, технического ухода за тракторами не вел, в результате все тракторы его бригады вышли из строя. В настоящее время Фунин с работы бригадира тракторной бригады снят, осужден на полтора года тюремного заключения.

Настроение трудящихся района – колхозников и интеллигенции – после окончания войны неопределимо возросло. Сейчас трудящиеся, не жалея сил, здоровья, борются на колхозных полях за победу получить высокий урожай, достойно встретить возвращающихся домой победителей над немецко-фашистскими захватчиками.

*Зав. отделом пропаганды и агитации
Пичаевского РК ВКП(б) Косолапова⁶²*

* Дата установлена по содержанию документа.

№ 681

Из информации Мичуринского горкома ВКП(б) в обком ВКП(б) о политико-моральном настроении трудящихся г. Мичуринска в связи с окончанием войны

30 мая 1945 г.

Прежде чем перейти к характеристике политического настроения трудящихся города Мичуринска после окончания войны, считаю необходимым вкратце осветить, как был проведен всенародный праздник Победы.

Несмотря на дождь и холод, 8 мая на площадях и улицахлюдно. До самого вечера никто не уходил домой. Многие не спали в эту ночь. И когда поздней ночью радио возвестило о победоносном завершении Великой Отечественной войны, не прошло и пяти минут, как город ожил, и все уголки его охватила могучая волна народного торжества и ликования.

Как только был передан по радио акт о полной капитуляции Германии, во всех предприятиях, где работали ночные смены, были проведены митинги, на которых рабочие и работницы, охваченные всенародной радостью победы, брали на себя новые сощобязательства и становились на вахту в честь победы.

Слесарь сборочного цеха МПРЗ трехсотник т. Морозов на митинге сказал: «Я клянусь товарищу Сталину, что буду работать еще лучше и добьюсь того, что не только сам буду давать 300 % нормы, но и мои воспитанники-ученики под моим руководством будут давать высокую производительность труда. Обязуюсь в мае месяце 3 учеников, прикрепленных ко мне, выпустить на самостоятельную работу. Вместо 8 паровозов по плану мой цех выпустит из ремонта 9 паровозов».

Котельщик т. Ененков в эту ночь дал 200 % выполнения, и вся его бригада стала на вахту им. Победы.

Большинство рабочих весть о победе застала дома, но дома не сиделось, каждому хотелось скорее поделиться радостью с другим. Еще темно, но в механическом цехе паровозного депо Кочетовка небывалое оживление. Секретарь партбюро т. Мурачев открывает митинг. Громкое «ура» в честь великого Сталина, в честь героической Красной Армии и народа-победителя прокатилось по цеху. Один за другим выступают стахановцы и лунинцы, и все они, посылая приветствия Великому Сталину, брали на себя новые трудовые обязательства.

Выступивший на митинге машинист-орденоносец т. Мацнев сказал: «Правое дело советского народа победило. Враг повергнут. Теперь перед

каждым из нас стоит задача – трудиться с еще большей энергией, чтобы скорее дать возможность стране залечить свои раны».

«Никогда так весело не было на душе, как сегодня, – сказал токарь-орденоносец т. Жигульский, – мы уверены были в нашей победе и под руководством товарища Сталина пришли к ней. В грозные дни войны я давал по две нормы в смену, а сейчас беру обязательство поднять свою производительность еще больше». Слова т. Жигульского не разошлись с делом. В день победы производственный план он выполнил на 250 %.

С наступлением утра на улицах города становилось шумней и оживленней. До 9 часов 30 минут по всем предприятиям города и транспорта были проведены короткие митинги, а в 9 час. 45 минут по сигнальным гудкам колонны демонстрантов направились на площадь к памятнику Ленина.

По центральным улицам города с портретами вождей, лозунгами и плакатами проходили стройные колонны празднично одетых рабочих, работников предприятий города и транспорта. Во главе колонн шли воинские части. Мощно гремели оркестры. С особой торжественностью звучала мелодия гимна Советского Союза, прославляющего исполинский русский народ и великую партию Ленина-Сталина, которая привела нас к великому празднику победы.

Около 50 тысяч трудящихся города Мичуринска собрались на площадь на общегородской митинг, посвященный Дню Победы. Открывая митинг, председатель горисполкома тов. Молоканов провозгласил здравицу в честь героической Красной Армии, в честь товарища Сталина. На митинге выступили секретарь горкома ВКП(б) т. Потапов, Герой Социалистического Труда т. Колобов, доктор с/х наук, лауреат Сталинской премии т. Яковлев, полковник авиашколы т. Петрович, учительница-орденоносец т. Полянская, инженер завода им. Ленина т. Петров, секретарь ГК ВЛКСМ т. Дмитриева⁶³ и др. Все они говорили о славе русского оружия, одержавшего победу над фашистской Германией. Все они говорили о непреклонной воле смелее и увереннее идти под руководством большевистской партии и товарища Сталина к новым победам.

Митинг окончен. Снова гремят оркестры, снова несутся боевые призывы и лозунги. До позднего вечера не прекращалось народное ликование. Один за другим на площади выступали коллективы художественной самодеятельности рабочих клубов, Дома Красной Армии, железнодорожных училищ. А как только стемнело, на площади демонстрировалась кинокартина.

Обращение товарища Сталина к народу на площади слушало свыше 25 тысяч человек. После выступления товарища Сталина была выпущена тысяча разноцветных ракет. И стар и млад в этот день был на площади. Ликованию народа не было конца.

Но не только весельем отмечали трудящиеся Мичуринска свой радостный День Победы. Трудовой подъем в этот день был также велик. [...]»*.

Высокая политическая активность и необычайный производственный подъем – таков итог проведенного всенародного праздника Победы трудящимися города Мичуринска.

Последующие дни после окончания войны также говорят о высоком политическом настроении рабочих и служащих, о их стремлении не ослаблять темпов в работе, а закреплять достигнутые успехи и в ответ на победоносное завершение войны и на обращение товарища Сталина трудиться в мирных условиях еще лучше, чтобы скорее залечить раны, нанесенные стране войной, и дать возможность советскому народу вздохнуть полной грудью счастливой и зажиточной жизнью. [...]».

В парткабинете проведено 14 лекций с охватом 868 чел., из них: по истории ВКП(б) – 2, по философии – 2, по междунар[одному] положению – 2, «Партия Ленина-Сталина – вдохновитель и организатор побед над фашистской Германией» – 2, на научные темы – 2, на исторические и по литературе – 4.

Какие вопросы больше задаются лекторам и докладчикам:

1. Будет ли Советский Союз воевать с Японией?
2. Как будет решен вопрос о Польше?
3. Каково положение в Китае?
4. Как будет выглядеть послевоенная Турция?
5. Останется ли Франко⁶⁴ в Испании после войны?
6. О конференции в Сан-Франциско.
7. О войне на Тихом океане.
8. Ряд вопросов послевоенного устройства мира.
9. О положении Компартии в Германии.
10. Будут ли открываться еще церкви?
11. Как будет поделена Германия?
12. Почему до сих пор войска польского эмигрантского правительства содержатся в Англии?

Выступлений отрицательного порядка со стороны рабочих, служащих и населения, не занятого на производстве, не было. Политическое настроение трудящихся города очень высокое и устойчивое. Эта устойчивость выражается в еще большем подъеме производительности труда, что можно видеть из приведенных выше примеров, в укреплении трудовой и государственной дисциплины, в поднятии авторитета партийных организаций и в укреплении связи с партией, что могут свидетельствовать хотя бы такие данные, что за май месяц принято горкомом ВКП(б) в члены партии 24 чел. и в кандидаты 24 чел. Принято парторганизациями, но еще не утверждено горкомом ВКП(б), в члены ВКП(б) 30 чел. и в кандидаты 41 чел. В комсомол принято за май месяц 85 чел., утвержденных** на бюро ГК ВЛКСМ, принято*** КСМ организациями, но не утвержденных ГК ВЛКСМ, 32 чел., и подано заявлений от 69 чел.

Секретарь Мичуринского горкома ВКП(б) Потапов

* Опущены примеры трудового подъема работников предприятий и учреждений г. Мичуринска и информация о массово-политической работе Мичуринского горкома ВКП(б) в связи с окончанием войны.

** Слово *утвержденных* вписано чернилами.

*** Слово *принято* вписано чернилами.

№ 682

Докладная записка первого секретаря Сосновского райкома ВКП(б) Д.С. Черемисинова первому секретарю обкома ВКП(б) И.А. Волкову «О тяжелом материально-бытовом положении колхозников семей фронтовиков Савинско-Карпельского сельсовета и мерах по оказанию им помощи»

8 июня 1945 г.

Многие колхозники – семьи военнослужащих фронтовиков Савинско-Карпельского сельсовета Сосновского района находятся в исключительно тяжелых материальных и жилищно-бытовых условиях.

Из имеющихся в сельсовете в настоящее время 655 хозяйств (в том числе 603 хозяйства колхозников, 38 хозяйств единоличников и 14 хозяйств рабочих и служащих) 175 хозяйств колхозников не имеют в личном пользовании скота и птицы, 126 хозяйств не имеют изб и живут в примитивных и необорудованных землянках, 43 хозяйства живут в развалившихся и непригодных для жилья избах, а 37 хозяйств совершенно не имеют изб и других каких-либо надворных построек, а ютятся во дворах других колхозников, и без того находящиеся в условиях большой скученности.

Большинство колхозных дворов не имеют надворных построек и скот личного пользования в зимний период размещают в сенях и избах, усугубляя и без того тяжелые жилищные условия.

Такое положение с жилищными условиями граждан Сав[инско]-Карпельского сельсовета из года в год создает угрозу различных инфекционных заболеваний.

В таких чрезвычайно трудных материальных и жилищно-бытовых условиях колхозники Сав[инско]-Карпельского сельсовета оказались потому, что в прошлом, т.е. до 1930 года, в сельсовете имелаась бандитско-хулиганствующая группа, которая терроризировала население, занималась систематическими поджогами, грабежом и воровством скота (имеются факты, когда отдельные хозяйства за короткое время горели по 6-10 раз).

Отсутствие поблизости лесов и других строительных материалов не давало возможности быстро вновь отстраивать жилища и надворные постройки, и граждане Сав[инско]-Карпельского сельсовета были вынуждены строить самые примитивные, не приспособленные для жилья землянки.

Такое состояние материально-бытовых условий многих колхозников обязывает нас оказать им серьезную помощь. Тем более это необходимо, если принять во внимание, что из 655 хозяйств 583 хозяйства являются семьями военнослужащих фронтовиков, у 77 хозяйств главы семей погибли на фронте, а 22 хозяйства являются дети-сироты.

В постройке жилищ и надворных построек в первую очередь необходимо приступить для остро нуждающихся 204 хозяйств.

Основным строительным материалом для жилищ считаем целесообразным выбрать дерево, для крыши – черепицу и соломоглиняные кровли, а для надворных построек – дерево и хворост.

Для постройки 204 деревянных домов и минимально необходимых надворных построек, исходя из расчета на один двор 20 к/м круглого леса, 10 к/м пиломатериала, 40 килограмм гвоздей, 10 кв. метров оконного стекла, 800 штук черепицы, 1,5 тысячи кирпича и 200 кгр. пакли, потребуется следующее количество материалов:

круглого лесоматериала	– 4100 к/м
пиломатериала	– 2000 к/м
гвоздей	– 8000 кгр.
стекла оконного	– 2040 кв. метр.
пакли	– 40 тонн.

На территории Сав[инско]-Карпельского сельсовета из строительных материалов можно добыть только глину и организовать выжиг кирпича и черепицы, предварительно построив через промкооперацию кирпичный и черепичный завод на месте.

Требующийся лесоматериал в количестве 4100 кубометров просим отпустить из Перкинского и Челнавского лесхозов, а пиломатериал 2000 кубометров – из Перкинского мехлесопункта, расположенных в 35-40 километрах от села Сав[инские] Карпели.

В части гвоздей, оконного стекла и пакли просим занарядить потребное количество через торгующие организации.

Принимая во внимание, что в сельсовете имеется всего лишь 6 человек престарелых плотников и печников 2 человека, а также ощущается острый недостаток в тягле, считаем необходимым работу по рубке срубов производить непосредственно в лесу, возложив эту работу на Перкинский и Челнавский лесхозы. Другие строительные работы производить с привлечением плотников из других колхозов района. Изготовление же дверей, рам для окон и другого внутреннего оборудования организовать в Сосновском райпромкомбинате, Челнавском и Перкинском лесхозах и Перкинском мехлесопункте.

В связи с тем, что колхозы Сав[инско]-Карпельского сельсовета испытывают острую нужду в живом тягле, не сумеют обеспечить вывозку из леса требуемого количества леса и пиломатериалов или готовых срубов, просим обком ВКП(б) выделить для перевозок строительных материалов 10 автомашин с прицепами и занарядить необходимое количество горючего и масла для них.

Одновременно, в связи со слабым материальным положением преобладающего количества хозяйств, нуждающихся в жилых постройках, просим возбудить ходатайство перед правительством об отпуске денежной ссуды на приобретение строительных материалов в среднем по 5 тысяч рублей на хозяйство, а всего 1020000 рублей сроком на 5 лет.

Осуществление планируемого строительства имеем возможность провести в 4 очереди, одновременно начав строить 40-50 домов.

В целях решительного улучшения материального положения колхозников Савинско-Карпельского сельсовета райком ВКП(б) и райисполком намечают провести ряд дополнительных мероприятий, обеспечивающих ликвидацию отставания колхозов, как в области полеводства, так и животноводства, что в значительной мере улучшит их материально-бытовые и культурные условия.

Секретарь РК ВКП(б) Черемисинов

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4657. Л. 79, 80. Подлинник.

№ 683

Письмо демобилизованного И.Ф. Гальцева секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову о послевоенном состоянии колхоза «Новая жизнь» Уваровского района⁶⁵

17 сентября 1946 г.

Здравствуйтесь, тов. Маленков!

Прошу, извините меня за мое официальное обращение к Вам. Письмо это пишет Вам демобилизованный воин, член ВКП(б) Гальцев Иван Федорович. Тов. Маленков, я, конечно, решил обратиться прямо непосредственно к Вам, как к секретарю ЦК ВКП(б), и с большой надеждой думаю, что Вы, как секретарь ЦК, отзоветесь на мое письмо. Каков смысл этого письма, я его опишу ниже, но дела, конечно, следующие.

Дела общественного порядка, тов. Маленков. Я хочу Вас посвятить или же описать жизнь одного колхоза, описывать буду все подробно, но останавливаться буду более на особо важных фактах, а небольшие факты – я не буду на них останавливаться, несмотря на то, что эти малые факты тоже играют большую роль в построении нашего соц. государства.

Тов. Маленков, если это все подробно описывать, то нужно очень много писать. Но я думаю, что будет написано, заинтересует Вас. А, исходя из этого, то, по-моему, впоследствии Вы должны узнать. Товарищ Маленков, я буду описывать жизнь одного колхоза Тамбовской области, Уваровского района, М[оисеево]-Алабушского с/с «Новая жизнь».

Первоначально я, конечно, опишу Вам жизнь этого колхоза до военного времени. Колхоз имел посевных площадей более 1000 га, которые полностью засевались. Также хозяйство колхоза выглядело следующим

образом: имелась большая конная ферма, которая полностью обеспечивала все колхозные потребности. Численность ее была около 100 голов. Имелась большая МТФ, численность которой была 80 голов. Имелась большая ОТФ, численность которой была около 200 голов. Также имелась большая СТФ, численность которой была 70 голов. Имелась большая птицеферма, о ее численности не имею данных.

Что же от всего этого осталось? Посевную площадь, которую колхоз засеивал, как я уже указал выше, из нее сейчас около 200 га залужено, которая никому никакой пользы не дает. Что же изменилось в животноводстве? От конной фермы осталось всего 8 голов, от МТФ осталось 5 голов, от ОТФ осталось 11 гол[ов], от СТФ осталось 8 голов, а от птицефермы даже и ни одного пера не осталось.

Далее остановлюсь на следующем – это на хозяйственных постройках колхоза. Колхоз имел на все выше указанные животноводческие и птицеводческие фермы очень благоустроенные помещения. Что же от всего этого осталось? Осталось одно помещение для конной фермы. Остальные полностью дотла уничтожены. Также колхоз имел очень хорошую ветряную мельницу, также имел хороший нефтяной двигатель со всеми мукомольными и просообрабатывающими агрегатами. Также колхоз имел хороший колхозный клуб. Также имел хорошие дет. ясли. Очень хороший был построен гараж. И ко всему этому колхоз имел очень хорошие два колхозных сада. Что же от всего этого осталось?

Ветряная мельница уничтожена полностью, нефтяной двигатель тоже уничтожен, детсад, колхозный клуб, гараж и оба сада уничтожены тоже полностью.

Вот, товарищ Маленков, что меня заставило обратиться к Вам. Я думаю, что Вы, узнав вот об этом, поможете нам кое в чем, так как наша парторганизация без вмешательства Вашего предпринять ничего не сможет. И почему – я об этом тоже немного остановлюсь. Вся эта растащиха происходит под руководством пред. колхоза Лоскутова. До поступления его к нам в колхоз все вышеперечисленное было в полном порядке.

Товарищ Маленков, конечно, Вы, прочтя это все изложенное, можете подумать, а почему они там не могут кого-то привлечь к ответственности. Вот именно и не можем. Вот этот самый вышеуказанный Лоскутов для того, чтобы иметь поддержку свыше, он безо всякого решения колхозников подарил колхозную корову первому секретарю РК ВКП(б). Также еще один небольшой подарочек подарил начальнику РО МГБ (этому – семью пчел). Ну, конечно, имеют место и другие случаи. А, исходя из вышеизложенного, конечно, что можно понять?

А если писать так, как оно у нас есть, то неоднократные сигналы честных колхозников туда, в вышеуказанные инстанции, остаются безо всяких действий. И вот, несмотря на такую разруху нашего колхоза, до сих пор никто не привлечен к ответственности.

Тов. Маленков, я, конечно, пишу это письмо, как член ВКП(б), прошу Вас, как секретаря ЦК ВКП(б), помочь нашему колхозу выйти из такого

трудного положения, ибо такое положение уже имеет свой отпечаток на самой колхозной массе. Между прочим, колхозная масса, смотря на такой развал и на такую растащиху, прямо-таки имеет нездоровые настроения, то есть приходит к такому выводу: не верит в прочность колхозного строя.

Вот, тов. Маленков, на этом писать я заканчиваю.

До свидания, желаю самых наилучших успехов и доброго здоровья.

Гальцев

ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1 Д. 4874. Л. 2-4. Автограф.

№ 684

Из воспоминаний первого секретаря Тамбовского обкома ВКП(б) Н.А. Логинова о работе в годы войны

Июнь 1954 г.

В обороне столицы в 1941 году участвовала вся страна. Тамбовская область, находясь в прифронтовой полосе, также внесла свой вклад в это всенародное дело. На колхозных и совхозных полях заканчивалась уборка обильного в том году урожая ржи, пшеницы, проса, сахарной свеклы. Хорошо велись хлебозаготовки. Трудно было в ту пору управляться со всеми этими работами – ведь трудились одни женщины, не хватало сельхозтехники. Ходовые тракторы и автомашины были переданы формирующимся мотомеханизированным войсковым частям. Однако и в таких условиях делалось все возможное, чтобы дать стране больше хлеба, обеспечить в первую очередь продуктами питания Москву и наших славных воинов, оборонявших ее.

В то тревожное время промышленные предприятия при остром недостатке рабочей силы работали с колоссальной нагрузкой. Заводы «Ревтруд», «Комсомолец», паровозоремонтный, вагоноремонтный и другие помимо установленных производственных планов получали от обкома партии и городского комитета обороны дополнительные задания на изготовление разной спецпродукции. Их рабочие выполняли в сверхурочное время, используя в основном сэкономленные материалы.

Ввиду сложившихся условий военного времени пришлось решением обкома и облисполкома (председателем которого был старый большевик И.Т. Козырьков – соратник В.В. Куйбышева⁶⁶ в 20-е годы) разрешить для стимулирования колхозников, кроме трудодней, убирать на полях картошку на условиях: девять мешков колхозу, десятый – себе. Это позволило в области быстро убрать весь картофель на полях.

Развернулось патриотическое движение сбора средств на танковую колонну «Тамбовский колхозник», затем тамбовцы стали собирать деньги на вторую танковую колонну. Нашу инициативу подхватили и другие области. У нас это произошло так. Известно, что от реализации госзаимов определенный процент оставлялся на местах. Однако сельское население,

охотно подписываясь на займы, ранее – до 1940 года – не вносило и половины той суммы, на которую размещался заем. Получался самообман: подписка проводилась хорошо, а денег в кассе государства не было. Приходилось менять установившуюся практику, но действовать не административными мерами, а путем проведения большой массово-политической работы среди населения. На этой основе и была в 1940 году успешно проведена работа во всех районах области, и вслед за размещением займа было полностью обеспечено наличное поступление денег.

В следующем военном году размещение займа прошло с еще лучшим результатом – с превышением и сбором всей суммы наличными. На заседании обкома партии мы решили эту сумму превышения направить на создание танковой колонны. Опубликовали это в областной газете, что получило поддержку населения. Поток добровольных средств на танковые колонны все возрастал.

В первые месяцы войны стал ощущаться острый недостаток оружия, и Государственный Комитет Оборона СССР потребовал от комитетов обороны прифронтовых областей (решением ГКО страны я был назначен председателем комитета обороны Тамбова и Тамбовской области), в том числе Тамбовской, сбора всех запасов оружия в войсковых частях, расположенных на территориях областей, а также в органах милиции, и отправке его самолетами в Москву, которая готовилась в то время к обороне.

Совершенно неправильно, по моему мнению, поступали центральные органы, ведавшие вопросами эвакуации из прифронтовых районов людей и госимущества, посылая многие эшелоны из Белоруссии, Украины в Тамбовскую, тоже прифронтовую область, к границам которой подходил враг. Так, были в числе многих других приняты и размещены на Тамбовщине Киевский театр им. И. Франко во главе с художественным руководителем Гнатом Юрой, артистами А. Бучмой, Н. Ужвий, которые были у меня на приеме в обкоме партии. Они своей украинской труппой на украинском языке играли спектакли в Тамбовском облдрамтеатре, играли по очереди через день с коллективом Тамбовского театра. А когда обстановка осложнилась, то пришлось в спешном порядке эвакуировать Киевский театр в глубокий тыл страны. В Тамбов эвакуировали также группу московских писателей, среди которых был А.С. Новиков-Прибой, уроженец Тамбовщины, и другие. Причем это делалось одновременно с эвакуацией в тыл военных учебных заведений – авиационного, артиллерийского, кавалерийского, двух пехотных училищ, размещавшихся в Тамбове, штаба Орловского военного округа. Надо было областными руководящим организациям и населению иметь большую выдержку, чтобы сохранить необходимое спокойствие и порядок в городе.⁶⁷ Поведение тогдашнего командующего Орловским военным округом, находившегося в Тамбове, генерал-лейтенанта Тюрина Тамбовский комитет обороны оценивал как паническое.

Мы в обкоме ВКП(б) считали, например, неправильными действия Наркомата боеприпасов, давшего приказ директору номерного завода об

эвакуации в глубь страны, в то время, как продукция, изготавливаемая этим заводом, как воздух, нужна была фронту, находящемуся у границ Тамбовской области. Несмотря на то, что эвакуация завода была начата, и несколько эшелонов уже были отправлены и находились под погрузкой, комитету обороны области пришлось взять на себя серьезную ответственность и внести предложение в ГКО СССР об оставлении завода на месте и возвращении уже отправленных эшелонов назад. Наша просьба была удовлетворена, но если бы эвакуацию провели, то продукцию завода фронт получил бы не ранее, как месяцев через шесть, а этого допустить было никак нельзя.

Мы получили сведения, что районы столицы формируют дивизии народного ополчения. Трудящиеся Тамбовской области тоже приняли участие в формировании стрелковой дивизии, в которую влилось много добровольцев. Командно-политический состав ее почти полностью состоял из тамбовцев – партийных, советских и комсомольских работников. В это время ушли на фронт секретари обкома партии товарищи Елисейкин⁶⁸, Невежин, Бойков, Костенко, секретарь Тамбовского горкома партии товарищ Деца и многие другие. Наша помощь фронту нарастала с каждым днем и по мере приближения противника к Москве она все более усиливалась.

Область также выполняла задания ГКО СССР по отправке большого количества вагонов формовочного песка из тамбовских карьеров на Куйбышевский авиационный завод, перебазированный из Москвы. Помню, мне тогда позвонил по спецтелефону правительственной связи-«вертушки» уполномоченный ГКО СССР, секретарь Московского горкома партии Г.М. Попов, находившийся на этом авиамоторном заводе в Куйбышеве. Он просил как можно быстрее отгрузить из тамбовских карьеров несколько эшелонов высококачественного формовочного песка, необходимого по технологии производства. Эта внеплановая работа была выполнена досрочно. Рабочие карьера и железнодорожники знали, что моторы надо ставить на самолеты, предназначенные отражать налеты вражеской авиации на Москву.

В нескольких километрах от Тамбова в лесу разместились в землянках бригада резерва Верховного Командования нашей армии, насчитывавшая до 30-40 тысяч людей, призванных в Красную Армию. С ними проводилась кратковременная военная и политико-воспитательная подготовка, формировались маршевые роты и батальоны, которые отправлялись в действующую армию под Москву и на другие фронты. Незадолго перед решающей битвой под Москвой для проверки хода войсковых формирований в Тамбов приехал К.Е. Ворошилов⁶⁹. Его приезд совпал с активными действиями вражеской авиации, часто нападавшей на Тамбов, Котовск и некоторые другие объекты, расположенные вблизи от областного центра. Вызвало большое беспокойство нахождение на привокзальных путях специального вагона, где находился Ворошилов. На наши предложения ему поместиться где-нибудь в городе он ответил отказом. Во время очередной бомбежки фашистской авиации центра Тамбова была разрушена одна сторона областного драмтеатра имени А.В. Луначарского, и театр на

продолжительное время вынужден был прекратить работу, а мы только накануне войны его капитально отремонтировали.

В вагоне было несколько встреч с Ворошиловым. Мне, как первому секретарю обкома ВКП(б), пришлось докладывать ему о положении дел в области. Он посетил военные училища, гарнизон, заводы. Ворошилов ездил по области на своей автомашине довольно долго, а меня он освободил от поездок с ним, не считая, как он выразился, необходимым отрывать от важных дел в области. Ворошилов собрал в своем вагоне военных командиров и областных руководителей, заслушал их доклады о выполнении особо важных заданий и дал неплохую оценку их деятельности. Прощаясь с нами, он пожелал труженикам области больших успехов и просил передать рабочим и колхозникам, что защитники Москвы будут стоять насмерть и столицу никогда не отдадут врагу. Последним пунктом его поездки перед отъездом в Москву был город Мичуринск, где он заехал к проживавшему тогда там известному художнику Александру Герасимову. На вокзале в Мичуринске Ворошилов попросил сопровождавшего его в поездке по Тамбовской области члена бюро обкома партии, начальника облуправления НКВД Митряшова передать первому секретарю обкома, что в области очень плохие дороги, в чем он убедился, проехав по ним не одну сотню километров на автомашине, и что надо обратить серьезное внимание на строительство и ремонт дорог. Конечно, в грозные дни первого года войны трудно было всерьез заняться этим вопросом, но все же районные сельские организации с помощью общественности провели некоторую работу по улучшению местных дорог.

В начале войны в Тамбов привезли бывшего президента буржуазного правительства Латвии Ульманиса⁷⁰ с женой в связи с тем, что Латвия была оккупирована гитлеровскими войсками. Ульманиса с супругой в Тамбове поместили жить в одноэтажном небольшом доме не в центре города, но и не на окраине. Ульманис пользовался свободой передвижения, часто, как мне говорили, бывал с женой на расположенном вблизи, но не центральном городском рынке. Когда немецко-фашистские войска подошли совсем близко к Тамбовской области, Ульманиса с женой по распоряжению из Москвы эвакуировали в глубокий тыл.

Через Тамбов в глубокий тыл врага с помощью авиации к партизанам регулярно переправлялись оружие, боеприпасы, снаряжение, продовольствие и специально подготовленные военнослужащие, а из партизанских районов глубокого тыла врага эвакуировались раненые. Во время одного из таких рейсов у меня в кабинете в обкоме партии на деловой беседе побывал известный, прославленный героическими действиями во вражеских тылах генерал-майор А.Н. Сабуров⁷¹, перелетавший с остановкой в Тамбове в свою партизанскую группу в тыл врага из Москвы, где ему вручили медаль «Золотая Звезда» Героя Советского Союза.

В конце сентября 1941 года меня вызвали на заседание пленума ЦК ВКП(б), открытие которого оттягивалось из-за тревожной военной обстановки. Приехав в Москву, я ночью в гостинице получил из рук

фельдъегеря пакет за пятью сургучными печатями, на котором было написано, что мне предлагается утром к девяти часам следующего дня явиться на улицу Лубянку, дом № 2, в кабинет Берии.

Можно понять, каким мучительным было мое ночное ожидание встречи с ним, не зная, зачем я ему понадобился. Я подумал, что, может быть, настала и моя очередь, ведь мои сослуживцы – командиры по гражданской войне (В. Примаков⁷², М. Демичев⁷³, А. Горбатов⁷⁴ и другие) были репрессированы и уничтожены в 1937-1938 годах. На другой день, придя в приемную Берии, я встретил там группу ожидавших первых секретарей обкомов партии, многих из которых знал, и только тогда стало ясно, что на сей раз угроза быть арестованным, по-видимому, миновала.

Оказалось, что Берия, как он заявил, по поручению ЦК собрал нас по вопросу неудовлетворительного хода лесозаготовок. На этом совещании, обращаясь к нам, он сказал: «Смотрите, кто из вас, руководителей областей, не выполнит плана лесозаготовок, тех сотру в лагерную пыль». Я подумал, что мы, секретари обкомов партии, в областях – ответственные, облеченные доверием руководители, а для Берии мы – пешки. На этом совещание закончилось, все с тяжелым настроением разошлись.

Пленум ЦК так и не состоялся. Москва готовилась к отражению врага – строились на улицах баррикады, ставились надолбы из рельсов, через город шел непрерывный поток беженцев со скотом, пешех, на телегах, при частых ежедневных массированных налетах фашистской авиации. Правительственные учреждения были эвакуированы в глубокий тыл. Я выехал в Тамбов, вскоре там приступил к работе.

Выше я говорил, что в силу сложившихся условий в Тамбовской прифронтовой области решением обкома и облисполкома было разрешено для стимулирования колхозников убирать картошку на условиях – девять мешков колхозу, а десятый себе. Такое решение было вынесено без согласования с вышестоящими руководящими партийными и советскими инстанциями, которые в это время эвакуировались в глубокий тыл, в Куйбышев. И вот мне в Тамбов из Куйбышева по телефону «ВЧ» звонит А.А. Андреев, секретарь ЦК ВКП(б) – ведь и ЦК эвакуировался в Куйбышев. При плохой слышимости он выразил недовольство тем, что обком и облисполком приняли такое решение. Видимо, кто-то из Тамбова поспешил сообщить об этом в Куйбышев Андрееву. Я ему ответил, что только эта мера помогла полностью собрать урожай при теперешнем отсутствии рабочей силы на селе, иначе картофель ушел бы под снег не убраным. Вскоре телефонная связь с Куйбышевым совсем прервалась.

Из оккупированной гитлеровцами Орловской области в Тамбовскую был эвакуирован колхозный и совхозный крупный рогатый скот и по предложениям руководства сверху на длительное время оставлен на наше попечение. Мы в обкоме и облисполкоме считали неправильным такое необдуманное мероприятие, потому что из нашей прифронтовой области этот скот все равно пришлось спешно перегонять в другие тыловые области. Это мероприятие проводил секретарь Орловского обкома партии Н.Г.

Игнатов, приезжавший тогда в Тамбов, с которым мы работали в полном контакте и согласии. В послевоенные годы он работал секретарем Горьковского обкома партии, затем председателем Президиума Верховного Совета РСФСР.

Глубокой осенью 1941 года прилетел из Москвы летчик, майор, Герой Советского Союза Тихонов⁷⁵ и вручил мне в обкоме ВКП(б), как депутату Верховного Совета СССР, предписание за подписью М.И. Калинина, в котором предлагалось облететь несколько прифронтовых авиационных дивизий и вручить ордена и медали награжденным летчикам. Вместе с майором Тихоновым прилетел порученец Президиума Верховного Совета СССР с орденами и грамотами. На бомбардировщике ДБ-3 накануне годовщины Октябрьской революции я вылетел для выполнения задания М.И. Калинина.

Мне довелось вручить награды от имени Президиума Верховного Совета СССР в авиационных дивизиях дальнего бомбардировочного действия, расположенных в Тамбовской, Рязанской и Липецкой областях. Летали на небольших высотах, так как находились в зоне действия вражеской авиации, иногда нас сопровождали советские истребители. Одной из авиадивизий командовал молодой полковник, мой однофамилец⁷⁶. По окончании торжественного вечера, на котором после вручения наград было скромное фронтовое угощение, часть летчиков сразу вылетела бомбить дальние объекты в глубоком тылу врага, а другие офицеры из летного состава, как обычно, отдыхали. Так было и в других авиачастях, которые я посетил.

В Липецке попали под сильную вражескую бомбежку. Там авиадивизия имела прекрасные условия размещения в бывшем авиаучилище на окраине города. Мне показалось странным, что при частых воздушных налетах на этот город противник не сбросил ни одной бомбы на территорию училища. Оказалось, что в Липецком авиаучилище еще до этой войны в течение ряда лет проходили обучение и немецкие летчики, и некоторые из них, потерпев воздушные аварии, остались навсегда лежать на кладбище вблизи училища. Так, в память о своих собратях немецкие летчики не бомбили училище, хотя знали, что там расположено наше авиасоединение.

Через несколько дней я вернулся в Тамбов, войдя в курс последних событий области, а они разворачивались неблагоприятно для нас. В начале октября 1941 года фашисты захватили Орел, вплотную придвинулись к границе Тамбовской области. Надо было принимать срочные меры к эвакуации хлеба, скота, ценного производственного оборудования и детей с матерями в глубь страны.

Трудящиеся областного центра ускоренными темпами сооружали оборонительные рубежи на подступах к городу, и я выезжал на это строительство несколько раз. Партийно-советский актив готовился к партизанским действиям, готовили партизанские группы, создавали материально-технические базы в тамбовских лесах на случай боевых действий в тылу противника. При всем этом большая ответственность перед

областной парторганизацией лежала за полную, своевременную уборку урожая и выполнение государственного плана хлебозаготовок. Эта работа проводилась в то время, когда по всем дорогам, ведущим с запада на восток области с воронежского направления в тыловые районы, двигались сплошным потоком вереницы колонн с эвакуированными людьми, скотом, имуществом, создавая среди тамбовских колхозников паническое настроение. Однако партийные и советские организации делали все для того, чтобы убрать с полей хлеб, картофель и т.д. и рассчитаться с государством. Здания многих школ и других учреждений были переданы военным госпиталям, переполненным ранеными. В одном из них оказался тяжело раненый командарм генерал-лейтенант Карпезо⁷⁷, мой сослуживец по гражданской войне по Червонно-казачьей дивизии, где я командовал полком. В госпитале я побывал у него.

Как-то в разговоре из Тамбова по телефону «ВЧ» с командармом Ф. Костенко⁷⁸, дравшимся со своей армией под Воронежем, я спросил его: есть ли вероятность проникновения врага на территорию Тамбовской области? Федор Костенко, сделав небольшую паузу, ответил: «Видишь ли, скажу тебе, как старому сослуживцу по гражданской войне, мы будем стоять насмерть, чтобы дальше не пропустить фашистов, но ты готовься к худшему исходу». Генерал-лейтенант свое слово сдержал: его бойцы врага не пропустили, но сам он пал смертью храбрых. Костенко оставил о себе добрую память еще и тем, что спустя несколько дней после занятия гитлеровцами Ельца, доблестные части его армии стремительным натиском вышибли врага из этого города и показали, что Советская Армия может не только обороняться, но и успешно наступать.

Было задание ГКО СССР по отправке из Тамбовской области молодежи на строительство оборонительных линий Москвы. Более тридцати тысяч юношей и девушек по зову обкома комсомола в добровольном порядке поехали строить рубежи на дальних подступах к Москве в район Юхнова-Ярцева. Многие из них не вернулись домой, погибли.

Трудящиеся Тамбовской области были неразрывно связаны с фронтом. Они посылали своей подшефной дивизии, другим воинским частям, стоявшим на передовой линии фронта под Москвой, много подарков. С эшелонами, нагруженными всевозможными вещами, нужными бойцам, особенно в зимнее время, направлялись делегации рабочих и колхозников. Они устанавливали живой непосредственный контакт с фронтовиками. От них привозили в колхозы, совхозы, на фабрики и заводы теплые патриотические письма, в которых выражались непоколебимый дух и твердая уверенность русского солдата в грядущей победе.

Уже после разгрома немецко-фашистских войск под Москвой, когда их полчища были отброшены на сотню километров на запад, в марте 1942 года меня вызвали в Москву на заседание Секретариата ЦК ВКП(б), к тому времени Центральный Комитет партии вернулся из Куйбышева в столицу. Пригласили меня в кабинет секретаря ЦК по вопросам сельского хозяйства А.А. Андреева. Это был Секретариат ЦК только по форме, так как из

секретарей ЦК за столом сидел только Андреев и два его заместителя. Для себя я это нарушение принципов партийной демократии объяснил военным временем.

Я сидел за столом рядом с Андреевым, на котором были одеты френч и брюки галифе стального цвета, хромовые сапоги. Он перелистывал докладную записку, хмурился, морщил лоб. Записка, как я заметил, была во многих местах подчеркнута красным карандашом. Мне были претензии и разнос за то, что Тамбовский обком партии и облисполком приняли совместное решение о стимулировании колхозников за уборку урожая картофеля (напомню: девять мешков – колхозу, один – колхознику). Андреев усмотрел в этом проявление местнических тенденций, введение своих, как он тогда назвал, «тамбовских законов». Я на это ответил, что не будь такого нашего решения – вся картошка могла остаться не убранной на полях, ибо на селе остались только женщины, старики и дети, а мужчин призвали на защиту Родины. Враг осенью 1941 года подходил к границам Тамбовщины, в этих трудных условиях всю картошку до последнего клубня, а урожай был хороший, убрали с полей области, и теперь есть чем кормить рабочих и колхозников, обеспечивать питанием армию, столицу. Андреев, выслушав мое сообщение о состоянии сельского хозяйства Тамбовской области, задавал вопросы, спрашивал о необходимой помощи от ЦК партии и под конец сказал: «Езжайте в область и готовьтесь к весеннему севу».

А вообще-то, я помощи для области в такие трудные времена от Андреева не ждал, потому что даже в мирное время перед войной ее не получил, когда просил об этом. [...]*

Мне довелось проработать на руководящей партработе 12 лет: несколько лет с 1938 года – вторым секретарем Курского обкома ВКП(б), затем первым секретарем Тамбовского обкома в предвоенные годы и в первые годы Великой Отечественной войны (с конца 1939 года по июнь 1942 года), после этого я был направлен уполномоченным ГКО в блокадный Ленинград, а с 1944 года по приглашению секретаря ЦК, МК и МГК А.С. Щербакова работал семь лет первым секретарем Ростокинского, Щербаковского райкомов Москвы.

Моя работа в Тамбовском обкоме ВКП(б) пришлась на очень трудный решающий период для нашей Родины – время битвы с гитлеровскими полчищами за Москву, и Тамбовская область активно участвовала в ней, находясь на юго-западном плацдарме кровавой битвы, требовавшей колоссального напряжения всех сил и ресурсов. [...]**.

ЦДНИТО. Ф. 9019. Оп. 1. Д. 1772. Л. 4-11. Печатный экз.

* Опущена информация об участии Н.А. Логинова в совещаниях при ЦК ВКП(б) в 1940 г., его встречах с А.А. Андреевым и М.Ф. Шкирятовым.

** То же о работе Н.А. Логинова первым секретарем Тамбовского обкома ВКП(б) в предвоенные годы.

№ 685

Из воспоминаний В.М. Семичевой, первого секретаря Тамбовского обкома ВЛКСМ в 1942-1943 гг., о работе в годы войны

29 апреля 1985 г.

Среди членов пленума ОК в 1943 г. были почти одни девушки. Это секретари ОК, ГК и РК: Валя Губарева* – секретарь ОК по кадрам, секретарь Моршанского ГК ВЛКСМ Саша Скачкова, Данилкина Аня – секретарь ОК по школам. Все остальные славные девушки – секретари РК, ГК комсомола, вероятно, и работники ОК. Теперь не помню, хотя лица их не забыла!

Все эти девушки пришли на комсомольскую работу из числа учителей школ. Им не хватало жизненного опыта, политической и идейной зрелости. Но призыв партии «Все для фронта, все для победы!» был понятен всем и каждому. Мы все были относительно молоды. Мне было 23 г., Ане Данилкиной, наверное, и того меньше, но все работали, я бы сказала, вдохновенно, самоотверженно. Над всеми довлело чувство долга перед Родиной, перед близкими, ушедшими на фронт.

Мой брат Василий Семичев – рабочий вагонорем[онтного] з[аво]да, комсомолец, был влюблен в Красную конницу. На имя Ворошилова К.Е. написал письмо с просьбой направить его в конную армию. Просьба б[ыла] выполнена. Он был зачислен в Тамбов[ское] кавучилище, а в 1942 г. уже погиб. Пропал без вести. И так почти у всех девушек-райкомовок. У кого отец, у кого брат. Горе у всего народа нашей Родины было одно и ответственность перед ней тоже одна.

Комсомольские организации, как и партийные, численно уменьшились. Нередко проводили на местах не изолированные партийные и КСМ собрания, а совместные. Часто открытые. И это понятно. На них до всех доводилось слово партии о положении на фронтах, о трудовых успехах нашего народа, о необходимости во имя Победы работать, не покладая рук. И слово партии трудящиеся встречали с пониманием.

Видели ли вы когда-нибудь хлеб, который ели женщины, старики, дети в деревне? Он был зеленый, т.к. был на 1/2 или на 3/4 с лебедой. А видели ли вы, чтобы за сохой шел пахарь 7-8 лет? А я видела. Один мальчик приладил к ручке сохи самодельную вертушку. Он пахал, а глаза смотрели на игрушку. А разве на заводах не были подростки по 15-16 лет?!

Ведь неслучайно в эти годы обком партии и обком комсомола работали с 10 ч. утра и без перерыва до 4 часов утра. Связь с молодежью держали все время. Обком не пустовал. Он очень старался выполнять роль комсомольского штаба. Наверное, нам не все удавалось, но мы не бездействовали.

Хочу подчеркнуть, что обком ВЛКСМ все время чувствовал поддержку со стороны обкома партии. Время было оч[ень] трудное. Немцы были под Воронежем, очень близко к границам нашей области. В 1942 г. немцы не однажды бомбили Тамбов, Мичуринск – крупные ж.-д. узлы, через которые

шли непрерывно эшелоны на фронт. Опасность прорыва, вероятно, была оч[ень] велика, т.к. ЦК ВЛКСМ утвердил меня секретарем подпольного ОК, и я немало поездила (вернее, походила по 30-35 км) по районам, создавала, подбирала молодежь для подпольной работы. Не знаю, как бы мы проявили себя в подполье, но, несомненно, не бездействовали бы.

Однако в к[онце] 1942 г. фронт стабилизировался, а затем Кр. Армия и разгромила полчища фашистов. И трудящиеся области получили возможность работать более спокойно. Но война – война.

Города и особенно деревни обезлюдели, поэтому трудовой мобилизации подлежали учащиеся старших классов и все женщины-домохозяйки, не имевшие маленьких детей. С 1943 г. обком ВЛКСМ принимал непосредственное участие в отборе молодежи, которая направлялась для восстановления районов, освобожденных от фаш[истск]ой оккупации.

Много усилий было приложено в 1941-1942 по трудоустройству и определению на квартиры эвакуированных с зап[адных] районов СССР. Это были граждане из Белоруссии, Зап[адной] Украины и Зап[адной] Белоруссии. В Тамбов были привезены дети, потерявшие родителей при отступлении, эвакуации. Обком, РК и ГК ВЛКСМ участвовали в распределении их среди населения, среди жителей, желавших усыновить детишек. И позже не раз комсомольские работники навещали эти семьи, проверяли, как живут эти дети. Много внимания уделяла им Данилкина Аня. Надо сказать, она отличалась деловитостью, уверенностью. Она, по-моему, до ОК работала тоже учительницей и имела драгоценные качества педагога, воспитателя.

По вопросам трудоустройства эвакуированных работали все, но надо отметить особо зав. отделом крестьянской молодежи обкома комсомола Золотухина. Это был зрелый, умный паренек. Вскоре его взяли помощником 1-[го] секретаря ОК ВКП(б). После войны он работал первым секретарем, кажется, Краснодарского крайкома партии, а затем в Москве в гос. аппарате. Большим авторитетом пользовалась секретарь Моршанского ГК ВЛКСМ Саша Скачкова. Сейчас она тяжело больна, почти потеряла зрение. И неплохо было бы ее поздравить и сказать спасибо за самоотверженный труд. Я убеждена, что это одна из лучших комсомольских работников в годы Великой Отечественной войны. Это зрелый, умный, политически активный коммунист. Может быть, ей, ветерану комсомола, нужна помощь?

Горкомы и райкомы комсомола оказали существенную помощь по сбору подарков для фронта, особенно для бойцов Тамбовской дивизии. Она сражалась под Курском (это, наверное, Брянский фронт). В дивизию отправлялись не однажды делегации трудящихся области, была и я в одной из них в 1943 г. (вскоре после освобождения Курска).

Комсомольские организации были инициаторами переписки с фронтовиками. Письма, фотографии вкладывались в посылки (теплые носки, варежки, махорка и т.д.), и сама я воочию видела, как бойцы радовались этим письмам, которые подбадривали бойцов, вдохновляли их на бой.

Надо сказать, и с фронта письма также шли лавиной, особенно после телеграммы И.В. Сталина в адрес ОК ВЛКСМ с благодарностью комсомольцам, молодежи области за собранные деньги, за помощь фронту. Обком ВКП(б) принял решение письма опубликовать: часть – на страницах «Тамбовской правды», а затем издать сборником. Такой сборник я подарила 1-[му] секретарю ОК ВЛКСМ в день празднования 50-летия ВЛКСМ.⁷⁹ Куда были сданы остальные письма? Они д[олжны] быть в партархиве в фондах ОК ВКП(б), ОК ВЛКСМ и газеты «Тамбовской правды».⁸⁰

Хотелось бы еще отметить следующее. Нам, молодым комсомольским работникам, оказывали существенную помощь партийные органы – ОК, РК и ГК партии, парткомы крупных предприятий. В то же время, несомненно, партийная организация области опиралась в своей работе и на молодежную инициативу, почин, самоотверженный труд юных тружеников. Обком ВЛКСМ совместно с облвоенкоматом не только отобрал значительную группу молодежи на строительство оборонительных рубежей под Воронежем, в партизанские бригады Белоруссии, но и в формировавшиеся тогда в воздушно-десантные группы под Сталинград. Надо отметить, что это была нелегкая работа. Обком не имел транспорта и до районов приходилось добираться пешком, да и беседы шли, главным образом, с теми, кто уже повоевал, был ранен и мечтал об отдыхе.

И последнее. Поскольку зерно, картофель область сдавала в госпоставки, то комсомольцы к весне 1943 г. собирали по селам глазки от картофеля для посадки, удобрение по дворам (золу, куриный помет).

И, наконец, тамбовские трудящиеся, как известно, на свои сбережения купили у государства танки для танковой колонны «Тамбовский колхозник». А воевали на них наши комсомольцы, молодежь.

ЦДНИТО. Ф. 9019. Оп. 1. Д. 1659. Л. 3-7 об. Автограф.

* Так в документе. Правильно – Валя Губина.

№ 686-725

Воспоминания сельских жителей о военных годах

1991-2007 гг.

№ 686

Из воспоминаний Е.А. Покровской, 1902 года рождения, жительницы д. Васильево Пичаевского района*

1995 г.

[...]**. Война... По радио узнали. Часа в 2-3 объявили. Сначала-то никто и не испугался. А через полгода-то жуть и догнала. Немец полстраны прошагал и к Москве подступил. Здесь звереть и начали. Мать больная дома, а нас – аэродром строить. Я и отказалась. Присудили 1,5 года

исправительных работ. Хорошо, дочь успела вызвать с Моршанска, она училась там.⁸¹ Отправили меня к Волге. Село-то уж не помню. Разделили на две бригады. Одним – лес валить, другим – окопы с блиндажами рыть. Потом перебросили подальше от фронта, на лесоповал. Привезли, выкинули на голое поле. Палатки дали, без еды три дня сидели, потом про нас вспомнили. Ну, отработала я там. А домой, как хочешь, так и добирайся на перекладных. 2 недели путешествовала. С Бондарей пешком пришлось.

Пришла домой полуживая, дочь на работе, мать еле дышит. Хорошо – соседи помогали. Женька тогда в магазине работала, особо не возьмешь. А люди на токах да на станции работали – в трусы да в носки понасыпят зернышка, принесут на молоко поменять. Горстку на кружку молока кинешь, лебеды туда да кожурки от картошки водой зальешь. Вот тебе и ужин, и обед, и завтрак. Коровой одной и спасались. Дворы многие опустели. Кто в войну пропал, а кто и здесь с голоду сгинул. Дома старые на дрова растаскивали, мы и то, вон, горницу забивали, на лоханке и жили. Топили раз в три дня. Натопишь, замазка течет день, к вечеру вода в ведрах стынет. У коровы в сарае теплей становилось, как совсем неумоготу – опять досок оторвем от забора и в дело. Ну, слава Богу, дожили, не дай Бог каждому.

А когда воевать за границей начали, совсем отпустило. 44-45-е года богатыми на урожай были. Гулянки повсюду были. Народ каждому дню радовался. Сталину народ верил. Войну кто выиграл? А сейчас вон, говорят, плохой он. А что он сказал, то и было. Да и в Бога верил, не даром, вон, в войну как приказывал: «Да осияет вас знамя победы!». Умер когда, плакали все. А что произвол был, так не он виноват-то. Это вон наши начальники нахапать побольше старались. А он здесь ни к чему. Народ верил ему, да как верил! С голыми руками на танки лез. Пережили тяжело тогда, так что бояться нечего – и перестройку переживем.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Запись произведена правнуком-студентом.

** Опущены воспоминания о жизни в предвоенные годы.

№ 687

Из воспоминаний Е.М. Ульяновой, 1906 года рождения, жительницы с. Чернавка Бондарского района

2000 г.

[...]*. Почти перед самой войной у нас сменился председатель. Бывший проштрафился, и избрали Попова Ивана Васильевича⁸², а затем Цыплакова Михаила Николаевича, а секретарь не менялся – Перепелкин Сергей Трофимович.

Жили бедно. У мужика моего были одни брюки (заплата на заплате), две рубахи и сапоги. У меня только одно платье было, а на ногах лапти.

Топили навозом и соломой, которую воровали в колхозе. Дров не было, а об угле и не знали.

Работали в колхозе все по-разному. Техники почти не было, убирали все вручную (крюками, серпами), молотили цепами. Мы с мужем жили вдвоем – еще ничего, а у кого дети – голодали.

Радио и электричества в селе не было. Керосин и спички были не всегда, освещали комнаты березовой лучиной, которая сильно дымила. Спать ложились рано, часов в 10 вечера, а вставали в 3-4 утра.

Про начало войны я узнала, когда кладовщик, живший на соседней улице, постучал нам в окно и закричал: «Вставайте, война!». На следующий день мы провожали 10 человек на фронт. Все радовались, говорили, что скоро вернутся. Все пели и танцевали под гармошку. Мой брат воевал в Финскую войну. Когда тогда уходил, говорил маме, что тоже скоро вернутся. Потом рассказывал, что целый год он не спал в доме: вши заедали. Многие пообморачивали пальцы и лицо.

Вот когда этих 10 человек забирали, мой брат плакал дома и не хотел идти на фронт, но именно в первой десятке и пошел, а вернулся домой в декабре 1946 г.

Затем стали мужчин забирать каждый день. Через три дома от нас забрали мужчину, а под Мичуринском их разбомбили и он погиб. Это была первая похоронка в деревне. После этого уже никого гармошкой не провожали. Бабы ревели, не хотели отпускать.

Были дезертиры. Один прятался в погребе, его нашли, и больше мы его не видели. В колхозе осталось три старика да председатель колхоза.

Через деревню проходили солдаты. Они были измученные, совсем мальчишки. Последние в строю часто падали. Кормили мы их, чем могли, последнее отдавали, жалко их было очень.

В войну работали и день, и ночь. Скирдовали, чтобы на зиму хлеб не оставался. Зимой хлеб разрывали и везли молотить. Работали дети на лошадях и коровах. Лошадей не забирали, но все трактора и машины с МТС забрали почти сразу. В войну был налог на мясо, яйца (10 штук с курицы), по полкилограмма шерсти с овцы. Один раз собирали по 500 рублей со двора на танки. Все отдали деньги, никто не сказал, что у него нет. Мы тоже продали кое-что и деньги сдали. Сушили картошку, вязали варежки и отсылали на фронт. Все делали добровольно.

Жили в войну голодно, ели часто лебеду и клевер. Хлеб берегли. Правда, стали давать 900 грамм на трудодень, но все равно жилось трудно. Много людей умерло с голоду. Придешь, бывало, к одним, а они, вроде, все спят, а на самом деле они заснули и с голоду-то и не проснулись. Мы еще жили ничего, так как детей не было, а мужа в армию не взяли – не было кисти на правой руке.

Почтальона ждали у калитки. Если приносили похоронку, то вслед почтальону кричали проклятья сквозь слезы. Когда умер почтальон, никто не хотел на это место идти.

Однажды пришел домой солдат. У него была сломана нога. Он, чтобы не идти обратно на фронт, когда нога начинала срастаться, что-то делал с ней, и комиссия отпускала его. Однажды он с мужиком украл из соседней деревни мешок зерна. Их поймали, дали по 5 лет. Одному дали вылечить ногу и отправили на фронт, а другой жил в Нижнем Тагиле и по амнистии после войны пришел пешком домой.

Война закончилась, а нам только на следующий день сказали. Те, кто получил похоронки, ревели, другие радовались, но таких было мало. У нас в деревню живыми пришли три человека и еще восемь покалеченными, а забирали человек шестьдесят. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 688

Из воспоминаний Л.К. Широковой, 1909 года рождения, уроженки д. Мещеряки Усманского уезда Тамбовской губернии

1994 г.

[...]*. Егора Гавриловича⁸³ по болезни на войну не взяли. Все мои братья – Степан, Петр, Василий – погибли. Один Григорий вернулся, но в 55 г. умер от ран. Все это время он не жил, а мучился: изуродовано лицо (на него было страшно смотреть).

Работа оставалась все та же в колхозе. Егор Гаврилович работал на мельнице рабочим. Это была очень страшная работа. Кругом все голодали, но невозможно было никому помочь. Все постоянно просили дать зерна, муки, но что муж мог сделать, если у него на нем сидело пять семей. Все родственники в годы войны жили у нас в доме. Дашь кому – посадят.

До 56 г. ходили займы, деньги просто-напросто отбирали. Жить было невозможно: пухли от голода. Было и такое: дочь Анна⁸⁴ пошла пасти гусей, была очень голодна. Было уже темно, а она все не возвращалась. Пошла за ней. И нашла ее: она сидела в траве и не могла встать, ноги опухли, и нельзя было наступить. Тогда съездила за тачкой и привезла ее. Дети начинали работать с 7 лет.

Голод не давал нормально жить, поэтому все стали уезжать в город. В 49 г. первая уехала Анна. Но уехать из колхоза было очень трудно. Справку об отходничестве не достать. Только если дашь за нее взятку.

Голод был страшный. Вася Косоротов – местный объездчик – следил за тем, чтобы не собирали колоски, не косили. Наказывали – били, штраф 50 руб., 7 лет давали за сбор колосков.

Чтобы как-то прожить, по ночам вязала ковры, делали заказы. Дед играл на гармошке.

Детей было много. Спали на нарах, укрывались ткаными дерюжками из овечьей шерсти, одежду клали под голову. Если спали на полу, клали старновку – солому, прикрытую дерюжкой. Дети, как только подрастали, бежали из деревни.

Отец (Егор Гаврилович) совсем плохой стал, болел часто, еще до войны он получил 2-ю группу инвалидности, у него отняли почку. Поэтому на войне не был. Одна справлялась, дети помогали: сено косили, гусей пасли, огород выращивали, пололи, поливали. [...]*. За всю свою жизнь получила одну награду – медаль «Мать-Героиня»⁸⁵.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 689

Из воспоминаний А.А. Потаповой, 1910 года рождения, жительницы с. Нижнеспасское Рассказовского района*

2001 г.

[...]**. На следующий день после начала войны в селе началась мобилизация. Брали всех мужчин с 1900 г. по 1922 г. рождения. В колхозе к тому времени была уже серьезная техника: тракторы, грузовики. Все это забрали для фронтовых нужд. На последний грузовик погрузили мобилизованных и повезли в Рассказово. Брали и колхозных лошадей. Один из наших новобранцев писал домой: «На фронт еду вместе с нашим конем». Мужа моего на фронт пока не брали – он был колхозным бригадиром, был очень работающим, убежденным коммунистом. До сих пор у нас хранится тетрадка с конспектами ленинских работ, написанными мелким и разборчивым почерком мужа. К колхозу относился спокойно, очень ответственно. Но в 1942 г. случился с ним «анекдот».

На 1 мая 1942 г. мужики по случаю праздника выпили. А в центре села стояла трибуна специально для официальных выступлений, рядом – стела в память о Гражданской войне. С этой трибуны обычно выступало начальство. Дело было во второй половине дня, председательские поздравления давно окончились. За трибуной ровное место, там мальчишки гоняли мяч, с ними и мой муж Саша. По улице женщины шли. Саша полез на трибуну:

– Товарищи! Вы славно потрудились, и за это я распускаю колхоз! Насовсем! С завтрашнего дня берите скот, инструменты, отмеряйте землю.

Мальчишки бросили игру, подошли, слушают, смеются. Женщины тоже. Понимают, ведь спьяну говорит. Но и то понимают, что в районе не будут разбираться – спьяну или нет. Полезли ребяташки на трибуну:

– Пойдем, дядя Саша, пойдем домой.

Кое-как стащили его, привели домой, уложили на кровать. Я ахнула: «Что ты натворил?». Рассказали – что.

– Ой, Боже мой! А кто слышал?

– Да кто – мы, женщины еще стояли, ну, а кто там еще – не знаем.

Ну, ладно. Закончились праздники – вышли на поля (весна 1942 г. была поздняя, вот и с севом припозднились до мая). Подходит сосед к моему деду: «Ну что, дядь Саша, где землю отмерять?».

Тот глаза вытаращил, не соображает:

– Какую землю?

– Ну, ты же сказал 1-го числа: «Распускаю колхоз». Лошадей вот я забираю, инструмент тоже. Да ты что, не помнишь?

– Да помню, будто вы меня с трибуны стаскивали.

– Ну, ты колхоз тогда распустил... Не помнишь?

И рассказал все моему мужу. Тот за голову схватился:

– Ну, пропал я!

– Да нет, не пропал. Если б настучал кто – давно б за тобой приехали и увезли. А так моли Бога, обошлось.

И впрямь обошлось. Мужу даже взыскания не было. А осенью 1942 г. его призвали на фронт. Закончил войну в Вене в 1945 г. без единого ранения. Домой вернулся с чемоданом, в котором была американская тушенка и два парашюта. Из одного мне было пошито красивое платье. Потом, в 1960-е гг., муж все любил о политике рассуждать. Но о том, как колхоз распускал, не любил вспоминать.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Запись произведена внуком-студентом ТГУ им. Г.Р. Державина.

** Опущены воспоминания о жизни в довоенные годы.

№ 690

Из воспоминаний В.С. Тимошкиной, 1912 года рождения, жительницы поселка совхоза «Базевский» Моршанского района

1995 г.

[...]*. В 1937 г. мы с мужем и с тремя детьми переехали в начинающий строиться совхоз (как его еще называли – плодopитомник) «Базевский». В самом начале, помнится, здесь стоял всего-навсего один большой деревянный двухэтажный дом. В доме жило где-то около 30 семей. Все были бедны. У каждой семьи было по комнатке. У некоторых в комнате стоял стол и пара табуреток, да кровать, а были и такие, у которых не было ничего, – лишь в углу комнаты лежала кучка соломы.

К началу войны в совхозе появилось около десяти домов. Почти все семьи были расселены по этим домам, а из нашего общего двухэтажного дома сделали школу (четырехлетку). В школе этой учились, можно сказать, люди всех возрастов. Я тоже вначале посещала эту школу, но потом стало не хватать времени и мне пришлось уйти из школы.

Председатель совхоза, Иван Лукич Паршин, был очень хорошим деловым человеком. В хозяйстве он все очень хорошо понимал, все знал. Знал когда надо сеять, когда убирать, когда и чем земличку надо подкормить. Жена его, Зинаида Михайловна, тоже была очень хорошим человеком, она была у нас фельдшером – одна на три деревни. Бывало, придешь к ней среди ночи вся в слезах и станешь умолять: «Зинаида Михайловна, миленькая, помоги, у меня меньшей заболел!..». Она прямо безоговорочно одевалась и шла к больному.

Все потихоньку начали приживаться в совхозе, правда, не до хорошего, но все ничего – жить можно было. У каждой семьи было небольшое хозяйство. Да, еще хочу сказать, что в тогдашние времена мужики так не пили, как нынче. Да им и пить-то особо было некогда. Семьи у всех были большие, поэтому работать приходилось день и ночь. Ребятишки наши (да и мы сами) ходили в школу, мы их прибули и приодели (да и сами прибулись и приоделись). В общем, жизнь только-только начала налаживаться и тут тебе – пришла война.

Почти всех здоровых (да и не почти, а всех) забрали на войну. Остались в совхозе старики, дети да женщины, да единственный мужик, председатель наш – Иван Лукич (его не взяли на фронт, он с детства прихрамывал на левую ногу).

Вся мужская работа легла на женские плечи. Все мы делали сами: и сеяли, и пахали, и урожай убрали. Еще по вечерам успевали вязать шерстяные вещи и потом отправлять их на фронт.

Жили почти все в то время впроголодь. Хлеба хорошего в то время мы не видели. Все больше картошку поедали – и мерзлую, и полугнилую. Особенно тяжело было с питанием зимой. Летом было полегче: грибы собирали и ягоды, похлебку из одуванчиков и крапивы варили.

Но все же с голоду у нас никто не помер. Вот от болезней – да, а от голода никто не умирал. Ведь у нас, все-таки, было не так тяжело, как там, где гремели бои.

Детишки наши (кто постарше) тоже трудились, как и взрослые. Ох, и досталось же им, бедным!..

Но самым страшным в это время для всех были, конечно же, похоронки. А их приходило не так уж и мало, особенно в начале войны. Вот и я получила похоронку на своего Василия Митрофановича в январе 1942 года. Поплакала, погоревала, а что делать, не я одна такая была. Жизнь шла своим чередом. У меня было трое детей. Их надо было воспитывать и кормить. И стала я с тех пор в своем доме и за мужика, и за женщину. Правда, мне уж в то время стал помогать мой старшой, Николай (ему в то время исполнилось уже 14).

К середине 1944 года жизнь стала потихоньку налаживаться. Стали с фронта постепенно возвращаться мужики. Правда, все приходили искалеченные (у кого руки не было, у кого ноги, кто весь был обожжен, у кого осколок в теле остался). Но все же с мужиками было полегче, они какую-то работу, но могли выполнять.

Так потихоньку, потихоньку мы и дожили до победы. Сколько радости, было, сколько слез. Все плакали от мала до велика. Порадовались, порадовались да опять за работу взялись.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Опущены воспоминания о детстве и юности.

№ 691

Из воспоминаний А.Е. Барсуковой, 1916 года рождения, жительницы с. Хорошавка Инжавинского района

1991 г.

[...]*. В 1941 г. началась война. Мы ее не ждали, не гадали. Радио у нас в деревне ни у кого не было, о войне узнали на базаре в Инжавино. Сразу – повестки. Брала сначала молодых, тех, кто был в армии. Мужа призвали сразу.

В Инжавино привозили эвакуированных из Белоруссии. Поезда ходить стали редко. Эвакуированные часто теряли своих детей, много ребятишек беспризорные ходили.

Мужа забрали, а я работала. Когда приходила получать зарплату, нас просили в другой графе расписаться – это для войны. Хлеб стал по карточкам. Тем, кто на торфу работал, на 1 чел. давали 400 гр. и 200 гр. на иждивенца. А в колхозах вообще ничего почти на трудодни не давали. Ночью мы скидывали колхозную рожь – председатель просил. Мы ходили, но в основном за тем, чтобы ребятишкам что-нибудь принести. Положишь в карман горстку зерна, дома перетрешь кое-как. Какая помельче – в ней лепешки из конского щавеля обваливали, а из крупной варили кулеш.

Просили нас вязать для фронта шапки, варежки (у кого шерсть была). Собирали бутылки пустые, в них смесь какую-то наливали.

Свекра взяли на трудовой фронт. Было ему лет 50 в то время или 55, он плотник был. Вот и ремонтировал там мосты, сбитые самолеты, машины. Делал плоты, переправы через реки. Шел за фронтом, дошел до Германии.

Надюшка училась в школе. Учителя были женщины. Чернил не было, их сами делали – семечки отмачивали или свеклу красную. А тетради на базаре большие деньги стоили, и не помню уж, на чем писали.

В 1943 г. после 2-го ранения пришел с фронта муж. Стал опять работать на торфу. Уже машина была, которая торф перерабатывала.

Смерть Сталина? Ну, я вот неграмотная была, не понимала ничего. Ну, умер и умер. Помню, гудок гудел. А вот были у нас в деревне грамотные. Ленка Курдюмова, партийная была, стояла и плакала. Да много кто плакал, кто понимал. А мне Сталин ничего ни плохого, ни хорошего не сделал.

Вот хорошо стало, когда Маленков пришел. Все сразу в магазинах появилось. Мы даже частушки пели:

Берия вышел из доверия,
А товарищ Маленков
Дал нам хлеба и блинков.
Но это не долго было, убрали его потом сразу.
А после войны опять мужиков забирать стали. Ездили они на стройку,
туда, где шли бои.
Ох, трудно жили. Как вспомнишь, все даже трясется. Почему вот люди
сейчас хватают все в магазинах? Тогда наголодались...

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные годы.

№ 692

**Из воспоминаний И.Л. Ворониной, 1916 года рождения, жительницы
с. Отхожее Ржаксинского района**

1992 г.

[...]*. Войну встретили утром 22 июня. Из военкомата прискакал человек на лошади, привез повестки. У мужа была бронь, но в конце 1941 г. сняли бронь с 30 % служащих железной дороги, и его забрали на фронт. Осталась с маленькой дочкой и старыми матерью и отцом.

В колхозе на трудодни или давали в молотьбу по 100 грамм, или писали по 30 грамм на трудодни на весь год. От нужды пошла работать на железную дорогу. Работали там почти одни женщины. Зимой меняли шпалы, потому что много поездов проходило, выставляли щиты для защиты путей от снега. За работу платили 30-40 рублей в месяц, а в колхозе не платили – раздавали займы. Налог все равно требовали: коровы нет, а масло давай, кур нет, а 70 яиц в год давай, мяса 40 кг в год отдай. Весной опять шла в колхоз: можно было хоть как-то принести в дом немного зерна, каждый день по несколько колосков. 17 июня 1943 г. товарищ мужа прислал письмо, сожалел о смерти Павла Никитича. Он был ранен в бою у д. Ракитино Смоленской области, умер в госпитале. Похоронка пришла позже.⁸⁶

Так и работала. День Победы встретила 9 мая утром. Соседка Василиса (ее мужа тоже убили) позвала с собой на митинг, который организовали у сельсовета, но я отказалась, сказав, что «ни твоего, ни моего мужа нет, и веселиться нам нечего».

Сразу после войны с Германией в колхоз пришли займы – по 100 рублей на каждый двор. Платить было нечем, и меня и еще человек 10 вызвали в сельсовет, сказали, что если не заплатим, поведут по селу позорить. На следующий день 5 сельсоветских исполнителей повели нас, четырех баб, за которых некому было вступить по селу. Хорошо, что в этот день заехал брат, майор, по пути на японский фронт. Он начал стыдить

исполнителей: «Вы еще доску им на шею повесьте и напишите «Изменники Родины»! Исполнители стушевались и отпустили нас.

Колхоз держался на одних бабах. Бабы и пахали, и сеяли, и убирали, а председатель, бригадиры, агрономы – здоровые мужики – только ходили и командовали.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные годы.

№ 693

Из воспоминаний К.М. Михайловой, 1919 года рождения, жительницы с. Саюкино Рассказовского района*

1994 г.

[...]**. Узнала о войне из объявления по радио. Узнали – все кричали.

Во время войны работала также на торфу. Работали в 4 смены: первая смена – с 2 ночи до 8 утра, вторая – с 8 утра до 12, третья – с 12 до 16, четвертая – с 16 до 23.

В бараках жили по 35 человек. Женщины и мужчины отдельно. В войну работали практически одни женщины.

Торф добывали так: была большая машина, по бокам – элеватор, люди туда кидают торф. Был ролик, из которого шла масса. Секач рассекал ее. Отсеченные доски клали на вагоны и куда-то отправляли. Торфом топили фабрики. Рабочая одежда – бахилы, лапти, рукавицы. Своя одежда – полудубленки.

После смены ходили в столовую. Одна соседка сочинила даже стишок:
От столовой до столовой
Только ходу пять минут,
А в столовой – суп перловый,
И по часу его ждут.

Основная еда в столовой – перловка, суп-рассольник, на второе – вареная свекла. Ели также купыри. Недалеко был магазин, но брать еду было не на что, покупали только хлеб.

Во время войны на торфоразработке было много военнопленных. В основном, это были французы – около 700 человек. Они тоже работали на торфу. С русскими отношения были хорошие. Любовных связей не было, но французы заигрывали с нами. Вообще, девушек они называли «панинкой», а меня – Клашагон. Французы приглашали нас на обед, но когда мы увидели, что они варили себе щи с лягушками и щавелем, то сразу отказались. Много французов умерло от голода прямо у нас на глазах. Когда война кончилась, их куда-то угнали.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Запись произведена Н. Бузановой.

** Опущены воспоминания о жизни в довоенные годы.

№ 694

Из воспоминаний З.П. Павловой⁸⁷, 1919 года рождения, жительницы с. Чернавка Инжавинского района

15 апреля 1996 г.

[...]*. Все было бы хорошо, но в 1941 году началась проклятая война. С первых же дней войны мужа призвали в армию, и я с малолетней дочкой перешла жить к своим родителям. Папа Никишин Петр Тимофеевич тоже был призван в армию в 1942 году, а брат Ваня – в 1941. Он воевал на двух войнах – с Германией и Японией. Может, поэтому рано – в 45 лет – ушел из жизни от рака желудка.

В тяжелые годы войны нам пришлось переживать очень много трудностей. Было нас 8 человек: мама Никишина Мария Константиновна, три сестры – Шура (с 1921 года), Рая (с 1930), Сима (с 1933) и брат Толя (с 1938 года рождения) и я с 4-летней дочкой Валею и сыном, который родился в марте 1942 года и назвали его Юрием⁸⁸.

Муж погиб 28 февраля 1942 года в д. Дубаки Демидовского района Смоленской области. Так погиб отец, не зная, что у него родится сын, который за свою жизнь не произнес ни одного разу слово «папа» и не знал отцовской ласки.

Таким образом, с мужем я прожила всего 5 лет, и вот уже живу почти 55 лет вдовой солдата. Муж писал с фронта и просил, если народится сын: «Береги его, будет кормилец». Его слова были пророческими. Действительно, он стал для меня кормильцем, но до этого его надо было еще воспитать, а это далось очень трудно. Замуж больше не выходила и с великим трудом воспитывала двоих детей.

Работала в колхозе: во-первых, косила. Урожай был богатый, колос был крупный и тяжелый, посев полегся. Как ни трудно было косить, но я старалась выработать норму и чтобы получить премию (давали зерна по 16-20 кг). Я очень любила косить, а за нами вязали в снопы и складали в копны наши матери. Во время отдыха настрючим в карманы зерна, придем домой, навертим на вертушке и на ужин болтушку сварим.

Еще на своих личных коровах бороновали землю. Идешь впереди, ведешь коровку, она того гляди наступит на ноги, а бороновать надо.

Для того чтобы прокормить коровку, в посеве рвали поветельку. Нарвешь вязанку, кто-нибудь, стоящий рядом, подымет на плечи, и несешь за несколько километров. А где накопишь побольше, везешь на тачке, впрягаясь впереди двое (мы с сестрой Шурой), а сзади сестры-малолетки Рая с Симой подпирают. Мы все от непосильного труда имели грыжи. Трудно было держать корову, но она была кормилица.

Для того чтобы протопить хату, ездили за соломой в поле и в лес за дровами на салазках за 7 километров. [...]»*.

В годы Великой Отечественной войны мы все работали от мала до велика. Шура, старшая сестра, работала на торфболоте в с. Хорошавка – это в 7 километрах от Инжавино. Младшие – Рая и Сима – в колхозе. Сажали, поливали, шинковали, срубали и вязали для просушки махорку. Работали на веялке, а ночью ездили за зерном с мальчишками на лошадях к комбайну в поле. Они также пололи просо, скирдовали, носили по 15 снопов на длинных палках.

Помню, как Рая и Сима набрали колосков, стали дома молотить и разбили лампу. На улице этого делать боялись – за колоски сажали в тюрьму. Мы с мамой приходим с работы, а они плачут. В войну приходилось есть хлеб с большей частью лебеды или картофельных шкурок, толченных в ступе, и тот по норме (маленький кусочек). Мама в войну начинала опухать от недоедания, но потом мы взяли ее питание под контроль, так как она все детям отдавала. В военное время тяжело болели дочь Валя и сестра Рая дифтерией, а Рая еще и сыпным тифом.

А когда кончилась война, мне сестра кричит: «Война кончилась». Мы с ней убирали сено для хранения на зиму, заготавливали для коровы. Я упала без памяти и плакала. Плакала и от радости, что кончилась проклятая война, которая унесла много жизней, и от горя – муж с войны не вернулся. Одной ставить на ноги детей было очень трудно.

ЦДНТО. Ф. 9291. Оп. 3. Д. 9. Л. 1-5. Подлинник.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 695

Из воспоминаний К.С. Сабетовой, 1920 года рождения, жительницы с. Сычевка Никифоровского района

1995 г.

[...]». Началась война. Был у меня парень. До мая 1942 г. я получала от него письма, а потом меня в тюрьму посадили на полтора года. За пол-литра молока, которые я налила тайком для сестер⁸⁹. В тюрьме меня отправили на лесоповал. Это было ужасно. Люди падали и здесь же умирали от голода. Я пробыла там неделю, возможно, поэтому и осталась жива. Меня перевели в другую колонию, и я там работала дояркой. Изредка удавалось хлебнуть молока.

А парень мой в 1942 г. под Харьковом попал в плен. Там он много пережил – ел кошек и собак. Два раза убегал, но его ловили и избивали. От сильных побоев он попал в лагерную больницу. Там работал русский врач и он продержал его в больнице полгода, благодаря чему мой Василий вернулся с войны живым. После войны мы поженились, две мои младшие сестры жили

с нами, а третья еще в 1942 г. ушла на фронт связисткой. Она погибла в Ельце. [...]»*.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 696

Из воспоминаний М.Н. Ермаковой, 1921 года рождения, жительницы с. Большая Дорога Староюрьевского района

1994 г.

[...]». С 38 г. я жила в Москве, работала прислугой у инженера, потом вместе с подругой устроилась работать на авиационный завод в Тушино (у подруги там жила тетка, она сдавала нам комнату).

Началась война – завод эвакуировали в Томск, но я поехала домой в деревню. Ехать в Томск к чужим людям опять не хотелось. Когда уезжала из Москвы, в магазинах были все продукты: колбаса, мука, конфеты.

Когда приехала в с. Большая Дорога, то стала работать токарем в МТС, там проработала всю войну, по 12 часов в день. Работала зимой в холодных помещениях, вытачивала детали для тракторов и комбайнов. За работу выдавали 700 гр. хлеба, а потом норму срезали до 400 гр. Правда, еще кормили в столовой какой-то баландой.

В то время, при Сталине, дисциплина была высокая: Катьку Майорову за то, что 3 кг зерна унесла, посадили на 5 лет, а она беременная была. Так посадили и моего отца.

Отец мой, Николай Васильевич, был инвалидом империалистической войны, левая нога была короче правой, на ноге у него было два больших шрама. В 1941 г. его назначили сторожем в колхоз, но что он мог уследить, больной и старый человек. Однажды решили отец, бригадир и заведующий током выпить. Выпили, отец и уснул в сторожке своей, а тут приехал уполномоченный (тогда назначались из района спецуполномоченные) и увидел отца. Ну и арестовали и отца, и бригадира, и заведующего током, всем дали по 2 года. Я молодая была, глупая. Вот сейчас думаю: что же я, дура, к милиционерам не обратилась, ведь им на станке детали обтачивала, знала многих, ведь могли попросить за отца.

Поехала в район, в НКВД, напекла лепешек, удалось молока достать. Приехала, а к отцу не пускают, да хорошо секретарем в НКВД Степан (родственник) работал. Спасибо ему, разрешили с отцом встретиться. Как сейчас я помню, идет он мне навстречу, а я реву. Отдала я ему лепешек, и больше я его не видела. Умер он через год в Моршанской тюрьме, я об этом никому не говорила, боялась. Вот так жилось при Сталине. А там все время говорили: «Великий Сталин и Вячеслав Михайлович Молотов – его лучший ученик».

К концу войны я так ослабела, что стала в обмороки падать, но после войны жить стало легче: появились кой-какие продукты.

Когда Сталин умер, мы с мужем моим плакали: но муж – фронтовик, коммунист был, он Сталина любил, а что я плакала – не знаю, боялась, что еще хуже будет. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 697

Из воспоминаний М.А. Кургузкиной, 1921 года рождения, жительницы с. Масловка Уметского района

2002 г.

[...]*. В 1940 году я устроилась работать в больницу. Тогда она была не то, что сейчас. Люди ездили со всего района и день, и ночь. Я работала санитаркой. Тяжело было, конечно. Больница была в барском поместье. Отделения были все, кроме хирургического. Работали мы сутками. Воду приходилось греть на всю больницу в тридцативедерном чане. А из него таскать ведрами на второй этаж. Да, набирали воду из восемнадцатиметрового колодца. Так и работали до самой войны.

Я на дежурстве была, когда война началась. Главврач нам ничего не сказала. А когда я пришла домой, мне и сказали. Мужиков сразу стали забирать. Папу тоже забрали – в сентябре. Но на фронт он попал не сразу. Сначала где-то за Москвой стояли. А потом, уже в конце сорок первого, он попал на передовую. Немцев-то уже от Москвы погнали. Под Михайловским его и ранило. Как раз 14 декабря. Еще дедушка в этот день домой пришел с работы и нам сказал: «Запомните этот день. Андрея или убили, или ранили. У меня сердце чего-то защемило».

Папу когда ранило, он на поле долго лежал. Потом его подобрал какой-то политрук. Сколько-то тащил папу, а потом и самого ранило. Но обоих все-таки подобрали. Письмо от папы мы скоро получили – он из подмосковного госпиталя написал. Потом перевели его в Томск, где он долго лежал. В письме еще написал, что скоро приедет. Вдруг перестал писать. Это потом мы узнали, что ему ногу отняли. Врачи пришли, осмотрели и сказали: «Ну, боролись мы за твою ногу, теперь будем за тебя». 2 мая 42 года ногу и отняли. А летом или осенью он уже домой пришел.

Когда война началась, нам еще труднее стало, конечно. Да еще в больницу стали эвакуированных привозить. Раненых солдат тоже привозили, но очень мало. Эвакуированные болели очень сильно, особенно много было тифозных. Вша в них кипела, даже в бровях ползала. Одежду нельзя было в руки взять – чуть не шевелилась. Эвакуированные были с разных областей, очень много было евреев. Многие умирали. Хоронили их на кладбище

Оржевском. Гробов не делали – зашивали в простыни и закапывали. На могилах ничего не ставили – только холмик и все. Иногда могилы разрывали и туда новых покойников клали.

Ну, а мы так и работали. В больнице холодно. Дрова выдавали по норме. Приходилось или у кого воровать, или в барском саду заготавливать. И пилили сами, и рубили. Дома тоже нечем топить было. Кто в колхозе работал, те хоть соломой топили или сухим навозом. Это когда мужики с фронта стали приходить, так те в лес ходили – воровали дрова. А куда деваться?..

Когда стали немцы отступать, эвакуированные стали разъезжаться. Только несколько семей осталось и после войны в колхозе работать. В колхозе, конечно, полегче стало – все-таки, мужики с фронта пришли. А мы так и продолжали в больнице.

Я хотела учиться пойти в Кирсанов на швею, но меня главврач уговорила остаться в больнице санитаркой – паек обещала да еще говорила, мол, как тут родители без тебя будут жить. Так и осталась в больнице до пенсии. На пенсию вышла в семьдесят шестом, но еще три года работала в больнице. В семьдесят девятом ушла оттуда и стала работать в церкви алтарщицей. Церковь эта была в соседнем селе Оржевке. Нашу-то после войны закрыли. В войну батюшка еще служил. Потом попов забрали. Народ за санями бежал, просили: «Верните батюшку!». Так и увезли их. А потом церковь стали ломать. Председатель сельсовета и председатель колхоза железо с крыши сняли – себе дома покрыли. Иконостас, паникадило в коммуну увезли (колхоз им. Ленина). Иконы – какие выкинули, какие люди успели, разобрали. Самые большие иконы взяли для клуба – комнаты отгораживать. В церкви же клуб и сделали. Это потом новый клуб построили. А церковь хотели разобрать, да ничего не вышло. Даже тракторами ничего не сделали. Потом в ней склад был. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 698

Из воспоминаний С.М. Медведевой, 1921 года рождения, уроженки г. Тамбова

2007 г.

[...]*. С 15 августа 1940 г. началась моя трудовая деятельность учительницей начальных классов.⁹⁰ В 1941 г. началась война, забрали на войну всех мужчин. Остались одни женщины да малые дети. Даже председателем колхоза была женщина, неграмотная, по фамилии Поротикова Анна Калиновна, которая не могла расписываться своей фамилией и ставила крестик на всех документах. Но у нее на квартире стояла учительница и она

ее научила неполностью писать «Порот», а до конца полностью фамилию писать так и не смогла.

Началась трудная жизнь, не хватало в школе топлива, на партах замерзали чернила. С учащимися ходили в поле за соломой. Из ометов вязали большие вязанки соломы и везли по снегу. Один раз был такой случай: подходили к стогу, а оттуда выбегает волк, ребята его взяли на свист, и он сбежал. Привезенной соломой топили «голландку», и дети сидели, отогревались, радовались, что из логова выгнали спящего волка. С учениками ходили скирдовать солому, собирали в поле колоски весной на корм лошадям, коровам, овцам и т.д.

В магазине хлеб не продавали, а давали на месяц 9 килограммов овсяной или просяной муки, и мы пекли лепешки.

Осень была дождливая, хлеб-зерно с поля не могли вывезти, зерно осталось в ворохах и оно сверху замерзло. Мы с учителями ездили в поле за 7 километров и набирали эту сгнившую рожь, а, привезя домой, ее сушили на печке, просевали на ветру и мололи на ручных мельницах (назывались просорушки). Пекли лепешки, этим спасались, не давая себе умереть.

И так мы продолжали ездить, пока нас не разоблачили. Кто-то доказал, что учителя привозят зерно с поля. Приехал участковый милиционер и отобрал у нас все зерно, да вдобавок мы купили вина да угощали, чтобы нас не отдали под суд за гнилое зерно.

Как-то я из Тамбова приехала рабочим поездом, и пришлось мне добираться до Озерок полем. Я пошла вперед вдоль посадок железной дороги, а потом повернула на колхоз [им.] ВЦИК, прошла его и наступила моя нога на поле, где рос сплошной сорняк, полынь в пояс человеческого роста, и вдруг мне встречается волк. Я оторопела, но продолжала стоять некоторое время. Волк бежал по дорожке навстречу мне, постоял, поглядел и повернул в сторону от дорожки. Запрыгал большими прыжками и скрылся в зарослях полыни и другого сорняка. Тогда я пошла шагом, а потом рысью побежала. И так я добралась до Озерок, осталась жива и здорова.

В 1943 г. был сильный весенний разлив. Меня заведующая послала в район за зарплатой. Я верхом поехала на лошади. Но по дороге лилась такая сильная вода, что лошадь еле-еле переступала, искала своими шагами землю, чтобы не оступиться, и я могла упасть с лошади в воду, но уже забраться на нее я бы не смогла. И по всей дороге ни одной человеческой души, спасти некому было. Но я добралась до района, получила деньги и пустилась обратно в путь, вода к вечеру немного сбыла, и таким образом добралась до Озерок, где обо мне беспокоились.

В 1942 г. учительница Полякова А.К., с которой я жила на квартире, вышла замуж за учителя Рогова Николая Алексеевича. Он из Мичуринска, его в армию не взяли. Он был инвалид детства, с ненормальной правой рукой. И мне пришлось уйти жить в школу к техничке. У нее было 2 сына, старшему четыре и младшему 2 годика. Жили бедно, мужа убили на фронте, она получала мизерную зарплату. Ели одну картошку, супы да хлеб. Что главное, у нее было маленькое корыто, как у старухи в сказке «Золотая

рыбка», все в дырках и заплатках на клей, чтоб не вытекла вода и можно было в нем мыться. Я тогда привезла из Тамбова металлический абажур снаружи зеленого цвета, а внутри белого. Из него нам сделали тазик, вставили дно алюминиевое, и в нем мыли голову. К нам приходили соседи и удивлялись, как могли приспособить и пользоваться этой вещью, когда она необходима для хозяйства.

К концу 1943 г. приезжает с фронта раненный в правую ногу моряк с Черноморского флота Медведев Владимир Тимофеевич⁹¹, кавалер ордена Красного Знамени. Мы с ним знакомимся, и через некоторое время он мне делает предложение, чтобы я вышла за него замуж. Я не отказалась, дала согласие, хотя он хромал на одну ногу. В 1944 г. его назначают на работу в село Екатериново заведующим фельдшерским пунктом. Закончив учебный год, я поехала к нему, а в июле месяце родилась у меня старшая дочь Галя. Я не работала, воспитывала ее. Да и зима была холодная, в школе был сильный холод, можно простудиться и т.д. Но когда наступила весна, стало тепло на улице. Было хозяйство опорного пункта, где выводились хорошие сорта картофеля. Зима захватила врасплох, урожай картофеля не могли выкопать из земли, и он остался под снегом. Директор этого хозяйства разрешил брать его. Копали рабочие и колхозники, и в том числе и я, приносила и сушила на крыше, а потом толкли в ступе и в сите просевали. Колхозники и рабочие брали его для скота, и мы с мужем завели поросенка, и вскармливали его сывороткой и этой мукой. И выходили этого поросенка до 100 кг, т.е. 6 пудов. Зарезав его, я поехала в Тамбов с братом на лошади до станции Сабурово. Но когда ехали по чистому полю, мы видели бегущего волка, он чувял запах свиного мяса, но мы думали, что он бежит за лошадьё. Он так попрыгал и удалился вдаль. Со станции Сабурово утром в 5 ч. 30 мин. уехали, приехав в Тамбов, наняли мужчину с тележкой, который отвез на рынок. Мясо быстро распродали, и я на рынке купила кожаное пальто на беличьем меху за 7000 рублей. Мясо в то время стоило 70 рублей килограмм. Это пальто носил муж, а иногда и я. Реглан был очень красивым, пошит прекрасно, с серым каракулевым воротником. Оно и сейчас цело.

По приезде в село Екатериново мужу дали из колхоза телочку двухгодовалую как инвалиду войны, она у нас отелилась и находилась в стойле опорного пункта. Я ходила ухаживать, носила теплое пойло и сено. Брали земельный участок, обрабатывали и так начали жить неплохо. В 1945 г. демобилизовался ранее работавший фельдшер Попов Сергей Павлович, потребовал свое место работы. Нам с мужем пришлось уехать в село Озерки к его родителям. Но в феврале 1945 г. мужу дали работу в селе Старинка в 3 км от Озерок. Я устроилась заведующей в начальной школе, так как прежнего заведующего сняли с работы за опоздание – он ездил из Мичуринска.

Колхозное население во время войны жило неплохо за счет своего хозяйства, имея коров, овец и домашнюю птицу. Обрабатывали огородные угодья, где сажали картофель и овощи, а также из колхоза получали на трудодни зерно, хотя немного, по возможности обходились. Но и в то время

облагались налогами. Платили мясом, молоком, яйцом. В село с фронта приходили похоронки на солдат, отцов, сыновей, печальные вести огорчали всех родственников. В селе свирепствовала поголовная вошь, от которой избавиться без мыла невозможно. Жители всего села отваривали щелок и им пользовались, брали золу и замывали кипятком, процеживали, разбавляли водой до нужной концентрации, мылись и стирали белье.

Я с учительницей Антониной Ефимовной ходила за 4 км в учхоз имени Калинина. Покупали там квашеную капусту, которую везли в Тамбов и продавали, а из Тамбова привозили камсу, кильку, продавали, меняли на молоко, картофель.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные годы.

№ 699

Воспоминания М.Д. Помочиной, 1922 года рождения, жительницы с. Ярославка Никифоровского района

21 июня 1994 г.

Первый день войны: на рассвете разбудил резкий стук в окно посыльного из сельсовета. Срочно вызвали разносить повестки военнообязанным для немедленной явки в военкомат. Узнав о том, конечно, быстро собралась. Слезы, но была надежда на быстрое окончание войны.

Жили вдвоем: я, отец и мать преклонного возраста. Мне было 19 лет. Я работала учительницей в с. Ярославка Никифоровского р-на Тамбовской обл. Преподавала математику в 5-х классах и чтобы побольше заработать из-за отсутствия учителей пения и физкультуры вела эти предметы. Была классным руководителем. Работала, не щадя сил.

Был жених, мечтали справить свадьбу. Но он тут же явился в военкомат, и был срочно отправлен в армию. Был он лейтенант запаса.

Питание и одежда были очень скромные. Училась в основном на стипендию, т.к. проработала я только один год.

Имела двух братьев. Старший брат имел троих детей. Второй брат проходил действительную службу. Оба были на фронте. Но к великому счастью похоронки не получили. Старший брат закончил войну в Болгарии, младший – в Батайске по обслуживанию самолетов для отправки на фронт. Оба награждены орденами Отечественной войны.

В самом начале войны в первых числах июля вместе с комсомольцами с. Ярославка была направлена на трудовой фронт в составе комсомольского эшелона на возведение оборонительных сооружений под г. Смоленск – возводили противотанковые рвы.

Было трудно, страшно, т.к. работали, отдыхали под открытым небом. Немцы бомбили ночью и днем, бросали листовки, которые мы тут же

сжигали, не читая. Слышна была канонада. Забрасывались диверсанты в нашей советской форме. Мы догадывались по тому, когда они в спешке спрашивали, как пройти к населенному пункту. Мы, конечно, отвечали одним словом «не знаем».

Как только немецкие войска были уже довольно близко, отдан был приказ кончать работу и отходить к ближайшему населенному пункту. Там были поданы машины. Кто не успел, отходили пешком, шли всю ночь.

Когда приехали на трудовой фронт, мы выгрузились на станции Починок. Станцию бомбили и обратно надо было переходить на другую дорогу на станцию Ельня. Там был подан эшелон, мы были доставлены в Мичуринск, накормлены и отправлены по домам. У меня была травма ноги, и в эшелон меня втащили в вагон почти на ходу.

Возвратившись, залечив ногу, организовывала учащихся на полевые работы, на уборку хлеба. Вместе с ними таскали снопы, подбирали колоски. Была холодная, сырая осень. Приходилось выкапывать картофель из-под снега, но никто не жаловался, все отдавалось ради Победы. К зиме заготавливали торф – сами резали, сушили.

Самым трудным был 1942 г. Зима была холодной. В основном здании школы был расположен госпиталь. Классы были в другом небольшом здании. Наверху классы были разделены тонкими перегородками. А также был оборудован полуподвал. Топливо и себе, и для школы заготавливали сами. Но никто не жаловался.

Была общественная работа среди населения – собирали деньги на танковую колонну «Тамбовский колхозник», распространяли государственный заем.

Это никогда не забывается, и рассказывать приходится часто. Здоровье было подорвано.

ЦДНИТО. Ф. 9291. Оп. 5. Д. 38. Л. 20-21 об. Автограф.

№ 700

Воспоминания А.С. Глазковой, 1922 года рождения, жительницы с. Устья Моршанского района

1994 г.

Был 1942 год. Шла война. В колхозе работа продолжалась, но жизнь становилась беспокойнее. Каждый день приносил свои неожиданности, беды, страдания. В то время мне было 20 лет. То и дело проходили сборы людей для работы на рвах в Серповых Борках. Как собирали народ? Ночью внезапно подъезжали к дому на лошадях, давали указания, что брать с собой: лопаты, харчи (еду) и увозили на работы. Первый раз это было зимой. Холод. Мороз сильнейший. Работали с 8 утра дотемна (примерно до 19 часов) – это на таком-то морозе! – по бригадам. Руководили бригадами старшие – пожилые мужчины, которых не брали на фронт. Всего здесь работало 4

бригады, в каждой около 30 человек. Основные орудия труда – лом и лопата. Уставшие, мокрые, грязные приходили на квартиру, куда нас расселили, к тете Тане на краю. Мыться было негде, и мы только обсушивались на русской печи. Вши не давали покоя. Еда была не из богатых домов: вареная картошка или баланда-кисель из муки.

Когда работу мы всю выполнили, нас распустили по домам, т.е. добирались своим ходом, и снова работали в колхозе за палочки (надо было отработать определенное количество дней).

В другой раз нас также собрали рыть окопы и отвезли в Гришатский клуб (сельский клуб). Откуда нас и должны были отправить под станцию Касторная. Нас продержали в клубе 3 дня, а потом узнали, что эту станцию разбомбили, и всех распустили по домам. Мы вернулись в колхоз: ухаживали за скотиной, перебирали картошку. Летом работали на сенокосе, вязали снопы пшеницы, ржи. До поля, взяв с собой харчи, проходили 12 километров до Пичаево*.

В 1943 г. из Моршанского района собрали девчат моего возраста или чуть постарше и отправили для работы на заводах в Магнитогорск. Везли нас в вагонах для скота. Голодные, вшивые, грязные через несколько дней мы прибыли на место. Но работать на самих заводах нам не пришлось. Наша работа заключалась в уборке комнат, где жили рабочие, стирке их одежды, постельного белья. Помню еще, кровати были двухъярусные. Все были полуголодные. Хлеб стоил 100 рублей буханка, постное масло – 100 рублей стакан. Эта дороговизна, нищета, голод заставляли некоторых воровать. Ребята тащили простыни, одеяла из общежитий через окна, продавали их и покупали продукты и табак. Проработав недели три, у меня появились постоянные головные боли, и по состоянию здоровья я была отправлена домой. После выздоровления меня направили работать поваром на Устьинское торфяное болото. Мастерства особого в этом деле не требовалось – парила пшеницу и пшено, такая вот была еда.

В этом же 1943 г. с фронта пришел мой будущий муж, раненный в ногу. А до войны у меня был жених. Я его очень любила. Его в 1941 г. забрали в армию, и он ушел на фронт летом. А осенью пришло известие, что он без вести пропал. Где, когда погиб? А может быть, ранен или в плену? Я пролила много слез. Но о нем ничего не было известно, да и после войны его родители так и не смогли ничего узнать о своем сыне.

С мужем мы начали пробовать шить бурки (зимнюю обувь из материала), продавать их, зарабатывая на жизнь. Работали в комнате, где жила вся его семья: отец, мать, две сестры. В комнате кроме сундуков, на которых спали, стола и табуреток, ничего не было. В основном в селе жили впроголодь, но нам было немного легче – у нас была корова. Молоко мы продавали, покупали на эти деньги кубанскую муку, которую мешали с молоком и ели. Буханка хлеба и молоко были нашими лакомствами. Лучше всех тогда жилось председателю колхоза, у которого почти всего было в достатке.

В 1945 г. в апреле родилась дочь. Нас охватили новые проблемы. Война как бы отступила на второй план. Но до сих пор появление дочери для меня связано с победой над фашистами.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Так в документе. Правильно – с. Малое Пичаево (Моршанский район).

№ 701

Из воспоминаний Е.В. Крюковой, 1922 года рождения, жительницы с. Малиновка Тамбовского района

1999 г.

[...]*. В первый год войны нашего отца забрали на фронт, и мы остались одни. Жить стало тяжело, заболела мама. Я с сестрой ходила на речку для того, чтобы нарвать осоки и сплести из нее рогожки, которые можно было обменивать на небольшое количество еды.

Так как мы не состояли в колхозе, то нас в первую очередь отправляли на рытье окопов и лесоразработки, которыми руководил старик, а мы – в основном девчонки и женщины (мужчин было очень мало) – валили деревья.

Жили люди голодно. В связи с этим мне припоминается одна история, когда нас с сестрой пригласили на посиделки. Придя к соседям, мы увидели, что на столе стоит большая сковородка, полная жареного мяса. Это было удивительно – ведь не то, чтобы о мясе, о хлебе даже зачастую не мечтали. Нас пригласили к столу, а позже оказалось, что это были выловленные из реки ракушки.

В 1942 году меня отправили на Урал, вместе со мной еще около 20 человек из Малиновки. Там нас поселили в бараках, а работать заставляли в колхозах на уборке урожая. Я не раз пыталась бежать, но всегда меня ловили и возвращали обратно. Однажды председатель колхоза нам – по преимуществу молодым девчонкам – сказал, что, возможно, нас переведут на работу в шахту, и предупредил, что если мы не сумеем отсюда выбраться, то все зимой померзнем, так как теплой одежды у нас не было. Мы послали коллективное письмо в Малиновский сельский совет с просьбой посодействовать нашему возвращению, и приблизительно через пять месяцев нам разрешили вернуться. Домой я приехала простуженной и долго болела. Однако уже через два месяца снова получила назначение на Урал. Но там бы я уже работать не смогла, поэтому в Тамбове, где был сборный пункт для отправки, мы с подругой решили бежать. Об этом сообщили в сельсовет в Малиновке, но мы домой возвращаться не стали, а прожили несколько месяцев у родственников моей подруги в городе. Спустя некоторое время я устроилась на работу в госпиталь в Тамбове, где и проработала около года. После того, как госпиталь эвакуировали, приехала обратно в Малиновку.

После завершения войны в село стали возвращаться мужчины, и жизнь людей немного оживилась. Девушки выходили замуж, появлялись новые семьи.

Отец наш с войны не вернулся, и мы были вынуждены вступить в колхоз. В деревне в это время было голодно. Нам приходилось собирать свекольные листья, неспелые колосья, лебеду. Для того чтобы прокормить моего ребенка (к тому времени я вышла замуж), приходилось воровать колоски и картошку с колхозных полей. На этот «промысел» мы обычно ходили не по одной, а по несколько женщин. Для того чтобы никто нас не заметил, одна постоянно следила за дорогой. Но не всегда обходилось благополучно. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 702

Из воспоминаний М.И. Бузыгиной, 1923 года рождения, жительницы с. Лопатино Инжавинского района

1992 г.

[...]*. После того как началась война, отца сразу же забрали в армию, где и пропал без вести⁹². Жить стало намного труднее. Работали за палочки, хлеба уже не давали. Его пытались сажать на собственных огородах, но ничего не получалось. Меняла платки и др. одежду матери на продукты (в основном – картошку). Ели щи из лебеды, жмых, травяные лепешки, щавель и т.д. Несколько раз «травилась». Так, однажды, поев щей из лебеды, мы отправились в лес за столбами для колхозного колодца. Столбы несли на себе. По пути я начала распухать. Меня посадили в тени, а затем отнесли домой. Три дня лежала дома на холодном полу, при этом не могла смотреть на свет. Затем отеки прошли. Подобное за время войны повторялось несколько раз.

В колхозе работать продолжали лишь одни женщины и дети. Пахали на быках и коровах, сеяли вручную, также и косили, молотили цепями. Есть было нечего, и воровство строго каралось. Урайчикова Маня (соседка) получила 5 лет за то, что намолотила себе карман пшеницы. Свою роль сыграло то, что ее 2 старших брата (так называемые «два Степана») принимали участие в антоновском движении. Правда, одного из братьев убили (сбросили в колодец), другой долгое время скрывался, но иногда приезжал в деревню.

В деревне были и свои доносчики. Однажды меня перепутали с родственницей Урайчиковых, тоже Беяковой⁹³, но Ольгой Ивановной. Ольга Ивановна приехала в гости к Урайчиковым с Украины. Побыв несколько дней, она уехала, но перед этим она отправила донос в милицию о том, что

видела одного из Степанов. В милиции перепутали и пригласили на дознание меня. А когда разобрались, то предложили мне работать осведомителем. Но я отказалась, сославшись на то, что малограмотная.

Отец пропал без вести в первый год войны. А т.к. пропал, то пособий не платили. Кроме того, был специальный налог на яйца, их не ели, а сдавали государству (независимо, есть куры или нет). То же самое с молоком и мясом.

Когда закончилась война, из 20 моих ровесников, ушедших на фронт, вернулось лишь 3 человека. Среди них был и Бузыгин Алексей Васильевич (воевал в пехоте). На фронте вступил в партию. После войны мы вместе работали на сортучастке, выращивали семена для посадки. В феврале 1951 г. мы поженились. Жили у родителей жениха. Дом был по-прежнему бедный (полы сожгли в качестве дров во время войны). [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 703

Из воспоминаний Е.И. Кречетовой⁹⁴, 1923 года рождения, жительницы с. Красная Криуша Тамбовского района

1993 г.

В 1940 году я кончила 7 классов. Поступила учиться в пед. училище, но судьба меня круто повернула. Родительский дом загло молнией. Сгорели корова и телка, остались глиняные стены. За учение нужно было платить денежки, которых у родителей не было. Я бросила учебу и решила уехать на заработки по вербовке на кирпичный завод в Одинцово Московской области. Родные не знали о моем отъезде. А когда узнали, то дедушка сильно обо мне плакал как малое дитя. А родная мать только и сказала: «Пусть поедет – узнает Кузькину мать».

В марте 41 г. мы приехали в Одинцово, а 22 июня началась война, и начались муки. Началась страшная бомбежка. Кругом все горит. Страшный ужас. И вот меня, глупую девчонку, направили на крышу дома брать бомбу щипцами и кунать в воду и песок. Страсть Божия! Теперь приехали военные начальники и взяли девчат с 7 классами, куда попала и я. Привезли нас на станцию Очаково на военный завод. Я работала в стеклодувном цехе, делали пробирочки для таблеток. А многие девчата наливали бомбы горючей смесью. Боже мой, сколько слез было... Света не было. Придут с работы – все смазаны горючим, все на них горит. Плачем, а помочь не знаем чем. Вот немец дошел до Можайского шоссе, и наш завод говорили эвакуировать в Куйбышев. Но встали утром – от завода и следа нет. Я не могу сосредоточить этой страсти. И кто куда попал из рабочих?..

Я попала на железнодорож[ный] вокзал и на товарную платформу на Тамбов. Ехали 7 дней под бомбежкой, но добрались до дома. А пощады нет нигде мне, грешной. Где я не была по Тамбовской области! Окопы рыли в Каменброде*. В лесу за Двойней кору обдирали, желуди собирали. На железной дороге ст. Сабурово снег чистили. На станции Хоботово в лесу с солдатами деревья пилила. Это все по области.

А потом отправили в Тульскую обл. на шахту. Но были молоды и резвы. Собрались свои 10 человек и убежали, оставив постель у жителей. Шли пешком, документов нет. Дома не больше недели были, и за нами приехала милиция. И всех взяли в тюрьму на 5 лет без суда. Но меня Господь помиловал. Вместо меня стояла другая фамилия. Когда я осталась дома, то я перекрестилась на все 4 стороны и просила Бога, чтобы меня взяли на фронт.

Зиму была дома, а летом 43 года косила траву в поле колхоза, мне сказали, что мне в дом принесли повестку на фронт. Я, конечно, перекрестилась и благодарила Бога за просьбу, какую он мне дал. Собрали нас в Тамбов на призывной, и с неделю мы здесь торчали – не собрали сколько им было надо. Мать моя всю неделю ездила и возила по корзинке девушкам малины. А потом приехала – ворота открыты, и нет ни души, и никто у нее не взял малину. Обидно было.

Погрузили нас в товарные вагоны и отправились с родного города на бойню. По дороге многие девочки уходили с вагонов, но оставшихся довезли до Украины и всех разбросали по точкам. Я попала в 671-[ю] отдельную зенитно-пулеметную роту. Сопровождали составы. Три пулемета стояли в составе. Очень было страшно от обстрелов. Да и выносили раненых с поля боя. Когда наши забрали г. Витебск, где была страшная битва, то мою 671-[ю] пулеметную роту оставили на месте оборонять город, где я и встретила Победу в 45 году.

Награды у меня – орден Отечественной войны, медаль «За победу над Германией»** и много других. Да я не думала о наградах, я думала о том, как бы помочь своей России освободиться от врага. [...]***.

ЦДНИТО. Ф. 9291. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 1 об. Автограф.

* Так в документе. Правильно – в с. Каменном Броде.

** То же. Правильно – медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

***Опущены воспоминания о жизни в послевоенные годы.

№ 704

Из воспоминаний А.Ф. Сутягиной, 1924 года рождения, уроженки с. Верхние Пупки Козловского уезда

1992 г.

[...]*. В 16 лет вместе со старшими подружками, прибавив себе 2 года, уехала на заработки в Москву. Там работала на стройке. Жили в общежитии, на праздники устраивали танцы. На одной из вечеринок познакомилась с будущим мужем, который работал милиционером. Поженились.

Началась война – работали на фронт. Муж работал в надзоре за эвакуировавшимися жителями во время бомбежки Москвы. Я продолжала работать на стройке. Работали по ночам от звонка до звонка. Увольняли даже за малейшие опоздания. Днем город бомбили. Однажды взорвали, прямо на моих глазах завод, там были люди – зрелище ужасное.

Когда муж ушел на фронт, я была в положении – уехала к своим родным, в свое село. Расставаться с Москвой было тяжело. Еще до войны, несмотря на тяжелую работу, жить было хорошо. Заработной платы хватало на еду и сбережений – на одежду (туфли, юбка, кофта, платок). Ели картошку, селедку, хлеб, масло, каши, сало. В войну – хлеб нормированный, пища скудная.

Дома меня ждали уже состарившаяся мать и старшая сноха. Братьев забрали на фронт. Два брата – Алексей и Дмитрий – с войны так и не вернулись: пропали без вести, возможно, остались в плену.⁹⁵ Женщины трудились в домашнем хозяйстве днем, ночами вязали, пряли.

Однажды, когда муж, получив два тяжелых ранения, был отправлен домой, он уехал к своим родственникам, и я, чтобы увидеться, шла пешком с ребенком на руках от с. Пупки Сосновского района в с. Собинка** (20 км). Проходила через Моршанск, видела лагерь военнопленных немцев – высокие, белобрысые, строгие. [...]*.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

** Так в документе. Правильно – д. Собино.

№ 705

Из воспоминаний З.И. Пеньковой, 1924 года рождения, уроженки Тамбовской губернии

1995 г.

[...]*. Семилетку закончила в 1940 г. Работала в поле. Приходилось и косить, и снопы вязать. Работы не боялись. Пешком ходили в Тамбов – торговали луком. Выйдешь – как коров выгоняют, а возвращаешься – уже темно.

О начале войны узнали в поле. В это время пропалывали просо. И вот к нам в поле прискакал на лошади парнишка. Еще на скаку, увидев нас, он стал кричать: «Война! Война!». А уже через несколько дней нас, семнадцатилетних девчат и парней, направили на рытье окопов. Везли в теплушках. Побывали под Брянском, Воронежем. Неорганизованность,

бестолковщина была страшная. Не успеешь начать работу в одном месте – перебрасывали на другое, третье. Часто забывали накормить, не было питьевой воды. Помню, темно было, пить хочется страшно. Ну что делать? Вот и пили из лужи. Нагнешься и через подол платья цедишь – пьешь. Противно, а куда деваться – пить-то хочется. А утром как глянешь на подол, а он весь в тине. Руки были все в мозолях, кровоточили. Не раз попадали под страшные бомбежки. Вернулись домой все измученные, оборванные. Страшное было время. Запомнилось оно постоянным чувством голода, потерей друзей, кровью и бесконечной усталостью.

Я всегда была верующей. У нас тогда в деревне была церковь деревянная. Такая хорошая. Придешь туда – душа отдыхает. Председатель сельсовета в 1942 г. собрал после работы всех трактористов и приказал церковь эту снести. Тогда везде так было. Все село было шокировано. Всем жалко церковь. Трактора даже поначалу не заводились. А потом подцепили ее и снесли. И все село прокляло своего председателя. Старики говорили, мол, Бог-то, он все видит, поплатится он еще за это страшное дело. И правда, через несколько лет пропал он без вести, и до сих пор никто не знает, где он.

Помню, пришел отец с войны раненый, а этот председатель у него расспросит все: что там да как, а потом и всем рассказывает то же самое от своего лица, как будто он на войне был. К девкам похаживал. Одну так замучил: «Живи со мной и все, а то я на фронт отправлю». А он уже старый – зачем он ей? Она сама на фронт и ушла. Не любили мы своего председателя.

Училась я в педагогическом техникуме на физкультурном отделении и более 50 лет была педагогом. Прививала любовь к спорту. Меня до глубины души возмущает современное негативное отношение к армии многих молодых людей. Да это не просто трусы, маменькины сынки. Таких в мою молодость презирали. За ними нет будущего.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные годы.

№ 706

Из воспоминаний М.Г. Шувакиной, 1925 года рождения, жительницы с. Савинские Карпели Сосновского района

1992 г.

Эти годы мне запомнились особенно, так как эти годы были самые страшные. Жили мы в деревянном доме. Наша семья состояла из 12 человек: мать, отец, 3 брата и 3 сестры, бабка, дед, мать крестная с мужем. В доме было все по-простому. Спали кто где: на полу, на задах (две доски) печи, полатах. Когда началась война, то в 1941 г. сразу же забрали на фронт отца и 2 братьев. Отец прошел всю войну и вернулся живой, а 2 брата погибли в этом же году.

Я была письмоношцем и в мои обязанности входило «сидеть на телефоне», а те, кто были дежурные, они ходили и разносили разные бумаги. Нас было (письмоношцев) 4 человека. Работали по 24 часа каждая, т.е. по 1 человеку в день, а следующие 3 дня отдыхали. Из Сосновки звонили в любое время суток и давали сообщение, а мы записывали. Похоронки на дом не приносили, а вызывали в военкомат в Сосновку и давали лично в руки. Звонили каждый день и называли фамилии тех, кого отправить на фронт. Мы записывали, а дежурные относили.

Население все больше и больше выбывало. В деревне оставались бабки, женщины и мужики в основном 60-летние. Некоторых женщин брали на трудовой фронт – рыть окопы. Так, мою сестру Таню – она была старше меня – ее забирали. Все работали вручную, был только 1 трактор на колхоз и 1 калитонка, которую к нему прицепляли. В 1942-1943 гг. был голод. Некому было ни сеять, ни убирать. В колхозах оставалась картошка под зиму, и мы ходили ее выкапывали, так вот и питались гнилой картошкой.

В годы войны очень тяготили налоги: военный налог (брали деньгами), культурналог (деньгами) или культсбор, сельхозналог (деньгами). Также брали налог за бездетность (деньгами). Каждая девчонка с 17 лет должна была иметь ребенка.⁹⁶ Платили* облигации в пользу военных в размере 200 рублей.

Каждой семье, где оставались дети, а отцы уходили на фронт, платили дотации. Если один ребенок, то не платили, если два – то 56 рублей, у кого три – 75 рублей, а в 43-44 г. был приказ, чтобы платили большую сумму тем, у кого шесть и больше детей.

На военные нужды собирали продовольственные продукты. В обязательном порядке каждый двор должен был сдать: мясо – 40 кг, яйца – 110 штук, шерсть – 1 кг (но те, у кого овцы), масло – 4 кг, картошка с 40 соток – 2,5 ц, с 50 соток – 4 ц. Если кто сеял рожь [на огороде], то отдавали 10 кг государству. Все эти сборы проводились 1 раз в год. Приходил агент и говорил, что ему надо нести. И мы в назначенный день должны были все это отнести. Но не у всех это было, и потому его слезно умоляли, чтобы дал отсрочку. Если кто-то отказывался платить сбор (ну, что было у него), то агент подавал в суд или, что чаще случалось, сам лез без спроса в сундук и брал все те вещи, которые нравились. Деньги, которые мы платили в качестве налога, появлялись в результате продажи мяса и масла. Сами молоко практически не ели, только то, которое скисло, а также гнилую картошку – это был основной рацион питания.

У нас был приказ, что до 10 часов могли к нам заходить, а после 10 часов никого не пускать.

А еще во время войны работали за трудодни, которые были основной платой за работу: 1 тр[удо]день – 80 гр. хлеба во время войны, а выдавали его только после сбора урожая зерном (за 8 месяцев).

Мы отправляли здоровых мужиков, а оттуда они приходили калеками. Многие не вернулись – они погибли, некоторые женились там где-то и не возвращались.

О том, что закончилась война, нам сообщили по телефону, а потом мы узнали из газет. Никто не верил, что этой страсти конец. Мы ждали своих – хоть какие, но только пусть живые.

После войны Сталин продолжал брать большие налоги. Давали продукты в строгом режиме – паек, но только тем, у кого мужа не вернулись, а дети остались. На каждого ребенка давали по 200 гр. хлеба. [...]**.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Так в документе. Следует читать – выдавали в счет зарплаты.

** Опущены воспоминания о жизни в послевоенные годы.

№ 707

Из воспоминаний А.И. Климова, 1926 года рождения, уроженца с. Тимофеевка Тамбовского уезда

2002 г.

[...]*. К началу войны я закончил семилетку и 15 июня получил аттестат об окончании семилетки. К началу учебного года фронт приблизился к Москве, был сдан Харьков, бомбили Тамбов, Котовск, готовились к эвакуации, что послужило причиной закончить мне учебу в школе. В 8-й класс я не пошел, в сентябре проводили на фронт старшего брата Василия.

В начале войны со мной произошел интересный случай. Из железнодорожного ларька взяли на фронт продавца – хлеб возили из Тамбова поездом, его выдавали по карточкам по спискам по норме (рабочему, служащему, иждивенцу по столько-то граммов). Излишка хлеба не присылали, поэтому провеса быть не могло, останешься без хлеба сам. На первый день приехал из Тамбова для раздачи хлеба ревизор из ОРСа и потребовал найти продавца из местных жителей. Выбор пал на меня (грамотный, на счетах работал отлично). Первый день я присматривался, второй и третий день под его присмотром торговал сам, он меня хвалил и рекомендовал в продавцы. Но так как я был еще ребенок, меня оформлять еще было нельзя, и решили оформить неграмотную маму, а торговать буду я. Так продолжалось до 20 марта 1942 г. В этот день был демобилизован отец и как нестроевой отправлен в Котовск на завод № 204 рабочим железнодорожного транспорта. Я занял место табельщика-счетовода на ст. Ржакса. Некоторое время меня не проводили приказом в должности, но сдав несколько отчетов, меня зачислили с 1 апреля 1942 г. И так я проработал до 25 ноября 1944 г., когда меня призвали в ряды ВМФ.

В войну у нас была корова, овцы, птица и даже поросята. Мама, я и Анатолий заготавливали корма на зиму (косили, сушили, возили от Отхоженской трубы). Корма нам всегда хватало на зиму. Рядом был огород,

который пахали на корове, да и на себе. Так жили более-менее, не голодали. В хлеб добавляли картофель, сушили сухари и возили отцу в Котовск. Так и выжили в войну. 12-13-летним пацаном Анатолий ездил с такими же, как и он, ребятами в Балашов за солью, она была такая крупная, как горох. Ездили поездами, как придется, это было подспорьем ко всему. Соль продавали стаканами, меняли на обувь и прочее.

Службу на флоте описывать не буду. Если коротко то: Кострома – две недели пехотный полк, Кронштадт – один месяц (пересыльный флотский экипаж), Ленинград – учеба в подплав до сентября 1945 года, север – город Полярный (подводная лодка С-19, в 1948 г. – С-21). Откуда и был демобилизован 25 апреля 1951 года.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные годы.

№ 708

Из воспоминаний З.И. Мироновой, 1926 года рождения, жительницы с. Керша Рассказовского района

2004 г.

[...]*. Перед войной посадили просо. Война началась, а урожай еще не убрали. Гнали эвакуированный скот с Белоруссии и Украины, они все поле и затоптали – все в землю втолки. А отец был председателем колхоза. За это его и судили по 108-й статье**, как врага народа, на 6 лет осудили. Но он Калинин писал прошение, чтобы на фронт взяли. Вот он меньше года отсидел, а потом его отправили на передовую. Там он кончил школу по собаководству, сапером был. Говорит: «Идем разминировать поле перед батальоном по 13-15 человек, вертаемся по 2-3». Жив остался, и даже там его не ранило. Потом с него судимость сняли – искупил. А после войны председателем сельсовета работал. [...]*.

Как война началась, мне 15 лет было. Я в колхозе счетоводом работала. Отца на фронт из тюрьмы взяли. Тяжело было...

Тут голод в 42 году настал, люди опухали (вот мать наша сильно опухшая была), когда лебеду ели. Но никто не умер, все живы остались.

Только как раз в 41 году родился, а у матери молока не было, так его картошкой кормили грудного, и по щас жив.

Сажали мы тогда на колхозных полях все, как обычно, правда, махорки много – на фронт. Пахали на коровах. Лошадей-то годных на фронт брали, а тракторов мало было. Голод хотя и был, болезней-то никаких не было, только вши. Соль у нас стоила 100 рублей стакан, но мы не покупали, нам продавщица из магазина помогала. Зимой картошку ели. Норма была 5 штук на человека в день – это осенью, а весной уж и того меньше – 2, а то и кожуру ели, олады из нее пекли. Весной собирали на полях прошлогоднюю

картошку. Тут у нас праздничек был, а потом – до травы. Сначала щавель, потом лебеда, а потом свекольные листья. А на семена снимали верхушку картошки и в подвале золой пересыпали. Да вырастала даже из очистки. Тогда все агрономы были.

Электричества у нас не было в войну, хотя отец в одном из первых в нашем колхозе поставил столбы и радио провел. Вообще, наш колхоз передовым раньше был. А перевозки все у нас на волах были. На производстве все 15-летние были, потому что с 16 лет на фронт брали.

А я раз поехала к отцу в тюрьму с передачей. Вдруг тревога! Кто куда. Я до сих пор не знаю, куда я попала. Все бегут, меня дядька какой-то схватил и тащит, говорит, в бомбоубежище. Там мы полночи и просидели. Страшно! Люди кричат, собаки лают, темно. Утром оказалось – упала бомба у тюрьмы, но не взорвалась. Так вот.

А Сталин для нас был хорошим человеком, все его уважали. Армия была в полном порядке. Он просто не верил, что Гитлер мог напасть – это его личное дело. Для нас Сталин был авторитетным, ведь не допустил же немца и переживал за людей, а если кого и расстрелял, значит, так для страны надо было. В то время мы не знали о репрессиях, узнали уже после его смерти. А тут уже каждый мог, что угодно говорить. Сталин очень хороший был. Тогда такая дисциплина при нем была. Да если бы не он, мы бы не выиграли войну. У него самого ничего и не было. Шинель да гимнастерка. И умер-то он так. Ведь всю страну восстановил, да как быстро. И Украину, и Белоруссию строил наш русский дурак, а они, паразиты, теперь – «я не я». Сейчас-то хуже войны. Такого человека бы нам, как Сталин, мы бы не так жили!

Раньше ведь большая взаимовыручка была, все делились. И фронту помогали, на танки средства собирали. Все было по желанию, силой никто не отнимал: у кого что – давали. Просто все понимали и знали, что надо! Все были заинтересованы в Победе.

У нас в войну так было: украл один 3 килограмма пшеницы, его на 3 года посадили показательно, и перестали таскать, все тюрьмы боялись. Сейчас бы так!

Война суровая была, но наш народ выжил, хотя тяжело было.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

** Так в документе. Правильно – по 58-й статье.

№ 709

Из воспоминаний А.П. Михайлова, 1927 года рождения, жителя д. Завидовка Тамбовского района

1992 г.

С 8 лет меня отдали в школу, которая находилась за 3 км от деревни [Завидовка] в Экстали. Вставали в 5 часов утра, чтобы успеть покормить скотину и дойти до школы. Успел закончить только 6 классов, потом началась война, и я пошел работать. С началом войны начался призыв в армию. Всего в деревне было 60 дворов, и от каждого двора забирали по 2-3 мужика, оставили только детей и тех, кому за 60 лет.

В первый год войны всей тяжести ее не ощущалось. Весь день молот зерно, а вечером помогал отцу в кузнице. Ближе к 1943 г. жить стало очень тяжело. Весь колхозный хлеб отправляли на фронт. Начался голод. Денег не было. Зарплату выдавали хлебом (по 100 гр. на человека каждый день) и картошкой, в основном порченной или проросшей, которую в былые времена свиньям отдавали. Жили за счет того, что росло в огороде, возили в город на базар, там продавали. Свиней забрали в колхоз, оставили только птицу и корову. Большую часть денег от продаж сразу же изымали в виде налогов, если не было денег – брали скотиной.

Помню, в середине войны привезли и установили нам в деревне радио, и мы ходили слушать Сталина и Русланову⁹⁷. От того, что происходило в правительстве, мы были далеки. Сталин был для нас «отцом» и воспринимался издали как идеальный руководитель. Его выступления и обращения к народу ходили слушать всей деревней обязательно, даже откладывая работу.

Во время боевых действий в Воронеже через Завидовку отступали солдаты. Расселялись по дворам, человек по 10-15 на дом, где их приходилось кормить, а самим иногда голодать. После рабочего дня самых стойких и молодых женщин заставляли копать противопожарные рвы и окопы. Инвентаря не было достаточно на всех. Копали веслами, ножами, руками.

В 1941-42 гг. на заводе, где работал отец – а работал он в Тамбове – проводили обучение военному делу. И я вместе с ребятами и несколькими девочками ходил пешком на эти занятия. Учили не только теории, но и практиковались. Вместе с мужчинами военную подготовку проходили и женщины, которые потом добровольно уходили на фронт.

Когда бомбили город, в селах дрожали стекла, но мы в укрытия не прятались, а продолжали работать. Рабочих рук не хватало, техники почти не было, иногда приходилось пахать на лошадях и даже коровах. Летом из города приезжали помощники, чинили технику, пололи и поливали урожай. Но городские, которые на земле первый раз, сколько пользы принесли, столько и вреда. На них надо было отвлекаться от своей работы и учить их делу.

В 1944 г. была очень плохая погода, урожай был низкий, план не выполнен, скота почти не осталось, а «сверху» давили на то, чтобы была сдана норма и в срок. Приходилось работать по трое суток без перерыва на сон, отдавали свои накопления, когда сами голодали.

К концу войны мы обнищали. Корову и всю птицу съели сами или отдали солдатам. Был случай, когда в деревню зашли солдаты с двумя

пленными немцами. И со стороны вояк отношение к немцам было достаточно мягким. Питались одинаково, спать клали в доме в «сенцах». Это очень возмутило жителей деревни. И мальчишки украли у тетки Варвары какие-то травы, думая, что это яд, и подмешали в котел со щами. Не думая при этом, что щи будут есть не только немцы. Хорошо, что травы оказались простым слабительным. И на следующий день все постояльцы и хозяйка этого дома мучались с больными животами.

Так как работать приходилось и ночью, я получил травму руки. В одну из ночей работали при керосинках и свечах, т.к. электричество экономили, и я случайно зацепился за жернов и попал туда рукой. В результате была раздроблена кисть. Потом продолжал работать и с одной неподвижной рукой.

С войны вернулось всего 7 человек, двое из которых до конца жизни остались инвалидами. По их возвращении устроили праздник, а заодно и поминки невернувшихся, всей деревней. На столах были только картошка, хлеб да зелень. Зарезали двух петухов последних, только для возвратившихся с фронта. Самогону было много, каждый принес по бутылю, а кто и по два, его делали разный – кто из свеклы, кто на травах. А потом всю ночь пели и плясали под гармонь. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в послевоенные годы.

№ 710

Воспоминания А.Н. Костиной, 1927 года рождения, уроженки с. Туголуково Борисоглебского уезда*

1992 г.

В семье нашей было 9 человек: 7 детей, мать и отец. Отец был на фронте. Когда началась война, все очень испугались. Мобилизация мужчин началась в первую же ночь. Вокруг была какая-то суматоха: куда-то сгоняли трактора и машины. Вскоре всю технику и лошадей из колхоза забрали. В армию были призваны почти все мужчины. Иногда приезжал вестовой среди ночи, давал 2 часа на сборы, и мужчин увозили. Бывало, забирали даже с поля.

В школе учились мало времени, т.к. всю войну приходилось работать. Книг почти не было, чернила от холода застывали, и поэтому писали карандашами. Записывали слова учителя на журналах и газетах между строчек. Да и эти газеты и журналы были не у всех.

Все работы в колхозе выполняли женщины, дети и старики. Вместо лошадей использовали коров и быков, а на своих участках пахали на себе. Работали по наряду, т.е. выполняли ту работу, которую скажут делать. Все делали вручную: поля косили крюками, молотили цепами, солому в скирды

сносили тоже вручную. За работу нам ставили трудодни. За 1 трудодень давали 200 гр. ржи. Никакой нормы трудодней у нас не было, т.к. вне зависимости от выработанных трудодней работали круглогодично.

Многие поля в колхозе приходили в запустение, т.к. не хватало сил их обрабатывать. Весь хлеб сдавали государству, до последнего килограмма. Техники не было, и поэтому хлеб носили на элеватор в Жердевку (женщины на себе, по пуду на каждую). Скотины в колхозе было мало, нечем было ее кормить.

Наш колхоз назывался «18 лет Октября». Председателем был мужчина – старик, совершенно неграмотный.

В конце 1942 г. стали приходиться инвалиды. Все они делали какую-нибудь работу в колхозе. Когда появились мужчины, то стали разводить и немного лошадей. Мужиков, как правило, выдвигали на руководящие должности.

Проводились постоянные займы: на строительство самолетов, танков и т.д. Они были добровольными только по названию, а проводились принудительно. В правлении колхоза эти займы распределялись каждому, хотел он того или нет. Чтобы достать денег на эти займы, приходилось продавать продукты на рынке. Налоги были на все, что возможно: на приусадебный участок, на молоко, яйца и т.д. Даже у тех, у кого была корова, не часто ели молока. Когда осенью рыли картошку, то часто приходили солдатские отряды и забирали большую ее часть, а иногда даже и все подчистую.

Семья наша жила бедно, впроголодь. Питались картошкой, свеклой, ели траву. Да было у нас еще полкоровы (1 корова на 2 двора). Большинство народа воровало в колхозе, но не для наживы, а для того, чтобы прожить. Воровать ходили ночью, тайком, а утром, как всегда, шли на работу.

Существовало гособеспечение для семей, которым жилось особенно трудно, но оно помогало мало.

В одно время стало особенно трудно, есть было нечего, и мы могли умереть от голода. Продали все, что можно было продать. И тогда я написала письмо отцу на фронт и сообщила ему, что в живых он нас вряд ли увидит. Отец сказал об этом своему командиру, и вскоре от командования их воинской части пришло письмо в райисполком и военкомат с просьбой помочь нашей семье. Вызвали меня к председателю райисполкома Макарову⁹⁸. Дали три пуда ржи и три детских пайка (1 паек – 2 кг белой муки, 2 кг пшена, 1 кг сах. песка, 1 кг сливочного масла). Мать продала масло и сахар на базаре и купила картошку: этим мы и смогли прожить. Одно время было так голодно, что мои младшие братья засыпали. Я их будила, иначе они могли умереть. Одного бужу – другой засыпает. Брата Виктора будила почти двое суток, сама почти не спала.

Но как бы ни трудно, мы были молодые и нам хотелось отдохнуть, повеселиться. Собирали вечера. Наворуюем дрова, продуктов (что можно – у себя в доме) и собираем вечер. Одевались мы, девушки, в бабью одежду.

Ребят не было. Плясали под гармошку и балалайку. Играли в разные игры, пели песни.

Колхоз «собирал обед» на праздники. Давали на общий стол от колхоза продукты: мясо, растительное масло, муку (конечно, в небольшом количестве). Пляски продолжались до полуночи. Народ был веселее, чем сейчас, хотя жить было очень тяжело.

В селе были беженцы из Бобруйска. Размещали их по домам у сельчан. Работать они не любили, работали «из-под дубинки», были богаче нас, лучше одевались. Как только их город освободили, они уехали.

Хотя питались плохо, тяжело трудились, народ был здоровее и умирали мало. Жили так тяжело вплоть до самой победы и в первые годы после нее.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Запись произведена внуком-студентом А. Сафоновым.

№ 711

Из воспоминаний П.В. Ротахиной, 1928 года рождения, жительницы д. 2-я Александровка Ржаксинского района

1992 г.

[...]*. Началась война, и отца в первый же год забрали на фронт. Помню, провожали односельчан всей деревней, и их увозили в райцентр на подводах. В этот год я училась в 5-м классе, но, проходив в школу до зимы, учебу бросила, т.к. надо было работать. И хотя директор школы приходил просить мать, чтобы я не бросала учебу, меня все же отдали учиться в швейную артель. Там мы шили шинели и стегали фуфайки. Это была очень тяжелая и грязная работа. Там я заболела чахоткой и вернулась домой. Чтобы выжить, мы с младшей сестрой носили на базар продавать молоко в чайнике емкостью 7 литров; несли его, повесив на палку и держась за концы, в район за 7 км. А на вырученные деньги мать могла заплатить налоги и купить нам теплую одежду.

Отец, провоевав два года, погиб. Нам пришла «похоронка» – извещение, что убит он на Керченском полуострове.⁹⁹

Мать работала в поле, выполняя и мужскую, и женскую работу. Пахали на быках, и за сохой ходили женщины и подростки. Рожь жали серпами и вязали в снопы. На току зерно сортировали тоже женщины и дети, а старики были бригадирами. Еще в это период, помню, была вспышка малярии, и я по наряду бригадира ходила в медпункт в соседнюю деревню, чтобы получить там хину – лекарство от малярии, поделить этот порошок письменным перышком на отдельные порции и разнести по всем домам.

Во время войны в деревне жили эвакуированные из Москвы. Они также работали на полевых работах вместе с деревенскими женщинами. Был такой случай: одна из эвакуированных женщин попросила председателя колхоза

выдать ей хлеба, т.к. ей нечем было накормить своих детей. За это она отработала две смены без отдыха. Но, хотя он и пообещал ей дать зерна, своего обещания он не выполнил, а публично посмеялся над ней, да еще и отmaterил, думая, что все это ему с рук сойдет. Она была женщина грамотная и обратилась с жалобой на председателя в район, и он был освобожден от руководства хозяйством.

Помогали фронту всем, чем могли: вязали шерстяные варежки, носки, пекли пресные пышки, сушили их в печке и посылали посылками на фронт.

Но как бы трудно ни было в военные годы, все старались жить сообща, помогая друг другу.

Немцы подходили к Воронежу, и вражеские самолеты мы видели в небе. До нашей деревни война не дошла. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 712

Из воспоминаний Р.Д. Тезиковой, 1928 года рождения, уроженки д. Покровка Уваровского района

1992 г.

[...]*. Мы жили в деревне Покровка Уваровского района. Война от нас была далеко, но отклики о войне мы слышали, когда были бомбежки в Тамбове, а самые большие бомбежки были в Воронеже.

В школу мы ходили за 7 км, а когда началась война, то мы бросили ходить в школу. В мирное время нас возили на лошадях. А когда объявили войну, мы стали работать в колхозе, т.к. мужской пол всех забрали – и молодых, и старых, остались одни малые и мы, девчонки-подростки. Вот мамы наши работали за мужчин, а мы за мам. Мамы брали косы, шли косить сено, рожь, пшеницу, горох и т.д. А мы за ними вязали рожь в снопы, а когда молотить, то шли и работали, делали разные работы. А осень и зиму срезали подсолнух и шляпки втыкали на колышек, т.е. на срезанные стебли подсолнуха, а зимой ходили, собирали шляпки, молотили прямо в ведро, а повозка, запряженная парой быков, стояла на дороге, и мы, намолотив ведро, высыпали, чтоб затем отвезти в амбар, так у нас раньше называли кладовые. И так от весны до весны.

В школу не ходили 3 года (1941-1943 гг.), да и школы были все закрыты, учителей отправляли (кого можно было) рыть окопы, угоняли под Воронеж. Через 3 года мы пошли доучиваться. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 713

Воспоминания А.П. Тереховой, 1928 года рождения, уроженки с. Большой Избердей Шехманского района

1994 г.

Мать моя, Терехова Марья Гавриловна, воспитывала нас пятерых одна. Отец в это время уехал в Тверь на производство. Оттуда его взяли в армию. С войны он так и не вернулся. В это время нам было очень трудно, были разуты, раздеты, голодали. От голода и болезни у меня умер брат, которому был 1 год, и сестра, ей было 4 года.

Чтобы что-нибудь поесть, мы ходили на поле собирать прошлогодние колоски. Наберем кружку пшеницы, сварим суп. На следующий день снова шли в поле и собирали пшеницу. Так мы питались.

Дом у нас был деревянный с соломенной крышей, три окна. Сени были плетневые. Вместе с нами жили коза и четыре курицы. Траву для козы рвали руками в лесу. Рвали ночью, т.к. днем было нельзя, могли наказать. На огороде сажали картошку.

Когда мне исполнилось 13 лет, меня послали работать плугочистом. Работать было очень тяжело. Я чистила плуги, заливала в трактор воду и солярку. Моя сестра, которой было 11 лет, тоже работала. Брат был еще маленьким, и мы его оставляли дома. Мама в это время работала в колхозе на разных работах. Она вместе с другими женщинами косила рожь, пшеницу, вязала снопы, молотила, веяла. За работу нам писали трудодни. Трудодни оплачивали пшеницей, за один день 100 грамм пшеницы. Также были и облигации.

Порядки были очень строгие. Свободного времени было мало. Молодые собирались на лугу и плясали под гармонь, а пожилые на лавочке около дома разговаривали.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

№ 714

Из воспоминаний В.Н. Макаровой, 1928 года рождения, уроженки с. Солдатская Духовка Тамбовского района

1999 г.

[...]*. Закончила я школу в этом же селе Солдатская Духовка. Годы эти пришлось на довоенное и военное время. Первые четыре года перед войной отучилась очень хорошо, а в 5-м классе – первый год войны – я отучилась месяц и бросила школу, так как время было тяжелое: голод, далеко идти. Отец ушел на фронт. В письме ему написала, что бросила школу, он писал, чтобы училась. За мной пришли из школы, узнать, почему я не хожу, ведь

отметки у меня были хорошие. Потом я стала ходить в школу. Я любила учиться – если пропущу один день, то скучаю. Сзади меня сидел один мальчик, он любил дергать меня за косички и опускать их в чернильницу. Чернила наливали в школе перед занятиями.

Питание было плохое. Первый год войны еще было мясо, когда корову зарезали, а потом плохо: ели щи с лебедой, чуть-чуть подбеленные молоком, картошку. Ее варили в кожуре. Другие же, были и такие, которые пухли с голода. Мы поедим, и через час уже опять хочется есть. Ели также свеклу, собирали мерзлую картошку, которую не убирали в поле. Ее сушили, толкли, добавляли чуть муки и делали пышки («пилюхи»). Этим и спаслись. Собирали также колоски пшеницы и ржи. Делали рушалку и толкли, провевали, мыли и варили кашу.

Отец пришел с фронта инвалидом в 1944 году. Он воевал под Великими Луками на Калининском фронте. Потом все рассказывал, что там было очень сыро и много воды. Письма писал с фронта и в них: «Дети, молитесь за меня, я иду в бой». Я, маленькая, молилась ночами за отца. Долгое время от отца не было писем. Мы думали, что его убили, но похоронку не приносили, хотя в другие дома приносили. Потом пришло письмо из Сибири, отец лежал в госпитале. Его должны были комиссовать. Солдаты приходили и на побывку. Однажды я гуляла и услышала: «Николай Иванович Бурлин пришел».¹⁰⁰ Я побежала домой. Захожу – папа. Он стоит в форме, с недееспособной рукой. В это время ему был 41 год. Он устроился в колхоз сторожем. С отцом стали жить получше. До войны он был мастером на все руки – и кровельщик по железу, и печи клал, хороший плотник, портной, все мог сделать. В колхозе он после войны не работал, все болел. Мама была активной, боевой: и косила хлеб, и сено, и пахала. Косили крюками. По воскресеньям собирались у нас молодые женщины, мужья у них на фронте. Вино выпьют, закусят и песни поют.

Я также ходила в колхоз (мне было 12-14 лет), вязала рожь, пшеницу в снопы и таскали в крестцы. Молотили. Сеяли в войну вручную старики.

В 1945 году я, окончив 7 классов с одними пятерками, поступила в фельдшерско-акушерскую школу в г. Тамбове. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 715

Из воспоминаний Е.В. Рыжухиной, 1928 года рождения, уроженки д. Сборная Сампурского района

2001 г.

[...]*. Летом 1941 года по деревне проскакали мужики на лошадях и прокричали, что началась война. По деревне прошла мобилизация, и

большинство мужчин ушли на войну. В деревне остались женщины, дети, старики. Некоторые мужчины убегали в поля, но их находили и отправляли на войну. Некоторые, особенно изобретательные, делали себе разные болезни. Двоюродный брат Савва, чтобы не идти на войну, пилил ногти на руках и сыпал опилки в глаза, отчего они воспалялись, становились красными, он плохо видел. Его не брали на войну. Односельчане все знали, ругали его, стыдили, но Савва так и не пошел на войну.

Из моей семьи на войну ушло два брата – Ваня и Коля. Коля попал в блокадный Ленинград, и от него не было вестей 1,5 года. Первое письмо от него пришло в 1943 г. А Ваня почти сразу после начала войны попал в плен, был в Германии, откуда два раза бежал. Был ранен в голову и попал в госпиталь в Москву. Из госпиталя он и написал свое первое письмо в 1944 г. Семья уже давно не верила в то, что он жив. Когда получили письма, долго сравнивали почерки и не верили, что эти письма от них. В деревню часто приходили письма с фронта, читать их собирались всей деревней, по несколько раз перечитывали. За все время войны в деревню не пришло ни одной похоронки.

Жители деревни хотели помочь фронтовикам. Женщины ходили за 12 километров в село Коптево, брали там пряжу и вязали дома варежки, перчатки, платки. Потом все это относили назад в Коптево и переправляли на фронт. Людей никто не заставлял это делать, они сами хотели помочь.

За время войны через деревню проходило много беженцев. Им помогали, кормили, чем могли, пускали на ночлег. Беженцы иногда перегоняли скотину. Во время перегона некоторые продавали скотину, некоторые отдавали просто так. Зять Данила покупал мясо, иногда ему отдавали скотину. Он солил мясо в бочках, помогал семье.

Вообще за время войны семья стала жить лучше благодаря зятю и снохе. Так как почти все мужчины были на войне, председателем колхоза люди избрали сноху Шуру, жену старшего брата. Шура воровала зерно из колхоза, прятала в стог сена и потом приносила домой. Один раз двоюродный брат Савва подглядел, где она прячет зерно, и украл у нее. Другая соседка Груша Ивановна, мать восьмерых детей, тоже подглядела и на следующий день пришла к Шуре с мешком. Груша сказала: «Шура, давай мне зерно, а то пойду и расскажу про тебя, и тебя посадят».

Другие дети и взрослые из деревни собирались в компании и ночью ходили в другие деревни на колхозные поля и срезали колоски.

В 1944 г. в колхоз пришел приказ – из каждой деревни по 1-2 человека отослать на работы. Всех собрали на станции Сампур и на обозах отправили в Котовск. Из Котовска в вагонах повезли под Ленинград (станция Жихарево). Когда приехали на место, стали кормить людей, а потом распределили на работы. Кормили всех щами, в миске плавали капустные листья с червями. Люди вылавливали червей, а остальное съедали. Жили все в общежитиях, постельное белье выдавалось под роспись. Еду себе готовили сами. Мне мама из дома дала 3 бутылки подсолнечного масла и мешочек

гороха. Я отсчитывала горошинки, добавляла их в воду и чуть-чуть масла, вот и вся еда.

Работа была разной. Заставляли копать окопы, гоняли на торфяные работы собирать торф. В полях, где копали окопы, было много убитых. Их собирали в телеги и увозили. Жили там четыре месяца.

Я и еще две девочки сбежали, сели на товарный поезд и уехали. До дома добирались 12 дней на попутных поездах. Ночевали в вагонах, просили милостыню. Люди помогали, давали хлеб, еду. Когда пришла домой, все рассказала родным. Мама очень испугалась, что меня посадят в тюрьму. Я пошла работать в колхоз. В это время у нас на квартире стоял уполномоченный по каким-то делам Сыщиков Петр Ермолаевич¹⁰¹. Он очень хорошо относился к семье. Как-то он уезжал в Сампур, приехал оттуда и сообщил, что я осуждена на 5 лет каторги. Жена Петра Ермолаевича, Надежда Федоровна¹⁰², работала судьей. Петр Ермолаевич обещал помочь прекратить уголовное дело и помог, дело закрыли. Мама в благодарность напекла хлеба, наложила творога, сметаны, яиц, насыпала пшеницы.

В 1945 г. по деревне объявили, что война закончилась. Скоро вернулись домой оба брата. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 716

Из воспоминаний В.И. Сыщиковой, 1929 года рождения, уроженки с. Михайловка Мордовского района

1992 г.

Когда началась война, мне было 12 лет. Хоть и маленькая была, но помню, что жизнь была очень трудной. Налоги были очень высокие, даже война их не уменьшила. В деревне все делали вручную – косили, скирдовали.

Был сильный голод. Никаких денег не платили. В колхозах работали за трудодень, позже стали давать понемногу хлеба. С тыла шла ощутимая помощь фронту, мы шили, вязали и вещи отсылали на фронт. Очень часто рыли окопы. Когда в селах стояли советские войска, то наоборот они старались нам помочь. Помогали все: и узбеки, и киргизы, и татары.

Очень сильный голод был. Ели щавель, лебеду, прелую картошку, размалывали свекольные семена и пекли из них лепешки.

Народ был темный, забитый, всего боялся. При Сталине слово боялись сказать. Мой одноклассник Федя Павленцев чего-то где-то сказал и посадили на 10 лет, был в Братске. Очень боялись уполномоченных. Один такой с девушками посмеялся, а потом всех троих на 9 лет заслали. Оказывается, одна сказала: «Сталин наш – ни то, ни се».

В колхозах решало все собрание. Что оно решит делать, то и делали. Молодежь никуда не отпускали из села, паспортов не было. Народ забитый был весь в деревне. За целый день если мать даст кружку молока, то хорошо. И так до следующего утра. Нищих ходило очень много. 3 мальчика шли и пели: «Господи помилуй, Господи, прости! Помоги мне, Господи, крест свой донести!».

После войны очень трудно было, жизнь не улучшалась. Мужики с фронта не сразу приходили. Через год пришел мой отец. Рассказывал, что из Воронежа тек ручей, где вместо воды была кровь.

Сталин только сажал, но не отпускал. Строго все было. Если бы Сталина сейчас, он бы всю молодежь сгноил. 10 лет давали за сбор колосков. [...]».

В войну шла вода заразная, ноги ныли и болели до костей.

Дезертиров было много, но их быстро ловили.

Давали нам полоть по 25 га свеклы. Свеклу воровали, а в ней муравьи. Так и ели с муравьями. За горохом следили очень строго. Родный отец чуть не убил за стручок, который на поле сорвала.

Новые платица шили к празднику, берегли их, стояли и не дышали.

Ночью скирдовали вручную. Огороды копали. Если находили прелую картошку, то из нее пекли оладышки. За полынью ходили на топку. Полынь высокая, потому что не успевали пахать. Ноги сырые, морозы ужасные. Болели часто. Жили просто в глухомани.

В войну семьям офицеров паяк был: 8 кг крупы, 40 рублей денег.

Одно слово – плохо жили. И хорошего-то вспоминать нечего. Детям рассказываю – не верят, говорят: «Не может быть». А мы вот жили, терпели, да уж, как и выжили-то, не знаю. Всю жизнь только мучились, особенно в молодости.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Опущены воспоминания о жизни в послевоенные годы.

№ 717

Из воспоминаний Т.И. Бучневой, 1929 года рождения, уроженки с. Беломестная Двойня Тамбовского района

2002 г.

[...]». О начале войны узнали от верховых 22 июня после обеда, их было человек десять. Призыв начали на следующий день, солдаты шли пешком до Новой Ляды, жены и матери их провожали. Отца забрали 27 июня, мама тоже пошла пешком его провожать, но младшей сестре было две недели, и она сразу вернулась домой, а остальные женщины были там до отправки мужей на фронт. Село за несколько дней опустело, много мужчин ушли на фронт. В августе по селу прогоняли много скотины, их гнали с

Ельца и Воронежа на станцию Селезни. Над селом летали немецкие самолеты, из них стреляли в пастухов (детей 12-13 лет), было слышно, как бомбили Грязи. Вечером в избах огонь не зажигали, боялись бомбежки. В селе было много беженцев и тех, кто копал окопы перед Стрельцами в Митрофановой лощине. У нас на квартире стояли девки из Ельца, тоже копали окопы. Они помогали семье, на лошади привозили необмолоченную солому. Из зерна варили еду, соломой топили печь. Девки были все оборванные, у них были вши. Жили у нас они до 1943 г. Мимо села везли раненых на лошадях.

Зимой 1941 г. были сильные морозы. Семья в войну сильно голодала. В 1942 г. пришла похоронка на отца.¹⁰³ Писем с фронта не было, отец воевал в части, с какой не разрешали писать, об этом нам рассказали те, кто пришел с войны.

Почти все продукты питания забирали на фронт, картошку копали и прятали на кровати, на печке, закапывали в ямы. Один год у нас нашли такую яму, но был уже вечер. Мы ночью все спрятали, а так в эту зиму мы бы умерли с голода. Была корова, она тоже спасала нас от голода. Не было соли. До войны соль хранилась в ящике, потом этот ящик раскалывали на щепки и бросали в щи. стакан соли стоил 200 рублей, а нам за отца платили 75 рублей. Мыло варили сами, а голову мыли щелоком, золой ржаной соломы.

В 1944 или 1945 году с Америки на семью давали по 10 пудов зерна. До 1950 г. хлеба досыта не ели.

Было много волков, они таскали скотину, даже собак запирали на ночь дома.

В войну платили много налогов – и яйца, и масло, и мясо. Сами голодали. Особенно голодно было ранней весной. Мама доила корову, нарывала полный чугун крапивы, заливала молоком и все ставила в печь. В это время нас, детей, старались не будить подольше, чтобы мы не просили есть. Окна в доме завешивали наглухо, но голод все равно будил.

Помню день Троицы – еды не было никакой. И соседи сказали маме, что под Матырой осталось поле некопаной картошки с осени. Мы с мамой пошли, но там все выбрали. Мы копали руками землю бесполезно и ушли с пустыми руками. Только прошли с ней 17 километров туда и 17 обратно. Не знаю, то ли от обиды, то ли от бессилия, но мы долго болели и не вставали с кровати.

Работать пошла рано в войну, сначала работала только в деловую пору в поле. Пололи просо, ворочали кошенный горох после дождя, припасали сено коровам. Домашним коровам рвали сор на огородах и сушили. Был голод, но даже с земли нам не разрешали собирать горох, если мы собирали, то прятали его. Зимой были посыльными в сельском Совете. После войны работала в колхозе. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 718

Из воспоминаний А.Е. Овсянниковой, 1929 года рождения, уроженки с. Паревка Инжавинского района

2003 г.

[...]*. У нас всегда в доме народ собирался поболтать, и все говорили про войну. Думали, может, до нас она не дойдет. А тут стали приходить повестки то в один дом, то в другой. Сперва пожилые мужики уходили, опосля стали забирать все моложе и моложе. Маманя стала волноваться, ведь Ванятке пошел шестнадцатый год. Один раз к нам пришел военный и сказал, чтобы завтра Ванятка с вещами пришел в сельсовет. Сказал, чего надо взять на первый случай. Маманя закричала, я тоже, а военный успокаивал. Он говорил, что его берут не на войну, а он будет окопы копать и на заводе оружие делать. Когда он ушел, мы долго кричали. Маманя и кричала, и собирала ему мешок. А класть дюже нечего было. Из своей юбки, в какой она на праздник ходила в церкву, маманя сшила трое трусов, соли немного положила от цинги, а еще чего – не помню. И утром повела его к сельсовету. Я увязалась за ней. Это уж и я помню. Народу-то была много. Ребяток собрали молоденьких, какие были хоть по росту подходящими, а какие дюже маленькие да щупленькие. Чего они могут сделать! Никого не спрашивали. Вышли из конторы какие-то люди, милиционеры и сказали: «Прощайтесь...» Крику было – жутко вспоминать. Посадили их на машины и увезли. Мы с маманей остались одни. Маманя кричит, и я кричу. Из каждого дома кто-никто, а ушел на войну, а в некоторых домах по два-три человека.

Тут стали приходить в село похоронки. Выйдешь на улицу – то в одной стороне кто-то воет, то в другой кричит в голос. Каждый дом теперь стал ждать похоронку. От Ванятки уж полгода ничего не приходило. Маманя вся поникла. Все стало падать из рук. Она стала задумываться. Бывало, начнешь с ней говорить, а она все молчит и молчит и смотрит в окно. Где кошка прыгнет – маманя к двери, ей думается, кто-то идет. Мне стало страшно с ней. Как только у нее появится свободное время, она становится на колени перед иконами и молится. И я с ней становилась рядом. Иногда я на коленках засыпала. А потом Ванятка прислал письмо. А мы так обрадовались, потому что адрес был писан Ваняткиной рукой: значит, жив. Но когда мы его прочитали, радости было мало: в одном из боев ему оторвало ногу, он долго лежал в госпитале. Но он просил нас не волноваться, сейчас он поправляется. Маманя покричала, покричала, и стали мы с этой бедой смиряться.

После войны у него характер сильно изменился, он стал нервный и горячий, все не так-то ему, все не по нем. [...]*.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 719

Из воспоминаний А.Т. Рожновой, 1929 года рождения, уроженки д. Ракитино Ржаксинского района

2006 г.

[...]*. В 1941 году началась война. Бывало, едет верховой по селу, повестки мужикам развозит. На фронт брали мужчин, начиная с 17 лет до 60-летнего возраста. От колхоза брали лошадь и мужчин отвозили в район, а с района забирали в разночинье, куда их посылали – никто не знал. Каждый день забирали на войну, провожали всей деревней, крику было много. Ведь оставались одни дети, женщины и старики. Девушек брали на трудовой фронт копать окопы, наваливали большую кучу земли, чтобы танк не смог проехать. Нас, конечно, не брали на окопы, брали тех, кто был постарше. Мужчинам в армию сушили и собирали сухари на первое время.

Если кто раненый придет с фронта, то встречали всей деревней, бежали, спрашивали: «Ты нашего не видел?». Да разве мог он там кого видеть, всех разбросало кого куда. Когда с фронта отступали солдаты, размещать их приходилось во всех дворах, у кого было место. А их надо было накормить, напоить, и тогда мы ходили в колхоз за едой. А утром командир стучал по окнам, чтобы солдат собрать на построение.

На фронт колхозники сдавали картошку, вязали варежки, носки солдатам. В ответ приходили не все, более половины – да какой там! – даже 2/3 не возвращались назад.

Когда началась война, отец ушел на фронт, и с этого времени я перестала ходить в школу, стала работать в колхозе, чтобы прокормиться.

В семье было два старых человека, дед и бабушка, которые не могли работать по состоянию здоровья. Как я говорила, ростом я была очень высокая, хоть мне и было 12 лет. Из-за своего роста работать приходилось тяжело и трудно, везде, где заставляли, и на возраст скидку не давали. Ответственности за нас никто не нес, никому мы были не нужны, говорили: «Война все спишет».

Работали мы за трудодни. Осенью и весной работала в поле плугочистом на тракторе ХТЗ. Работать было очень тяжело, пахать приходилось и днем, и ночью, плугочист сидел на плуге, и когда плуг забивался, его чистили. Из-за длительной и утомительной работы порой засыпала за плугом. При вспашке зяби не хватало тракторов. Поэтому зябь пахали на волах и на лошадях. На лошадях пахать было легче, чем на волах, так как волы были медлительные и упрямые. Ляжет вол на землю – и не поднимешь. Иногда в соху впрягали и людей по 2-3 человека из-за нехватки тракторов и лошадей.

Летом работали в поле на прополке проса, ржи, кориандра, пшеницы. В уборочную страду во время покоса вязали снопы. Косить детей не заставляли, потому что очень тяжело, а взрослые косили рожь, пшеницу,

ячмень крюками. Крюками работать было очень тяжело. Крюк представлял собой косу, а повыше косы было сделано в виде граблей для подбора жнивья. Поэтому после укуса крюком почти не оставалось травы, не было потерь зерна и соломы. Затем забирали скошенные рядки и вязали снопы. После обмолота зерно возили на станцию на лошадях. Зерно насыпали в мешки, которые приходилось таскать перед собой.

Время было тяжелое. Света не было, использовали керосиновые лампы или коптилки (наливали на блюдечко растительное масло или жир, из ваты делали фитили и поджигали). Обычно коптилки вешали на крючок, который располагался в центре комнаты. Огонь добывали еще и так. Брали камень и гладкую железку и между ними клали ватку, чиркали между собой, получалась искра, от которой загоралась ватка, от нее поджигали керосинку, печь.

Воду мы брали из колодца. Один колодец был на 5-6 хозяев. Чтобы помыться, делали так: брали золу из печки, на ведро вешали тряпку, клали золу на тряпку и кипяченой водой промывали. То, что оставалось на дне ведра – это и была щелочь. Взрослые купались в хлеве, где находилась скотина. Это было летом. А зимой маленьких детей купали в русской печке, так как в доме было холодно.

Чашки, плошки – все делали сами. Еду хранили в погребе: огурцы, капусту, помидоры. Все солили в кадушках. Весной рубили снег – в это время он был плотным – и опускали в погреб, чтобы в погребе было холодно.

Не всегда хватало еды до нового урожая. Во время войны из-за нехватки муки пекли лепешки из картофельных очисток, добавляли в муку лебеды (собирали зерна лебеды и их перетирали в муку) и добавляли горсть муки ржаной. Весной собирали картошку с огорода, оставшуюся после уборки, которая наполовину была гнилой, но все равно в эту картошку добавляли муку и пекли лепешки. Летом варили похлебку из крапивы, щавеля. Жмых для нас был вместо конфет.

В домашнем хозяйстве были две овцы и корова на три двора, куры. Хозяйство было маленьким из-за того, что нечем было кормить животных. Зерна не хватало семье, не говоря о животных.

С одеждой у нас тоже было плохо. Телогрейка была одна на 2-3 человека. Зимой носили валенки. Было такое, что задники валенок были худыми, приходилось набивать в задники солому, чтобы не попадал снег в них. Одежду, как могли, перешивали из старых вещей. Летом было легче одеться, чем зимой. Ткали на станках дерюжки, из них шили одежду.

Летом и весной собирались на «пяточках», плясали, пели под гармошку и балалайку. Зимой катались на деревянных санках, которые были не у всех. У кого не было санок, делали из коровьего помета на морозе, и мы на них катались. В то время зимы были морозные и снежные. Зимними вечерами собирались с подругами в домах, вязали носки, варежки, сидели вокруг пятилинейной лампы.

Праздновали ли церковные праздники, постились ли? Во время войны пост был в каждой семье почти круглый год, так как мяса было мало. Яйцо к

Пасхе было не в каждом дворе. На Рождество вставали рано, пекли блинчики, пышки и угощали христовцев, которые бегали по дворам и славили Иисуса Христа. На Пасху мать заставляла нас разносить молоко тем, у кого не было. Все было в то время скромно.

После войны работали и жили тяжело. Все население, каждый дом, обкладывали большими налогами. Но все знали, что после войны все кругом разрушено, и надо строить и восстанавливать заново. Когда пришли с войны мужчины, работать стало легче. В то время приезжали вербовщики и вербовали на работу. Посылали на стройку или добыть торф, ведь надо было чем-то топить печь дома. Торф сначала копали, сушили, рубили плитами. Работа была трудоемкая, тяжелая. Возвращались люди с торфа больными.

Как относились к Сталину? Пусть в наше время Сталина не все любят. И несмотря на то, что и в то время его боялись, я отношусь к нему с уважением. Он карман свой не набил, ходил в одном кителе. И дети его не были богатыми. И войну всю прошел, не ходил с протянутой рукой. Да, он держал в руках очень строго, но все были дружные: Украина, Белоруссия, Грузия. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 720

**Из воспоминаний Т.И. Санталовой, 1930 года рождения,
уроженки д. Каширка Инжавинского района**

1995 г.

[...]*. Жизнь была тяжелой, работали за трудовень, нам ничего не платили – ни копейки, ни куска хлеба. Если не выработаешь трудовень, судили. Голод заставлял матерей из-за детей насыпать в карманы рожь или горох на суп хотя бы. Если ловили, то судили. Дети собирали колоски по скошенному полю. Если поймают, то отбирали и секли кнутом. Особенно догоняли меня, потому что не было отца, и он остался врагом народа. Во время войны начальники были коммунисты. Они сажали в тюрьму самых лучших людей. Они называли меня «вся в отца». Учиться мне очень хотелось. Однажды я пришла полубосая в школу. Были сильные морозы. Учительница молодая была. Ноги мне надо было снегом растереть, а она меня в «голландку» теплую. Ноги с пару и согрелись. Она со мной вместе плакала. Учительница пришла к нам домой и просила не пускать меня в школу. Судьба жестокой бывает, но русские люди сильные, очень выносливая нация. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

№ 721

Воспоминания М.Е. Головиной, 1932 года рождения, уроженки Староюрьевского района

2002 г.

Мне в начале войны не было и десяти лет. Помню до сих пор, как провожали на фронт отца. Он был призван одним из первых. До сборного пункта в районном центре Староюрьево призванные шли пешком 16 километров. Я с матерью провожала отца от с. Казанки*, где мы жили, до с. Большая Дорога (3 км). Отец нес меня на руках и все приговаривал: «Манечка, я скоро вернусь». Но видели мы с матерью его в последний раз. Потом были письма с фронта, последние пришли из-под Сталинграда. После Сталинградской битвы пришло известие о том, что Головин Егор Егорович пропал без вести.¹⁰⁴ Долго не верилось, что отец погиб, ждали вестей от него во время войны, ждали его после войны, но так больше никогда сведений не было.

Из троих оставшихся детей я была старшей, и мать на меня во всем полагалась. В селе к семье пропавшего без вести относились с сочувствием. Егор Егорович оставил о себе хорошую память, его уважали и помнили. В свое время он возглавлял комитет бедноты, но никто никогда ничего худого о нем не сказал. Он был честным человеком и никогда не пользовался своим положением. «Классовых битв» в селе не наблюдалось, все были практически одинаково бедны. У всех были «кизяковые» избы, крытые соломой.

В войну дети вместе со взрослыми работали в колхозе. В мае занятия в школе прекращались, и весь летний и осенний сезон до конца октября школьники помогали взрослым, работая каждый день. Платой за работу, как и взрослым, была запись о количестве трудодней, за которые в конце сезона выдавали совсем немного какого-нибудь зерна. Оплата это была чисто символическая. Выживали лишь благодаря тому, что соберут с приусадебного участка. Хлеба и картофеля никогда не хватало. Мы выжили в войну лишь благодаря тому, что в хозяйстве была корова. Денег у колхозников не было совсем. Чтобы что-то купить – кусок ткани или какую-то обувь – собирали сливки, сбивали масло и несли по воскресеньям в район на базар. Яйца тоже сами не ели, а отдавали на базар. За какое-то время удавалось собрать весьма скромную сумму денег, за которую можно было что-то купить.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Так в документе. Правильно – с. Казанское.

[...]**. Во время войны всех семилетних детей обязывали вязать двухпалечные варежки и в посылке отправлять.

В избе полов не было, солома одна. Спрыгнешь с печки зимой водички попить, а она замерзла, и опять на печку под одеяло. Одно спасение печка и была.

Бабушка из сарафана своего сшила мне платье, а дедушка подошьет одни валенки, и семь человек мы их по очереди и носим.

Нам даже не хватало травы для еды. Однажды я несу мешок с клевером, а директор Деречинский меня спрашивает: «Ты чего несешь?». Я говорю: «Дикий клевер. Нам бабушка из него пышки делает». Он говорит: «Давай я тебя подвезу, тебе тяжело». Подъехали к дому, бабушка вышла навстречу, а я говорю: «А это моя бабушка». А директор взял мою маму и повез на отделение. Бабушка начала на меня ругаться – она думала, что маму арестовали. А директор дал маме овсяной крупы и муки немного. С его помощью до хлеба и дожили.

За клевер даже дрались. Ходили за ним за 7-9 километров. Кто найдет – тот зимой и спасется. Начальство были одни идиоты, особенно свои «права качали». Яйца не дашь – конфискация, мука стоит в горшочке – и сразу отбирают, если овцы есть – отдай 100 килограммов. Самоуправство было страшное.

Церкви все порушили. Только в Моршань-Лядовке церковь спас Алеша-дурак. Набрал камней и жил рядом с церковью, и кто из них подходил к церкви, он давай в них камнями кидать. А его стрелять нельзя – он глупой. Ребятишки ему помогали, а наши деревенские его кормили.

Бабушка про Сталина всю жизнь говорила: «Это сатана в сапогах, он не наш – туземный сатана. Ленин в ботиночках всю дорогу, а это прет прямую».

Председатель наш, чтоб его на фронт не взяли, себе иголками раскаленными пятки прокалывал. Все бабы на него работали, как на помещика. Жена его только еду готовила. А так и полы мыли, и вязали, и валенки валяли бабы. У него волки его овец погрызли, а он сказал, что колхозных, а колхозных себе забрал.

Как началась война? Уполномоченный приехал и объявил войну. Враз мужики стали понурые. Кого враз взяли, кого на уборочную оставили. Отца забрали прямо с комбайна, привезли его домой, он умылся, а машина уже ждет. Уже в сентябре 1941 г. эвакуированных наслали. Дядю Ваню убили¹⁰⁶, похоронку прислали, все плачем. Газет и радио не было. Уполномоченные приезжали и сообщали нам, что делается.

В 1943 г. папу ранили, он попросился в Инжавинский госпиталь. В 1944 г. нам прислали, что он без вести пропавший. Сколько крика, слез было! А его под Белгородом*** ранили, он в госпитале лежал до июня 1945 г. Домой пришел на костылях. Осколки мы из него до 1946 г. вынимали. Он нам из госпиталя письмо прислал, а я по деревне с письмом этим бегала, кричала: «Папа наш жив!».

Во время войны бабы снопы вязали. Бабушка махорку делала и в посылке отправляла. В 1944 г. прислали нам раненого с фронта учителя. Он нас всех обучал, всех вместе собрал – и семилетних, и старше. Военная дисциплина в школе была.

Перед победой говорили, что войне скоро конец, а потом приехали верховые и оповещали. Не столько радости, сколько слез. Мужиков нету. С деревни 22 человека брали, а вернулось только 5 человек.

Пленных немцев нагнали полно. Крестная на них готовила, а сама говорила: «Паразиты, я их видеть не могу». А им масло выдавали. [...]**.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Запись произведена внуком В.А. Шуняевым.

** Опущены воспоминания о жизни в предвоенные и послевоенные годы.

*** Так в документе. Следует читать – Белградом.

№ 723

Из воспоминаний М.И. Тюриной, 1934 года рождения, уроженки д. Малиновка Рассказовского района

1993 г.

[...]*. С первых дней войны отец ушел на фронт. Мать ухаживала за скотиной (была и конюхом, и свинаркой, и дояркой), была звеньевой полеводческой бригады. Работали за трудодни (один трудодень – 100-200 гр. зерна). Мама, Е.А. Кочергина и А.И. Давыдова считались передовиками. Во время уборочной брали по 1 га зерновой площади (в основном ржи) и выкашивали вручную, за что получали премию – 3-5 кг зерна. Мама находилась на колхозной работе с темна до темна, все хозяйство было на мне и на брате. Кроме этого помогали маме: она косила, а мы вязали снопами и складывали в копны.

Во время войны в колхозе не хватало скотины. Очень мало было лошадей. Был голод. Ели траву, жмых. Из лебеды, свекольника пекли пышки, варили щи. Нечего было есть самим и кормить скотину. Не хватало рабочей силы. Одни старики, женщины и дети. В это время было очень много волков. Нападали на одиноких коров, овец, лошадей и даже собак. Я помню, был такой случай. Волки загрызли лошадь. Люди ее отбили и мясо раздали на трудодни. Человек 10 умерли с голоду. Больницы не было. Была 4-хклассная начальная школа.

Колхозное поле обрабатывалось своими коровами. После уборки урожая многие ходили собирать колоски. За это избивали и отдавали под суд. За этим следили уполномоченные, которых присылали из района в колхоз.

Зимой было очень много снега. Часто дома заваливало до крыши, невозможно было выйти из дома. Кто первый вылезал, откапывал остальных соседей.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Опущены воспоминания о жизни в предвоенные годы.

№ 724

Воспоминания М.Г. Филатовой, 1934 года рождения, уроженки с. Иноземная Духовка Тамбовского района

2000 г.

Война началась, когда мне было семь лет. Помню, как принесли повестку отцу. Жизнь началась тяжелая, огороды копали, под скрябку (лопату) сажали картошку, если соха, то везли ее все. Сеяли просо, рожь, сажали огурцы, помидоры и т. д., собирали прелую картошку и варили, пекли из лебеды, крапивы и щавеля пышки (кашку толкли в муку), опухали от голода. В доме спали на полу – матрац, набитый соломой, а также стелили тряпье. Была корова (но не у всех она была). Ходили собирать колосья, мололи их. Сладкое не ели. Бывало, из сахарной свеклы нарежут колесики, засушат и пили чай. Топку таскали мешками, отмерзали зимой на салазках.

На работу пошла рано, с 10 лет. Полола горох, просо. Вставляла палочки в землю, чтобы стебли не падали. Вся жизнь хорошо не прошла. Налоги облагали молоком, яйцами, маслом, сдавали не все, чуть-чуть оставляли себе. В 16 лет работала на болоте – резали торф. Ходила в школу, закончила полтора класса (не было средств). Одежды шили холстяные, башмаки были на деревянной подошве.

Все доставалось очень тяжело. Собирали «кружки» (лепешки). Ставили под тачан, варили в чугунах на кашеварке на улице, спичек не было. Увидим, у кого засветится огонек – шли. Огонек ложили в банку – так и разжигали.

Почитали все праздники – Пасху, Троицу, Рождество и т.д.

Зимой носили валенки – были на двоих. Менялись одеждой, работали на болотах в лаптях.

Мясо не ели. В школе сидели на лавках, кормились тыквенной кашей, солянкой. Полы в доме да и везде были не крашены, лазили на печку. Помню, как училась вязать.

Война кончилась, давали пайки (мука кукурузная, фасоловая мука). Пришел Маленков – стали хлеба давать больше.

Жили, росли, работали. Так ничего хорошего и не видели.

Война закончилась, все радовались, но мой отец погиб на войне в 1944 году.¹⁰⁷

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

№ 725

Из воспоминаний Л.И. Моториной, 1937 года рождения, уроженки д. Паревка Инжавинского района*

1993 г.

Во время войны жили мы в Сергиевке**. Это совсем рядом от Инжавино, километра три. [...]***. Как война началась, я не помню, может, из-за возраста – мне пяти лет не было. Когда отца забирали, Коли еще не было, он в январе 1942 г. родился, и потом все отца признавать не хотел, когда его демобилизовали. Говорил: «Зачем чужой пришел? Мы будем папу своего ждать».

Папа, Иван Андреевич, сначала на военных курсах шифровальщиков несколько месяцев был, потом его на фронт послали. Служил он где-то в штабе. Рассказывал, что за войну немца только один раз видел, в лесу: наших несколько человек было, а немец мертвым хотел притвориться, его стукнули, он и ожил. В марте 1943 г. под Харьковом отец в окружение попал. Вышли вместе с помощником. Тогда он ноги обморозил, но не сильно. Ранений за войну не имел. Один раз, может, и два отец в отпуск приходил, когда их часть с фронта в Башкирию послали на переформирование. Помню, он отрез на платье привез...

Мужчин почти всех в армию забрали. Может, я тогда маленькая была, но кроме школьного учителя Алексея Павловича и не видела никого.

Во время войны мама, как и все женщины, стала работать в колхозе, хотя дети совсем маленькие были (другие, правда, может, больше работали). Техники и лошадей не было. Пахали на коровах, в том числе на своих, у кого остались. Всю работу делали женщины. И пахали, конечно, тоже они. Коров у большинства людей в колхоз забрали, и от труда они умирали. У нас корова осталась, черная с белым. Отец на войну когда уходил, говорил: «За корову держитесь, а то детей кормить надо». Корова, конечно, от работы тощая была, молока мало давала, но, все-таки, она нас спасала. Траву для нее (а трава тогда высокая была) по речке собирали. Был у нас еще огород в 25 соток – в основном, картошку сажали.

Из того, чем питались, запомнилось почему-то кислое молоко (его мы любили) и картофельные оладьи. Оладьи я не любила и тайком складывала за печку. Как-то раз мама на этот «склад» наткнулась и нагоняй мне устроила.

Отец с фронта несколько раз свой паек присылал. Там были сахар кусковой, изюм, чернослив, еще что-то. Это было праздником. Присылал он, кажется, и деньги. Мы, в общем-то, во время войны жили еще не совсем плохо. Многие ели тогда лебеду. Тетя Полина победнее жила. Она

рассказывала, что у них в Ольховке люди с голода опухали и умирали. Кто-то даже из ее маленьких братьев или сестер тоже умер.

Зимой стояли холода. Окна заметало снегом, и в доме было темно, потому что мама только ход расчищала. Не помню, чтоб на койке спала – все на печке сидели, грелись. За дровами мама вместе с тетей Дашей ходила с салазками в лес, километра за три, очень уставала. В сенцах у нас были навалены коренюшки от подсолнечника – ими тоже печку топили.

Несколько раз к нашему дому какие-то люди приходили и запугивали: «Коммунисты есть? Твой муж коммунист?». Этих людей, а они еще к кому-то приходили, народ, кажется, «черными котами» называл. Мама боялась и от страха плакала. Сообщать она никуда не стала, а только с сестрой разговаривала. Отец, когда на время с фронта пришел, старался маму успокоить. [...]***.

Уходили во время войны и на трудовые работы. Сестру мою двоюродную забирали на торфоразработки в Платоновку, если память не изменяет. Идти она не хотела и потом оттуда убежала. Ее забрали и посадили на полгода, а то и больше.

Во время войны я в Сергиевке** в школу пошла. В школе детей было мало и только один учитель, Алексей Павлович. В одной комнате 1-й и 2-й классы сидели, в другой – 3-й и 4-й. Учитель из комнаты в комнату ходил. Тетрадей не хватало.

Помню, как папа с войны пришел. Отцовская часть войну раньше кончила, чем Берлин взяли, в Румынии, и потом под Одессой размещалась. Отпустили их не сразу, в сентябре, кажется. Я сидела в классе и вдруг в окно вижу – человек в военной форме прошел. Узнать я его не узнала, но как будто почувствовала, и говорю подруге: «Это мой папа прошел!». Тут Алексей Павлович входит в класс: «Лида, тебя вызывают». Я вышла, отец меня на руки взял.

Хотя некоторые люди с фронта вещи разные привозили, у папы ничего такого не было. Запомнила только, что он две губные гармошки привез Коле и племяннику. [...]***.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Запись произведена И.Н. Кирсановым, студентом ТГПИ.

** Так в документе. Правильно – Сергиевское.

*** Опущены воспоминания о жизни в предвоенные и послевоенные годы.

№ 726-729

Воспоминания эвакуированных в Тамбовскую область

1992-2005 гг.

№ 726

Из воспоминаний В.С. Протасовой, 1917 года рождения, уроженки с. Верхняя Колыбелка Воронежской губернии, об эвакуации в Покрово-Марфинский район Тамбовской области*

1992 г.

[...]**. 1941 год словно огрел нас обухом по голове. По молодости мы как-то не задумывались о том, что может быть война и тем более, что она коснется нас. Неудивительно поэтому, что война стала для нас такой неожиданностью. Сразу везде появились лозунги, призывы трудиться, чтобы приблизить победу. И трудились, как каторжные.

В октябре 1941 г. начались налеты немцев на Воронеж. Бомбежки. Ребенку в это время 2,5 года¹⁰⁸. Муж¹⁰⁹ заканчивал институт и оставался на казарменном положении. А я выехала к родственникам на Тамбовщину. Эвакуировалась. Что пришлось претерпеть в пути! До Мичуринска с одной семьей военного доехали на машине, затем на несколько дней поселились в его семье. Хотели передохнуть чуть-чуть, а завязли на месяц (грязь, дожди). «Помогли» этой семье съесть все, что у них было. Правда, в совхозе нам выдавали в день по краюшке хлеба (примерно 300 г).

Затем за мной приехала сестра, и мы в жутчайшей давке, в товарном вагоне ехали, вернее, тащились от Мичуринска до Тамбова 11 часов. Билеты еле взяли. Дикое количество народу. Вся железная дорога забита: в основном, эшелоны, эшелоны.

До места добирались без продуктов, ничего нельзя было купить. Сначала мы (конечный пункт у нас был Покрово-Марфино) остановились в Новосельцево, что в 30 км от Тамбова, у знакомых. Там для дальнейшего пути наняли лошаденку, а ее ветер валяет. Едем на повозке. Лошадь падает, тощая. И мы передвигались следующим образом: один взрослый едет с ребенком, остальные рядом идут пешком. Потом взрослые менялись. Так и добрались до Покрово-Марфино, где прожили 10 лет.

Муж воевал на Северном фронте, затем учился в аспирантуре, а мы все жили в деревне. В Тамбов переехали в марте 1950 г., там прочно обосновались.

Когда умер Сталин, мы все откровенно плакали. Но муж знал ему цену, и долго не мог простить моей сестре, что она буквально рвалась в Москву на похороны вождя.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Запись произведена внучкой О.Л. Протасовой.

** Опущены воспоминания о жизни в предвоенные годы.

№ 727

Из воспоминаний Т.П. Манухиной, 1919 года рождения, уроженки г. Ржев Тверской губернии, об эвакуации в г. Тамбов*

[...]**. В 1940 г. я вышла замуж за военного авиатехника. Когда началась война, я была беременна, и только эта причина помешала мне идти на фронт или в партизаны, т.к. я и все мои сверстники, да и все люди были патриотами. Все от мала до велика стремились защитить Родину и изгнать фашистов с нашей земли.

Моего мужа вместе с военной частью в первый день войны отправили на фронт, а жен военнотружущих эвакуировали. Я не поехала, т.к. была уверена, что немцы не дойдут до Ржева, потому что Ржев – «ворота в Москву». А получилось все иначе.

После того, как мужа отправили на фронт, я перешла из военного городка жить к своей маме в город. Сестра эвакуировалась в город Истру вместе с организацией, в которой работала.

Примерно в сентябре 1941 г. Ржев стали бомбить. Как только начались бомбежки, мы сшили мешочки, куда положили документы и деньги, и носили их на шее всегда, даже спали с ними. Во время бомбежки мы с мамой уходили из дома и прятались в канавах или в погребе.

11 октября 1941 г. на последних машинах от военной части, как жена офицера, я эвакуировалась с мамой из Ржева¹¹⁰. С собой мы не взяли никаких вещей, кроме одной смены белья. Все вокруг горело. Прямая дорога на Москву была отрезана. Поэтому мы выехали до города Зубцова, затем вернулись в Ржев, т.к. немцы уже высадились в Зубцове. Мы поехали в Москву другой дорогой. Мы ехали под сплошным огнем фашистов – бомбили, не переставая. Мне пришлось прыгать с машины прямо в канавы много раз, несмотря на то, что я была беременна (5 месяцев).

Мы доехали с мамой до города Истра, а потом через Москву поехали в Тамбов к родителям моего мужа. Сестра мужа помогла мне устроиться на работу в областной Госбанк делопроизводителем.

20 декабря 1941 г. у меня родилась семимесячная дочь Лариса. Из-за того, что я бежала из Ржева под бомбежками, она постоянно вздрагивала, в общем, была очень нервная.

В Тамбове войны почти не чувствовалось, бомбили всего два или три раза.

В феврале 1942 г. я переехала вместе с сестрой мужа в Сосновку – ее назначили управляющим банком. Я устроилась работать счетоводом в заготовительную контору. Там же я научилась бухгалтерскому делу благодаря бухгалтеру, который частенько запивал, и мне приходилось за него выполнять работу.

Дочка моя часто болела – отразились бомбежки. Местные старушки посоветовали ее окрестить. Я долго этому сопротивлялась, т.к. была убежденным атеистом. Но болезни дочери заставили меня пойти на попятную. Я попросила свою маму, которая присматривала за дочерью, когда я уходила на работу, чтобы она пригласила священника, и Ларису окрестили дома. Мама выполнила мою просьбу: дочку окрестил местный священник в

опарнике¹¹¹. Когда я пришла с работы, то дочка воскликнула: «Мама, мама! А мне батюшка крестик дал!».

Надо сказать, что сейчас я верующая, хожу в церковь, но посты не соблюдаю, т.к. я постилась всю войну и даже больше. Жили мы впроголодь. Именно в Сосновке я узнала, что такое за еда – каша-«сливуха» (пшено с картошкой варится вместе). Я эту кашу полюбила, т.к. картошка делает пшенку нежной, и можно есть без молока и масла, которого мы не видели. Но, т.к. я была женой офицера, то военкомат оказывал мне помощь и деньгами, и вещами.

После окончания войны я долго разыскивала своего брата, который прошел всю войну. Он нашего адреса не знал, а мы с ним связь потеряли и нашли его уже в 1952 г.

Война разбросала нашу семью по всей стране. Сестра стала жить в Закарпатье, а брат, как выяснилось, оказался в Молдавии. О судьбе своего отца я узнала после войны – он погиб во время блокады Ленинграда. [...]**.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Запись произведена С.Г. Павловой.

** Опущены воспоминания о жизни в предвоенные и послевоенные годы.

№ 728

Воспоминания Т.И. Колесниковой¹¹², 1924 года рождения, уроженки г. Одесса, об эвакуации Кардымовского детдома из Смоленской области в Тамбовскую область

2 июня 2002 г.

Я хорошо помню это тревожное июньское утро 1941 года, когда к нам в детский летний лагерь приехал сотрудник местного райвоенкомата, который принес тревожную весть: «На нашу Родину напала без объявления войны фашистская Германия. Началась война. Немецкие самолеты бомбят Киев, Минск, Севастополь, Смоленск. Лагерь приказано срочно закрыть, всех детей эвакуировать, в Кардымово в свой детский дом вам возвращаться нельзя, там немцы».

Нам было предложено быстро собрать свои вещи и организованно двигаться в сторону Сухиничи [ныне] Калужской области. В свои рюкзаки мы собрали все необходимое: мыло, полотенце, хлеб, сало, консервы. Решили забрать с собой и переходящее Красное Знамя Кардымовского детского дома. Знамя – красивое, бархатное с золотыми буквами «Лучшему детскому дому РСФСР». Чтобы вывезти и сохранить знамя Коля Барановский – высокий, худощавый мальчик – разделся до трусов, обмотался знаменем, потом оделся.

Распрощавшись с лагерем, мы двинулись в путь. Мы – это примерно 170 человек детей разного возраста и шесть человек взрослых (вожатые,

воспитатели, повар). Вел нас Назарий Кузьмич Иванов – наш музыкальный руководитель, участник гражданской войны.

Выйдя из лагеря, мы пошли по направлению к селу (название не помню), где на берегу реки находился какой-то Дом отдыха. Перед рекой был большой луг. К переправе шла колонна солдат и танкетки. В небе появились самолеты со свастикой на крыльях, начали стрелять из пулеметов по селу и переправе. В парке стояли зенитки и вели огонь по немецким самолетам.

Мы шли легко одетые. Стояла жара, вели малышей. У нас своих маленьких ребятишек – учащихся 2-го и 3-го классов – было человек 60. Вдобавок из Ельнинского детского дома в наш лагерь привезли 5 детей. Из Смоленской больницы привезли Сережу горбатенького. У него были очень большие два горба, и он мог ходить, только опираясь руками на коленки. И мы, как правило, носили его на руках. И еще к нам привезли двух девочек девяти и пяти лет. Их мать, военврач, плакала, просила спасти ее детей. Ее муж, отец этих девочек, летчик, погиб. В нашем сборном коллективе еще были две воспитательницы и тетя Мотя – официантка.

Мы шли к переправе. Вдруг из-за леса появился самолет и сбросил бомбу, и наша переправа взлетела в воздух. И нам через речку пришлось переправляться вплавь. Чтобы не потерять малышей, Назарий Кузьмич разделил детей на десятки. Замыкали колонну старшие мальчики. Мне в ту пору было 16 лет. Таких, как я, по возрасту в лагере было человек двенадцать. Малышей-мальчиков было человек 80. Через луг мы переправлялись ползком по-пластунски. В чем были, вошли в воду и начали переправлять малышей на тот берег, ведь они не умели плавать. Река в этом месте была не широкая, но быстрая. На том берегу рос густой кустарник, а за ним лес. Деревья большие с густой кроной. Лес укрывал нас всю дорогу. Над лесом периодически появлялись немецкие самолеты, стреляли из пулеметов. Листья от пуль сыпались дождем. Так мы шли по лесу, останавливаясь в лесных поселках и кордонах. На третий день мы шли уже спокойнее. Мальчики раздобыли где-то велосипед и везли на нем Сережу горбатенького. А пятилетнюю Наточку Башинскую мы несли посменно на руках, а остальные шли, слава Богу, сами.

Так мы добрались до Сухиничей. В Сухиничах нас снова обстреляли с вражеских самолетов. Наконец, самолеты улетели, и мы пошли на станцию. Нас тут же стали рассаживать по вагонам.

Состав был очень длинный, людей масса. На станции Коробец наш эшелон обстреляли с самолета. Люди кричали, проклиная фашистов. Через два дня тяжелого изнурительного пути поезд остановился на станции Мичуринск. Дети вышли из вагонов. Нам подали две подводы, на которые мы погрузили свои вещи: обувь, одежду, продукты питания, посуду, переходящее Красное Знамя. Сопровождал нас дядя Федя Перегонцев (ребята в нем души не чаяли).

Мы гордились, что спасли наше очень красивое Красное Знамя. Из Мичуринска нас привезли в Екатеринино Никифоровского района. Там нас

поселили в здании начальной школы, в которой мы прожили до сентября 1945 года. Из Екатеринино несколько ребят были отправлены на родину, в Кардымово Смоленской области. Один ученик, окончив среднюю школу, связал свою судьбу с военно-морским флотом, стал командующим Балтийским флотом.

В октябре 1945 года большинство детей переехали в Сосновку в детский дом, которому было присвоено название «Кардымовский». Там я проработала 25 лет.

Советская власть, школа, учителя воспитали детей-сирот, все они получили соответствующее образование.

Колю Барановского усыновила летная часть, он стал летчиком.

В 1942 году в наш детский дом из Курской области привезли детей, родители которых погибли от фашистов. Среди них были два брата Леня и Валя Катырины, на глазах которых фашисты повесили отца и мать, а дом сожгли, Леню немцы били прикладом.

Была у нас в детском доме девочка Галя, которой дали фамилию Минутка. Ее нашли в 1941 году на Минском шоссе в разбитой машине отступающие солдаты. В машине все взрослые были мертвы. Живой осталась только одна эта малютка Галя. Учиться она не могла, все плакала и плакала. Ее у нас взяли.

Был в нашем детском доме мальчик семи лет из Гомеля, который чудом спасся от расстрела, когда на опушке леса немцы расстреливали из автоматов евреев. Мальчик упал в канаву, в высокую траву и уполз. Его мать с грудным ребенком на руках, сестер, братьев, дедушку (всего 9 человек) расстреляли, а он остался живой. В канаву, в траву столкнул его дедушка, сказав внуку: «Ползи и не оглядывайся». Оставшись один, мальчик, голодный, холодный, несколько дней прятался в кустах, его нашли партизаны и спасли его.

Ваня Яшечкин, сын погибшего летчика, окончил среднюю школу с золотой медалью, учился в институте международных отношений. Феликс Кавалевский, один из тех малышей-первоклашек, стал кандидатом технических наук, работал инженером Саратовского газпрома, потом работал в Омске. Юра Медведев стал тоже инженером. Сестры Афанасьевы окончили Тамбовский государственный педагогический институт, стали учителями. Стал учителем физкультуры Станислав Собин. Володя Добронравов стал художником-дизайнером. Виктор Оскарович Мишинский стал доктором юридических наук, написал несколько книг, пьес, которые шли в театрах в Саратове, Свердловске.

ЦДНИТО. Текущий архив. Автограф.

Воспоминания Г.М. Васюковой¹¹³, 1927 года рождения, об эвакуации детдома из г. Рогачев Гомельской области БССР в Покрово-Марфинский район Тамбовской области

26 января 2005 г.

Где я родилась, точно не знаю, меня отдали в детдом, когда мне было 5 лет приблизительно. В детдом меня вез какой-то дядечка на извозчике. Я плакала, хотела домой к маме, но, увы, привезли в приют, где находились дети. Некоторых вечером забирали родители, а мы, безродные, оставались ночевать в холодном помещении. Спустя немного времени меня отправили в детдом г. Рогачев Гомельской обл. БССР. Там немного пожила, затем пошла в школу в 1-й класс, училась хорошо и вот, когда я закончила 5 классов (у нас учились с 1-го по 7-й класс), по окончании учебного года был вечер... И вдруг наши воспитатели забегали, мы не могли понять в чем дело, а потом от них узнали, что началась война.

И на третий день войны нас стали эвакуировать. Сказали: «Через три дня мы вернемся», но, увы, наш г. Рогачев стал уже к немцам близко. Мы слышали, как стреляли и бомбили, но у нас был опытный директор, он пришел из финской войны (но его потом взяли на фронт). И вот, когда мы ушли из детдома, то на нас были платья, а на мальчиках костюмы, ведь сказали на 3 дня мы уходим. Мы шли по 40 км в день, дойдем до леса – ночуем, а утром на рассвете нас будят, и мы опять идем подальше от фрицев. Если были случаи – до деревни доходили, и нас немножко подкармливали жители деревень. Когда мы отступали, нам велели жечь хлеб, рожь, пшеницу, чтоб фрицам не досталось. Шли машины с солдатами, мы просили нас подвезти, но они нас не сажали в машины потому, что боялись за нашу жизнь.

И так мы добирались холодные, голодные до Урала – это нам говорили наши воспитатели, которые были с нами. Помню, в Чечерске нас бомбили, и где бы мы не были, везде были страшные бомбежки. Нас примерно было 120 человек – два детдома, один директор, но я уже писала, что его забрали на фронт. И вот, подъезжая к г. Брянску (мы уже ехали в товарных вагонах, потому что в пассажирских поездах было запрещено детей вывозить), и вдруг над нами пролетел самолет, мы из люков начали выглядывать, обрадовались, думали, что это наш самолет, а этот самолет был замаскирован нашей звездой, а это был немецкий самолет. И он начал нас бомбить. Мы начали из люков выпрыгивать, кругом был лес, и что мы видели: люди, скотина все смешалось, скот бежал, у кого ноги, у кого кишки торчали. Вообще, было очень страшно, но когда железную дорогу отремонтировали, нас повезли подальше от фронта. Но когда настало утро, мы должны были завтракать, но оказалось, что наших пацанов нет, они были в другом вагоне, у них были продукты, хлеб, масло и 2 лошади, на которых везли по возможности слабых детей, и с ними находился завхоз. Когда стали вагоны отцеплять, то оказалось, что ребят от нас отцепили, когда обходчик обходил вагоны, то ребячий вагон повезли в другую сторону, так как у завхоза

торчала шуба из дверей вагона, то думали, что там овца, и их повезли ближе к фронту, и так нас разлучили. Мы, девочки, очень хотели кушать, но, увы, потом весь день мы были голодные, и все-таки нас разыскали. И радости не было предела. Мы немного перекусили и, слава Богу, поехали или пешком добрались до г. Тамбова. Умерло несколько детей от голода и всяких болезней.

В Тамбов мы добирались уже почти зимой, а мы ведь все раздетые. Тогда, помню, нас привезли на вокзал, накормили (борщ-вода, макароны), и мы переночевали ночь, а затем нас привезли в село Богословка Покрово-Марфинского района Тамбовской области. Был ясный день. Вышли все жители села, начали нас кормить и плакали, глядя на нас, раздетых, больных. Нагрели нам в бочках воды, и нас в бочки сажали по 3-4 человека, ведь мы уже скелеты тощие, больные, вшивые, золотушные, слепые (куриная слепота была), а затем, пока воду нагревали, из бочки горстями выбрасывали вшей, и затем сажали другую партию ребят. Принесли солому, на чем мы могли спать. Потом, если я кончила в Белоруссии 5 классов, то нас еще год учили в 5-м, но на русском языке.

Потом нас, но не всех, стали в г. Тамбов отправлять, это уже было в 1943 г., примерно в марте. Нам в г. Тамбове выдали документы, так как не успели взять из детдома г. Рогачева, а вообще точно не знаю. В ремесленном училище я начала работать в г. Тамбове слесарем. Мы сами ходили по заводу, искали железо 3-мм и вырубали петли, сами клепали. Вот в руках молоток и зубило, мне-то всего 16 лет, и под ногами ящик, чтоб достать верстак. Петли делали для ящиков, куда складывались втулки, их отправляли в г. Котовск, там начиняли порохом эти втулки, в ящики клали, отправляли на фронт.

Потом меня перевели болторезчицей, нарезала болты, всегда выполняла норму. Мы жили на территории завода, спали на двухъярусных койках. Ну, потом, повзрослев, вышла замуж, прожила 40 лет, имею дочь, сына, 3 внуков и 4 правнуков.

ЦДНИТО. Ф. 9291. Оп. 10. Д. 108. Л. 5-9 об. Автограф.

№ 730-732

Воспоминания работников сельских промышленных предприятий о военных годах

1992-1996 гг.

№ 730

Воспоминания А.П. Авершиной, 1920 года рождения, уроженки с. Тулиновка Тамбовского уезда

1996 г.

6 ноября 41 года меня перевели на завод из чулочного цеха трикотажной фабрики. В 1938, 1939, 1940 годах была стахановкой и ездила на слет стахановцев в г. Рассказово.

Из Витебска к нам эвакуировался завод. Он стал называться Тулиновский игольный завод. Делали гранаты, а заряжать возили в Котовск. Работали по 12 часов без выходных, без отпусков, без премий.

Директором был Шапиро Даниил Маркович, гл. инженер – Александрович, нач. штамповочного цеха – Пален, мастер сменный – Гудкин. Они – те, кто приехал – все были евреи. Парторг завода – Шкляр. Цивьян – контрольный мастер (очень строгий).

Дисциплина была очень строгая. Случаев прогулов у нас не было. Был другой случай. Васильев Владислав Ив[анович] своровал на заводе специализированные ботинки на деревянных подошвах, и за это был осужден на три года.

В магазине всегда стояла водка по 2,62 р., а никого не было пьяным на работе. Продуктами нас отоваривали. Давали яичный порошок американский (из него делали омлет). Муку привозили из Тамбова через Донское на салазках (каждый из дома приносил). Машины были газогенераторные, топились деревянными чурочками. Хлеб всю войну давали по 600 гр., иждивенцам по 250 гр., сахар по 400 гр. Хлеб стоил не дороже 16 коп. за кг*. Колбаса «конская» (9 руб.) лежала свободно в заводском ларьке. Были и пряники, и конфеты, и печенья, но их не на что было покупать. Вино белое, красное «Волжанка», «Яблочное» (99 коп.**), работала на разлив «чайнушка» на кургане (остров на пруду).

Записалась 14 сентября 1944 с Авершиным Константином Семеновичем. Посидели в тесном семейном кругу. Стол был накрыт порядочно, «себя не обидели». Муж работал в лесу, пилили дрова от госпиталя в Тамбове. В Тулиновке жили в землянках. Они приходили в клуб на танцы. Собирали «частные» вечера на квартирах. Туда нанимали гармониста (складывались по пятаку).

Зарабатывала я очень хорошо: за 12 часов (в день) – 1200 руб. (в месяц).

Завод работал от газогенераторной станции. Ее топили дровами. В селе света не было, были керосинки, «фитилечки». Окна на заводе плотно закрывались тряпками – маскировка. Пролетал несколько раз самолет с черными крестами над селом.

За дровами в лес ходили по очереди. Евреев не посылали. Они ничего делать не умели, были босыми. Зато тот, кто ходил в лес, получал бесплатный «стахановский обед» – лапшу ржаную, кусок хлеба, чай с сахаром. Но только тем, кто выполнял норму.

Были склады. Я стояла на посту несколько раз. В другой цех не имела право войти. На заводе работали только женщины и подростки. Мужчины работали только эвакуированные. Были и те, кто, якобы, ушел на фронт, а сами в «кадушке сидели». Один был в плену у немцев и работал полицаем.

Подростков в лес не посылали, но они работали 12 часов.

Госпитализированные солдаты жили на квартирах, если не хватало мест в землянках. Их начальники ходили и просили согласия нас. У нас жил один летчик, Белов, офицер. Если его не слушались, он заставлял солдат ползать по двору по-пластунски.

Я получала премии несколько штук за хорошую работу. Взысканий не было. Пилили в лесу по 10 м³ в день.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Так в документе. Правильно – 1 руб. 60 коп.

** То же. Правильно – 9 руб. 90 коп.

№ 731

Из воспоминаний З.Д. Чекалиной, 1921 года рождения, жительницы д. Большие Туляны Рассказовского района*

1992 г.

До войны с 1939 г. работала на прядильно-трикотажной фабрике г. Рассказово. Производили свитера, обувь, продукцию для армии. Моя месячная зарплата, как помощника мастера, составляла в 1939 г. 180 руб. Этого вполне хватало: для примера ситец стоил 5 руб. 1 метр, летняя обувь – 6 руб. В магазинах снабжение было хорошее. На фабрике до войны работали в 3 смены.

Когда началась война, то со всех производств всех тех, кому исполнилось 18 лет, забрали на фронт. Мне было 20 лет, состояла в комсомоле. Меня призвали на трудовой фронт. Беспартийных девушек не призывали.

Ехали в Брянск несколькими эшелонами с Тамбова. Снабжение продуктами и водой в пути было крайне плохое.

Под Брянском копали противотанковые рвы. Вставали на работу в 6 часов и без завтрака до 12 часов работали. Кормили 1 раз в день. Немецкие самолеты часто их бомбили, многие погибли. Жили в землянках. Все лето провела на трудовом фронте. К сентябрю заболела малярией, и меня отправили домой. Обрато ехала в эшелоне вместе с беженцами с Брянска на Орел, с Орла на Елец и оттуда на Мичуринск.

Приехав домой, пошла работать на ту же фабрику. Теперь уже работали в 2 смены по 12 часов в сутки. В 41 г. голода еще не было. Многим успело население запастись до войны.

В начале 1942 г. на рынке резко все подорожало: 100 граммов булки – 10 руб. Одежду можно было купить только на рынке. В магазинах – ничего. Спасало то, что на фабрике была столовая, кормили дешево, но хорошо.

Живя в деревне Большие Туляны, имела, конечно, свой огород. Сажала картофель, тыкву, сахарную свеклу.

Керосина в войну не было. Рядом стоял учебный аэродром, куда и ходили покупать для керосиновых ламп солярку. Не было в войну также соли и спичек. Огонь высекали из кремня. В колхозах давали 20 кг ржи за год работы. У кого в хозяйстве были овцы, делали из шерсти носки, валенки – продавали и этим жили.

Часто после 12-часовой работы ездили на ж/д станцию Платоновку, нагружали вагоны торфом, который сами перед этим выкапывали из болота. Так доставлялось топливо на фабрику.

Кроме того, работала охранником на фабрике основной работы.

Когда 9 мая 1945 г. сказали: «Победа!», не верила, т.к. уже привыкла к войне – вроде так и должно быть. [...]**.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Запись произведена Ю. Юрьевым, студентом ТГПИ.

** Опущены воспоминания о жизни в послевоенные годы.

№ 732

Из воспоминаний М.И. Юриной, 1922 года рождения, уроженки д. Гореловка Тамбовского уезда

1992 г.

[...]*. В 1940 г. 3 сестры переехали в Рассказово. В 1941 г. я закончила 7-й класс, сдала экзамены. Свободных рабочих мест не было, но с помощью старшей сестры устроилась на работу на Арженскую суконную фабрику ученицей прядильщицы. С 1941 г. работала прядильщицей.

Навсегда запомнила тревожный, грозный день 22 июня 1941 г. По радио узнали о начале войны с гитлеровской Германией. На фабрике прошел митинг-собрание. Многие выступающие высказывали мнение о неизбежной и быстрой победе Советской Армии над Германией.

Работали в войну по 12 часов в сутки (с 6 часов утра до 6 вечера), но приходилось приходить на работу раньше (с 5 часов), чтобы подготовить машину к работе (натаскать ровницу, приготовить ящики, смазать механизмы прядильной машины).

Планы работы, нормы выработки были высокие. Выпускали сукно серое, шинельное сукно «маренго». Работали без выходных. Зарплату получали регулярно (600-700 рублей в месяц). Предоставлялся двухнедельный отпуск.

В зимнее время в цеху было необыкновенно холодно, работали в валенках, телогрейках, платках. Дотронуться до механизмов было практически невозможно (очень сильно охлаждались). Когда нечем было топить, работу приходилось останавливать и отправляться разгружать пришедшие по железной дороге составы с топливом. За такие простои платили значительно меньше (буквально копейки). Часто приходилось

отправляться в с. Куксово на разгрузку дров. Жили там неделями, месяцами в вагончиках-бараках, спали на полу, одолевали простудные заболевания, вши. Иногда отправлялись в с. Керша на расчистку дорог для прохода колонн с топливом.

Пища была очень скудной. Ели щи из лебеды, свекольных листов, картошку. Хлеб распределялся по 600 грамм в день работающему человеку и по 400 грамм неработающему. Хлеб был кукурузный. Работала столовая, был также часовой перерыв. Но чувство голода оставалось и после обеденного перерыва. На фабрике трудилось большое количество подростков 15-16 лет под начальством старшего мастера, получавшего так называемую бронь, остальные взрослые мужчины шли на фронт.

Работа в других цехах фабрики была также тяжелой. Например, в цехе первичной обработки шерсти (ПОШ) зимой шерсть мыли вручную в огромных корытах (барках), а летом также вручную в речке. Оборудование было еще дореволюционное, сохранившееся от промышленника Асеева (челночные станки ткацкие, сельфакторы (прообразы современной прядильной машины). Это оборудование работало, требуя одновременно привлечения значительной доли ручного труда.

На фабрике в годы войны проводил активную работу рабочий комитет, который организовал кружок по оказанию помощи фронту. Работницы оставались после работы и вязали носки, варежки, кисеты для воинов. Регулярно проводились собрания рабочих, где обсуждались вопросы о нормах выработки, о выполнении плана, премировались лучшие рабочие.

Я жила с сестрами на квартире. В комнате стояли кровати, стол, несколько стульев, на стене – круглое висячее зеркало, была печка. Свои же были только матрас, подушки, постельное белье. Но, несмотря на все тяготы жизни, девушки часто ходили на танцы в городской сад, в организованные в различных помещениях госпитали (в Доме культуры, в школе № 5, в здании фабрично-заводского училища). Играли военные духовые оркестры.

Одевались девушки очень скромно. У меня была черная штапельная юбка, ситцевая белая кофта. На танцы в летнее время обувала лакированные туфли. Другие девушки приходили на танцы в шерстяных платьях (черных, темно-вишневых и т.д.). Украшений носили мало, а золотые украшения можно было увидеть очень редко, таких людей считали самыми богатыми.

Верхняя одежда состояла из полупальто (плисового), телогрейки, на голове – платки, беретки. Обували валенки, резиновые галоши.

9 мая 1945 г. был необыкновенно счастливым днем. По радио (оно представляло собой черный круглый радиоприемник) услышали об окончательной победе Советской Армии над фашистами, о капитуляции Германии. Многие обнимали друг друга, плакали. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в предвоенные и послевоенные годы.

№ 733-745

Воспоминания жителей г. Тамбова о военных годах

1990-2005 гг.

№ 733

Из воспоминаний Е.В. Суслиной, 1910 года рождения

1990 г.

Во время Великой Отечественной войны я работала в театре им. Луначарского бухгалтером. В это время к нам была эвакуирована большая труппа из Воронежа. Эта воронежская труппа актеров в основном и играла в Тамбовском театре, со своими спектаклями актеры ездили по госпиталям, по Тамбовской области. В самом Тамбове также ставилось много спектаклей. Залы были полны на каждом спектакле, т.к. в Тамбове было очень много военных – это те, которых перебрасывали из одного места в другое, на фронт и т.д., так что билеты были всегда раскуплены.

Декорации делали сами актеры, костюмы перешивали из старых вещей. Помню, как в одном спектакле актеры должны были пить чай с сахаром, а ведь сахара нет. Тогда брали и вырезали из дерева небольшие кусочки – это и был «сахар», ведь издавна была не заметна эта подделка. И вот в разгар спектакля актеры начали пить чай, бросили в чашку кусочек сахара, а он всплывает наверх, они его ложкой на дно, а он опять всплывает. Смеялись потом все.

Из постановок помню только пьесы «Давным-давно», «Машенька». Ставили классику, в основном. Выступали в театре и агитбригады («синеглазники» от различных клубов), ездили по нашей области, но у них, в основном, была политическая направленность.

У меня муж работал на «Ревтруде» (его не взяли на фронт, оставили на заводе, т.к. он был отличным токарем). Он тоже был синеглазником – пел, читал стихи, плясал. На заводе он делал оружие, а вот какое именно, никогда не говорил. Домой очень редко приходил, в основном постоянно был на заводе.

Когда бомба попала в само здание театра, я была там, но из актеров и работающих наших людей никто не погиб, а погибло 3-4 человека, которых перевели в театр из другого учреждения – у них там что-то произошло, мы их не знали. Все они провалились в подвал театра, и когда их достали оттуда, среди них была женщина, у которой оторвало голову, а на туловище нашли пояс с золотыми и серебряными украшениями, наверное, она их всегда носила с собой. А все мы остались в живых. Иногда вражеский самолет и долетал до Тамбова, но, как правило, немцы постреляют из пулемета и улетят.

Конечно, еды всегда нам не хватало. Хлеба по карточкам давали мало: 400 гр. – работающим, 250 – иждивенцам, а на рынке буханка хлеба стоила 400 руб. (это вся месячная зарплата). О сахаре мы вообще забыли, покупали на рынке только пареную сахарную свеклу – это было наше лакомство. Иногда муж убивал какую-либо птицу, но это было редко. Помню, как один

раз в лесу зимой он случайно наткнулся на 3 мешка с пшеном, которые были схоронены. Наверное, кто-то спрятал, но муж привез один мешок с пшеном, заменив его на мешок с сором. Это была большая радость для нас, мы хоть каши наелись. Летом муж ловил рыбу – ее и ели, а также приносил домой ракушки – поджаривали их.

Когда наши войска стали побеждать, то в Тамбове стали появляться пленные немцы. Они занимались различными работами, например, строили. Вот этот дом, где находится хлебный магазин на остановке «Пролетарская», построили они. Нам их было жалко, и мы иногда их подкармливали.

День Победы был самый счастливый день! Все выбегали на улицы, поздравляли друг друга, целовали. Каждый человек старался для другого сделать что-то хорошее. Многие плакали, я тоже плакала.

Сталина мы любили и верили ему. Это был наш «отец». Да и при Сталине все было, хотя сейчас его и ругают. А когда он умер, то все поняли, что потеряли что-то великое. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущен рассказ о репрессиях 1930-х гг.

№ 734

Воспоминания И.И. Гоффеншефер¹¹⁴, 1916 года рождения

1992 г.

22 июня 1941 началась война. Я в это время работала учителем истории в средней школе № 7. За 5 дней школа была учителями и учащимися переоборудована под госпиталь, а мы переехали в маленькое непригодное здание.

Через неделю меня направили работать на эвакуационный пункт (здание клуба «Знамя труда») – шел большой поток эвакуированных с детьми, а в августе работали на поле совхоза «Комсомолец».

Занятия начались 8 октября. После падения Орла ежедневно рыли окопы возле города.

С началом санного пути ежедневно ездили на Власовское торфоболото – возили на санках торф для отопления школы. Разрешили привозить салазки торфа и учащимся.

Все время с 1941 по 1943 г. работала внештатным лектором ЦК КПСС. Лекции читались в госпиталях и в коллективах. Тема моей лекции была «Отечественная война 1812 г.».

С началом полевых работ в 1942 г. работали с детьми в колхозах и даже в дальних – направляли в село Шпикуловка, недалеко от Воронежа, оттуда нас вывозили красноармейцы, т.к. Воронеж заняли немцы.

В октябре 1942 г. была назначена завучем 7-й школы. Когда немцы были под Сталинградом, вступила в Коммунистическую партию. Работы прибавилось.

В 1942-1943 гг. работали с детьми на строительстве узкоколейки (от торфоразработок недалеко от села Тулиновка до г. Тамбова).

С 4 июня по 4 августа 1943 г. была со своими старшеклассниками на лесоразработках в районе Тулиновки. Норма была большая, но зато дети и учителя получали дополнительные хлебные талоны по 800 гр. в день. Жили мы в хорошо сработанных солдатских землянках. В каждой землянке была бригада школьников и учитель. Работали очень хорошо. Сильные, сознательные мальчишки все время перевыполняли норму. Погода стояла великолепная. Уходили оттуда мы в день великой битвы на Курской дуге (5 августа 1943).

В августе вызвали в гороно и вручили приказ о назначении директором 7-й школы. Она стала женской. Пришлось потяжелее, чем в лесу с начала войны. Работала в три смены с копчушками с 7³⁵ до 19³⁵. Мальчишки хоть и ушли в мужскую школу, но помогали учителям завезти топливо. Было у нас подсобное хозяйство за рекой, там работали каждое лето с 1943 по 1946 год. Овощи шли в столовую, которая была одна на две школы. Был и полевой участок (где ипподром) с просом. Коллектив был небольшой, но сознательный и очень дружный.

В 1944 г. опять работали на лесозаготовках. Так до конца войны – полевые и огородные работы. А еще дежурства в госпиталях и самодеятельность. Главным словом было «надо». Только в 1946 г. мы сами отремонтировали помещение и перешли на МРЗ. Теперь там УПК Ленинского района. В 1948 г. вернулись в свое здание.

Была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

№ 735

Воспоминания В.Ф. Позднякова, 1916 года рождения*

14 февраля 2001 г.

Я работал слесарем на заводе «Комсомолец» с 1934 по 2001 год. Мой трудовой стаж – 67 лет.

В 1939 г. на заводе был организован инструментальный цех, и меня перевели туда слесарем-лекальщиком. Мы ремонтировали индикаторы, микрометры, изготавливали скобы, калибры, шаблоны разных фасонов, работали по каленому металлу. В 1941 г. я не был призван в армию, потому что после операции аппендицита перенес гнойный перитонит. Потом завод не отпустил меня на фронт, сделав «бронь», как нужному работнику.

Во время войны наш рабочий день был с 6 утра до 12 вечера. А иногда не уходили домой по несколько дней – надо было выполнять задание. Зарплату нам платили вовремя. Кроме того, был стахановский паек – бесплатный обед из двух блюд. Первое блюдо я съедал, а второе нес домой, так как дома были жена и трое детей.

Цеха не отапливались. Сами смастерили «буржуйки», а дрова заготавливали в лесу. Построили сами пилораму. Люди были ослаблены, и работать на лесоповале было трудно. Случались трагедии: упавшим деревом убило двух наших товарищей. У этих «буржоек» отогревали только руки, спешили к станкам выполнять заказ фронта.

Рабочие от холода и голода часто болели, но никаких больничных листов не брали. Так, я долго болел малярией. Потом началась чахотка. В течение двух лет у меня была повышенная температура, слабость. Но с завода не уходил, норму выполнял на 150 %.

Я работал во фронтовой бригаде. Таких бригад на заводе было много. Мы отработывали норму и за тех товарищей, которые ушли на фронт. Дисциплина на заводе была очень строгой. Транспорта не было. До завода добирались пешком. Опоздание на 20 минут каралось судом и отправкой на фронт.

Немцев я видел только пленных. Они работали на прокладке кабелей связи, рыли траншеи. Ночевали они в подвальных помещениях нашего завода. В 1945 г. во время войны с Японией пленных немцев сменили японцы. Если немцы работали под конвоем, то японцы под конвоем не содержались. Японцы почему-то не считали себя пленными, говорили о том, что участвуют в борьбе с фашистами, хорошо работали.

Сын мой после окончания школы пришел работать на завод по специальности токарь-шлифовальщик. Потом по комсомольской путевке поступил в военное училище и стал военным служащим.

Во время войны на территории завода формировалось военное ополчение, мы его называли народным. Командовал им бывший военный, в то время начальник цеха. Учились стрелять, отражать атаки. Для учебы использовались танки, которые были на ремонте, и сами сделали еще деревянные танки. Учения проходили в районе улицы Дворики. Бросали учебные гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Учились водить танки, маневрировать на них. Учеба проходила после работы. Люди жили одной мечтой скорее разбить врага, победить! Когда узнавали по радио о победах на фронте, веселились, пели песни, радовались.

В моей трудовой книжке два вкладыша с записями поощрений. Это денежные премии, благодарности за перевыполнение норм труда, за победу в соцсоревнованиях, освоение новой техники, за специальные задания, выполненные для фронта досрочно. Много наград я имею за рационализаторские предложения. Вспоминаю случай, когда я не приходил домой в течение трех дней. Я внес интересное рацпредложение в освоение новой техники и выполнял его. Жена не знала причину моего отсутствия, очень волновалась. Собрав чистое белье и что можно из еды, пришла в цех.

Она готовилась к худшему. А увидела меня в столовой за столом, где был директор, главный инженер и другие специалисты. Отмечалось завершение работы. Ее тоже усадили за стол. Нашим трудовым успехам одинаково радовались и рабочие, и администрация. Цель была одна – скорее победить врага.

Ушел с завода я в январе 2001 г. Ушел потому, что болят ноги. Мне дали пожизненный пропуск на завод, подарили телевизор «Самсунг», выдали денежную премию. На заводе существует музей, где рассказано о моем цехе, о моих товарищах и обо мне. На территории завода в память о рабочих завода, не вернувшихся с фронта, поставлен обелиск и горит Вечный огонь.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Запись произведена О. Фролкиной, ученицей ср. школы № 17 г. Тамбова.

№ 736

Воспоминания Н.В. Осиновской¹¹⁵, 1917 года рождения

2005 г.

В тот вечер у меня была подруга. Когда часы пробили «десять», она стала прощаться, а я пошла ее проводить. Когда подошли к заводу «Трактородеталь», то нас поразило, что при строгой маскировке на 2-м этаже дома в окне горела огромная лампочка как сигнал, указывающий на этот завод, а за ним завод «Ревтруд». Я поспешила вернуться домой и сразу услышала по радио «Воздушная тревога». И началось что-то невообразимое.

Город бомбили, стреляли «зенитки», рядом загорелся дом. Я схватила подушку, положила на нее спящую 4-хлетнюю дочку и выбежала на улицу, где было светло от пожаров. Падали «зажигалки», рвались снаряды, гудели самолеты. Дочка проснулась. Она не заплакала, а стала по-своему молиться: «Госпиди, Госпиди, отгони их от нас, я буду холосенькой девочкой». Я прибежала с ней на площадь, где было бомбоубежище, и простояла на каблуках до утра, держа ее на руках. На площадь было сброшено несколько бомб, но в убежище не попали. Позже узнала, что на «Ревтруд» и 3-д «Трактородеталь» было сброшено много бомб, в том числе и зажигательные, но некоторые бомбы не взорвались, а «зажигалки» тушили и сбрасывали с крыш дежурившие сотрудники завода.

Это было страшное время, и мы с дочкой, тетей и ее четырьмя детьми уехали к родным в Татаново на несколько тревожных дней. С немецкой точностью в одиннадцать часов вечера над Тамбовом появлялись немецкие самолеты с их отвратительным специфическим гудением, встреченные зенитным огнем. С нами жили две бабушки мужа. Они вязали теплые носки и перчатки для фронта, и в моменты налетов одна из них причитала: «Опять бандять».

...Вот можно вздохнуть чуть свободней: не так часто звучит в репродукторе «Тревога». Можно пойти к подружке «повечереть», но с ночевкой, т.к. постоянного пропуска нет, а в городе комендантский час.

Так было и в то воскресенье. Поговорив о наших мужьях-фронтовиках, погрузив, улеглись спать. Вдруг в два часа ночи будит меня мама подружки словами: «Александр Петрович¹¹⁶ (отец моего мужа) пришел, что-то дома случилось».

С тревогой выхожу и слышу: «Мамке¹¹⁷ плохо, пойдем домой». Подруга жила на Советской улице. Не успели пройти полквартала, как видим: от угла Комсомольской ул. отделяется фигура в плащпалатке, подходит к нам с требованием: «Ваш пропуск». У свекра пропуск был, а моя голова падает вниз, каблучком черчу песок и думаю: заберут в комендатуру. «Задержавший» не выдержал: «Нина Васильевна, не узнаешь?!».

Это был мой муж¹¹⁸, приехавший с фронта на две недели. Радости, счастья не было границ. Вошел в дом с частушкой:

Часики идут,
Маятник качается,
Стрелочки бегут,
И все, как полагается.

Время пролетело как миг, и он снова уехал. Долго не было писем, нервы не выдержали, и я написала в его часть замполиту. Вскоре получила ответ: «Вы можете гордиться своим мужем. Он догнал свою часть и награжден орденом Отечественной войны 2-й степени».

Позже я узнала, что отпуск и орден он получил за переход границы фронта с радистом и успешную корректировку огня по беспокоившей наших мишени. Начал воевать рядовым, а вернулся с фронта гвардии лейтенантом с двумя орденами Отечественной войны 2-й степени и множеством медалей. Очень гордился медалью «За Кавказ»*, т.к. был на «Малой земле», где впереди враг, за спиной море. Десантников называли героями даже враги. Не отдан был плацдарм, не стали изгоями, но старели не по годам.

ЦДНИТО. Текущий архив. Автограф.

* Так в документе. Правильно – «За оборону Кавказа».

№ 737

Воспоминания Л.А. Трофимовой, 1922 года рождения

20 мая 2005 г.

Когда началась Отечественная война, нас, молодых работниц библиотеки им. Пушкина, уволили по сокращению штата в августе 1941 г. Куда податься? Где найти работу? Услышала: набирают на курсы почтовых работников при областном управлении главпочты сортировщиц писем. Срок обучения – с сентября 1941 г. по май 1942 г. По окончании мы должны ехать

в освобожденные районы, в частности, в г. Харьков, где у меня жила родная бабушка Феня и дядя Петя.

После окончания этих курсов в мае 1942 г. нас, 5 человек девчонок, послали работать в г. Харьков. Харьков к июню 1942 г. был снова захвачен немцами. Так и не доехав до Харькова, мы, 5 человек, оказались в г. Ворошиловграде (Луганск). Там нам пришлось работать на почте 1 месяц. Война наступала, и г. Ворошиловград оказался прифронтовой полосой. Начальник почты сказал, чтобы мы немедленно возвращались в Тамбов.

Мы, все 5 человек, в июле 1942 г. сели в пассажирский поезд. Доехав до станции Миллерово, поезд остановился, была команда покинуть вагоны – налет немецкой авиации! Мы выбежали из вагонов и побежали укрыться от бомбежки. Все небо было усеяно самолетами, они начали пикировать и бросать бомбы. Это было страшно! Рядом стоял состав с боеприпасами, несколько вагонов были с детьми, детский дом эвакуировался, вагон с ФЗУ и эвакуированными. Я с подругой Зойкой укрылась за угольную насыпь, но немцам было нас видно, и они начали пикировать и расстреливать людей. Этот ужас продолжался примерно минут 30. После бомбежки много было трупов. Одну из наших девчонок, Марусю, ранило в руку. Мы (уже 4 человека) побежали искать свой вагон. Он оказался цел, в мой вещевой мешок попал осколок и он тлел, часть вещей пришлось выбросить. Забрав оставшиеся вещи, мы пошли пешком от станции Миллерово.

Шли по 40 км в день. Проходили городишко Краснодон – грязный, пыльный – и много других населенных пунктов. Шли, отступали солдаты, танкисты, пехота и др. войска, шли ФЗУ, эвакуированные, ночью переправлялись через речку Донец, приток Дона. Я все время от девчонок отставала, т. к. у меня была плохая обувь – разваливалась, и девчонки, боясь, что из-за меня они могут попасть в окружение, решили меня бросить. Там была «командир» Верка с 1921 г. рождения. Верка сказала мне, что они остановятся у реки, а я подойду. Но, когда я подошла, их там не оказалось. Я кричала, звала их, но они исчезли, поняла, что меня они бросили. Не знаю, как одной выбираться из такого ужаса! Но мир не без добрых людей. Ко мне подошла женщина-украинка и сказала: «Девонька, садись к нам в повозку (это была шахтерская семья), мы тебя подвезем до деревни, а там ты дойдешь до г. Сальска и, может быть, сядешь на поезд». Я так и сделала.

Дойдя до г. Сальска, я познакомилась с учительницей моего возраста Надей, которая тоже скрывалась от немцев. Мы с ней пошли на станцию, нашли товарняк, который должен ехать до станции Прохладной. Но сесть в товарняк нас не хотел пускать один мародер, но с ним были две женщины, сжалились и пустили нас. Вагон был почти пустой – их трое и скотина, 2 коровы и телок, много сена, соломы. Видно, удирали из своей деревни. Доехав до ст. Прохладной, нас заставили пройти санпропускник и даже накормили.

Потом пассажирский поезд от ст. Прохладной до г. Грозного. Здесь мы познакомились с летчиками, которые ехали в новую военную часть. Они начали уговаривать меня, чтобы я сошла в г. Грозном, говорили, что

Воронеж занят, и Тамбов тоже занят немцами. Я не согласилась и поехала дальше до г. Махачкала, а Надя и летчики сошли в г. Грозном. Дальнейшую судьбу Нади я не знаю, от нее одно письмо было.

В Махачкале я оставшуюся одежду (платья) поменяла на рынке на хлеб. Узнав, что от пристани должен отходить плот с эвакуированными до Астрахани, я пробралась на пристань, а она охранялась, спряталась за тюки, и последней, все-таки, сумела сесть на плот. Ехали эвакуированные, больше евреи с семьями. Плыли по Каспийскому морю примерно 14-15 часов. Приехав в Астрахань, пошли искать пассажирский поезд на Саратов. В поезде много ехало тамбовских ребят и девчат с окопов (рыли в районе Сталинграда). Так я добралась до своего родного Тамбова. Путь был долгий. Пешком прошла 700 км с июня по август 1942 г.

Когда я появилась дома, босиком, все ноги в ссадинах, мама, бабушка Груша, заплакали, думали, что я погибла. Алевтина и Володя были в армии. Женя работал у станка в заводе «Ревтруд».¹¹⁹

Тамбов летом 1942 г. тоже бомбили, и наш квартирант, железнодорожник Тюленьков, погиб при бомбежке вокзала, жена его уехала на родину – ст. Баскунчак Астраханской области.

Я одна из пяти девчонок добралась. Маруся была в госпитале, а трое девчонок оказались в оккупации 7 месяцев, потом приехали, но никто из нас не пошел работать на почту. За этот период с сентября 1941 г. по август 1942 г. в моей трудовой книжке нет записи. Вроде не было никаких курсов, никто нас не посылал в освобожденные районы, и нигде мы не числимся. Эта особа, которая готовила нас, все уничтожила, боясь, что придется отвечать, что послала на гибель. Она хотела показать себя, как она помогала фронту. Она была из г. Харькова, по национальности еврейка. Когда я оформляла себе пенсию, этот период не могла найти ни на почте, где нас обучали, ни в архиве. Куда это все исчезло, ни одна из нас не могла найти.

После этих мытарств в сентябре 1942 г. я устроилась учеником-контролером в цех № 1 завода «Ревтруд». Женя уже стоял у станка в этом цеху № 1, точил снаряды для «Катюш». То, что выпускал завод, мы не знали. Женя делал нарезку: труба длиной 1,5 метра в диаметре 25 см. Трубы были стальные, где их отливали, мы тоже не знали. Приходили на завод длинные стальные трубы, их резали и шлифовали нарезку в начале этой трубы. Рабочий день был с 7 утра до 7 вечера без выходных. За опоздание в 5 мин. срезали 200 гр. хлеба, вместо 800 гр. на полгода 600 гр. Женя работал с июля 1942 г. (на работу ходил в ботинках на деревянной подошве) до сентября 1945 г. Потом поступил учиться в вагонный техникум, окончил в 1949 г. и был направлен в Москву.

В цехе № 1 начальник ОТК был «русский фашист» Кофанов, очень высокого мнения о себе. Я с ним не поладила, он доносил на меня начальнику ОТК всего завода Круглову Петру, который меня вызывал «на ковер» и делал внушения, поэтому меня после учебы не оставили в цехе № 1, а послали контролером в цех № 3 (литейный). Цех № 3 и цех № 4 – это были цеха-«крематории». В цехе № 3 отливали снаряды небольшие, чугунные, в

цехе № 4 их обрабатывали на станках. Этот цех № 4 был каменный сарай, без окон, вентиляции, работали больше ФЗУ (подростки 15-16 лет). В цехе № 3 я стояла у вагранки¹²⁰, куда двое рабочих на носилках засыпали металлолом, а я должна была на весах взвешивать, чтобы был в норме вес этого лома. Начальник цеха № 3 был эвакуированный из Белоруссии Парфиненко, а начальник ОТК цеха № 3 Саша Белов – честный, справедливый человек.

За вредность вместо молока давали 1 кг соленых зеленых помидоров. Иногда давали американский яичный порошок, потом говорили, что это химия и он вредный для здоровья. Свиную тушенку, кур, рис – это получали большое начальство, ИТР завода. У них была закрытая столовая. Для рабочих – щи из зеленой капусты с лузгой и 800 гр. кукурузного хлеба со жмыхом.

С Америки поступали поношенные вещи, и Саша Белов не обижал никого – ни рабочих, ни контролеров, распределял справедливо.

Моя зарплата была 70 руб., Женина – 100. На рынке 1 кг картошки стоил 70 руб. И если бы Иван Андреевич Беляев¹²¹ не устроил меня в январе 1944 г. на хлебозавод, мы – Женья, мама и я – вряд ли выжили при таком режиме и таком питании. С «Ревтруда» было очень трудно уволиться, т.к. завод выпускал военную продукцию. Я ни один раз ходила к директору завода Захарову, чтобы уволиться, он подписал мое заявление: уволилась на учебу.

Дома топить было нечем, мать собирала уголь из-под паровоза. Забор сожгли, электричества не было. Фитиль и машинное масло – вот чем освещались. А отец наш Алексей Владимирович в марте 1942 г. погиб от голода и непосильного труда в сталинских концлагерях, 58 лет ему было¹²². Вот так нам досталась победа. Ни одна нация не вынесла того, что вынес наш русский народ.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

№ 738

Из воспоминаний З.В. Дружининой, 1923 года рождения

1992 г.

Семья наша состояла из 6 человек. Отец – Игнатъев Владимир Лукич, 1892 г. рождения. Мать – Игнатъева Александра Александровна, 1898 г. рождения. В семье было четверо детей – 2 сына и 2 дочери. [...]*. Работал в семье один отец: вначале в ремесленном училище № 2 старшим бухгалтером, затем на фабрике «Красный пищевик» старшим экономистом. Мать несколько лет работала в библиотеке, затем ушла и стала воспитывать детей.

Семья была среднего достатка – не голодали, но и разносолов не ели. Мясо было, но не каждый день, зато часто была колбаса. Каждое воскресенье мама обязательно пекла пироги. Еще мы всегда держали одну свинью для себя и сами коптили окорока. Сладкое ели нечасто, но на улице стояли лотки

со сладостями и мороженым, и родители иногда давали немного денег. Продукты были тогда не такие как сейчас: хлеб большой, вкусный – никаких пирогов не надо, да и молоко, колбаса – все было настоящее.

В школу ходили в сатиновой форме и сатиновом фартуке. Зимой носили овчинные сапоги с галошами. Их шил частный мастер на ул. Кронштадтской. А в грязь носили резиновые ботики. Свои первые туфли я получила на выпускной вечер в 1941 г. Они были белые, брезентовые и казались мне необыкновенной роскошью. Сначала они были белые, а потом я их покрасила черным кремом – и получились черные «кожаные». У меня было всего одно выходное платье – мамино свадебное, его перекрасили в вишневый цвет, и я одевала его по торжественным случаям.

Смутно помню голод 1933 г. Сильно голодали, ели жмых, траву и какие-то горькие темные лепешки. Хлеба почти не было. И от голода умер дедушка.

Праздники мы всегда отмечали тихо, в кругу семьи, никого не приглашали. Всегда отмечали Пасху и Рождество – мама была сильно верующей.

10 классов я закончила в 1941 г. Всех мальчишек сразу забрали и отправили вначале на курсы, а затем на фронт. Из моего класса никто не вернулся. Мобилизовывали и девушек в зенитчицы. Меня тоже хотели, да я не прошла по здоровью, т.к. в детстве болела малярией и получила осложнение на сердце. Мобилизовывали машинисток. Одна моя знакомая работала при штабе и получила «звезду»¹²³, а сама живых немцев не видела.

Во время войны я окончила шестимесячные бухгалтерские курсы и работала в ФЗО. Имела рабочую карточку. По ней полагалось 200 гр. хлеба на день, крупа и еще чего-то. А по нерабочим карточкам получали еще меньше. Было голодно.

Постоянно брали рыть окопы. Посылали на несколько дней. Рыли там, где сейчас тюрьма, или в Покрово-Пригородном. Некоторых направляли рыть окопы на длительное время в прифронтовую полосу. Однажды шел сильный дождь, а нам нужно было рыть окопы там, где тюрьма. Мы с подружкой Вале́й пошли копать, а никто кроме нас не пришел. Но мы боялись, ведь раньше-то было строго – за опоздание сажали. Дождь был проливной, всю землю развезло, но мы все равно стали копать свой участок (у каждого был свой участок), а когда сделали, долго не могли выбраться из ямы, думали, что в ней будем ночевать.

Зимой давали тяжелый лом и кирку. Очень было трудно. Но на производстве было еще труднее. А некоторые жили неплохо – спекулировали. Наши соседи торговали пышками на базаре – откуда они муку брали? Сахар покупали кусочками, как сладость.

Часто бомбили, я очень боялась бомбежек. Как только передавали воздушную тревогу, я хватала маленькую сестренку и ползком пробиралась в погреб. А папа наоборот – всегда выйдет за калитку и смотрит, как бомбят. Как-то брат Саша¹²⁴ вместо школы поехал в Котовск собирать гильзы (Котовск очень часто бомбили). Когда отец узнал, брату здорово попало.

Однажды я была в театре, и тут началась бомбежка. Домой я бежала бегом и боялась – вдруг приду, а дома уже нет. Но бомбы часто не взрывались, просто уходили в землю и все.

Брат Леша¹²⁵ в 1942 году ушел на фронт добровольцем. У нас от фронта никто не отклонялся, мне такие случаи неизвестны. Вскоре Леша был серьезно ранен в ногу и демобилизован. Один мой друг попал на фронт, был ранен, приехал домой и очень не хотел возвращаться обратно, все говорил: «Если я опять туда поеду, то я не вернусь». Так и получилось. Другого моего знакомого взяли в плен, долго он там был. После войны его из-за этого так в партию и не приняли, а ему очень хотелось.

Много людей погибло. Да на нашей улице кто погиб, кто пропал без вести, кто в плену был. Моих ровесников почти не осталось – их молоденьких всех поубивало. Мой будущий муж не был на фронте, у него была сильная близорукость, да и «Ревтруд» давал бронь. Тогда «Ревтруд», «Комсомолец» всем давали бронь.

Сталина мы очень любили, так нас воспитали. Верили, что он нас выведет. Еще очень я любила Ворошилова. У меня был его портрет, и очень он мне там нравился. Мы верили всему. Все думали одинаково, да и попробовали бы они тогда сказать то, что сейчас говорят.

День Победы запомнился как очень радостный, солнечный, светлый день. Все вышли гулять на площадь Ленина, были очень счастливы. [...]**.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены сведения о братьях и сестре.

** То же воспоминания о жизни в послевоенные годы.

№ 739

Из воспоминаний А.Г. Касса, 1924 года рождения¹²⁶

12 мая 1992 г.

[...]*. В 1937 году отца репрессировали. Мне было 13 лет. Для того чтобы как-то жить, пришлось устроиться в няньки в соседней деревне. Ухаживала за хозяйским ребенком, помогала по хозяйству. За лето заработала ситцевую кофту. В 1942 году старшего брата взяли на фронт. Прислал одно письмо и пропал на Калининском фронте. Больше о его судьбе ничего неизвестно. Как старшая из детей, я ушла в прислугу в город.

До 1943 года жила без документов в семье еврейки (хозяйка). Потом хозяйка помогла, выручила документы. Из деревни привезли свидетельство о рождении. Хозяйка помогла получить и паспорт. Только после этого можно было устроиться на работу. Хозяйка работала старшим продавцом в магазине, воспитывала трех детей без мужа (муж на фронте). Проработала у нее 5 лет. За работу хозяйка расплачивалась тем, что кормила и одевала (отдавала свои старые вещи). Голода в этой семье не знали. Карточки хозяйка

отоваривала в магазине, где работала. Хлеба всегда ели досыта. Кроме того, к жизни приспособливались: картошку на огороде выращивали, лепешки пекли и продавали на рынке и т.д.

В свободное время молодежь в городе развлекалась. Собирались у кого-нибудь на квартире, на деньги, вырученные от продажи какой-нибудь своей вещи, устраивали вечеринку (танцы, угощение). Ходили в кино, театр.

В городе легче было прожить. Кто похитрее – уезжал из деревни в город, покупали дом (кто был в состоянии), устраивались на работу и на заработки жили.

В 1937 году делали запрос об отце, на что получили ответ: жив, здоров, но без права переписки. После смерти Сталина сделали второй запрос и узнали, что отец умер в 1944 году от «рака пищевода». Тогда знали многих, у кого близкие умерли от «рака пищевода».

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные годы.

№ 740

Из воспоминаний В.К. Лыткиной, 1925 года рождения¹²⁷

1994 г.

[...]*. Мне было 16 лет, и пошла я в мае 1941 г. на трактористов учиться, чтобы хоть хлеб есть. Трактор загудит, а я от страха кричу. Окончила учиться, и осенью назначили пахать. А мне бригадир сказал, что я буду плуга чистить. Я расплакалась, потому что их не кормят, а трактористов кормят, а потом из зарплаты за еду вычитали. А плугочистов не кормили.

Так я и работала в колхозе: и полола вручную, и свяслы¹²⁸ сучила, и снопы ставила. Комбайн у нас даже в колхозе был. Ходила на ток, сеяли, веяли. Огород у нас был – картошку сажали, огурцы, капусту, свеклу, ими зиму прокормились. Весна началась, а есть уже нечего – ходили по полю собирали мерзлую картошку и из нее картошечные оладьи пекли. Но тут одна женщина, Катя, пошла в Тамбов, и я с ней, так как есть нечего. Взяла эти оладьи и пошли в Котовск. Она в дороге достает яички, пышки закусить, а мне свои оладьи доставать неудобно – они все черные. Из Котовска поехали на поезде, билет стоил 15 копеек. Это был май 1942 года. Приехала я к бабушке – она наварила ячневую кашу, и я объелась, плохо было. Бабушка меня прописала, и мне дали паспорт. Я ей помогала по дому, питались по карточкам – 250 грамм хлеба.

Но в июне 1942 г. приходит уличный комитет и говорит: «Бабушка, что у тебя за девушка живет?». Она говорит: «Внучка». Они: «А она работает?». Бабушка: «Нет». Уличный комитет: «Если не поступит работать, то угоним ее окопы копать». А бабушка боялась и мне говорит: «Иди поступать». И я пошла с подружкой в «Ревтруд» работу искать. А там висит объявление:

«Требуются токаря и слесаря – с семилеткой, формовщики – с 4 классами, разнорабочие». Мы думаем: «Что это за формовщики?» И пошли в отдел кадров. Отдали паспорта, а нам было по 17 лет. Начальник отдела кадров говорит: «Пишите заявления», а мы не можем. Тогда написала секретарша, а нас отправили к мастеру Дудкину. Нас поставили учениками.

Формовали тормозные колодки, а опоки тяжелые – чугунные да еще набитые землей. Там я проработала 3-4 месяца, а затем меня сняли в «земледелку», где я проработала 20 лет, а потом еще 8 лет до пенсии на выбойке. И на пенсию ушла в 45 лет в 1970 году. Ишачили, как ишаки, по 12 часов. Было всего две смены: или с 7 утра до 7 вечера, или с 7 вечера до 7 утра. И так всю войну, без выходных и отпусков. Народ кипел. Мы носили на носилках облицовочный состав на формовку и таскали масляный состав для стержней. Эти стержни – для «Катюш». Надо было засыпать в машину песок и залить восемь литров подсолнечного масла. А лаборантка следила, чтобы не унесли масло, так как если его не долить, то стержни будут крошиться, рассыпаться. А выльешь масло, на дне ведра все равно набежит немного поддонков. И когда сядешь обедать, то хлеб и картошку макали в растительное масло. Со мной на пару работала еврейка – Антонина Спивак, мы с ней вместе носили носилки. Хорошая женщина, только очень любила лук и чеснок и обижалась, когда на нее еврейкой обзывались. И еще был инженер-еврей – Уманский Борис Харитонович, тоже хороший, только умер рано, а жена у него врач была. Мужиков позабирали на фронт, а на шестерых наложили «бронь» – они работали на станках.

В войну давали карточки на хлеб, т.к. мы работали в литейном, то нам давали по килограмму. И в столовой кормили: крапивные щи, перловую кашу, иногда были щи из листов свеклы или капусты.

Бомбежка начнется – свет отключат, темь, все мечутся, бегают, кричат, а он бьет, бьет. Особенно по вокзалу бил. Пустит фонари – как день. Много бомб не разрывалось – их потом выкапывали. Перед бомбежкой объясняли по радио: «Воздушная тревога!».

В 1942 г. в конце июня была самая сильная бомбежка – с 9 вечера до трех ночи бомбил. А в 1945 г. смотрим – идут с гармонью, кто пляшет, кто песни поет. И говорят: «Товарищи, война окончилась!». Все бросили работу и пошли на митинг, на площадь Ленина. [...]».

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Опущены воспоминания о жизни в предвоенные и послевоенные годы.

№ 741

Воспоминания Н.М. Сивковой, 1928 года рождения*

1993 г.

В войну мне было 13 лет. Но я отлично помню рев самолетов над Тамбовом. Помню, одна бомба упала в зрительный зал кукольного театра, и мы с девчонками бегали смотреть, какая страшная яма там образовалась. Помню, как отца провожали на фронт (это было в 1942 году), он сразу попал под Сталинград. Позже помню, как мы с подружками гасили фугасные бомбы на крышах.

Когда отца взяли на фронт с завода «Ревтруд», то мать встала за его станок и сутками не приходила домой, а за мной и двумя сестренками присматривала слепая 80-летняя бабулька. Чувство военного голода до сих пор хорошо помню. Есть всегда хотелось. Мама поменяла все вещи на продукты на рынке. Однажды пришло письмо, что дядя находится в госпитале недалеко от Тамбова, под Липецком. Мать засушила хлеба и поехала его проведать. Приехала в госпиталь, а их оттуда уже вывезли, т.к. этот госпиталь бомбили. Мать эти сухари раздала беженцам на вокзале. Домой она добиралась много суток, и помню ее опухшие ноги, она еле сняла валенки. Плач матери и сейчас помню.

В школу мы ходили. Учебников не было у нас, один был у учительницы. Но уроки все равно задавали, и мы их выполняли. А делали их так: обычно собирались у кого-нибудь дома, у кого была керосиновая лампа, а не коптилка.

Я была ответственной по улице за затемнение (ул. Куйбышева). Чуть-чуть начинает темнеть, я захожу в каждый дом и предупреждаю, чтобы свет не зажигали. А вечером специально делала пробежку по улице, увижу, где свет и говорила: «Зачем зажгли? Немцы бомбить будут».

Я очень быстро научилась вязать. Мама ходила в деревню, меняла вещи на шерсть. Носки в основном дарили. Делали это так: приготовили незатейливый концерт, идем в госпиталь, выступаем перед ранеными, а потом стараемся всем хоть что-нибудь подарить.

А сколько писем я написала за раненых! У одного раненого уже собственные пальцы начинали шевелиться, мог бы и сам написать, а он до того привык ко мне и говорил: «Дочка, уж больно у тебя хорошо получается, напиши». А сколько полов я перемыла... Доски были крашеные, вода холодная. Бывало, мою, а в глазах темно. Сколько раз в обморок падала от этого мытья.

А домой приносила бинты, мы их стирали и кипятили без мыла, добавляли золу. Все это мы делали ночами.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Запись произведена М. Паниной, ученицей ср. школы № 23 г. Тамбова.

Вспоминаю, как началась война. Был воскресный день 22 июня 1941 года. Я с подружкой была в кино. Выйдя из кино, у нас было хорошее настроение, но, дойдя до Базарной площади, мы увидели большую толпу народа. Все слушали радио. Многие плакали. Оказывается, объявили о начале войны.

Мне было 11 лет, но я уже понимала, что произошло что-то страшное и непоправимое. В магазине сразу пропали все продукты, и мы выстаивали огромные очереди за хлебом. Иногда, простояв весь день, нам не хватало хлеба, и мы, почти плача, возвращались домой.

Я училась в школе № 14 на Державинской улице. Нашу школу заняли под госпиталь и наш 4-й класс перевели на ул. Лермонтовскую в здание детского дома. Мы пешком ходили в школу. Там было очень холодно, даже замерзали чернила в чернильницах-непроливайках. Мы их прятали под пальто за пазуху, чтобы можно было писать. На большой перемене нам давали по кусочку хлеба с сахаром, и мы очень ждали большую перемену. Тетрадей не хватало, выдавали по 2 тетради на четверть для контрольных работ, а домашние и классные работы мы выполняли между строк на брошюрах, которые покупали в киосках.

Однажды я там купила книжечку небольшую, она называлась «Сын артиллериста», начиналась она так: «Был у майора Деева товарищ, майор Петров, дружили еще с Гражданской, еще с двадцатых годов, а у майора Петрова был Ленька, любимый сын...»¹²⁹. Я очень полюбила эту книгу. Много раз ее читала сама и знала почти наизусть. Давала ее читать подругам. Эта книга меня поразила, она понравилась всем нам.

Помню первую бомбежку, первый налет немецких самолетов на Тамбов. Первая бомба попала в театр им. Луначарского. Это было в ноябре. Мы бежали из школы по Советской улице. Все говорят, что разбомбили театр. Я очень испугалась и забыла, где у нас находится театр, а когда пробежала мимо, то увидела в крыше большую дыру.

Летом 1942 года были очень частые налеты, тревоги. Завывали сирены, били зенитки, которые отгоняли немецкие самолеты. Было очень тоскливо на душе. Вот тогда и кончилось наше детство. Были одни заботы. Однажды ночью я проснулась от сильных ударов. Наш ветхий дом весь качался. Двор был весь освещен осветительными ракетами, и мы боялись выйти из дома. Потом, когда немного стихло, мы с мамой выскочили из квартиры, и спустились к соседям в подвальное помещение. Там было уже полно народу, но было немного тише. В эту ночь Тамбов бомбили очень сильно.

В 1942 году 15 июля у меня родился братик. В эту ночь была очень сильная гроза и такой ливень, что нельзя было выйти на улицу. Мы с мамой были вдвоем дома, и некого было послать вызвать «скорую». Поэтому мама сама у себя принимала роды, а я ей помогала, все подавала. Моя мама была медсестрой, работала в госпитале.

Мой дядя был летчик. Он окончил наше Тамбовское летное училище и работал там инструктором. Учил летать молодых курсантов. Их

эвакуировали в далекий Узбекистан, а мы с мамой остались в Тамбове, но после такой сильной бомбежки летом 1942 года мне очень захотелось уехать из Тамбова к дяде и тете в Среднюю Азию. Они прислали нам вызов, и мы поехали с мамой и маленьким братиком. Ехали мы долго, было несколько пересадок, ехали целую неделю. В дороге было очень трудно компостировать билеты.

В Узбекистане было очень спокойно, не было маскировки. Мы полюбили маленькую станцию Милютинскую Самаркандской области Галля-Аральского района. Остались очень хорошие воспоминания о ее народе.

Я училась в 5-м классе. Нас посылали на опытное поле работать на прополке. Было очень жарко, а полосы были такие длинные. От жары темнело в глазах, и сильно болела голова.

Мы получали хлеб по карточкам. Однажды я проходила с хлебом через станцию, а в это время подошел поезд, и какой-то мужчина выскочил из вагона и вырвал у меня сумку с хлебом. Я очень испугалась и долго плакала, боялась возвращаться домой, а когда вернулась и рассказала своей бабушке о случившемся, она очень серьезно сказала мне, чтобы я перестала плакать, что, наверное, этот человек был очень голодный, а мы два дня как-нибудь обойдемся, и она пекла нам лепешки.

Мой дядя (ему в то время было 17 лет) работал в колхозе, ему выдавали зарплату пшеницей. Мы с бабушкой на арбе ездили на мельницу молоть пшеницу, и поэтому у нас была мука. Летом там было много фруктов, помидоров.

У нас был свой огород, который мы поливали из арыка. На станции Милютинской была очень хорошая и холодная питьевая вода. И мы, девчонки и мальчишки, с чайниками, кружками ходили на станцию к проходящим поездам торговать водой, а заработанные деньги я отдавала бабушке. Она их собирала, а потом купила мне красные кожаные тапочки и сшила красный сарафан. Это был шик моды.

В 1944 году вернулись в Тамбов. Потом был день Победы. Это был незабываемый день. Играли оркестры, и мы всю ночь танцевали на площади Ленина. Так все радовались, целовали и обнимали друг друга.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

№ 743

Воспоминания А.А. Дружинина¹³⁰, 1931 года рождения

1992 г.

Когда началась война, мне было 11 лет. 22 июня мы с отцом были в бане. Баня находилась на Набережной, между церковью и ТИХМом, и стояла у самой реки, чтобы удобнее было набирать воду. После того, как помылись, часов в 12 дня в раздевалке услышали по радио выступление Молотова о

том, что началась война. На улицах сразу стали расклеивать газеты с сообщениями на эту тему. Сообщалось, что наши пограничники вступили в тяжелые бои с гитлеровцами. Характерно, что все мы рассчитывали, что война продлится каких-нибудь 2-3 дня, и мы им покажем. Считали и были твердо уверены, что наша армия самая сильная в мире, и что скоро наши их научат. Но все оказалось не так.

Осенью 1941 г. в городе начали выть сирены, по радио объявляли воздушные тревоги. Стали прибывать эвакуированные из оккупированных районов. Наш дом (угол Красной и Интернациональной) был переполнен. После начала воздушных тревог мы стали заклеивать окна крест-накрест газетной бумагой.

Сразу после начала войны ввели карточную систему. По карточкам выдавали продукты. В городе голода не было. Был четкий порядок: что положено – выдавали. Население было разделено на четыре группы. Лучше всех снабжали рабочих (особенно железнодорожников), чуть хуже – служащих. Детей снабжали лучше, чем иждивенцев.

Производились массовые призывы в армию. Призывной пункт располагался на углу улиц Кооперативной и Коммунальной. Там постоянно гудели толпы (призывники, дети, жены и т. д.), день и ночь слышались песни, пляски, играла гармонь.

После взятия Орла немцами в Тамбов были перемещены тыловые части, город стал прифронтовым. Все школы сразу были заняты под госпитали, но учебу не прекращали. Я учился в школе № 1. Она сменила за время войны несколько помещений. Находилась на углах улиц Красной и Коммунальной, Кооперативной и Интернациональной. Когда из здания нынешнего управления связи был вывезен госпиталь, школу перевели туда. Помню, как в кабинетах долго сохранялся запах медикаментов и бинтов.

Учились в четыре смены, перемены длились 5 минут, уроки – 30. Тетрадей не было. Писали на оберточной бумаге, которая продавалась в магазинах, из нее сшивали тетради. Писали чернилами и перьями. В школе стоял страшный холод, чернила замерзали, приходилось на них дышать. Занимались в одежде, но занятия не прерывались. В школах давали пайки, которые состояли из небольшого куска хлеба и сахара. Макали хлеб в сахар, ели и были счастливы. Школу отапливали своими силами. Для этого ездили на машине в лес за дровами. Горючего, естественно, не было, поэтому конструкция была газогенераторная. По обе стороны кузова стояли специальные емкости, в которых жгли дрова. Точную конструкцию определить не могу, но работали таким образом. Машины часто ломались, глохли.

В разгар войны произошло открытие кинотеатра «Родина». Это была большая радость для города. Случилось это перед Новым 1942 годом. Самый популярный фильм – «Свинарка и пастух», снятый до войны. Запомнилось состояние, когда только и мечтали разбить эту сволочь и вернуться в то прекрасное довоенное время, показанное в фильме. Билеты стоили около пяти рублей, но попасть в кино было очень трудно. Всю войну перед началом

фильма на втором этаже играли оркестры, состоящие из пожилых людей. Фильмы длились по два часа с перерывами в час. Шли фильмы «Трактористы», «Богатая невеста», «Чапаев» и т.д.

Еще одним развлечением в годы войны был театр, попасть в который было также очень трудно. Наиболее популярной была постановка «Давным-давно». Играли артисты Годлевский и Битрих. Театры не отапливались, зрители сидели в одежде, но артисты на удивление всегда играли в положенных костюмах. Билет стоил около 10 руб.

Тряпичным мячом гоняли в футбол. Хоккея еще не знали. Коньки привязывали к валенкам веревками. Бывали случаи, что туго перетянутые валенки разваливались пополам. Любимым занятием было цепляться крюками за борта автомашин и кататься таким образом.

Летом 1942 года Тамбов сильно бомбили. Немецкие самолеты отличались характерным звуком моторов «у-у». Один раз еле добежали до дома. Прошел над центром, разбомбил театр, Октябрьскую и бросил бомбу напротив гостиницы. Всего 4-5 бомб килограммов по 200. Это была первая наиболее ощутимая бомбежка Тамбова. Вскоре стали бомбить каждый день. В одну из ночей вздрогнул дом. Наутро узнали, что тонная бомба упала на улице Интернациональной (где сейчас «Гастроном», угол Базарной). Мостовая там была не везде, и бомба ушла в грунт метров на десять, но не взорвалась. В одну из ночей расстреляли зажигалками отрезок Интернациональной от Пролетарской до вокзала. Видимо, думали, что в этом районе что-то замаскировано (бомбы падали точно по обе стороны улицы), но там было чистое место.

В магазинах почти ничего не было, но многое можно было купить на рынке.

Праздники отмечали постоянно: 1 мая, Новый год, 7 ноября. Настрой был очень патриотичный.

По городу во время войны передвигались пешком или на лошадях. До войны ходил автобус. Работали заводы «Ревтруд», ТВРЗ, им. Кагановича (ЗПС), строился завод синтетического каучука («Пигмент»). Его начали строить до войны. Дома от этого завода построены были на Интернациональной (13), на Коммунальной в районе Советской (от Чичканова до Комсомольской площади). АТС в городе не было, была ручная ТС. В 1946 г. привезли оборудование, которое монтировали японцы.

Говоря о пленных немцах и японцах, можно сказать, что их было много в конце войны и особенно после. На стадионе «Динамо» проходили матчи с участием заводских команд. Слева от входа располагалось бомбоубежище, присыпанное сверху землей. Интересно было наблюдать, как во время футбольных матчей на этой насыпи сидели рядом пленные немцы и японцы (они что-то там строили). Мы шутили, что, мол, встретились союзники.

С каждым годом войны жить в городе становилось все лучше. Больше стало промтоваров, наполнялись магазины. После снятия Ленинградской блокады в Тамбов стали переправлять худых до безобразия, измученных

ленинградцев. Они просили помощи, им не отказывали и помогали, чем могли.

Из одежды все носили, что придется. Латали дыры, штопали старое.

Да, говоря о бомбовых ударах немцев: они метили больше на Котовск и станцию Кочетовка. Эти стратегические узлы были для них гораздо важнее, чем Тамбов.

Самым счастливым днем в моей жизни стал день 9 мая 1945 года. Весь город две недели гудел и ликовал день и ночь. На площади Ленина круглосуточно проводились гуляния. Играли оркестры, выступали ансамбли художественной самодеятельности, играло радио, заводили пластинки.

В военные годы многие четырнадцатилетние подростки устраивались работать на заводы, но это не было обязательным. От учебы никого не отрывали, и мы при желании учились, сколько хотели. Отец был железнодорожником. Его в самом начале войны прикрепили к Тамбовскому ж.-д. узлу, а нормы пайка у работников ж.-д. были одними из самых высоких.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

№ 744

Из воспоминаний А.Н. Коломытцевой, 1933 года рождения

1992 г.

Стояла ясная, солнечная погода, но по-осеннему уже прохладная. Мы выкапывали картошку. Самолеты появились ближе к обеду, примерно к часу, а то и к двум. Мы уже накопили мешка два, когда послышался отдаленный прерывистый гул, преследовавший меня в годы войны. Скоро мы увидели самолеты, они приближались к городу со стороны Воронежа. Немцы начали бомбить. Как потом выяснилось, немцы, пролетая куда-то на бомбежку, попутно сбросили несколько бомб просто так, ради порядка. Скоро мы привыкли к маршруту немецких самолетов и знали, что туда они летели в 23⁰⁰, а обратно в 14⁰⁰. Бомбы упали во дворе дома недалеко от Базарной площади. В этом дворе жила моя тетка с тремя малыми детьми, они не пострадали.

Вскоре вся семья уехала в Богословку. В деревне мы прожили месяц и вернулись в голодный Тамбов.

Странное дело – во время разгара войны старики затребовали открытия храма. И по велению уже Генералиссимуса, дорогого в то время вождя, отца и учителя, родного Сталина был открыт храм. Бегала я в него каждый день и никакого религиозного трепета за обедней или вечерней нисколько не ощущала. Когда была открыта церковь, то настоятелем Тамбовской кафедры был назначен Священным Синодом Русской православной церкви архиепископ Лука. Он был и великим ученым, хирургом. В миру – профессор Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий.

Предприятия быстро перестроились на военный лад. Это переустройство коснулось и нашей семьи. Мать мобилизовали, и она дома стала шить солдатское исподнее белье, а то и ходила рыть окопы. Платы за это не было никакой, но по бумажке, выданной в военкомате, продавали три килограмма ржавой хамсы. Голодали. Выручала тыква. Полно было спекулянтов.

Училась я в школе № 19. В годы войны это был госпиталь. Очень обидно, но он был венерический. Нам с ребятами хотелось, чтобы в нашей школе лечили раненых бойцов. Учились мы на частных квартирах. [...]*

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Опущены воспоминания о жизни в послевоенные годы.

№ 745

Воспоминания Л.А. Крыжановской, 1937 года рождения*

2002 г.

Старожилы дома № 132 по ул. Советской хорошо помнят, как в военные годы в «нашем» магазине выдавали по карточкам хлеб и муку. У высокой двери магазина еще с вечера выстраивалась длинная очередь, и люди толкались всю ночь напролет, чтобы утром получить хлеб. Остальные продукты покупали на базаре, и стоили они дорого. Хлеб – основная пища. Его съедали много, и всем не хватало. Потому и ругались в очереди, а иногда и дрались из-за хлеба. Придумали записывать каждому номер. Писали цифры мелом на спинах, на рукавах пальто. Иногда писали наслюнявленным химическим карандашом на ладони. Ладно бы еще – заняла очередь и стой, так нет, придумали через каждый час пересчитываться. Если отлучилась, и без тебя стали переписывать очередь, – все пропало, занимай снова. Бузу эту затевали задние, чтобы поближе продвинуться. Они рассчитывали, что, авось, кто-нибудь проворонит свою очередь. Чаще всего это случалось со мной и моей подругой Белкой.

Белка была моя лучшая подруга. Она мне нравилась не только внешне. Смуглая, сероглазая, пышноволосая, с черными кудрями. Она была ловкой, быстрой, сообразительной и цепкой, как кошка, в игре.

Так как очередь занимали еще засветло, то мы, дети, играли в лапту, а когда стемнеет, пели, сидя на длинных бревнах, сложенных кем-то в конце двора. А потом рассказывали разные истории, шутили.

Один раз устроили шутку, вроде бы невинную. Осенние ночи холодные, поэтому мы надевали валенки, зимнее пальто. Иногда ложились на бревна вздремнуть. Так мы с Белкой подожгли валенок у одной девчонки, с которой поругались в очереди, а на рукаве написали новый номер. У нас тоже и руки, и пальто были исписаны мелом, но спать мы не ложились, толкались, чтобы согреться и не уснуть. Очень было весело, интересно. Под

утро меня сменяла бабушка, а Белку – брат Вовка. Потом двор затихал. Жильцы ложились спать, а многие и не спали.

Часто наш сон нарушали бомбежки, и мы бежали в подвал-бомбоубежище. Было страшно, когда выли заводские сирены. Помню, что моя бабушка в подвал не спускалась. Она сидела за машинкой, строчила и пела. Исступленно стучала машинка, жалобно звучала песня... Шить можно было только днем. Вечером не было света, и бабушка ложилась спать, а я шла занимать очередь за хлебом.

В войну умерли мой младший брат Аркаша и любимая подруга Белка.

Квартира на 4-м этаже, где я жила с мамой и бабушкой, была коммунальной. Кроме нас там жили еще 2 семьи, но казалось, что все жили одной семьей. На большой кухне стояли три керосинки. Варили в разных кастрюлях, но питались часто вместе.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Подлинник.

* Запись произведена внучкой С. Алехиной, ученицей ср. школы № 33.

№ 746-749

Воспоминания жителей г. Котовска о военных годах

1994-2006 гг.

№ 746

Воспоминания А.Т. Комбаров¹³¹, 1918 года рождения

1996 г.

22 июня – воскресенье. Муж мой, Михаил, секретарь горкома комсомола, был на организации массового гуляния молодежи в районе Дома отдыха. Я осталась дома с пятимесячным ребенком. Вышла с сынишкой погулять на улицу. Вдруг слышу крик, какая-то суeta. Что случилось? «Война с Германией», – ответила мне проходившая мимо женщина. Прозвучавшая в ее словах тревога тут же передалась мне. Вернулась домой вся в слезах. Телефонный звонок не развеял тревогу. Муж сообщил, что его вызвали на работу, что он задержится.

Ровно через месяц Михаил ушел на фронт. Осталась с маленьким ребенком на руках с матерью мужа и его сестрой.

С началом войны наше 5-е производство вновь перешло на 12-тичасовой рабочий день. Работали по 12 часов. Трудная была жизнь, выходных не давали, пользовались лишь пересменками. Использовали их для решения бытовых проблем. Ходили в лес за пеньками, а лесник не разрешал дрова собирать. Шли в деревню менять барахло на продукты – надо было как-то выживать.

Однажды в цех заходит напуганный мастер: «Выключайте все, угрожающее положение! Быстро бегите в бомбоубежище!». А

бомбоубежище – траншея двухметровой глубины, верх заделан бревнами и засыпан землей. Мы сидели, дрожа и плача в темноте. Не знаю, сколько там просидели, но вот объявили отбой. А какая работа после такой нервотрепки? Следили за небом, за прожекторами.

Пришла домой. Мать мне сказала: «Больше со Славой (так звали моего сына) не останусь здесь, отправьте в деревню». И мы проводили их на Комбаровщину.

Пришли домой. По радио слышим – тревога! Мы бегом в подвал. Вот тут началось самое страшное. Одна бомба упала на стадионе, другая – где фабрика искусственных кож, третья – там, где сейчас находится магазин «Хозяюшка». Здесь стоял электрокиоск. Он был разбит. От ударной волны в нашем доме посыпались стекла. Над заводом сверкали осветительные ракеты – было светло, как днем. Мужчины высыпали из подвала и смотрели. В эти часы враг бомбил наш завод, гибли люди.

Мы вернулись в квартиру. Одно окно застеклили, второе забили досками, заклеили в несколько слоев бумагой. Стены проморожены. Сыро. Топили плиту лишь в комнате.

В 1944 г. муж вернулся уже инвалидом. Собралась семья. Но через год умер наш любимый сын, который вместе с нами пережил холод, голод. Умер от тяжелой болезни.

ЦДНИТО. Ф. 9291. Оп. 5. Д. 38. Л. 16-17. Автограф.

№ 747

Воспоминания Л.Г. Потловой¹³², 1924 года рождения

12 сентября 1995 г.

3 июля 1941 г. по призыву ГК ВЛКСМ я была направлена на трудовой фронт. Руководители горкома провожали нас с духовым оркестром. Мне тогда еще не было 17 лет, и мы с радостью поехали. Руководителем с нами был Теселкин С. Нас провожали родители и плакали – они-то все понимали и представляли, как и что может быть с нами. Доехали мы до г. Брянска и там мы приняли первое боевое крещение. Наш эшелон немцы обстреляли. Из Брянска нас направили в Жуковку. Там мы строили доты и дзоты, затем нас переправили в Алсуфьево. Это прифронтовая полоса. Там был аэродром, и там мы копали противотанковые рвы. Это для нас было самое страшное место. На аэродром по несколько раз в день делали налеты вражеские самолеты, бомбили и обстреливали трассирующими пулями, и мы спасались кто как мог. Некоторые были ранены.

Фронт приближался, был уже слышен гуд орудий и танков. Зажигательными бомбами было зажжено поле пшеницы, и тогда через горящее поле побежали на брянские леса. По лесу ползли ночью, потому что нас обстреливали. На рассвете добрались до в/части, которая нас приняла, дали нам по сухарику с водой, и мы немного передохнули прямо на земле.

Фронт был совсем уже близко, было видно зарево. Потом была дана команда – всех детей отправить домой. Точно сейчас не помню, но 15-20 сентября мы уже приехали в Тамбов. В Тамбове обкомом ВЛКСМ была организована наша встреча с духовым оркестром у дворца «Знамя труда». Руководителем у нас был Демченко Владимир Георгиевич, а Теселкин С. привез нас в Алсуфьево и сразу же уехал. Вот так я побывала на войне. Многие из нас уже умерли, потому что после такой страсти мы все болели.

ЦДНИТО. Ф. 9291. Оп. 3. Д. 32. Л. 1-2 об. Автограф.

№ 748

Воспоминания Л.И. Болотовой¹³³, 1928 года рождения

24 октября 2006 г.

Мы приехали в Котовск с мамой и старшей сестрой в 1938 году. Жили сначала в одноэтажной гостинице на берегу Цны, потом переехали на ул. Колхозную. В первой школе училась со 2-го класса. Учительницей начальных классов была Матрена Никитична.

Летом многие ученики школы № 1 отдыхали в пионерском лагере «Лесной городок», который открылся перед самой войной. На всю жизнь запомнилась первая смена 1941 года. В лагере было интересно. Жгли большие костры, которые составляли из целых сосновых стволов. Играли в военные игры. Запомнилась встреча с Героем Советского Союза А.Р. Посконкиным¹³⁴, воевавшим с белофиннами. Он был в форме моряка, на боку висел кортик, который мальчишки с любопытством трогали руками. Когда в лагере узнали о начале войны, многие дети плакали, так как их отцы служили на границе. В лагере была лошадь, на которой возили продукты. Когда началась война, лошадь куда-то забрали, и дети из старших отрядов ходили за 4 км в Дом отдыха за хлебом.

В сентябре 1941 года занятия в школе начались. Но дети не только учились. Запомнилось, как рыли окопы в районе лесной опушки и села Царевка. Работали вместе с пожарниками, которые потом угощали детей солдатской кашей. В школе на верхних этажах располагался госпиталь, куда привозили раненых.

В 8-м классе школу пришлось бросить, так как зимой нечего было обувать. За картошкой ходила в Яблоновку за 12 км к тете. Когда шла одна по лесу, было страшно. Летом работали на прополке, собирали сено. Колхоз давал справку об отработке, которую приносила в школу. Когда летели немецкие самолеты, прятались в пшенице, потому что было очень страшно. Под Тамбовом был аэродром. Однажды, когда наши самолеты взлетали, один из них упал в поле. Когда подбежали к самолету, то людей там не было, а самолет догорал.

Немцы часто пытались бомбить завод и город. Дома прятались в коридоре, потому что там было темно и не было видно взрывов. В парке, где

сейчас Дом творчества, был летний кинотеатр, куда часто ходила молодежь. Если начиналась бомбежка, то прятались от осколков за экран. На берегу реки Цна в городском парке стояли зенитки, которые отбивали вражеские налеты. Но однажды бомба упала на один из цехов завода, погибло много людей.

ЦДНИТО. Ф. 9291. Оп. 10. Д. 107. Л. 1. Подлинник.

№ 749

Воспоминания Р.А. Антюфеевой¹³⁵, 1931 года рождения

1994 г.

В городском парке демонстрировался фильм «Линия Маннергейма». Молодежь любила парк, здесь вечерами играл духовой оркестр, танцевали под музыку. Люди стали прилично одеваться – в моде крепдешиновые платья, босоножки. Мы, детвора, завидовали старшим, провожали их завистливыми взглядами. В домах стали появляться велосипеды, патефоны – это было признаком благополучной жизни.

И вдруг – война. Началась мобилизация. Из нашего дома добровольцем ушел Леонид Двойнин. Провожали его все. Уезжая, он крикнул на прощание: «Или грудь в крестах, или голова в кустах». Леонид не вернулся с фронта.¹³⁶

Осенью 41-го года был призван наш сосед Илья Никитович Дьячков. Его провожали всем домом до станции. Осень была грибная, по дороге встречались люди с полными корзинами грибов.

Потом начались тяжелые дни, враг быстро продвигался по нашей земле. Вот уже бои за Воронеж, наш город начали бомбить. Котовск замаскировался, проводились ночные дежурства. Отец иногда брал меня с собой. Я этим гордилась, так как помогала ему сбегать туда, где виднелся лучик света в окне.

Город ошетинился зенитными орудиями. Как ни страшно, но любопытно было смотреть из подъезда, как скрещивались лучи прожекторов в ночном небе, отгоняя вражеские самолеты. Иногда им удавалось сбрасывать бомбы, которые не всегда попадали в цель. Так, были сброшены бомбы у радиоузла, у больницы, а больше всего их рвалось на кладбище, которое располагалось по соседству с заводом.

Самая страшная бомба попала в пятое производство. Эта ночь осталась в памяти на всю жизнь. Мы были всей семьей на кухне первого этажа дома, где жили Вырко и Солущевы. Сначала осветительные ракеты осветили ночной город, раздался мощный взрыв, окна мигом распахнулись, и огненная волна воздуха ворвалась в помещение. Люди заголосили. Стало понятно, что бомба попала в цель. После отбоя воздушной тревоги побежали к проходным завода и часовне. Город оплакивал погибших.¹³⁷

Бомбоубежища строили сами жильцы, но бывали там редко. Почему-то предпочитали оставаться в квартирах первого этажа, а бомбоубежища

считали живой могилой. А наша бабушка очень жалела маму, что она измучилась с нами, собирая каждый раз по тревоге. Каждому вручался рюкзак (наволочка со сменой белья и провиантом). В начале войны из съедобного кое-что еще было. Сама бабушка оставалась всегда в квартире, говорила: «На все судьба», но страх есть страх. В результате тревог сердце ее не выдержало, и в ноябре 1942 года она скончалась.

В начале войны в семье нашей было пятеро детей. Брат Саша родился 5 июня, вырос завернутым в одеяло, ходить начал в комнате Паршутиных, чем разряжал тревогу взрослых.

Война разбросала людей. Некоторые были направлены на наш завод из числа беженцев. Так, нашими соседями в квартире оказалась семья Паниной Марии Васильевны с дочерьми Лукерьей и Шурой. Мария Васильевна работала в утильцехе, Лукерья – в 5-м цехе, Шура болела. Еще к нам в квартиру подселили дядю Яшу (фамилию не помню). Он был сапожник, работал на дому как мобилизованный. Так и жили в трехкомнатной – наша семья из 7 человек и пришлые. В тесноте, но не в обиде. Чем могли, помогали друг другу. Наш отец учился у дяди Яши в свободное от работы время сапожничать. Первые сапоги, которые он сшил мне, были из зеленой прорезиненной ткани. В ход пошли фетровые шляпы, мама строчила на машинке верх, отец пришивал подошву. Мама то и дело перешивала, что имелось, одевая нас и соседей.

Было трудно с питанием, но помогали друг другу, делились и похлебкой, и куском хлеба. Помогали соседям пилить дрова, у которых ушли мужья на фронт. Люди перестраивались во имя победы над врагом, во имя лучшего будущего. Дети помогали взрослым: собирали грибы, ягоды, знали, что съедобно, что не съедобно. Знали, где и как растет дикий чеснок. Весной в поле собирали оставшиеся колосья, варили кашу из собранных зерен. Были случаи заболевания туляремией. Однажды такую кашу ела и наша семья, а вечером сообщили, что нельзя пользоваться прошлогодними колосьями. Мама всю ночь не спала, ходила и щупала наши головы, есть ли температура.

Жили в основном за счет огородов. Ходили в деревни менять вещи, посуду на муку, картофель. Однажды такой обмен закончился трагическим концом. По возвращении из деревни повалил сильный снег, люди сбились с пути и ослабленные замерзли. Так не вернулся папин товарищ по работе в РММ Николай Дмитриевич Никитин, он работал токарем.

Трудностей было много, однако, в школе была неплохая посещаемость. Учились прилежно, хотя мерзли руки, и всегда хотелось есть. Сладким и лакомым был кусочек хлеба, подслащенный сахарином. Но детство есть детство. Учились плясать, танцевать, читали стихотворения, ходили в госпиталь чистить картофель, давали концерты. Собирали лекарственные травы: подорожник, полынь, ромашку. Отдыхали летом в пионерлагере. Здесь тоже собирали лекарственные травы, помогали полоть редис, картофель, свеклу, не забывая петь и плясать.

И взрослые, и дети знали, что мы победим. Потому каждый старался делать то, что было необходимо. Приковывали внимание каждого сводки с фронта, радовались каждому успеху при освобождении нашей территории.

Помню сообщение о победе. Сколько было радости на лицах людей! Сообщили рано утром. Вместе с подружками побежали по квартирам с криком: «Вставайте, победа!».

ЦДНИТО. Ф. 9291. Оп. 5. Д. 38. Л. 1-3. Автограф.

№ 750-752

Воспоминания жителей г. Рассказово о военных годах

1995-2004 гг.

№ 750

Из воспоминаний М.С. Алимпиевой, 1925 года рождения¹³⁸

2003 г.

[...]*. Война началась. Мы работали по 12 часов. В это время нас посылали аэродром чистить. Приходили на аэродром, нас зазывали в землянку, переписывают нас, ведут нас к самолету, и надо было ему очистить взлет. У нас, в Рассказово, был аэродром. У нас был подшефный госпиталь в Арженке. Навещали раненых зимой и летом. Носили им махорку, носки, бумагу, конверт попросят если. Как бы ни было трудно, а летом мы покупали ягоду и носили им. Это была у нас подшефная палата. Был и подшефный колхоз. Как начинается уборка хлеба, нас отсылали на весь сезон, всю уборочную мы жили там. Когда все уберем, тогда идем на производство. Фабрика была «Красная чулочница» в Рассказово. И сколько мы перевязали обмоток, сколько носков, сколько варежек для солдат! Зарплату мы не получали, а получали только 30 рублей, а это все остальное для танка, для фронта, для победы над врагом. Хлеб давали 600 грамм рабочим, иждивенцам давали 200 грамм. А хлеб в магазине давали по мешочкам: сдашь мешочек и картошку и получишь хлеба.

У Сталина была дисциплина хорошая, а Сталин делал и снижение и повышение делал, но мы знали, что это война была. Мы мирились с этим, что была война. Строгая была дисциплина, опоздаешь на 5 минут – сажали в тюрьму на 5 лет. И если воровали – сажали на 5-7 лет. А воровали – жить надо было на что-то, но мало кто попадался, боялись эту дисциплину.

Сахара кусочек (рафинад) – 5 рублей, пышка (маленькая, как пряник) – 5 рублей, соевый жмых был тоже 5 рублей. Это мы все покупали.

Ходили на работу пешком – туда 8 км, оттуда. И все старались прийти к часам. И на работе надо было выполнять норму.

После войны мы ничего хорошего не имели: ни обуви, ни одежды. Тут снижение цен стал Сталин делать. Стали колхозники хлеб на трудодни получать. После войны стали уходить из колхозов на фабрики, заводы.

9 мая 1945 года мы шли на фабрику к 6 часам утра. Идем, идут гудки, фабрика «Арженка» гудки дает, Рассказовская гудки дает. А мы думаем: «Опоздали» и кричим: «Ой, посадят». Навстречу с фабрики с ночи идут и спрашивают: «А вы чего идете?», а мы спрашиваем: «А сколько время?», а они: «А чего вам время, война кончилась!». Пошли обратно. Пришла домой, а мать спрашивает: «Ты чего, Маняка, вернулась?», а я: «Мам, война кончилась!». Мать побежала к соседке сообщать. А часа в 2 дня ко мне пришли с работы девчонки человек восемь и человек 5 раненых солдат и мы отмечали.

Как я встретила отца с войны. Демобилизовывали сразу старых мужчин. Я работала на фабрике. Отца в поезде привезли в Платоновку. Там его накупали, накормили. Было время 2 часа дня. Подходит на работе табельщица и говорит: «Марусь, у тебя отец давно письма присылал?», а я говорю: «Уже 4 месяца не было». А она сказала: «Собирайся, не волнуйся, отец твой позвонил с Платоновки, чтобы встретили, в 3 часа их привезут сюда». Мы пришли на это место, была духовая музыка, море цветов. Долго ждали. А я подумала, что меня обманули. Народу много собралось. В 6 часов вечера приехала конка – паровоз такой. Пошли все навстречу, затем побежали. Он вышел, отец мой, из вагона и стал благодарить Сталина и сказал, что благодаря ему мы выиграли войну. И нас на машине привезли домой.

И если бы война продлилась, то меня бы взяли на фронт, т.к. вызывали в военкомат, сняли мерку головы, размеры, т.к. некого было уже у нас на фронт брать.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные годы.

№ 751

Воспоминания Р.Я. Астафьевой, 1926 года рождения

1995 г.

Родилась я в 1926 году в Рассказово. Кроме меня в семье еще были брат и сестра. Жили с мамой и папой в небольшом доме. Папа работал на Арженском суконном комбинате (АСК), был поммастера.

Раньше мы жили на улице Советской, но отцу на работу было далеко ходить, и мы продали одиннадцать коз и купили дом на Пролетарской – оттуда на работу ближе. Мама работала тоже на комбинате, но только до 1937 года, когда я заболела. У меня был гнойный аппендицит, нужен был уход. И потом она уже больше не работала, хватало своего хозяйства.

Дом у нас был небольшой. Пол был деревянный, некрашенный. Раньше полы не красили, только мыли с кирпичом и веником. А в деревнях ведь вообще пол был земляной. Мы когда с мамой ездили в войну выменивать в

деревне продукты, то видели. Кто спал на кроватях, а кто на печке. В доме была кухня и одна жилая комната. Мылись в корыте, воду грели в печке. В доме был комод, стулья. Одежи были в сундуках. На сундуках тоже спали. Занавески на окнах были одни, белые. А в войну занавески делали так: брали бинты во всю длину, сшивали их и обвязывали крючком по краям, чтобы, значит, было понаряднее.

Газеты не выписывали. Радио было. В войну оно всегда было включено – надо ведь было знать, как там наши, какие города оставили, заняли, последние известия.

В школе учителя были очень строгие, не то, что сейчас – только расхлябанность одна в школе, ничего не учат. Была у нас одна учительница – Клавдия Алексеевна, по математике. Ее все звали «оса», очень боялись.

В каникулы ходила в летний пионерлагерь, но только одно лето. Не понравилось мне там. Папа спрашивает: «Что, не пойдешь больше?». «Нет, говорю, – не пойду». Скучно там было.

В пионеры вступила, а комсомолкой не была – кончила семилетку. А потом было все равно – что в комсомоле, что нет.

Спали на перине или на старой одежде, покрывали простынями, их часто стирали. Накрывались одеялом, они были очень жесткие, так и назывались – грубосуконные.

Фильмы редко смотрела – где уж было. Помню только, ну, это: «Мустафа дорогу строил...» – «Путевка в жизнь».

В войну остались две козы, продавать и зарубить было нельзя. Держали их в большом сарае, покрытом соломой. Там же была и топка. Топили дровами, потом шишками, были колки, сучки. Папа был передовиком, и в войну ему один раз отписали машину торфа.

Был у нас огород и сад – 11 соток. Выращивали картошку, лук, морковь, огурцы, помидоры, капусту. Двор был огорожен забором, он уже становился старым.

Работать пошла в 42 году на комбинат. У меня день рождения в июне, а меня оформили в мае, когда еще не исполнилось шестнадцать лет. Папа был передовиком и просил в отделе кадров, и меня приняли.

Работала сначала весовщицей (потом, уже после войны, в машинно-счетном, в аппаратно-прядельном). Работницы должны были следить за пряжей, чтобы не было обрыва нитей. Так она и ходит всю смену за ней. Говорили так, что «до Тамбова за смену доходят». А я потом взвешивала пряжу на весах. В машинно-счетном работала главным счетоводом. Там была нарядовая система, рассчитывали приход-расход и другое.

В войну смена была двенадцать часов. Работали с 6 утра до 6 вечера. В 5 часов утра был гудок потоньше – будили на работу, потом гудок в 6 часов – начало смены, и по окончании смены тоже был гудок.

На улицах были колодцы, из них брали воду. Стирали глиной. Папа ведь работал, у него рабочая одежда вся была сальная. И ничем, кроме глины, это сало не отходило. Глину брали в овраге недалеко от дома. Одежда

после каждой стирки меняла цвет, «седела». Мылись хозяйственным мылом, но оно было очень дорогое.

Дисциплина на комбинате во время войны была очень строгая. Опоздание, прогул – всегда было какое-то взыскание, записывали выговор, строгий выговор в личное дело.

Был такой случай. Одна женщина работала на военном заводе, уж не знаю где. И у нее заболела мать, ее парализовало. И вот та женщина приехала к ней и стала работать на комбинате. Так ее отыскивали и осудили, потом отправили обратно на тот военный завод.

Вообще, старались не говорить лишнего – мало ли что. В общем, о репрессиях этих ничего не знали. У нас тут ни на улице, ни еще где никогда никого не забирали. Так что мы об этом и не слышали. Вообще, всем этим особо не интересовались. Мама, папа есть – что еще надо. Как они скажут, так себя и ведешь, что надо – делаешь. Мама сказала огород полоть – и ни слова поперек не скажи.

Вообще, в войну жили тяжело, очень голодно. Многие умирали голодной смертью. У папы в конце войны был упадок сил, он лежал. Мама меня предупредила – будет просить больше есть – не давай. И я не дала больше.

А у соседей так было. Муж попросил жену чуть-чуть поесть, а она и говорит: «Почему чуть-чуть, я в три раза больше супу принесу, и каши в три раза больше». Так и принесла. А на другой день он умер. Вот почему тем, кто в концлагере был, говорят мало есть. У них ведь все желудочки ссохлись.

Зарплата у меня была маленькая – 225 рублей. А буханка хлеба тогда стоила 350 рублей. Еще были карточки на хлеб и еще на что-то. На иждивенцев тоже были карточки, мы с мамой получали. Рабочим вместо карточек могли давать талоны на питание в столовой – там был суп овсяный, гороховый, каша чечевичная. Хлеб был овсяный, кукурузный, ржаного ведь не было. Выдавали по 200 грамм. Мама тоже хлеб пекла в печке.

Ходили с мамой в лес, собирали грибы и ягоды. Грибы солили и продавали на рынке. Это тоже была поддержка. Потом еще ходили в лес – там оставались пни после рубки. Мы их с мамой подчищали и тоже продавали. Ездили в деревни в войну, меняли старое тряпье на продукты. Выменяли и отцов костюм. Меняли на картошку, брюкву, свеклу, капусту. Вообще, в деревне жилось лучше – хоть свой огород, да и хоть были трудодни, но им давали и хлеб, и зерно.

В казенной квартире было плохо. У нас хоть козы – забеливали молоком суп. Варили супы из лебеды, крапивы. Выменивали красную свеклу, белую свеклу, тыкву. Тыкву парили, но не так, как сейчас. Мама вычищала все изнутри – семечки, лохмушки, ставила на таган и в печку. Из нее вся влага выходила, была вкусной.

Для топки собирали сучки, «кукушки» (шишки), колки. Тряпки меняли в Саюкино, Ивановке, Алексеевке (Рассказовский район).

Вообще, как появилась хоть самая маленькая картошка, «синяя», сразу стали ее подкапывать. Было время, вообще не знали, что есть. Я тогда

полезла в погреб, нашла там хрен, еще несколько картошин и подсушила их на сковороде, масла ведь не было, только добавила воды.

На комбинате в основном работали эвакуированные из Украины, Белоруссии. Это были женщины и дети. Жили они в общежитии. Тут было много госпиталей – в клубе, больнице.

Много молодежи работало на комбинате. Организовывали комсомольские почины. Уходило много добровольцев на фронт. Угоняли на трудовой фронт. Рыли окопы в Керше. Это тех, кто постарше. Если убегали, то могли отправить в колхозы – там тоже не хватало рабочих рук. Еще пилили дрова, на месяц забирали резать торф. Девчонки рассказывали, что было очень холодно, на сапоги наматывали еще тряпки. Им на двадцать человек могли дать пять пар резиновых сапог – и делай, что хочешь. Торф потом сушили. На аппарат или сельфактор не посылали.

Одежду берегли. Сапоги были редкостью. У меня сапоги были рваные, поверх их накладывали картон, и папа прошивал его проволокой. Картон хватало ненадолго. Прихожу, говорю: «Пап, опять...». «Ну, давай!». И опять прикручивает мне проволокой.

Однажды американцы прислали на комбинат утиль, старое тряпье. Оно должно было идти в производство, проходить через «рвач», который его перерабатывал. Часть тряпок, которые еще можно было носить, распределили среди передовиков по килограмму. Моему папе достался коричневый берет, юбка и еще кусок материи. Этот кусок мама потом переделала, сшила мне безрукавку. И так в этих берете, юбке и безрукавке я ходила до конца войны. Берегла – ведь на работу надо было ходить, о выходном и не мечтала. Кончилась война – ни зимнего, ни осеннего пальто, ничего у меня не было.

Для родственников комсостава в войну существовали спецмагазины. Один из них называли «Каташкин». Говорили, что раньше в том доме, где был этот спецмагазин, жил еще до революции купец Каташкин. Отоваривались в этом магазине родственники офицеров по специальному документу из военкомата.

После войны были коммерческие магазины, продавали хлеб – стоил дороже, [но] мало, чем отличался.

Я награждена медалями «За доблестный труд»*, «Ветеран труда», «50 лет Победы»**. С 1993 года на пенсии. Вот недавно к 50-летию Победы прислали приглашение в администрацию, подарили книгу о Жукове.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Так в документе. Правильно – «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

** То же. Правильно – «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

[...]*. Окончила 6 классов и пошла учиться в ФЗУ на ткачиху. В то же время работала на суконной фабрике ученицей ткачихи. Закончила ФЗУ уже во время войны. Начала работать ткачихой. Нас, молодежь, начали гонять на уборку хлеба, свеклы, картошки. Посылали за дровами в лес, а потом сами их пилили, чтобы топить печь на фабрике.

Когда открыли госпитали в СШ № 5, ЦРБ, ФЗУ, клубе, то мы помогали и там. Идем вечером с работы, а нам шумят, чтобы мы помогали разгружать машины с ранеными. Машины приходили к ЦРБ, а мы на носилках разносили раненых по близлежащим госпиталям. Порой за станками так устанешь, что домой сил нет идти, а от помощи раненым никогда не отказывались. Да и дома было дел полно. Отца забрали на фронт, так что дел дома прибавилось. Гулять было некогда, очень рано мы повзрослели.

Во время войны, когда сооружали у нас военные склады, по нашей улице расселяли солдат и к нам поселили четверых. Поэтому матери было тяжело кормить нас пятерых и еще их четверо. Бывало, дома не оставалось ни крошечки.

Как-то осенью 1942 г., когда мы помогали в госпитале, я познакомилась с одним раненым солдатом. Мы вместе гуляли. Через 3 недели его отправили на фронт. Он обещал писать. Я от него получила только 2 письма.

В октябре 1943 г. нас послали строить железную дорогу на Куксовском болоте: делали насыпи, рыли песок. Там простыла и линию не достроила. Я заболела, и меня положили в больницу. Две недели лежала в полубреду. Выписали из больницы, а через неделю у нас умер братик. Он сильно простыл и две недели болел.

Я вышла опять работать на фабрику. А в январе, когда с братом пошли воровать солому в сильный мороз, я опять простыла и заболела воспалением легких. Врачи меня еле выходили. После этой болезни я была очень ослаблена.

В апреле 1944 г. пришла похоронка на отца. Мама это еле пережила. Мое здоровье еще больше ухудшилось. После войны была один год на пенсии по состоянию здоровья. У сестры вернулся муж с фронта. У нас появился мужчина в доме. [...]*.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Опущены воспоминания о жизни в довоенные и послевоенные годы.

[...]*. Начало войны не помню. Во время войны в Моршанске были госпитали, я ходила в госпиталь, мы помогали медсестрам. Рыли окопы. Во время войны все продолжало работать, мы учились. Моршанск не бомбили, но один раз я видела немецкие самолеты, такие страшные, огромные. Я пошла забирать сестру из садика, и шум вдруг – самолеты. Воспитатели заставили нас всех лечь в яму, мы ужасно перепугались.

Во время войны бала такая должность, как «стукальщик». Они должны были ходить и стучать людям в окна, чтобы тушили свет и прятались в убежище.

Запомнилось, как во время войны мы меняли хлеб на кусочек мыла. Мыло было большим дефицитом – солдатам давали положенное количество. И вот мы обменивали. Бывало, принесешь этот кусочек – умоешься, помоешь голову, а потом в этой же воде стираешь белье. А вообще мыло удавалось достать очень редко. Летом собирали цветы-«мыльники» и купались, использовали их вместо мыла. Я запомнила, как чесались учителя на уроках – почти у всех были вши. Это тогда, во время войны, считалось почти нормальным, люди не домывались.

Питались плохо. Ели в основном тыкву, картошку, свеклу пареную. Мясо почти не ели, только по большим праздникам. Хозяйства своего не было, только несколько кур. Сажали картошку – ездили в поле. Добирались на товарном поезде: утром туда, вечером с этим же поездом обратно. Ездили «зайцами» на подножках, многие, особенно молодые ребята, ездили на крыше.

Рядом с нами жили очень богатые люди: начальник депо с женой. У них было много красивых вещей: посуда, одежда. Когда у меня был выпускной, они подарили мне платье очень красивое – салатное с тюльпанами. У этой семьи было двое детей. Они часто уходили, а мы с сестрой сидели с детьми, нянчили их. За это они нам постоянно дарили что-то из одежды – то юбку, то кофту. Так что по сравнению с другими я была еще нормально одета. Некоторые так бедно жили, что даже ниток не было. У меня была одна подруга. Она поехала поступать в мединститут, у нее даже не было юбки, я ей одолжила.

Праздники отмечались, но скромно. Больше и лучше отмечались религиозные праздники, особенно Пасха: пекли куличи, красили яйца, ходили на кладбище. Очень хорошо отмечали день Победы, особенно первые годы после войны: песни, пляски. [...]*.

Личный архив В.Л. Дьячкова. Фонозапись.

* Опущены воспоминания о жизни в предвоенные и послевоенные годы.

9 марта 2005 г.

Перед самой войной я просил отца сделать мне маленькую косу, хотелось научиться косить. Да и литовка такая была в наличии. Мне было в то время 12 лет. Но, как сегодня помню, отец сказал: «Погоди, сынок, еще накопишься и намахнешься косой». Так и вышло. В конце июня 1941 года его призвали в армию. Сразу же он оказался на фронте под Старой Руссой, где вскоре и погиб¹⁴⁰. И уже этим летом я получил наряд от бригадира косить горох. Косьба вообще очень тяжелый труд, а косить горох тем более. Пришлось брать косу отца, длинную, тяжелую и для меня почти неподъемную. Потом культивировал поле, готовил его под сев озимых. Сеял из лукошка, как заправский мужик. Пахал, бороновал. Вozил зерно на станции Фитингоф и Вернадовка.

Я и сейчас не могу себе представить как мы, подростки, от горшка два вершка, взбирались по набитым планкам деревянного трапа вверх вороха зерна, чтобы на самой верхотуре высыпать рожь из мешка. Рожь была и нашей кормилицей в то время. Если сегодня некоторые не выпускают изо рта резиновую жвачку, то мы жевали зерно. Взять с собой что-нибудь из еды у нас возможности не было.

Учеба в школе продолжалась, но нужно было и огород вскопать, картошку посадить и убрать. Картофель был не только «вторым», но и «первым» хлебом. Если горожане получали хоть немного хлеба по карточкам, то сельчанам начислялись трудовни, на которые в конце года ничего не приходилось. Нас кормил не трудовень, а трудоночь, когда наши матери, возвращаясь с поля и тока, приносили немного зерна. И это несмотря на строгий запрет. Ведь некоторых за это судили. Но не зря говорят, что голод – не тетка, он требует своего удовлетворения.

На нас, мальчишках, лежала ответственность за заготовку сена для домашних животных. А его требовалось много: на каждую корову 150 пудов и по 30 пудов на овцу. К тому же косить траву запрещалось, и делали это тайком. Вывозили траву на тачках и двух колесных тележках. Этот запрет был все же номинальным. Тебя могли застать за косьбой в русле ручья или в поле, тогда прощай, коса: отберут и не всегда вернут. Но сушка травы проходила, как правило, на площадке возле дома, под окнами. Это не возбранялось. Ведь все знали, что если семья не сможет содержать корову и двух-трех овец, то она погибнет с голоду. К тому же она не сможет заплатить ни денежный, ни натуральный налог. Надо было сдать в год 32 кг мяса в живом виде, кажется, 200 литров молока и 150 яиц. Кроме того, в годы войны выпускались облигации внутреннего займа, на которые надо было подписаться и платить.

Мальчишкам приходилось заготавливать дрова на зиму. Нас собиралась целая ватага из 7, а то и 12 человек. Мы на тачках ездили в лес за 4 километра и возили оттуда сухие сучья. Мы пасли телят, кормили и поили

скот, чистили хлев, носили воду, да чего только мы не делали. Ведь мы были мужчинами. Но, конечно, основная нагрузка ложилась на женские плечи. О них пелось в частушке:

Я и лошадь, я и бык,

Я и баба, и мужик.

Учились по-разному: кто хорошо, а кто-то и неважно. Другие и вовсе не ходили в школу по простой причине: либо не в чем было ходить, либо было не до школы – приходилось работать. Мне учеба давалась легко. И самым большим наказанием для меня было не пустить меня в школу. В школе не хватало учебников, не было тетрадей, и мы писали на книжных страницах, на газетах, обоях. В классах стоял не просто холод, а холодище. Чернила замерзали, и их приходилось отогревать в руках или дыханием. Ходили в школу в старой одежде, разбитой обуви и в мороз, и в дождь. Некоторым до школы было три километра, а другим и все семь. И это был подвиг.

После окончания 7 классов поступил в Моршанскую фельдшерско-акушерскую школу. Учились и трудились напряженно. Учащиеся ФАШ заготавливали дрова для города Моршанска. Сначала в районе станции Вяжли, откуда на платформах перевозили в город. Потом заготовка дров велась на Вьюнском кордоне, недалеко от села Керш-Борки*. Жили в риге, спали на соломе. Заготовленные дрова с делянки стаскивали и грузили на вагонетки, по узкоколейке перевозили к реке, перегружали на плоты и сплавляли вниз по Цне до пристани недалеко от суконной фабрики. Потом оттуда дрова попадали в город. Большинство учащихся были девочки. Для них это был непосильный труд.

Не раз выручали меня крестьянская сметка и сообразительность. Однажды нам, мальчишкам, поручили разобрать брандмайерскую стену внутри двора на кирпич. Стена была довольно высокой, и сброшенный со стены кирпич раскалывался. Директор школы Л.М. Краснянский предложил: кто найдет выход, чтобы кирпичи не разбивались, тот получит неделю отпуска. И я вспомнил, как мы с отцом ссыпали картошку в яму на зимнее хранение – по деревянному желобу. Я и предложил из трех длинных досок сделать желоб и по нему спускать кирпичи. Сказано – сделано. И пошли со стены целенькие кирпичики. За эту неделю отпуска я очень хорошо помог матери.

Второй раз, уже на Вьюнском кордоне, сложилась очень трудная ситуация. Узкоколейка, по которой перевозили дрова к реке, оканчивалась в начале делянки, и дрова приходилось таскать все дальше и дальше. Девчонки вдвоем, а то и втроем еле справлялись с метровыми швырками. Были рельсы, чтобы удлинить дорогу, вместо шпал можно было приспособить напиленные дрова, но не было костылей, чтобы закрепить рельсы. Завуч школы М.Я. Палатова обратилась ко всем с просьбой помочь найти костыли. И мы, трое мальчишек, нашли и принесли костыли. Дорогу удлинити, работа закипела и близилась к концу. Нас за это поощрили досрочным отпуском с работы.

Нам, мальчишкам, пришлось выполнять и более сложные, ответственные и, я бы сказал, опасные для жизни задачи. Нас поставили под ружье. Вручили нам винтовки и поручили охранять военнопленных. В их числе были немцы, итальянцы, австрийцы, венгры, румыны и словаки, а в конце 1945-начале 1946 года и японцы. Их доставили во двор городской больницы человек 100 и поместили в сарай, где, кстати, размещалась и их охрана – человек 15 учащихся ФАШ. С нами был лишь один военный, да и тот раненый – Николай Иванович. Жалко, позабыл его фамилию. Но после войны, когда я работал первым секретарем Моршанского райкома комсомола, мы с ним встретились. Приехал я в Старотомниковскую среднюю школу, а Николай Иванович в ней работал. «Бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе сражались они».

Под Моршанском был развернут лагерь для военнопленных, где размещалось несколько тысяч человек. Сейчас от него практически ничего не осталось. Так вот оттуда и пригнали в городскую больницу пленных в основном для ремонта ее помещений. Правда, они еще перетаскивали дрова с пристани за суконной фабрикой в больницу; вытаскивали и укладывали в штабеля сосновые бревна для лесозавода, сплавленные по Цне.

У нас не было ни одного случая не то что издевательства над военнопленными, но и вообще какого-либо давления на них. Их кормили по международным нормам, давали хлеб, мясо, масло. Конечно, паек был скудный, но мы – их охранники – ничего этого не получали и питались хуже пленных. Нас кормили в лучшем случае щами из «метровой» капусты. Так мы называли это блюдо, потому что капуста была порублена длинными лентами. Иногда щи сдабривали томатной пастой. Добытые нами картофель и лук мы готовили, прислоняя их кусочки к раскаленной чугунной буржуйке, с помощью которой мы обогревали караульное помещение. Это было не кушанье, а лакомство, но его было очень мало. Мы испытывали постоянное чувство голода.

Мы заменяли бойцов Красной Армии, а было нам по 16-17 лет. У меня даже после окончания школы рост равнялся 140 сантиметров, а длина винтовки со штыком составляла 166 сантиметров. Мой вес был около 30 килограммов. Вот какие мы были аники-воины. Пленные нас слушались, и даже ни одной попытки побега не было. Конечно, они видели, что война Гитлером проиграна и идет к концу. И все-таки страшновато было с винтовкой и обоймой патронов охранять 10-15 здоровых фрицев, как мы их тогда звали. Тогда же это было обычным делом.

Учащиеся ФАШ рыли траншею для газопровода Саратов–Москва, мы копали канал для судов в обход плотины суконной фабрики на реке Цна, дежурили по ночам в горисполкоме, помогали врачам больницы и госпиталей лечить больных и раненых. Во время практики мне поручили принимать роды у первородящей. Я промучился с ней всю ночь. Не меньше моего и она, наверное, мучилась со мной. Но все обошлось благополучно.

В госпитале – бывшее здание библиотечного техникума – мне снова повезло. Уже на второй день практики мне пришлось ассистировать хирургу

в проведении 14 операций раненых солдат. Ассистирует обычно хирургическая сестра с большим опытом и навыками, хорошо понимающая и сработавшаяся с хирургом. Осложнялось дело и тем, что в то время наркоз – эфир или хлороформ – капали непосредственно на марлевую салфетку, положенную на проволочную сетку, накрывающую рот и нос оперируемого. Этим наркозом дышали все в операционной. И среди нас, голодных и худых, от этого наркоза случались внезапные обмороки. Так вот никакого наркоза я не почувствовал, потому что слишком велика была ответственность за порученное дело.

Голодали мы очень. Я серьезно тогда считал, что богатый человек – это тот, который вдоволь ест хлеб. Помню, сдавали экзамены. С утра каждый день рыли канал. Потом с 14 часов шли экзамены и консультации. Вырваться домой в деревню не было никакой возможности. И с работы на канале не отпускают, и к экзаменам необходимо готовиться. Я три дня ничего не ел. Как говорят, во рту маковой росинки не было. Двое девчат из нашей школы – Лида Сахарова и Настя Садкина, жившие на той же квартире, что и я, – видели мое положение и предлагали свои скудные продукты. Но я «мужественно» отказывался, говорил, что я не голоден. Тогда они налили мне глиняную черепушку пшенного супа, принесли в мою комнатку и ушли. Я, конечно, в момент расправился с этой едой. И вот теперь, когда меня спрашивают какое блюдо самое вкусное, то я отвечаю: та черепушка с пшеничным супом. Не было для меня ничего вкуснее этого супа.

Дисциплина в школе была строжайшая. Нам полагалась по карточке 0,5 кг хлеба в день. Отоваривание же карточки было поставлено очень плохо. И вот однажды с 8 часов утра я встал в очередь, чтобы получить хотя бы полкило хлеба. Эту пайку мне удалось получить только в 3 часа дня, а занятия у нас шли во вторую смену, с 12 часов. Я, конечно, на них не успевал и вынужден их пропустить. На следующий день прихожу в школу, а меня ждал сюрприз – приказ об отчислении за прогул. Только благодаря усилиям классного руководителя и моей успешной учебе меня еле-еле восстановили.

С тревогой и надеждой ждали вестей с фронта, сообщений Совинформбюро. До сих пор звучит в ушах голос Левитана. Мы все были патриотами своей страны. Наш патриотизм не был абстрактным теоретическим понятием. Он измерялся нашими успехами в учебе, в труде, поведением. Приезжала к нам в школу мать Зои Космодемьянской Любовь Тимофеевна. Она рассказывала нам о своих детях – Зое и Саше, о их подвигах. Нам было очень жаль мать этих детей. Она вместе со всеми переносила горе от потери дочери, но должна была донести свое горе и до нас, малолетних мальчишек и девчонок. Простой бесхитростный рассказ ложился на нас как тяжелый груз, он давил на наши неокрепшие души, и каждый переживал ее горе как свое личное. Вернее эти два чувства сливались в одно: до каких же пор фашисты будут нести страдания нашему народу, и что требуется от каждого из нас, чтобы приблизить победу.

Зимой 1945 года нашу область охватила эпидемия сыпного тифа. Всю школу подняли как по тревоге и разослали по районам области для борьбы с

«сыпняком». Я попал в Староюрьевский район. Плохо мы жили в Пичаевском районе, откуда я был родом, но то, что я увидел в Староюрьевском районе, меня просто потрясло. В домах почти полностью отсутствовали дрова. Печи топили соломой и сухим навозом. Вместо деревянных полов в избах были глинобитные. Не было бань. Бороться с вшивостью, главной причиной переноса инфекции, было нечем. Дезкамеры по прожарке одежды у нас были, но топить их было нечем. Выручало мыло «К». Этот препарат очень хорошо справлялся со своей задачей по уничтожению вредных насекомых. У него был лишь один недостаток – стойкий и неприятный запах. Он чувствовался чуть не за версту. Но с этим приходилось мириться.

Наша задача заключалась в ежедневном подворном обходе и выявлении больных с высокой температурой, их хоть какой-то изоляции или госпитализации. К эпидемии сыпного тифа прибавилась туляремия, разносчиками которой являлись грызуны. Принятые в области меры сделали свое дело, «сыпняк» был побежден. В ходе этой борьбы были случаи заражения и болезни наших учащихся. Уберечься от сыпного тифа было очень трудно.

Трудного, трагического и подчас непосильного для детских плеч было много, всего не перечислишь. Два раза меня спасло только чудо. Я до сих пор удивляюсь, как не погиб под колесами поезда. Ведь садились на поезда и прыгивали с них на ходу. Как я спасся, до сих пор не знаю. Какая-то внутренняя сила и интуиция собирали в комок всю мою энергию и спасали меня. Один раз я чуть не замерз, но сумел правильно сориентироваться и выйти к деревне. Одновременно были спасены и две женщины. Встречался и с волком, который сел на дороге и ее не уступал. Это было морозной зимней ночью. Как было миновать его? У меня не было даже перочинного ножа. Пошел прямо на него, и волк отошел в сторону от дороги метров на десять и снова сел, наблюдая за мной. Прошел я мимо него благополучно, но сердце билось как овечий хвост, а душа ушла в пятки. Матери об этом случае я не рассказал. Не хотел ее лишний раз беспокоить.

Так мы жили и боролись, приближали победу. Дело свое делали хорошо. Достаточно привести такой факт: в зачетной ведомости свидетельства об окончании ФАШ у меня по 30 предметам из 32 стояла отличная оценка и только две четверки. И я этим очень горжусь.

ЦДНИТО. Ф. 9291. Оп. 10. Д. 110. Л. 1-6. Подлинник.

* Так в документе. Правильно – Кершинские Борки.

№ 755

Из дневника В.П.Троицкого¹⁴¹, 1881 года рождения, жителя г. Кирсанова, о военных годах

1941-1946 гг.

1941-1942 гг.

Едва кончилась школьная работа, как невероятная весть ошеломила всех людей. Война! Трудно описать, как подействовало это известие на жену. Прямо удивительно, как не произошло катастрофы. Жена собралась с последними силами и взяла себя в руки. А события развивались. По городу ходили призванные всех возрастов. Отобрали радиоприемники, что было особенно тяжело. Возился дома. Бегал на площадь, чтоб добыть сведения о фронте. Юлия¹⁴² прислала отчаянное письмо. Ответил, чтоб приезжала. Приехала. Приехала Хохлова и рассказала о событиях в Киеве.

Из школы выбрались в монастырь, а оттуда к вокзалу. В городе толпы провожающих женщин и детей. Театр наполнился толпами комсомольцев, которых отправили в помощь армии к Вязьме. А из Вязьмы прибыло несколько тысяч (3) заключенных женщин, прошли отрядом сзади нашего огорода и обосновались потом в МТС. Появился отряд автомашин и обосновался в Голынской школе. Несколько шоферов ворвались в сад, вели себя вызывающе, изломали городьбу.

Юлию уговорил ехать в Москву за вещами. Колебалась, но поехала. В городе появились беженцы, среди них много богатых. В дом поставили квартирантов с Вязьм-лагеря*. Вязьм-лагерь* начал спешно строить аэродром с помощью пригнанных женщин, отбывавших наказание. Оклейка стекол полосками. Ночные дежурства на улице. Затемнение окон.

Вернулась Юлия. Разместились так. Жена в зальчике. Мы с Юлией в спальне, а квартиранты – муж с женой и девочкой – в комнате за кухней. С квартирантами жили дружно. За речкой проходили оживленные базары. Дешево продавались всякие вещи. Велосипед – 400 руб. В военный городок перевели школу из какого-то польского города. Мне предложили там работать, и я начал ходить туда. Много молодежи из десятилеток. Меня ободряли и говорили: «Бойцы довольны». Занимались в бывшем складе.

По дороге из городка покупал дрова. Цены стали расти, и пшеничная мука дошла до 150 руб. Купил полпуда. С военгородком расстался поздней осенью, так как они искали штатного. Они вскоре куда-то переехали. Занятия открылись в железнодорожной школе.

Жарко. Мешали проезжающие тракторы. К осени нас перевели рядом с аптекой. На молоканском лугу занималась тамбовская автошкола. Вскоре ушли, пришла пешком тамбовская пехотная школа. Стало жутко. С запада мимо школы шли автомашины.

Когда еще школа была в монастыре, начались занятия по борьбе с ОВ. Почту охраняли комсомольцы (Рассветов). Мне пришлось быть в ночной охране общежития педучилища.

На Крыловом лугу образовались склады остатков западных фабрик. Хохлова уехала с семьей в Камбарку. Отобрали лопату и пилу для армейских частей.

С Юлией вышли нелады. Рассорились из-за картошки, которую она отнесла к вокзалу, из-за дров и другие мелочи (туфли, кочерга). Когда выпал

снег, уехали квартиранты (сначала муж, потом жена) куда-то в Пензенскую область. Потом ушла Юлия на квартиру.

Перейдя кризис в отоплении, я стал принимать меры к сокращению отапливаемой площади и утеплению. Окна во двор в спальне были наполовину заложены сеном, в кухне остановили отопление, и для изолирования сколотил из ящиков, которые оставил Гречанюк, дверь в кухню, взяв петли из голубятни. В доме стало тоскливей. Огород дал ничтожное количество картошки. Осенью ходил на Прорву за белой глиной два раза. Изолировка кухни оказалась плохой, на стенах появился иней. При оттепели падал на пол. Образовывались вороха снега, который приходилось вычищать лопатой. Зимой стали громить заборы. Чтоб сохранить задний забор, пришлось рыть глубокую канаву в снегу и зарывать забор глыбами снега. Это помогло и забор уцелел.

Питание зимой было плохое. Сколотил салазки и часто после окончания занятий в школе ходил с салазками на базар, чтоб достать подешевле картошку.

Молотьба семечек. Помол муки чрез Сухоручкину. Чинка валенок.

Посевы подсолнухов остались в поле. Собрать, возить и молотить мобилизовали школьников. Молотили в Молоканщине и во дворе и на улице цепами, палками и граблями. Ходил несколько раз. Получил потом четверть масла. Заготовил шило, иголку, нитки и занялся починкой валенок. Материал для починки нашел в хламе на балконе. Попались остатки детских Николаевых валенок. Резал их пополам и починил валенки.

1942-1943 гг.

Предвидя по всему длительный продовольственный кризис, решил работать летом трактористом. Трактором я интересовался раньше. Решил ходить в конец зимы в МТС. Договорился с дирекцией и стал практически изучать трактор. Добавочно обращался в ТМШ.

В конце зимы я освоился с трактором. Пробирался в МТС по тающему снегу, рискуя провалиться и залить ноги. В школе я нес большую нагрузку и в МТС работал после обеда. Как только отошла земля, трактористы отправились в поле, а я остался на работе в школе. Два раза по воскресеньям ходил на практику (лесок за Тоновкой и плато вдоль Шиновки).

Сад не цвел, домашний огород был запущен и залужен, и виды на продовольствие были самые мрачные. Весной в зальчике стали квартиранты – два лейтенанта из пехотной части. Я деятельно принялся за копку огорода. Помогал один лейтенант. Он копал около штрейфеля и немного вдоль дорожки на южной стороне. Посадили свеклу около клумб, морковь, подсолнухи. Посадили картошку.

После дали 2-й огород – коллективный. Сначала дали вдоль кобяковской дороги, на южной стороне, где поворот на аэродром. К вечеру пришли делить огород все учителя. Почти все приоделись, но лопат было только две. Нечем было отмечать межи. Но на другой день стало известно, что огород в другом месте, значительно южнее и ходить чрез овраг. Попав на

новый огород чрез кобяковскую дорогу, я возвращался назад с Соколовым через овраг и не мог признать местности. При покупке семян для нового огорода случайно попали на круглую картошку, которая потом все время выручала нас. Семена покупала жена, она же сажала. Половину огорода посадили картошкой, а половину свеклой. Свеклу посадили очень часто и очень мало продергивали. Сосед – Войткевич. Часть огорода была засеяна коллективным просом. Возвращение с уборки гороха через огород.

К этому времени (20 мая) перешла в кухню Воскресенская с двумя дочерьми. Старшая устроилась учетчицей в тракторной бригаде, а младшая дома. Воскресенская помогала жене переделать некоторые вещи и мне тужурку. Тонька приглашала Рябову и ухаживала за лейтенантами, что очень не нравилось жене. Начались ссоры.

Как только кончились занятия в школе, я взял путевку в бригаду № 17 на полпути в Вяжлю. Я должен был заменить тракториста Наумова, отзываемого на ремонт комбайнов в МТС. Наумов не хотел бросать хорошего заработка и только потом, под угрозой отправки в армию, уступил место. На этом месте я имел очень мало практики. Бригада пахала и сеяла. Рядом молотили огромный омет прошлогодней пшеницы. Такими ометами была установлена вся дорога от Чутановки до Вяжли. Бригада работала плохо. Из 4 тракторов работал 1-2. Не было прокладок. Поэтому я получал отпуска и ходил пешком в город. В бригаде работала по политчасти Аза и кой-когда бывал на велосипеде Устинов. Остальные трактористы – мальчишки. Потом переехали за деревню Кезьминку, где у меня начались желудочные заболевания. Я ходил домой чрез Кезьминку. Пахали за Вяжлей около речки. На ночлег расположились в избушке, ночью готовился ужин, но подошла кирсановская военная автомашина, я попросил посадить меня, и в час был дома. На другой день был в амбулатории, и меня заставили бросить работу и на 2 недели лечь в постель от сердца. Пришлось распрощаться с мыслью о заработке на тракторе, и со всей остротой встал вопрос о питании.

В саду было много сушняку, и я стал убирать его частью на зиму, а более мелкий – на костер под таган. Чтоб не пропадали и маленькие ветки, я вязал их в пучки стеблями подходящей травы. Большие пучки для печки, маленькие – под костер.

Воздушная тревога. Несколько раз я ходил с учениками на колхозные поля убирать горох и семечки. Собирались в школе и шли через Легущевку в поле. Ученики набирали себе горох и семечки. Назад часто возвращались через 2-й огород.

Часть, в которой служили лейтенанты-квартиранты, во 2-й половине лета отправили на фронт. Один бесцеремонно хотел было поставить к нам на квартиру своих знакомых, но я воспротивился, так как от них было очень много беспокойства.

Вскоре, 4 сент[ября], муж старшей дочери Воскресенской приехал на машине и забрал с собой мать и дочь в Бондари. Мы остались одни.

Началась уборка 2-го огорода за оврагом. Я ходил с мешком и лопатой, нарывал меры 1 1/2 картошки, взваливал на плечо и шел домой. Картошка

оказалась довольно приличная (мер 18), особенно выручила круглая картошка, которой было в кусту до 25 штук. Особенно тяжелый путь был через овраг – спускаться и подниматься. В некоторые дни я делал 3-4 рейса. Последнюю убирал свеклу. Свекла оказалась плохой – мелкой. Во время уборки уже отбирали огород – начинали сеять озимое. Бороновали непаханую землю, сеяли и опять бороновали. Работали мальчишки, только один взрослый. Сначала я думал, что ребята озоруют, но взрослый разубедил меня. Посев не помешал моей работе и не повредил невырытую свеклу. Я вырыл остальную и принес домой.

Как только кончилась уборка 2-го огорода, началась работа по заготовке дров. Дрова пилили в лесу у Лебяжьего озера. Здесь был исключительно хороший лес. Я работал вместе с Кривошеиным (пила), Войткевичем (топор) и я (другой топор). Первый раз ходили через торф и грандиозные заросли крапивы. Потом стали ходить ближе – по лугам. Выходили чуть свет и приходили ночью. Валили огромные дубы и осины. Обед готовил я. Чистил картошку, варил, жидкость сливал – суп, а в картошку добавлял масла и сала. Возвращались поздно, часто совсем темно. Однажды вечером моросил дождь, а раз был сильный мороз. При возвращении каждый нес на себе вязанку сухого хвороста. По утрам тоже были сильные морозы, часто кругом все было белым от инея. В общем, погода была ясная, днем было достаточно тепло. Я заготовил 4 м (три себе и один лесничеству).

Только кончили рубку дров, как к нам поставили майоршу с двумя детьми. Мы перешли в спальню, а она заняла зальчик. Прилетел ее муж, устроил у нас встречу с инженером авиазавода с угощением. Кутнули. Его машина могла вывезти дрова, но они еще не были зарегистрированы. Себе майорша привезла хорошие кленовые дрова из Иноковки. Свои дрова я вывез потом через военкоматовскую машину на своем бензине. Несколько раз я ходил с баклагой бензина в военкомат безрезультатно. Выпал уже первый снег, и мне, наконец, удалось получить машину. Получил уже не свои дрова, но приличные – дубовые. Шофер довез до перевоза и потребовал добавочного бензина (деньги). Дрова были сложены около лестницы на чердак, а майоршины частью в сарае, а частью около ворот к дому.

Уборка своего огорода. Переделка электрич[еской] сети. Редька. Помидоры. Тыква. Морковь. Ягоды. Разборка задней горюдьбы на зиму.

Я решил вскопать весь огород под зиму. Частью мне помогал парень, который вертелся около меня. При рытье попадалась картошка, которая тщательно собиралась в ведро. Весь овощной урожай был собран в погребе, куда поместила в кошелке свою картошку и майорша. Доставка овощей из погреба было целым церемониалом, так как требовалось раскутывать погреб, опускать лестницу, доставать овощи, выбирать лестницу и опять закутывать. Завелись крысы.

Зимой майорше опять привезли дрова – двухметровые дубовые. Приехал с фронта от майора посланец, привез припасы (большая банка абрикосового повидла), помогал пилить и колоть дрова. Пилила еще раньше

и сама майорша. Пилу брала у Стеши – дали ей спичек и повидло. Парень кой-когда беспокоил жену, лазил на диванчик, а девочка держалась хорошо. Катались на моих салазках, чуть не сломали. Повадились, было, лазить на крышу сарая, пришлось пугнуть. Зимой майорша родила, дети оставались одни, пошли стирки. За обедом для майорши я несколько раз ходил в военную столовую.

Починка валенок у Вас[илия] Ив[ановича], продажа их. Перешивка пальто. Весной, когда стоял снег, майорша ушла на другую квартиру.

1943-1944 гг.

[...]**. Для подкрепления средств жена ходила продавать за речку. Ходила с Волчихой. Удачно продала косынку, в которую вцепились несколько человек и набили цену.

В своем саду стал намечаться урожай яблок, смородины, малины, помидор и огурцов. Не без колебаний, но все же скрепился и решил продавать на базаре, так как выхода не было. 1-й урожай надо было использовать. Немного яблок на окольцованной ветке китайки. Садился сначала продавать в 3-й секции около стенки. Часто рядом садился еще один учитель, знавший меня. Вдвоем было проще привыкнуть к новой роли, и я постепенно втянулся.

Урожай ягод был значительный, урожай огурцов – хороший и вначале они шли по хорошей цене. Потом к яблокам присоединились помидоры, которых было много и они были хорошие. Только «черному дереву» не доверяли и приходилось уговаривать. Для ягоды нашел подходящий стакан (битый). Он оказался счастливым – позабыл его на прилавке, но опять нашел.

Торговля на двух рынках сопровождалась усиленной поливкой. Воду для поливки таскал рано утром и в огромном количестве, днем продавал. Вечером поливала жена, а я ходил за мост на речку поливать капусту. [...]**.

В конце зимы хлопотал о помоле пшеницы. Собирался даже купить терку-мельницу. Новиков смолот, но плохо, ходил опять к нему перемалывать. Потом стал молотить у Василия Ивановича. Помол получался приличный. Продажа ручной муки весной.

1944-1945 гг.

Ранняя весна вся под знаком болезни жены. Все же начал с выявления картофельного запаса. Перемерял картофель ведрами и перетаскал поближе к лазу. Наметился некоторый избыток картошки. Отобрал самую крупную картошку и решили продать. Продать взялась Матвевна. Продали мер 10, что сразу укрепило бюджет. [...]**.

Вся школа отправилась на 4-й огород полоть просо. Пошел и я. Я сразу убедился, что просо плохое, требует большой полки, и мне не справиться. Бросил полку и пошел домой. Туда и обратно шел один. Рвал много желтых цветов, которые славились целебными свойствами. Договорился с

монашками и на другой день опять пошел с ними показывать им поле. [...]*****.

Долго искал косу, чтоб скосить просо на 3-м огороде. Переговаривался с тюрьмой, с Кулюкиным, ходил в ветпункт. Выручил Ив[ан] Максимыч. Я быстро приноровился и скосил без труда. Три дня просо лежало. Молотил палкой, по одному снопу. Сноп стягивал ремненным поясом. Неотвеянное просо в мешке до отказа принес домой. Шея хрестела. На другой день – то же, но донести помог Захарченко – положил мешок на свою подводу с картошкой (урожай был исключительно хороший, как у Коченкова). Отвезал просо в саду за орясиными. Рядом сидела жена и помогала советами. Потом стал провевать под окнами – пошло скорей, и просо (пуда 2) было ссыпано в мешок. Монашки тоже принесли мешок. Итого получилось 4 пуда. Просо отнес в Гречерушку, а оттуда носил пшено. Последнее пшено нес в дождичек, и уже темнеть стало рано. Получилось больше двух пудов пшена и – целое богатство. Рисовался конец голодовки, настроение крепло. Особенно это отзывалось на жене.

Но надо было обеспечить себя самым важным – хлебом. И начались поиски хлеба. Всюду говорили о 600 руб. за пуд ржаной муки. Но мне не попадалась. Около бани давал по 800, но он просил по 900 руб. Много ходил по постоянным дворам. С одного двора на Набережной взял двух баб с ржаной и пшеничной мукой. Повел по Набережной, Монастырской. Только вошли в дом, один жулик в форме, сходной с милицейской, набросился на баб и взял с них 150 руб. Жена была очень расстроена этой историей.

В другой раз он явился уже в другой форме, сказал, что в милиции продается отобранная мука по 600 руб., выманил деньги и скрылся. Оба события сильно подействовали на мать. Но потом мы добыли и ржаную, и пшеничную муку в значительном количестве. Мешки стояли в моей комнате и при мытье полов я лавировал между ними. [...]*****.

В начале зимы разыгрался неприятный инцидент. Квартирant соседки, Ивановский, хотел провести радио от дома. Жена ни за что не хотела этого. Ивановский подбил всю почту и нас отцепили от радио. Дело тянулось недели три, и только 1-й секретарь положил конец истории. Событие, конечно, волновало жену.

Моченые яблоки удались на славу. Но жене они не очень шли, а я вообще их мало ел. Поэтому решили продать. Две торговки взяли ведро яблок, мак, сушеные яблоки, дали самую низкую цену и ворчали, что плохо продавали. Я пошел сам на базар и быстро распродал яблоки по двойной цене.

С осени жена очень интересовалась церковью. Ходили слухи об открытии церкви. Когда церковь открыли, жена почувствовала столько силы, что решила ходить в церковь.

1945-1946 гг.

Весна стояла холодная. Топились и в апреле, и в мае. Зимнего запаса угля не хватало. Ходил в Мартыновку за углем. Топили чугунок. Научились

жечь в ней очистки. В школе не топили. Оттепель наступила только между 5-10 апреля. К 10 апреля снег стоял, но опять установилась холодная погода. При таянии около дома произошло, как всегда, наводнение. Дорожку я не успел проложить. Три раза пытался пробраться чрез разлив, мочил ноги и все же пошел в школу.

Весной, как только отошла земля, началась кража столбов сзади огорода. Всего вытащили 9 столбов. Несомненно, что и раньше ходили из госпиталя за топливом. Все столбики против автодороги были расколоты, вынуты и сожжены. Городской сад был весь вырублен за зиму. Но указывали и на другое лицо в доме Карнеева. Огромный угловой столб к Голынщине был вытащен как спичка, без отрывания. Около него оставили половинку ножниц для жести. [...]*****.

Война закончилась неожиданно. Впечатление потрясающее. Целовались, как раньше на Пасху. Но вздох облегчения сменился жутким размышлением, какова участь детей. Опять напряженное ожидание. Чтоб рассеять напряженность, начал докапывать землю около китайки, где всегда сажали огурцы. Сознание требовало какого-то действия, и руки судорожно принялись за работу.

Пришел М.А. звать в школу на собрание. Посоветовался с женой, и она отпустила. Все целовались. Засветло воротился домой. [...]*****.

Начался хлопотливый период весенних испытаний, особенно напряженный в 10-[м] классе. Занятия с заочниками. Жена, очевидно, тяготилась моими отлучками в школу. Раньше она настаивала на занятиях с заочниками, а теперь наоборот. Она все время высказывалась против занятий с заочниками.

И вдруг, совершенно неожиданно 13 июня к вечеру, когда я был около балкона, жена крикнула мне, что пришел Борис¹⁴³. Радости не было границ. [...]*****.

На ночь¹⁴⁴ Поля сменила меня. Я бросился открывать калитку, увидел Полю с одной подушкой в руке. Я побежал в больницу. Было еле видно. Жена лежала без движения. Глаза мои затуманились, но потом, когда стало рассветать, я разобрал выражение ее лица, на котором было написано необыкновенное счастье. Хожалка торопила убрать тело. Пришла Поля и Ольга Александровна, и мы втроем на носилках понесли жену. Утро было тихое, ясное и торжественное и так гармонировало с необыкновенным счастьем, написанным на лице жены. Дома жену обмыли, убрали и положили на кушетки. Мне нужно было делать в загсе заявки и хлопотать о гробе. М.А. взял на себя все хлопоты по изготовлению гроба и могилы. Я сомневался, умерла ли жена, – так было счастливо ее лицо. Ноги были заостенелые. Вечером зажглись свечи, началась всенощная.

Личный архив В. и Т. Черменских (г. Кирсанов). Автограф.

* Так в документе. Правильно – Вяземлагерь.

** Опушен рассказ о работе на огородах и в саду.

*** То же о летчиках-квартирантах, охране сада от мальчишек, об отношениях с новыми постояльцами и домашних хозяйственных заботах.
**** То же о работе на четырех огородах и в саду, о квартирантках-учительницах.
***** То же об охране урожая от воров, торговле на базаре, уборке урожая.
***** То же о развитии болезни жены, суровой зиме, покупках продуктов и теплых вещей.
***** То же о заботах по дому и огороду, об ухудшении состояния жены.
***** То же о буре, заботах по огороду.
***** То же об отъезде сына, о резком ухудшении состояния жены.

№ 756

Из воспоминаний Р.В. Ильиной, 1925 года рождения, жительницы г. Мичуринска, о военных годах

1992 г.

[...]*. В 1934 г. я пошла в школу, она находилась очень далеко от дома. Для этого случая скопили денег и купили мне ботинки, сатиновое платье для лета и фланелевое для зимы. Форму школьную мне мама сшила из своего старого костюма. Школьную сумку смастерила мне бабушка. Книги давали нам в школе бесплатно. Два класса училась в Углянской школе № 4, затем построили новую школу, недалеко от моего дома. С 4-го класса мы каждый год сдавали экзамены.

В эту школу устроилась работать моя мама – уборщицей. В семье появился постоянный заработок, но мама не прекращала подрабатывать, и я ей стала помогать. К тому же в школе нас кормили бесплатно обедами: суп гороховый, вермишелевый и кусочек хлеба, посыпанный сахаром. В этой школе я закончила 7 классов – это был 41 год. 7 июня выдали свидетельство об окончании школы, и я подала документы в медучилище. Но учиться мне там не пришлось.

22 июня мы с сестрой с утра пошли в парикмахерскую, было около 10 часов утра, и вдруг по радио объявляют: «Война!». Мы слышали продолжительные гудки, звон церковных колоколов. На улице все кричали, кругом паника. Я поспешила домой, мамы дома не было. Она ушла на митинг. Пришла она около 3 часов. Она сказала, что велели заклеивать окна крест-накрест, если вдруг начнется бомбежка, чтобы не вылетали стекла. Около дома заставляли рыть яму, чтобы в случае нападения немцев прятаться там.

Документы из училища мне пришлось забрать – настояла мама. Боялась, что меня в качестве медсестры заберут на фронт. Поэтому я подала документы в железнодорожное училище. Сразу нас приняли в комсомол. Я была в группе девушек слесарей-инструментальщиков. Во время учебы куда нас только не посылали: гоняли рыть окопы, ходили на разгрузку раненых из вагонов, в госпиталях чистили картошку, для раненых пели песни, плясали, писали письма на фронт.

Однажды на танцах мы услышали военную тревогу, немцы бомбили вокзал, были разрушены привокзальные дома. Утром, когда я шла мимо, там было много народу, все кричали, валялись руки, ноги. С тех пор я не стала ходить ночью, мама мне запретила. Да и вся молодежь утихла, город вечером становился пустынным. Через несколько дней бомбили элеватор, мы все собирались в чулане и сидели в одной кучке.

В течение всей войны мы испытывали страшную нужду. Одежды, обуви не хватало. Еду стали давать по карточкам (до 1947 г.). Чтобы получить еду по карточкам, занимали очередь с вечера. Стали есть крапиву, лебеду, экономили на всем. Суп варили из трех картошек и лука. Мяса не было. Терли картошку, из крахмала делали лапшу, а из выжимок пекли оладья. Тушили свеклу, ели брюкву, жевали жмых. Я очень любила гороховый кисель, который готовила моя тетка.

В 1943 г. меня выпустили из училища в вагонное депо станции Кочетовка. По профессии я не работала. Моя основная работа стала – возить еду рабочим. В 1944 г. меня послали на курсы осматривщиков вагонов. По окончании этих курсов я стала работать осматривщиком вагонов на станции Кочетовка. Я получала 1500-2000 рублей, буханка хлеба стоила 200 рублей. Деньги, которые получала, отдавала маме. Мы стали вдоволь есть хлеб.

Перед началом работы была планерка, где всегда говорили о ситуации в стране, т.е. о войне, что наши войска заняли, куда продвинулись, в каком положении находятся наши враги-немцы. По радио также постоянно сообщали о войне, и поэтому мы слушали новости по радио каждый день.

Дисциплина на работе была очень строгая, беспрекословное подчинение во всем. Висел плакат: «Приказ начальника – закон для подчиненного. Он должен быть исполнен точно в срок». Дежурили через сутки. Зимой приходилось даже работать по двое суток, особенно тогда, когда был сильный снегопад, т.к. железнодорожные линии заметало, а нам приходилось их расчищать.

1945 год был, с одной стороны, тяжелым годом, т.к. голод продолжался, но с другой стороны – приближение победы, об этом говорили все.

9 мая в 4 часа утра передали по радио: «Победа!». Нашей радости не было предела, с войны мы никого не ждали, т.к. брат и отец умерли еще до войны. Вечером был салют, кто-то веселился, плясал, а кто-то плакал, не дождавшись живыми своих сыновей, мужей, братьев. [...]».

Личный архив В.Л. Дьячкова. Автограф.

* Опущены воспоминания о жизни в предвоенные и послевоенные годы.

¹ Честных Василий Иванович (1905-?). Родился в с. Новоархангельское Козловского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил нач. школу. В 1921-1925 грузчик Купавинской гос. суконной ф-ки (Московская губ.). Затем рем. рабочий ст. Богоявленск (Тамбовская губ.). В 1928-1929 работал в своем хоз-ве. В 1929-1930 пред. сельского к-та ККОВ (Раненбургский р-н). В 1930-1932 служил в РККА. Член ВКП(б) с 1932. После демобилизации нач. караула ВПО з-да «Электросталь» (Ногинский р-н). В 1934-1938 пропагандист политотдела Дмитриевской МТС, пред. Старокозьмодемьяновского с/с (Первомайский р-н). В 1938-1939 инструктор, в 1939-1941 зав. воен. отделом Первомайского РК ВКП(б). В сентябре 1941 мобилизован в РККА. Служил комиссаром артдивизиона 53-й стр. бр., 239-го отд. гв. мин. див-на, 30-го гв. мин. полка (Ленинградский, Волховский фронты). По окончании Высших развед. курсов при Генштабе КА ст. пом. нач. разведотдела 3-го стр. корпуса, нач. разведки 167-й стр. див. (1-й и 4-й Украинский фронты). Награжден орденами Кр. Звезды, Отечественной войны 1-й и 2-й степени. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 17269).

² Трубачев Михаил Васильевич (1904-1944). Родился в с. Рассказово Тамбовского у. Тамбовской губ. Из рабочих. Окончил 7 кл. В 1923-1935 подсобный рабочий, кладовщик, нач. хоз. отдела Арженской суконной ф-ки. Член ВКП(б) с 1929. В 1936-1939 зав. кадрами, зам. дир. Рассказовского торго, ответ. исполнитель ОРСа Арженской суконной ф-ки. В 1939-1941 инструктор, в апреле-ноябре 1941 зав. воен. отделом Рассказовского РК ВКП(б). В ноябре 1941 мобилизован в РККА. Капитан. Умер от ран 14 января 1944. Похоронен: Витебская обл., Лиозненский р-н, д. 2-й Ляховик. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 15850; Книга Памяти. Тамбовская обл. Т. 7. Тамбов, 1995. С. 355).

³ Возможно, Воробьев Серафим Михайлович (1904-1943). Родился в д. Каплино Козловского у. Тамбовской губ. Сержант. Погиб в бою 18 марта 1943. Похоронен: Курская обл., Дмитриевский р-н, с. Неворь. (Книга Памяти. Тамбовская обл. Т. 8. Тамбов, 1995. С. 421).

⁴ Синюков Иван Федорович (1901-?). Родился в с. Калмык Новохоперского у. Воронежской губ. Из крестьян. Окончил нач. школу. В 1919-1925 служил в РККА (в 1922-1924 обучался в Ленинградском воен.-инженерном училище). После демобилизации работал пом. нач. Абрамовской вол. милиции (Новохоперский у.). Член ВКП(б) с 1926. В 1927-1929 обучался в Воронежской совпартшколе 2-й ступени. По окончании совпартшколы работал зав. АПО Хлевенского, Хворостянского РК ВКП(б). В 1931-1933 преподаватель обществоведения Рыльского пед. техникума. В 1933-1939 зав. Староюрьевским роно. В 1939-1940 дир. Большедороженской НСШ Староюрьевского р-на. В 1940-1941 зав. воен. отделом Староюрьевского РК ВКП(б). В 1941-1943 преподаватель СЭЦ и секретарь партбюро б-на Тамбовского воен. пех. училища. В 1943-1945 нач. орготдела Семипалатинского ОПС, зав. воен. отделом Ленинского горрайкома КП(б) Казахстана. Затем работал инструктором отдела кадров Староюрьевского РК ВКП(б), пред. Мордовского РПС. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 14288).

⁵ Губенко Петр Кондратьевич (1907-1972). Родился в г. Конотоп Черниговской губ. Из рабочих. Окончил 6 кл. ж.-д. школы. В 1924-1928 ученик парикмахера, подсобный рабочий табачной ф-ки (г. Усмань). В 1928-1929 работал парикмахером биржи труда в г. Воронеж. В 1929-1931 служил в РККА. Член ВКП(б) с 1930. После демобилизации токарь, пом. дир., пред. завкома ремонтно-тракторного з-да (г. Воронеж). В 1933-1936 нач. кадров, инспектор обл. УНХУ ЦЧО. Затем работал инспектором, пред. райплана, одновременно зам. пред. Рассказовского РИКа (1936-1937), нач. сектора учета промышленности УНХУ по Тамбовской обл. (1937-1939). В 1939-1941 инструктор воен. отдела Тамбовского ОК ВКП(б). С сентября 1941 на политработе в РККА (СА) (Западный,

1-й Украинский фронты, Ленинградский ВО). Демобилизован в мае 1957. Награжден 2 орденами Кр. Звезды, орденом Отечественной войны 2-й степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и др. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 3298, 3299; Оп. 12. Д. 67. Л. 18).

⁶ Погалов Андрей Иванович (1905-1965). Родился в с. Сергиевка Кирсановского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил 8 кл. В 1922-1929 секретарь, инструктор Инжавинского ВИКа (РИКа). В 1929-1931 зам. зав. Инжавинским райфо. Член ВКП(б) с 1931. В 1931-1937 зам. пред. райколхозполеводсоюза, секретарь партбюро, управляющий отделением Инжавинского зерносовхоза. В 1937-1938 зам. дир. по политчасти, в 1940-1941 дир. Балыклейской МТС (Красивский р-н). В 1938-1940 дир. Воробьевского зерносовхоза. В 1941-1946 служил в РККА. В 1946-1949 пред. Бондарского РИКа. В последующие годы работал зав. Инжавинским межрайон. пунктом Заготзерно, дир. Карайской МТС, пред. к-зов им. Калинина, им. Тельмана Красивского р-на. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 2. Д. 195. Л. 25; Оп. 4. Д. 11862).

⁷ Бюро Тамбовского ОК ВКП(б), рассмотрев заявление А.И. Погалова, постановило: «В связи с уходом в Красную Армию снять с тов. Погалова А.И. партвызыскание – строгий выговор, вынесенный обкомом ВКП(б) 12 июня 41 г. (протокол № 135, § 22) за отказ от работы в Алгасовской МТС» (протокол № 142 от 4 июля 1941 г.). (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 1887. Л. 81).

⁸ Ламзин Борис Петрович (1921-1941). Родился в г. Моршанск, мл. лейтенант. Пропал без вести в декабре 1941. (Книга Памяти. Тамбовская область. Т. 5. Тамбов, 1995. С. 173).

⁹ Ст. 61 тогдашнего УК РСФСР предусматривала наказание от штрафа до лишения свободы на срок до 2 лет с конфискацией всего или части имущества, со ссылкой или без таковой за отказ от выполнения повинностей, общегос. заданий или произ-ва работ, имеющих общегос. значение.

¹⁰ Кочетыгов Василий Анастасьевич (1899-1983). Родился в с. Княжево Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил нач. школу. С 15 лет работал официантом, затем плотником на Тамбовском пороховом з-де, ж.-д. ст. Саратов. В 1919 служил в РККА. Демобилизован по ранению. В 1919-1935 работал плотником на найму, на з-де «Красный боевик» (с 1925). Член ВКП(б) с 1932. В 1935-1937 обучался в Воронежском ком. вузе. В 1937-1940 дир. школы ФЗУ при з-де № 204. В апреле 1940-августе 1941 зав. воен. отделом Котовского ГК ВКП(б). В 1941-1946 на политработе в КА. В августе-сентябре 1946 зав. отделом по гособеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих Котовского горисполкома, в 1946-1948 зав. Котовским горсобесом. Награжден орденом Кр. Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 7478, 7479; Оп. 33. Д. 133. Л. 66).

¹¹ Коняев Яков Венедиктович (1893-?). Родился в с. Бегоща Путивльского у. Курской губ. Из крестьян. Окончил нач. школу. С 13 лет работал по найму и в своем хоз-ве. В 1915-1917 находился на воен. службе. Участник 1-й мировой войны. После демобилизации работал в своем хоз-ве. Участник Гражд. войны. Член РКП(б) с 1919. В 1919-1924 пом. нач. уездной милиции, секретарь уисполкома, пред. УНКЮ по Путивльскому у. В 1924-1929 член Курского губ. (окр.) суда. В 1929-1931 зав. горрайфо (г. Курск). В 1931-1933 секретарь Курской гор. КК, пред. Лискинской район. КК-РКИ. В 1933-1936 нач. политотдела Шаталовской МТС, секретарь Шаталовского РК ВКП(б). В 1936-1937

инструктор Воронежского, Тамбовского ОК ВКП(б). В 1937-1938 секретарь Сампурского РК ВКП(б). В 1938-1939 секретарь КПК при ЦК ВКП(б) по Тамбовской обл. В 1939-1941 1-й зам. Тамбовского облисполкома. В мае-июле 1941 1-й секретарь Котовского ГК ВКП(б). В 1941-1946 на политработе в КА (Южный, Северо-Западный фронты). Избирался депутатом ВС РСФСР (1938), делегатом 18-го съезда ВКП(б). Награжден орденами Кр. Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 7015, 7016).

¹² Окончук Петр Семенович (1905-?). Родился в г. Иркутск в семье офицера. Окончил 6 кл. В 1921-1925 курьер упродкома, ученик кочегара паровой мельницы (Старокопеевский у.). В 1925-1930 пионерский работник, зав. культпропотделом, секретарь Красилковского РК ЛКСМ Украины, ответ. секретарь завкома Красилковского гос. сах. з-да (с. Красилово). Член ВКП(б) с 1927. В 1930-1935 обучался в Полтавском хим.-технологическом ин-те мясной промышленности. По окончании ин-та гл. инженер мясокомбината, мясотреста (г. Красноярск). В 1939-1940 управляющий Тамбовским мясотрестом. Затем дир. Тамбовского мясокомбината. В октябре 1941 мобилизован в РККА. Дальнейшая судьба неизвестна. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 11039).

¹³ Ст. 79 ч. 1 УК РСФСР (введена 20 января 1930) предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до 2 лет с высылкой из данной местности или без таковой за хищнический убой и умышленное изувечение скота, а также подстрекательство к этому др. лиц с целью подрыва коллективизации с/х и воспрепятствования его подъему.

В связи с поступающими запросами об уголовной ответственности колхозников за убой молодняка крупного рогатого скота Пленум Верховного Суда 1 августа 1942 постановил дать судам следующее указание: «В злостных случаях убоя молодняка колхозниками, связанного с невыполнением государственных плановых заданий по выращиванию молодняка или с нарушением договоров контрактации молодняка для колхозных товарных ферм, привлекать виновных к судебной ответственности по ст. 79 ч. 1 или 131 УК РСФСР. Равным образом привлекать к уголовной ответственности по ст. 79 ч. 1 УК РСФСР виновных в убое племенного скота, записанного в государственной племенной книге, и его приплода».

¹⁴ Шанин Михаил Иванович (1900-1970). Родился в г. Моршанск. Из мещан. Образование – неоконченное ср. В 1920-1927 в РККА. Прошел путь от рядового красноармейца до ком. взвода, пом. ком. роты, ком. отдельной автороты. Член ВКП(б) с 1926. В 1927-1938 работал пом. нач. вагонорем. мастерских (г. Ленинград), зав. Моршанским элеватором, уполномоченным Наркомата заготовок по Моршанскому р-ну. С 1938 на парт. работе: секретарь по кадрам, 2-й секретарь Моршанского РК ВКП(б). В феврале 1941-мае 1946 1-й секретарь Мордовского РК ВКП(б). В последующие годы работал дир. Моршанского пункта «Заготзерно», уполномоченным Мин-ва заготовок по Моршанскому р-ну, зав. общим отделом Моршанского ГК КПСС. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 17532; Оп. 9. Д. 75. Л. 52).

¹⁵ Маргогуселин – комбинированный жир типа маргарина с использованием жира домашней птицы.

¹⁶ Решение ЦК ВКП(б) от 13 декабря 1941 «О плохом руководстве Златоустовского горкома ВКП(б) делом материально-бытового обслуживания трудящихся».

¹⁷ Глухов Алексей Васильевич (1902-1967). Родился в д. Неяловка Мокшанского у. Пензенской губ. Из крестьян. Окончил нач. школу. До 1927 работал в своем хоз-ве. В 1927-1931 зав. складом, пред. правления с/х кредитного товарищества, Семеноводсоюза (Мокшанский р-н). Член ВКП(б) с 1929. В 1931-1933 обучался на рабфаке при Саратовском ин-те сов. стр-ва. В 1933-1941 дир. Оброчинского, Кемлянского спиртзаводов, управляющий спиротрестом Мордовской АССР. В августе 1941-июле 1942 дир. Мичуринского спиртзавода. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 2. Д. 1062. Л. 2; Оп. 4. Д. 2924).

¹⁸ Приказ НКО СССР от 24 января 1942 № 064 «О порядке передвижения военнообязанных в военное время и мероприятиях по борьбе с уклонением их от учета, призыва и мобилизации».

¹⁹ Старкова Анна Алексеевна (1904-1993). Родилась в с. Пичаево Моршанского у. Тамбовской губ. Из крестьян. По окончании нач. нар. училища в 1916 поступила в Тульскую жен. учит. семинарию. В 1919 прервала обучение из-за недостатка матер. средств. В 1920 окончила внешкольные курсы при Моршанском нар. ун-те. В 1920-1925 работала библиотекарем в с. Пичаево, гг. Уфа, Кирсанов. В 1922 окончила Уфимскую школу 2-й ступени. В 1925-1926 зав. школьным отделом Моршанского укома ВЛКСМ. В 1926-1928 на проф. работе в с. Пичаево. Член ВКП(б) с 1927. В 1928-1930 зав. центр. библиотекой и преподаватель обществоведения школы 2-й ступени г. Моршанск. В 1930-1932 зав. ФЗС № 1 г. Уфа. В 1932-1933 инструктор Воронежского ОК ВКП(б). В 1934-1935 зав. Моршанским роно. В 1935-1936 зам. редактора газеты «Большевик» Моршанского р-на. В 1936-1938 преподаватель истории СШ № 1, завуч Моршанского библиотечного техникума. В 1938-1940 зам. зав. партотделом обл. газеты «Тамбовская правда». В 1940-1941 зав. парткабинетом Шехманского РК ВКП(б). В 1941-1946 зав. отделом, в 1946-1949 зам. зав. отделом пропаганды и агитации Избердеевского РК ВКП(б). В 1949-1957 работала пропагандистом, зав. парткабинетом, зав. отделом пропаганды и агитации Ленинского РК ВКП(б) г. Тамбов. В последующие годы зав. парткабинетом 3-да «Комсомолец». Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 14802).

²⁰ Уилки Уэнделл (1892-1944) – амер. юрист и политик, лидер республиканской партии США. Осенью 1942 совершил мировое турне в качестве политика, не занимающего официальных постов. В СССР был в сентябре 1942 (договоренность о визите Уилки в СССР была достигнута в переписке Ф. Рузвельта и И.В. Сталина в августе 1942).

²¹ Пашинина Анна Ивановна (1917-?). Родилась в д. Архисвятское Липецкого у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончила 7 кл. В 1936-1938 секретарь, кассир райфо, тех. секретарь Дегтянского РК ВЛКСМ. В 1939-1940 зав. архивом РИКа, бухгалтер район. отделения Госбанка (Дегтянский р-н). Затем работа в Дегтянском РК ВКП(б): тех. секретарь (1940-1941), пом. секретаря (1941-1942). В 1943-1944 зав. учетом Платоновского РК ВКП(б). Член ВКП(б) с 1941. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 11472).

²² Баева Людмила Васильевна (1917-?). Родилась в г. Козлов Тамбовской губ. Из крестьян. Окончила СШ № 6 г. Мичуринск, Тамбовский учит. ин-т. В 1936-1942, апреле-декабре 1943 работала учителем Суравской, Челнаво-Рождественской НСШ (Лысогорский, Дегтянский р-ны). В июне 1942-апреле 1943 секретарь Дегтянского РК ВЛКСМ. В мае-октябре 1944 зав. отделом пропаганды и агитации Алгасовского РК ВКП(б). (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 858).

²³ Астафьева Антонина Николаевна (р. 1919). Родилась в с. Подгородняя Покровка Оренбургской губ. Окончила 7 кл. По окончании курсов метеорологов работала нач.

метеостанций в Оренбургской обл., Татарской АССР, ст. наблюдателем метеостанции г. Маркштадт. В 1939-1941 обучалась в Саратовской юрид. школе. По окончании школы секретарь, нар. судья 3-го участка Кирсановского р-на. В сентябре-декабре 1941 нар. судья Инжавинского р-на. В 1941-1942 ревизор УНКЮ по Тамбовской обл. В апреле 1942-июне 1943 нар. судья Дегтянского р-на. Направлена на работу в районы, освобожденные от нем. оккупации. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 687).

²⁴ Расторгуев Василий Корнеевич (1905-1976). Родился в с. Покрово-Чичерино Козловского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил 7 кл. В 1924-1930 тракторист, пред. с/х коммуны «Индустрия» (Избердеевский р-н). Член ВКП(б) с 1930. В 1930-1931 член правления Грязинского райколхозсоюза. В 1931-1933 обучался в Мичуринской совпартшколе. По окончании совпартшколы зав. Мичуринским райживобъединением. В 1935-1939 пред. Лежайского с/с, зам. дир. по политчасти 1-й Глазковской МТС (Глазковский р-н). В 1939-1941 инструктор отдела кадров Тамбовского ОК ВКП(б). В декабре 1941-январе 1943 1-й секретарь Дегтянского РК ВКП(б). В 1943-1945 дир. Алгасовской МТС. В 1945-1949 зав. райзо, управляющий межрайон. конторой Заготскот (Тамбовский р-н). В 1949-1950 пред. райплана - зам. пред. Тамбовского РИКа. В 1950-1952 пред. укрупненного к-за Дегтянского р-на. В последующие годы работал нач. рем. конторы, спецуправления «Дормостстрой» (г. Тамбов). (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 12930; Оп. 19. Д. 71. Л. 21).

²⁵ Барсуков Иван Михайлович (1894-1959). Родился в с. Большая Талинка Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил нач. школу. С 15 лет батрак у помещика, подсобный рабочий гостиницы в г. Тамбов. В 1911-1915, 1917-1919 работал шахтером в Донбассе. В 1915-1917, 1919-1922 находился на воен. службе. Участник 1-й мировой и Гражд. войн. В 1922-1928 пред. Большеталиновского с/с, Саюкинского ВИКа (Тамбовский у.). Член ВКП(б) с 1925. В 1928-1930 пред. Бондарского район. кредитного товарищества. В 1930-1933 парт. следователь, пред. Бондарской район. КК-РКИ. В 1933-1934 обучался на курсах марксизма-ленинизма в г. Воронеж. По окончании курсов уполнаркомзаг по Гавриловскому р-ну. В 1939-1943 1-й секретарь Гавриловского РК ВКП(б). В 1943-1947 уполнаркомзаг по Кирсановскому р-ну. В 1947-1949 пред. Кирсановского РИКа. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 10067. Л. 31; Оп. 4. Д. 1027).

²⁶ Захаров Борис Федорович (1893-?). Родился в с. Красная Гора Болховского у. Орловской губ. Из крестьян. Окончил нач. школу. В 1909-1914 батрак, рабочий-бетонщик на з-де в г. Кольчугино. В 1914-1924 находился на воен. службе. Участник 1-й мировой и Гражд. войн. Член РСДРП(б) с 1918. После демобилизации пред. месткома Орловского губкомхоза. В 1926-1929 зам. зав., зав. Орловским горкомхозом. В 1929-1936 пред. Малоархангельского, Щучинского, Валуйского, Микояновского, Чернянского РИКов. В 1936-1937 зав. Старооскольским горкомхозом. В 1937-1939 пред. Старооскольского РИКа. В 1939-1942 нач. обл. управления пищевой промышленности, отдела мобилизации Курского облисполкома. В декабре 1942-марте 1943 пред. Рудовского РИКа (Тамбовская обл.). В марте 1943 откомандирован в распоряжение Курского ОК ВКП(б). (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 5207).

²⁷ Сорокин Виктор Филиппович (р. 1919). Родился в с. Высоково Ардатовского у. Нижегородской губ. Из крестьян. Окончил НСШ, Ардатовский с/х техникум. В июле-сентябре 1939 участковый агроном Городецкой МТС (Горьковская обл.). Затем направлен в Горьковскую межкраевую школу НКВД. По окончании школы работал оперуполномоченным Мичуринского ГО, Глазковского РО НКВД. Член ВКП(б) с 1941. В 1942-1943 ст. оперуполномоченный УНКВД по Тамбовской обл. В декабре 1942-ноябре

1943 нач. Рудовского РО НКВД. Затем работал нач. Рудовского (1943-1948), Шульгинского (1948-1953), Сампурского (1953-1954) РО МГБ. Освобожден от должности по состоянию здоровья. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «30 лет Советской Армии». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 14701).

²⁸ Пчелкин Василий Семенович (1916-?). Родился в с. Скородное Старооскольского у. Курской губ. Из крестьян. Окончил ШКМ, рабфак ВГУ, Ленинградский кораблестроит. ин-т. Член ВКП(б) с 1941. В июле 1941 добровольно ушел на фронт. Служил ком. взвода и комендантом дота 264-го особого пулеметно-арт. б-на (Ленинградский фронт). В сентябре 1941 был тяжело ранен. После излечения в госпиталях в августе-декабре 1942 пом. прокурора Рассказовского р-на. В декабре 1942-марте 1944 прокурор Рудовского р-на. В 1944-1946 2-й секретарь Рудовского РК ВКП(б). В 1946-1947 зам. зав. машиностроит. отделом Тамбовского ОК ВКП(б). В 1947-1949 зам. секретаря Тамбовского ГК ВКП(б) по промышленности и транспорту. В последующие годы работал гл. контролером Мин-ва Госконтроля СССР за сохранностью гос. прод. и матер. резервов по Тамбовскому территориальному управлению. Награжден медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 4112).

²⁹ Гуреева Анна Никифоровна (1917-?). Родилась в с. Кянда Кирсановского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончила Пичаевскую ШКМ, рабфак при Тамбовском пед. ин-те. В 1935-1937 ст. пионервожатая СШ (с. Большое Шереметьево). В 1937-1939 зав. отделами пионеров, кадров, инструктор Рудовского РК ВЛКСМ. В 1939-1940 обучалась на обл. парт. курсах. По окончании курсов ответ. секретарь редакции газеты «Сталинский путь» Рудовского р-на. В 1941-1944 1-й секретарь Рудовского РК ВЛКСМ. В 1944-1945 секретарь парторганизации Рудовской МТС. В декабре 1945 выехала в Венгрию по месту службы мужа. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 3347).

³⁰ Яковлева Ольга Васильевна (1910-?). Родилась в г. Москва. Из рабочих. Окончила школу ФЗУ при Арженской суконной ф-ке. В 1927-1934 работала ткачихой, счетоводом-кассиром в г. Рассказово. В 1937-1938 ученица киномеханика 1-го звукового кинотеатра г. Мичуринск. В 1938-1942 машинистка, инструктор, ответ. секретарь, нач. спецчасти Тамбовского обл. совета Осоавиахима. Член ВКП(б) с 1940. В июле 1942-марте 1944 инструктор воен. отдела Тамбовского ОК ВКП(б). В марте 1944 направлена на работу в Молдавскую ССР. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 18375).

³¹ Кочедык – инструмент (железный крючок на деревянной ручке) для плетения лаптей.

³² Дегтярев Кузьма Петрович (1893-1953). Родился в с. Марьинка Кирсановского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил нач. школу. В 1906-1930 работал маляром по найму у частных лиц, в ряде учреждений и организаций в гг. Тамбов, Балашов, Кирсанов. В 1930-1935 пред. к-за им. М. Горького Кирсановского р-на. В 1935-1936 обучался в Кирсановской совпартшколе. По окончании совпартшколы зам. зав. райзо, управляющий район. заготконторой (Кирсановский р-н). Член ВКП(б) с 1938. В июне 1942-августе 1943 уполномоченный по Кирсановскому р-ну. Затем работал пред. с/с. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4337. Л. 23; Д. 8641а. Л. 65; Оп. 4. Д. 3669).

³³ Силантьев Алексей Иванович (1900-1944). Родился в с. Юрловка Козловского у. Тамбовской губ., мл. сержант. Погиб в бою 1 мая 1944. Похоронен: Крымская АССР,

Бахчисарайский р-н, д. Мамашай. (Книга Памяти. Тамбовская область. Т. 6. Тамбов, 1995. С. 134).

³⁴ В фонде Тамбовского ОК КП РСФСР имеется информация отдела по гособеспечению и труд. устройству семей военнослужащих Гавриловского РИКа в воен. отдел ОК ВКП(б) от 7 июля 1943 г., в которой значится: «В результате обследования отделом гособеспечения установлено: семья состоит из 4 человек, имеет огород 0,5 га. Колоскова имеет неудовлетворительную квартиру. Председатель с/совета обязал владельца квартиры исправить печь и создать нормальные условия для жизни гр. Колосковой. Хлеб из сельпо получает на всю семью. Из отдела гособеспечения получила единовременный первомайский паек на 4 человека. Получает денежное пособие в сумме 150 руб. в м-ц. Оказана помощь в промтоварах». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3847. Л. 78, 78 об.).

³⁵ Бучнев Владимир Степанович (1896-?). Родился в с. Беломестная Двойня Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил нач. школу. С 12 лет работал по найму. В 1915-1918 находился на воен. службе. В 1918-1919 секретарь Незнановского с/с (Тамбовский у.). В 1919-1921 в РККА. Участник Гражд. войны. После демобилизации работал в своем хоз-ве и пред. Незнановского с/с (1922-1923), пред. ревкомиссии этого с/с (1927-1929). С 1930 по окончании 3-хмес. пед. курсов работал учителем нач. кл. Беломестно-Двойневской НСШ. В 1937 заочно окончил Тамбовское пед. училище. Член ВКП(б) с 1940. В 1942-1943 зам. нач. политотдела Большелиповицкой МТС. В апреле 1943 мобилизован в КА. Дальнейшая судьба неизвестна. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 2061).

³⁶ Елисеев Сафон Ильич (1903-?). Родился в д. Крутая Вершина Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил нач. школу. С 12 лет работал пастухом, с/х рабочим в своем селе. В 1924-1928 секретарь Периксинского с/с (Тамбовский у.). Член ВКП(б) с 1928. В 1928-1929 завмаг Периксинского сельпо. В 1930-1931 ст. милиционер, зав. учетом Сампурского РК ВКП(б). По окончании 6-тимес. птицеводческих курсов зав. цехом птицеводческого хозяйства «Степное гнездо» (Сампурский р-н). В 1938-1939 обучался в Воронежской ВКСХШ. В 1940-1941 пом. прокурора, в 1941-1943 прокурор Красивского р-на. В сентябре 1943 направлен на работу в Орловскую обл. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 4408).

³⁷ Лысенко Константин Павлович (1910-1989). Родился в г. Ярославль. Из крестьян. Окончил 4 кл. В 1924-1928 конторщик, секретарь с/с, зав. пунктом ликвидации неграмотности (Воронежская губ.). В 1928-1929 делопроизводитель, счетовод Подгоренского райфо (ЦЧО). С 1929 на работе в органах ОГПУ-НКВД: пом. уполномоченного Россошанского, Тамбовского окр. отделов ОГПУ (1929-1933), уполномоченный ПП ОГПУ (г. Воронеж, 1933-1936), нач. спецотдела стр-ва з-да СК-5 г. Тамбов (1936-1937), нач. отделения УНКВД по Тамбовской обл. (1937-1938), нач. отдела подготовки кадров з-да № 204 (1938-1939), ст. оперуполномоченный УНКВД по Тамбовской обл. (1939-1940), нач. Алгасовского РО НКВД (1940-1943), нач. тюрьмы № 4 г. Моршанск (февраль-август 1943), нач. отдела по борьбе с дет. беспризорностью и безнадзорностью УНКВД по Тамбовской обл. (1943-1944). Член ВКП(б) с 1940. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 8956; Оп. 56-с. Д. 110. Л. 36).

³⁸ Шихман Маргарита Альбертовна (1914-?). Родилась в с. Верхнее Забайкальской обл. Окончила 9 кл. в г. Липецк. В 1929-1930 работала учителем нач. кл. (Липецкий р-н). В 1930-1932 обучалась в Воронежском с/х ин-те. В 1932-1938 преподаватель рус. яз. и литературы НСШ (Водопьяновский р-н). В 1938-1941 не работала. Член ВКП(б) с 1941. С июня 1941 на работе в обл. газете «Тамбовская правда»: лит. сотрудник (1941-1942), зав. отделом писем (1942-1943), зам. дир. по кадрам и зав. спецчастью изд-ва газеты (1943-

1947), зав. справочной библиотекой (1947-1949), лит. сотрудник отдела писем (1949-1969). С сентября 1969 на пенсии. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ЦДНИТО. Ф. 735. Оп. 43. Д. 116. Л. 138; Ф. 1045. Оп. 4. Д. 17846).

³⁹ Шувалов Петр Иванович (1905-1980). Родился в г. Санкт-Петербург. Из рабочих. Окончил нач. гор. училище, совпартшколу 1-й ступени в г. Ленинград. В 1925-1934 зав. отделом личного состава, зам. нач., нач. спецотдела з-да № 52 (р.п. Тосно). Член ВКП(б) с 1928. В 1934-1937 инструктор, зав. парткабинетом, зав. отделом пропаганды и агитации Тосненского РК ВКП(б) (Ленинградская обл.). В 1937-1939 обучался в Высшей школе пропагандистов при ЦК ВКП(б) (г. Москва). В 1939-1948 лектор Тамбовского ОК ВКП(б). Заочно окончил ист. фак-т ТГПИ в 1946, ВПШ при ЦК ВКП(б) в 1948. В 1948-1951, 1956-1959 зам. зав. отделом пропаганды и агитации, в 1951-1956 зав. отделом школ, в 1959-1960 инструктор отдела школ и науки Тамбовского ОК КПСС. С декабря 1960 на пенсии. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 18000; Оп. 24. Д. 75. Л. 29).

⁴⁰ Тельман Эрнст (1886-1944) – деятель германского и междунар. ком. движения, пред. КП Германии с 1925. Депутат рейхстага в 1924-1933. Выдвигался кандидатом от КПГ в президенты на выборах 1925 и 1932. 3 марта 1933 схвачен гестапо и брошен в берлинскую тюрьму Моабит. 18 августа 1944 убит в концлагере Бухенвальд. (Советский энциклопедический словарь. Изд. 4-е. М., 1988. С. 1319).

⁴¹ Жиро Анри (1879-1949) – фр. генерал. Во время 2-й мировой войны в декабре 1942-июне 1943 верховный комиссар Франции в Северной Африке, в июне-ноябре 1943 сопред. ФКНО (с де Голлем), в 1943-1944 ком. ВС ФКНО. (Советский энциклопедический словарь. Изд. 4-е. М., 1988. С. 439).

⁴² Зельцер Мендель Гдальевич (1911-?). Родился в д. Черногостье Витебского у. Витебской губ. Из крестьян. Окончил 7 кл., Витебский пед. техникум. В 1930-1937 работал дир. Свислочской НСШ (Осиповичский р-н). В 1937-1941 дир. СШ г. Осиповичи (Могилевская обл.). Член ВКП(б) с 1938. В 1940 заочно окончил ист. фак-т Минского пед. ин-та. В связи с войной эвакуирован в Тамбовскую обл. С июля 1941 работал дир. Большедороженской СШ (Староюрьевский р-н). В личном деле сведений об освобождении от должности не имеется (в 1947 должность исключена из номенклатуры Тамбовского ОК ВКП(б)). (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 5207).

⁴³ В фонде Тамбовского ОК КП РСФСР имеется информация Инжавинского РИКа в ОК ВКП(б) от 18 августа 1943, в которой значится: «На Ваше отношение от 30/VII за № 7-12 по вопросу оказания помощи и неправильного обложения налогом семьи Кострюкова И.В. сообщаем, что при проверке нами установлено, что в хозяйстве Кострюкова имеется дом, огород 0,40 га, корова. Хлебным пайком не пользуются на основании решения СНК СССР от 19/XII-42 г. за № 24307. Налогами семья облагается правильно, т.к. в семье имеется двое трудоспособных. В отношении ремонта крыши дано указание председателю колхоза о выделении соломы для ремонта крыши. Оказать помощь в обуви и одежде в настоящее время не представляется возможным из-за отсутствия таковых». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 3847. Л. 233).

⁴⁴ Склярский Марк Самойлович (1896-?). Родился в г. Белая Церковь Киевской губ. Из мещан. Окончил 4-хкл. гор. училище. В 1911-1915 рабочий-печатник ряда типографий. В 1915-1917 находился на воен. службе. Участник 1-й мировой войны. В 1918-1919 работал грузчиком в г. Киев. В 1919-1925 служил в РККА (в 1920-1925 в органах воен. юстиции).

Участник Гражд. войны. Член РКП(б) с 1919. После демобилизации работал пред. Кременчугского, Мелитопольского окр. судов. По окончании курсов ответ. окр. партработников при ЦК КП(б) Украины работал секретарем Смелянского РК, Черниговского ГК, зав. ОРПО Черниговского ОК КП(б) Украины. В 1935-1936 член обл. суда, в 1936-1937 облпрокурор, член особой «тройки» УНКВД Черниговской обл. В 1937-1941 зам. пред. и пред. президиума Черниговского облпромсовета. В августе 1941 эвакуирован в Тамбовскую обл., где работал в органах прокуратуры: пом. прокурора Мордовского р-на (1941-1942), прокурор Гавриловского (1942-1944), Токаревского (1944-1948), и.о. прокурора Рассказовского (март-июнь 1948) р-нов. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 14354).

⁴⁵ Янин Виктор Дмитриевич (1913-1968). Родился в д. Савлино Кирсановского у. Тамбовской губ. в семье учителя. Окончил 7 кл. В 1932-1934 рабочий з-да им. Молотова (г. Москва). В 1934-1942 учитель Тютчевской НСШ (Гавриловский р-н). В 1938 заочно окончил Кирсановское пед. училище. В 1942-1943 пред. Поляковского с/с (Гавриловский р-н). В феврале 1943-ноябре 1944 зам. пред. Гавриловского РИКа по гос. обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 2. Д. 1062. Л. 2; Оп. 4. Д. 18403).

⁴⁶ Ледовских Иван Яковлевич (1905-?). Родился в с. 1-я Березовка Борисоглебского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил 5 кл. До 1927 работал в своем хоз-ве. В 1927-1930 служил в РККА. Член ВКП(б) с 1930. После демобилизации фрезеровщик Сталинградского тракторного з-да. С 1933 работал в органах милиции: нач. паспортного стола Мучапского РОМ (1933-1938), нач. Уваровского РОМ (1938-1941), нач. 1-го отделения РКМ г. Тамбов (февраль-октябрь 1941). В 1941-1942 обучался в Центральной высшей школе РКМ (гг. Москва, Саратов). В 1942-1943 зам. нач., в июне 1943-августе 1944 нач. Гавриловского РО НКВД. В 1944 осужден воен. трибуналом сроком на 5 лет с отправкой на фронт. В 1944-1945 в КА (ком. автоматной роты 380-й стр. див., 2-й Белорусский фронт). В марте 1945 был тяжело ранен. После излечения в госпитале работал зав. Шапкинским райзо. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 8480).

⁴⁷ Епихин Иван Арсентьевич (1900-?). Родился в с. Осиновые Гаи Кирсановского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил нач. школу. В 1920-1923 служил в РККА. После демобилизации работал в своем хоз-ве. В 1932-1937 пред. Вяжлинского, Канищевского, Байловского с/с Пичаевского р-на. В 1937-1938 секретарь Пичаевского РИКа. В 1938-1939 зав. Пичаевским райфо. Член ВКП(б) с 1939. В 1939-1940 зам. зав. отделом кадров Пичаевского РК ВКП(б). В 1940-1941 зав. Пичаевским райзо. В декабре 1941-сентябре 1943 секретарь по кадрам Пичаевского РК ВКП(б). В 1943-1944 зав. Пичаевским райфо. В июне 1944 мобилизован в КА. Дальнейшая судьба неизвестна. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4980. Л. 51 об.; Оп. 4. Д. 4462).

⁴⁸ ЭГ № 1395 размещался в Воронежской обл.

⁴⁹ Проскурякова Ефросинья Федоровна родилась в д. Ражек Нижнеломовского у. Пензенской губ. Из крестьян. Работала учителем нач. кл. в г. Воронеж в 1-й половине 1930-х, с 1935 в Пензенском р-не.

⁵⁰ Проскурякова Елизавета Федоровна (р. 1919) – мл. сестра Проскуряковой Ефросиньи Федоровны. Родилась в д. Ражек Нижнеломовского у. Пензенской губ. Окончила в 1932 нач. школу (д. Ражек), в 1935 – СШ № 10 (г. Воронеж), в 1939 – 1,5 месячные пед. курсы (г. Тамбов), в 1943 – Мичуринское заочное отделение Тамбовского пед. училища. С 1939 работала учителем в Избердеевском р-не.

⁵¹ д. Ражек – родина сестер Проскуряковых.

⁵² с. Голицыно – село в Нижнеломовском р-не Пензенской обл. в 32 км к северо-востоку от г. Нижний Ломов, в войну – райцентр.

⁵³ В фонде Тамбовского ОК КП РСФСР имеется информация 1-го секретаря Шапкинського РК ВКП(б) А.И. Сапроновой в воен. отдел ОК ВКП(б) от 7 февраля 1945, в которой значится: «РК ВКП(б) на Ваше отношение за № 7-12 от 5 января 1945 г. по жалобе Комлева Ив[ана] отмечает, что семья налогами облагается правильно, так как в семье имеются 2 трудоспособных. В хозяйстве имеются полкоровы, овцы, теленок. Семья действительно нуждается в хлебе. Семье выдано из гособеспечения 16 кгр. зерна, в дальнейшем будем помогать периодически». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 5175. Л. 246).

⁵⁴ Бельденкова Дарья Ивановна (1902-1988). Родилась в с. Заметчино Моршанского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончила 2 кл. С 12 лет работала на найму и на сах. з-де, в совхозе (с. Заметчино). В 1929-1931 продавец книжного магазина, пред. месткома совторгслужащих (Заметчинский р-н). Член ВКП(б) с 1930. В 1931-1933 обучалась в Тамбовской совпартшколе. По окончании учебы пропагандист Заметчинского РК ВКП(б). В 1934-1935 женорганизатор Кукановской МТС (Бондарский р-н). В 1935-1939 зав. здравотделом Алгасовского р-на. По окончании курсов сов. стр-ва работала инструктором Алгасовского РИКа. В 1940-1941 инструктор, пропагандист, в 1941-1942 зав. отделом пропаганды и агитации Алгасовского РК ВКП(б). В сентябре 1942-феврале 1946 зав. торговделом Алгасовского РИКа. В последующие годы работала пред. артели им. Ворошилова. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 5882. Л. 1 об.; Оп. 4. Д. 1238, 1239; Оп. 55-с. Д. 226. Л. 23).

⁵⁵ Намек на активное участие жителей Инжавинского р-на в «антоновщине».

⁵⁶ Страхов Петр Михайлович (1911-?). Родился в с. Петропавловка Новоузенского у. Самарской губ. Из крестьян. Окончил школу 2-й ступени. В 1930-1931 работал зав. и учителем нач. школы (Новоузенский р-н). В 1931-1932 делопроизводитель Краснокутского РПС. В 1932-1933 дир. вечернего сельхозтехникума (г. Рассказово). В 1933-1937 дир. Верхнеспасской НСШ (Рассказовский р-н). В 1937-1940 зав. Платоновским роно. Член ВКП(б) с 1938. В 1939 заочно окончил ист. фак-т Воронежского пед. ин-та. В 1940-1942 зав. отделом пропаганды и агитации, в 1942-1944 секретарь по кадрам Платоновского РК ВКП(б). В 1944-1950 пред. Платоновского РИКа. В 1950-1953 зав. Инжавинским роно. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 14942).

⁵⁷ Смирнов Николай Васильевич (1909-?), полковник госбезопасности. Родился в г. Астрахань. Из служащих. Окончил Ростовский технологический ин-т, Московский машиностроит. ин-т. Член ВКП(б) с 1932. В органах НКВД-НКГБ с 1938: курсант Центральной школы НКВД СССР, сотрудник Центрального архива НКВД СССР, нач. УНКВД Иркутской обл., нач. УНКГБ Иркутской обл., зам. наркома внутр. дел Якутской АССР, нарком госбезопасности Якутской АССР. В апреле 1944-августе 1946 нач. УНКГБ-УМГБ Тамбовской обл. Освобожден от должности в связи с направлением в распоряжение Управления кадров МГБ СССР. В последующие годы работал дир. з-да № 720 г. Москва, нач. Главармлита Мин-ва машиностроения и приборостроения СССР, зам. нач. Главхиммаша Мин-ва машиностроения СССР. Награжден орденами Кр. Звезды (1940), «Знак Почета», Отечественной войны 2-й ст., Труд. Кр. Знамени, медалями.

⁵⁸ Подвальников Иван Михайлович (1905-?). Родился в г. Грозный Терской обл. Из рабочих. Окончил нач. школу. С 15 лет ученик токаря, токарь на ряде з-дов г. Грозный. Член РКП(б) с 1924. В 1926-1933 обучался на рабфаке, затем в Ленинградском электромех. ин-те. В 1933-1936 мастер, секретарь парткома з-да «Электрик» (г. Ленинград). В 1936-1937 слушатель Ленинградской обл. школы пропагандистов. По окончании школы науч. работник Ленинградского филиала музея В.И. Ленина. В 1939 направлен на курсы при Высшей школе НКВД СССР, по окончании которых работал в УНКВД по Ивановской обл., НКВД Коми АССР. В 1941-1946 на работе в УНКВД-УНКГБ по Тамбовской обл.: нач. 5-го отделения (1941-1942), зам. нач. особого отдела Тамбовского спецлагеря (январь-апрель 1942), нач. 2-го спецотделения (1942-1943), нач. отдела «В» (1943-1946). В ноябре 1946 откомандирован в распоряжение УМГБ по Молотовской обл. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 11873).

⁵⁹ Савельев Михаил Федорович (1915-?). Родился в с. Лукино Кирсановского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончил нач. школу. В 1933-1935 работал в колхозе. В 1935-1938 продавец, пред. Чакинского сельпо (Ржаксинский р-н). По окончании курсов пред. РПС работал зав. торговделом Ржаксинского РПС, пред. Никифоровского РПС. Член ВКП(б) с 1940. В 1941-1946 пред. Красивского РИКа. В 1946-1948 обучался в Куйбышевской обл. совпартшколе. В 1948-1950 пред. Шапкинського РИКа. В 1950-1952 1-й секретарь Староюрьевского РК ВКП(б). В июне 1952 осужден по ст. 109 УК РСФСР (злоупотребление властью или служебным положением) к 10 годам ИТЛ. В августе 1953 освобожден из лагерей со снятием судимости. В 1953-1956 пред. Ржаксинского РПС. В 1956-1957 пред. Волчковского РИКа. Затем 1-й секретарь Волчковского РК КПСС. В 1961-1967 дир. совхоза «Покрово-Марфинский» Знаменского р-на. В последующие годы работал пред. Тамбовской межколхозной строит. организации, зам. нач. военторга; зам. нач. отдела, дир., зам. дир. Тамбовского ОПС; инженер-мелиоратор Тамбовского район. управления с/х; зам. дир. по хоз. части Тамбовского филиала Московского ин-та культуры; дир. магазина (г. Тамбов). С мая 1988 на пенсии. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ЦДНИТО. Ф. 735. Оп. 43. Д. 88. Л. 112; Ф. 1045. Оп. 5. Д. 570).

⁶⁰ Семенов Василий Маркович (1923-1943). Родился в с. Кандаурово Тамбовского у., сержант. Пропал без вести в марте 1943.
Семенов Тихон Маркович (1918-1942). Родился в с. Кандаурово Тамбовского у., сержант. Пропал без вести в марте 1942. (Книга Памяти. Тамбовская область. Т. 2. Тамбов, 1994. С. 232).

⁶¹ «Наркомовский паек» на ж.-д. транспорте – перед поездкой железнодорожники дополнительно получали 400 г хлеба, небольшие порции масла, сахара и колбасы (обыкновенный паек железнодорожника в годы войны (раб. карточка) включал 800 г хлеба в день, 1,5 кг крупы, 400 г масла, 500 г сахара в месяц).

⁶² Косолапова Анна Петровна (1906-?). Родилась в с. Большое Шереметьево Моршанского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончила 8 кл. В 1930-1940 работала учителем нач. кл. в ряде школ Пичаевского и Красивского р-нов. В 1940-1942 учитель и завуч Пичаевской СШ. Член ВКП(б) с 1941. В 1942-1944 пропагандист, в 1944-1948 зав. отделом пропаганды и агитации Пичаевского РК ВКП(б). Затем работала дир. промкомбината, зав. столовой Пичаевского РПС. В 1950-1956 пред. плановой комиссии Пичаевского РИКа. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 7323, 7324).

⁶³ Дмитриева Любовь Ивановна (р. 1918). Родилась в г. Моршанск. Из рабочих. Окончила СШ № 50 и школу ФЗУ г. Мичуринск. В 1934-1942 слесарь, техник вагонных депо ст.

Кочетовка и Мичуринск. Член ВКП(б) с 1942. В 1942-1944 секретарь узлового к-та ВЛКСМ ст. Кочетовка, партбюро паровозного отделения ст. Мичуринск. В ноябре 1944-феврале 1948 1-й секретарь Мичуринского ГК ВЛКСМ. В последующие годы работала зав. отделом культпросветработы (отдела культуры) Мичуринского горисполкома. В 1953 заочно окончила Мичуринское пед. училище. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», нагрудными знаками «Ударнику Сталинского призыва», «Почетному железнодорожнику». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 3865).

⁶⁴ Франко Баамонде Франсиско (1892-1975) – глава исп. гос-ва в 1939-1975. В 1936 возглавил мятеж против Испанской республики. (Новый энциклопедический словарь. М., 2000. С. 1294).

⁶⁵ В фонде Тамбовского ОК КП РСФСР имеется информация 1-го секретаря Уваровского РК ВКП(б) М.В. Меньшова 1-му секретарю ОК ВКП(б) И.А. Волкову о результатах проверки фактов, изложенных в письме колхозника И.Ф. Гальцева секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову от 21 ноября 1946 г., в которой значится: «За допущенный падеж колхозного животноводства, за бесхозяйственное отношение к сохранению животноводческих и других колхозных построек, за развал трудовой дисциплины и ряд других безобразий в колхозе, указанных в докладной записке инструктора обкома ВКП(б), председатель колхоза «Новая жизнь» с работы секретаря первичной парторганизации снят, из членов ВКП(б) исключен, с привлечением его к уголовной ответственности. В связи с тем, что т. Лоскутов допущенными безобразиями скомпрометировал себя среди колхозников и не способен в дальнейшем обеспечить руководство в колхозе, бюро РК ВКП(б) поручило т. Чернову – зав. райзо провести в колхозе «Новая жизнь» общее колхозное собрание на предмет дальнейшего его пребывания на посту председателя колхоза». (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 4874. Л. 18).

⁶⁶ Куйбышев Валериан Владимирович (1888-1935), полит. и гос. деятель. С 1922 секретарь ЦК, с 1923 пред. ЦКК РКП(б), одновременно нарком РКИ, одновременно в январе-ноябре 1926 пред. СНК и СТО СССР. С 1926 пред. ВСНХ СССР. С 1927 член Политбюро ЦК ВКП(б). С 1930 пред. Госплана СССР, затем пред. СНК и СТО. С 1934 пред. Комиссии сов. контроля при СНК СССР и 1-й зам. пред. СНК и СТО СССР. (Новый энциклопедический словарь. М., 2000. С. 591).

⁶⁷ В воспоминаниях Н.А. Логинова о работе в воен. годы, хранящихся в личном архиве канд. ист. наук Л.Г. Дьячкова, рассказывается о прибытии эвакуированных и беженцев в Тамбовскую обл.: «... А тут еще все нарастающий поток эвакуации людей, оборудования, заводов в Тамбовскую область и через нее, который нервировал, снижал настроение рабочих и крестьян, трудящихся на пределе своих сил. Пригнали тысячи голов скота из оккупированной врагом Орловской области, их надо было кормить неделями, прежде чем отправили дальше на восток. Прибыли эшелоны людей из блокированного Ленинграда, среди них и моя сестра с детьми-дистрофиками, сообщившая, что отец, мать, брат погибли от голода...». (Личный архив Л.Г. Дьячкова).

⁶⁸ Елисейкин Георгий Васильевич (1906-?). Родился в с. Токмаково Темниковского у. Тамбовской губ. Из рабочих. Окончил нач. школу. В 1919-1923 батрак, рабочий лесопильного з-да Бедишевского совхоза Темниковского у. В 1924-1925 работал в своем хоз-ве. В 1925-1927 грузчик, в 1930-1931 слесарь бумагопрядильной ф-ки № 1 (г. Орехово-Зуево). Член ВКП(б) с 1927. В 1927-1930 на комс. работе: секретарь ячейки ВЛКСМ ф-ки, представитель укома ВЛКСМ в уездном отделении союза текстильщиков, секретарь Петушинского РК ВЛКСМ. В 1931-1933 обучался в Московском ин-те

востоковедения им. Нариманова при ВЦИК. По окончании 2 курсов ин-та направлен на работу пом. нач. политотдела по комсомолу Екатериновской МТС (Саратовский край). В 1935-1936 секретарь Екатериновского РК ВЛКСМ. В 1936-1937 инструктор, пом. секретаря Орехово-Зуевского ГК ВКП(б). В 1937-1938 секретарь парткома прядильной ф-ки № 1 г. Орехово-Зуево. В марте 1938-апреле 1939 1-й секретарь Мичуринского ГК ВКП(б). Затем 3-й секретарь Тамбовского ОК ВКП(б). В 1941 мобилизован в РККА. Дальнейшая судьба неизвестна. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 4417).

⁶⁹ Ворошилов Климент Ефремович (1881-1969), Маршал Сов. Союза (1935), Герой Сов. Союза (1956, 1968), Герой Соц. Труда (1960). Член РСДРП с 1903. В 1940-1953 зам. пред. СНК (СМ) СССР. В 1941-1944 член ГКО и Ставки ВГК, главком войсками Северо-Западного направления, команд. войсками Ленинградского фронта. (Новый энциклопедический словарь. М., 2000. С. 211).

⁷⁰ Ульманис Карлис Индрикович (1877-1942), латв. полит. и гос. деятель. Из семьи крупного землевладельца. Учился в Лейпцигском с.-х. ин-те и ун-те Небраски (США). Агроном. В 1917 зам. комиссара Врем. пр-ва Лифляндской губ. Один из организаторов и лидеров партии «Латышский крестьянский союз». В ноябре 1918 – июне 1921 (с перерывами) пред. Врем. пр-ва Латвии. В 1920-начале 1940-х неоднократно был премьер-министром, министром иностр. дел. В июле 1940 смещен с поста президента Латвии. 22 июля 1940 выехал в Москву, затем работал по специальности в г. Ворошиловск (Ставрополь). 4 июня 1941 арестован. 1 августа 1942 переправлен в г. Красноводск (Туркмения). Умер 20 сентября 1942 (по одним сведениям от дизентерии, по другим – в тюрьме). Похоронен в г. Красноводск. В отличие от Н.А. Логинова, другие источники утверждают, что К. Ульманис никогда не был женат – «женат на Латвии». (Новый энциклопедический словарь. М., 2000. С. 1253).

⁷¹ Сабуров Александр Николаевич (1908-1974), генерал-майор (1943), Герой Сов. Союза (1942). Член ВКП(б) с 1932. С 1938 чекист. В Великую Отечественную войну один из руководителей партиз. движения, ком. соединения в Орловской, Сумской обл., на Правобережной Украине. С 1944 в органах НКВД (МВД). (Новый энциклопедический словарь. М., 2000. С. 1058).

⁷² Примаков Виталий Маркович (1897-1937), командир Кр. Армии, комкор (1935). Из семьи учителя. Член РСДРП(б) с 1914. Активный участник Октябрьской революции. В Гражд. войну командовал кав. бр., див. и конным корпусом Червонного казачества. За героизм и умелое командование войсками награжден 2 орденами Кр. Знамени (1919, 1921). В 1925-1926 воен. советник в Китае, воен. атташе в Афганистане и Японии. С 1935 зам. команд. войсками Ленинградского ВО. Член ВЦИК и ЦИК СССР. Расстрелян. (Новый энциклопедический словарь. М., 2000. С. 967).

⁷³ Демичев Михаил Афанасьевич (1885-1937), командир Кр. Армии, комдив. Из крестьян. Член РКП(б) с 1920. Участник 1-й мировой войны, прапорщик. С октября 1918 в Кр. Армии. В годы Гражд. войны ком. 5-го Алатырского кав. полка, ком. 3-й бр. 8-й кав. див. Червонного казачества. За героизм и умелое командование войсками награжден 2 орденами Кр. Знамени (1920, 1923). В дальнейшем на командных должностях. Расстрелян.

⁷⁴ Горбатов Александр Васильевич (1891-1973), генерал армии (1955), Герой Сов. Союза (1945). Из крестьян. Участник 1-й мировой войны, унтер-офицер. В Кр. Армии с 1919. Чл. РКП(б) с 1919. В годы Гражд. войны ком. взвода, эскадрона, полка, отд. кав. бр. На момент ареста в 1937 комбриг. 22 октября 1938 приговорен к 15 годам ИТЛ, отбывал наказание на Колыме. Стойкость в течение следствия и лет заключения стала залогом его

освобождения и реабилитации в марте 1941. В июне 1941-июне 1943 зам. ком. и ком. стр. корпуса, ком. стр. див., инспектор кавалерии фронта, зам. команд. армией. В июне 1943-мае 1945 команд. 3-й армией. После войны командовал объединениями, воздушно-десантными войсками, войсками ВО. Автор известной книги воспоминаний «Годы и войны» (М., 1965).

⁷⁵ Тихонов Василий Гаврилович (1909-1976), генерал-майор (1944), Герой Сов. Союза (16 сентября 1941). Из рабочих. Окончил 7 кл. Работал забойщиком на шахте Анжерских каменноугольных копей. В РККА с 1930. Член ВКП(б) с 1931. В 1931 окончил школу мл. авиац. специалистов, в 1932 – Ленинградскую воен.-теоретическую школу летчиков, в 1933 – Энгельсскую воен. авиац. школу пилотов. В боях Великой Отечественной войны с июня 1941. Ком. эскадрильи 22-го дбап 81-й дбад. В августе 1941 во главе своей эскадрильи в составе группы майора В.И. Щелкунова совершил 4 успешных налета на г. Берлин. Штурманом В.Г. Тихонова в этих полетах был В.И. Лахонин. В 1942-1945 ком. 751-го апдд, 8-го гв. апдд. После войны продолжал службу в ВВС. Награжден 8 орденами.

⁷⁶ Логинов Евгений Федорович (1907-1970), военачальник, маршал авиации (1967). Из семьи служащего. Окончил воен.-теоретическую школу ВВС и Борисоглебскую воен. школу летчиков. Член ВКП(б) с 1939. В Великую Отечественную войну ком. авиац. дивизии и корпуса. В 1959-1964 нач. Гл. управления ГВФ, в 1964-1970 министр Гражд. авиации СССР. Член ЦК КПСС с 1968, депутат ВС СССР в 1966-1970.

⁷⁷ Карпезо Игнатий Иванович (1898-1987), генерал-лейтенант (1946). Родился в д. Кугалевка Дисненского у. Виленской губ. В РККА с 1918. Участник Гражд. войны. В 1922-23 нач. корпусной школы мл. командиров 1-го кавкорпуса, ком. 5-го кавполка ЧК. После учебы в Высшей кавшколе на командных должностях. С 24 января 1940 нач. Тамбовского кав. училища. Затем ком. 39-го стр. корпуса, 5-го кав. корпуса, ком. 15-го мех. корпуса. 26 июня 1941 во время налета авиации был тяжело ранен и контужен. История ранения И.И. Карпезо рассказана в книге Героя Сов. Союза В.В. Карпова «Маршал Жуков, его соратники и противники в годы войны и мира» (1989): «...Его тело нашли бездыханным. Ситуация закручивалась столь туго, что комкора решили немедленно предать земле: его тело мог захватить противник. Заместитель командира корпуса по политчасти Лутай прибыл к месту погребения уже после прощального салюта. Постояв с обнаженной головой у могилы командира, он вдруг сказал: «Не верю, что Игнатия Ивановича можно так просто убить. Разрывайте могилу». Станный приказ исполнили и были потрясены: тело Карпезо было теплым. Забегали санитары, появились врачи...». В июне 1941-январе 1942 находился на излечении в госпиталях гг. Тамбов, Ташкент после контузии. В последующие годы на командных должностях в ряде ВО. С ноября 1959 в запасе. Награжден 2 орденами. Кр. Знамени (1943, 1944), орденом Ленина (1945).

⁷⁸ Костенко Федор Яковлевич (1896-1942), генерал-лейтенант (1940). В РККА с 1918. Член РКП(б) с 1921. Участник Гражд. войны. Перед Великой Отечественной войной командовал кав. корпусом, арм. кав. группой. В ходе войны команд. 26-й армией (июнь-сентябрь 1941), зам. команд. Юго-Западным фронтом, команд. войсками Юго-Западного фронта (с декабря 1941), зам. команд. того же фронта (с апреля 1942). Погиб в бою 26 мая 1942 под г. Харьков. Награжден орденами Ленина, Кр. Знамени, 2 орденами Кр. Звезды.

⁷⁹ Сборник «Письма с фронта» вышел в свет в феврале 1943 в изд-ве «Тамбовская правда». В него было включено 254 приветственных (благодарственных) письма фронтовиков, направленных в адрес обкомов партии и комсомола, облисполкома, редакции газеты

«Тамбовская правда» в конце 1942-начале 1943 в ответ на патриот. почин тамбовских колхозников по сбору средств на стр-во танк. колонны.

⁸⁰ В 2005 издан сборник «Письма Великой Отечественной» (из фондов ГУ «ЦДНИТО»).

⁸¹ Полуэктова Евгения Алексеевна, 1922 г. р., работала в Моршанском ЭГ и приехала лишь через 2,5 мес.

⁸² Попов Иван Васильевич (1899-1943). Родился в с. Граждановка Тамбовского у. Тамбовской губ. Рядовой. Пропал без вести 12 августа 1943. (Книга Памяти. Тамбовская область. Т. 2. Тамбов, 1994. С. 99).

⁸³ Имеется в виду муж Л.К. Широковой Клишин Егор Гаврилович, 1904 г.р.

⁸⁴ Дочь Анна, 1932 г.р.

⁸⁵ Л.К. Широкова родила 9 детей, 7 из них до войны. Трое первых детей умерли в младенчестве.

⁸⁶ В Книге Памяти Тамбовской обл. с ошибками указан Воронин Павел Николаевич, 1916 года рождения, лейтенант. Умер от ран 6 января 1943. Похоронен: Ленинградская обл., Залучский р-н, д. Жирки. Там же в числе погибших указаны три родных брата П.Н. Воронина – Петр, Тимофей и Яков. (Книга Памяти. Тамбовская область. Т. 7. Тамбов, 1995. С. 419).

⁸⁷ Павлова (Никишина) Зинаида Петровна (р. 1919). Родилась в с. Чернавка Кирсановского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончила 7 кл. В 17 лет вышла замуж за тракториста И.В. Павлова. С 15 лет и до выхода на пенсию работала в к-зе в родном селе. (ЦДНИТО. Ф. 9291. Оп. 3. Д. 9)

⁸⁸ Павлов Юрий Иванович, 1942 г.р., родился в с. Чернавка Инжавинского р-на Тамбовской обл. Военачальник, генерал-лейтенант. Окончил Ярославское воен.-тех. училище ПВО, Высшую академию ПВО. Служил в различных ВО на командно-штабных должностях. С 1992 нач. штаба, 1-й зам. команд. зенитно-ракетными войсками ПВО. Награжден орденами и медалями СССР и РФ. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 424).

⁸⁹ К.С. Сабетова в 1936 в возрасте 16 лет осталась без матери (умерла в 36 лет) с 4 сестрами и маленьким братом на руках.

⁹⁰ По окончании 8-месячных курсов по подготовке учителей нач. кл. при пед. училище С.М. Медведева была распределена на работу в Ново-Озерскую нач. школу Никифоровского р-на.

⁹¹ Медведев Владимир Тимофеевич (1922-1975). Родился в с. Озерки Козловского у. Тамбовской губ. В 1940 окончил Мичуринский мед. техникум, в том же году призван в РККА. Служил в г. Севастополь, участник Великой Отечественной войны с 22 июня 1941. Ст. военфельдшер 7-й бр. морской пехоты Черноморского флота, участник героической обороны г. Севастополь. 8 мая 1942 в бою получил тяжелое осколочное ранение в ногу. 16 мая 1942 отправлен из осажденного г. Севастополь в госпиталь г. Батуми, затем в г. Тбилиси. Приказом ком. Черноморским флотом 27 июня 1942 за доблесть и героизм, проявленные в боях и при оказании помощи раненым, награжден орденом Кр. Знамени.

Находился на излечении в госпитале до конца 1942. В начале 1943 инвалидом вернулся в родное село. В 1943-1947 работал фельдшером в с. Екатеринино, с. Старинки Юрловского р-на. После окончания ВПШ при ЦК ВКП(б) и до конца жизни находился на парт.-сов. работе в Никифоровском и Тамбовском р-нах. За труд. деятельность награжден орденом Труд. Кр. Знамени, медалями.

⁹² В Книге Памяти Тамбовской обл. отец М.И. Бузыгиной не значится.

⁹³ Девичья фамилия М.И. Бузыгиной – Белякова.

⁹⁴ Кречетова Евдокия Ивановна (р. 1923). Из крестьян. В 1940 окончила 7 кл. Участница Великой Отечественной войны. После демобилизации работала в совхозе «Искра» Тамбовского р-на. С 1973 на пенсии. (ЦДНИТО. Ф. 9291. Оп. 1. Д. 14).

⁹⁵ Девичья фамилия А.Ф. Сутягиной – Толстошеева. В Книге Памяти Тамбовской обл. значится Толстошеин Алексей Федорович (1914-1943). Родился в с. Верхние Пупки Козловского у. Тамбовской губ., рядовой. Пропал без вести в августе 1943. (Книга Памяти. Тамбовская область. Т. 8. Тамбов, 1995. С. 355).

Дмитрий Федорович Толстошеев (Толстошеин) в Книге Памяти Тамбовской обл. не значится.

⁹⁶ Чтобы не платить налог на бездетность.

⁹⁷ Русланова Лидия Андреевна (1900-1973) – эстрадная певица, засл. артистка РСФСР (1942). Исполнительница рус. нар. песен. Была репрессирована в 1945-1956. (Новый энциклопедический словарь. М., 2000. С. 1050).

⁹⁸ Макаров Константин Семенович (1913-?). Родился в г. Калуга. Из рабочих. Окончил Калужский кооп. техникум. В 1932-1935 товаровед ОРСа Калужского транспортного потреб. общества Западной ж.д. В 1935-1937 служил в РККА. После демобилизации работал в органах НКВД: секретарь особого отдела и пом. оперуполномоченного УНКВД по Тамбовской обл. (1937-1938), пом., затем оперуполномоченный Кирсановского РО НКВД (1938-1941), нач. Уметского (1941-1942), Туголуковского (1942-1943) РО НКВД. Член ВКП(б) с 1940. В июне-октябре 1943 нач. Туголуковского РО НКГБ. В октябре 1943-декабре 1944 пред. Туголуковского РИКа. В январе 1945 выехал в г. Калуга. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 9071).

⁹⁹ Ротакин Василий Алексеевич (1903-1944). Родился в д. Александровка 2-я Кирсановского у. Тамбовской губ., рядовой. Погиб в бою 14 января 1944. Похоронен: Крым, Керченский полуостров, х. Юраков-Кут. (Книга Памяти. Тамбовская область. Т. 7. Тамбов, 1995. С. 419).

¹⁰⁰ Девичья фамилия В.Н. Макаровой – Бурлина.

¹⁰¹ Сыщиков Петр Ермолаевич (1891-1961). Родился в с. Михайловка Тамбовского у. Тамбовской губ. Окончил нач. школу. С 13 лет работал по найму в своем селе. В 1912-1915 находился на воен. службе. Участник 1-й мировой войны, был тяжело ранен. В 1915-1917 на излечении в госпиталях. В 1917-1926 зав. зем. отделом Мельгуновского ВИКа, член Петровского, Сосновского ВИКов, военком Сосновской вол., секретарь с/с, ком-та бедноты (Тамбовский у.). В 1926-1929 работал на разных должностях в артелях инвалидов (г. Тамбов). Затем кладовщик Кариан-Строгановского элеватора, з-да № 204, Тамбовского горпромкомбината. В 1934-1939 бухгалтер Сампурского РПС. В 1939-1940 зав.

спецчастью Сампурского РИКа. Член ВКП(б) с 1940. В 1940-1942 инструктор Сампурского РК ВКП(б). Затем работал бухгалтером Сампурского РК ВКП(б). (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 1. Д. 10067. Л. 99; Оп. 4. Д. 15250).

¹⁰² Сыщикова Надежда Федоровна (1890-1978). Родилась в с. Сосновка Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. Окончила нач. школу. В 1923-1925 женорганизатор, член с/с, затем Сосновского ВИКа. В 1925 избрана членом Тамбовского губисполкома. В 1925-1927 член Тамбовского губ. суда. Член ВКП(б) с 1927. По окончании 6-мес. юрид. курсов в г. Саратов работала нар. судьей Сампурского р-на. Освобождена от должности в 1946. (ЦДНИТО. Ф. 1045. Оп. 4. Д. 15252; Оп. 20. Д. 88. Л. 52).

¹⁰³ Хворов Иван Павлович (1912-1942). Родился в с. Беломестная Двойня Тамбовского у. Тамбовской губ., рядовой. Погиб в бою 19 августа 1942. Похоронен: Калининская (Тверская) обл., Ржевский р-н, с. Глебово. (Книга Памяти. Тамбовская область. Т. 1. Тамбов, 1994. С. 500).

¹⁰⁴ Головин Егор Егорович (1908-1942). Родился в с. Большая Дорога Козловского у. Тамбовской губ., рядовой. Пропал без вести в мае 1942. (Книга Памяти. Тамбовская область. Т. 8. Тамбов, 1995. С. 423).

¹⁰⁵ Шуняева (Шмелева) Антонина Федоровна (1933 г.р.). Родилась в с. Николино Инжавинского р-на Тамбовской обл. Образование – 3 кл. В 1945-1949 свинарка, в 1949-1964 доярка Балыклейского отделения совхоза «Инжавинский». В 1964-1979 работала в совхозе «Инжавинский». В 1979-1988 прачка в дет. саду «Тополек» (р.п. Инжавино). С 1988 на пенсии.

¹⁰⁶ Чугаев Иван Иванович родился в с. Балыклей Кирсановского у. Тамбовской губ., рядовой. Пропал без вести в феврале 1943. (Книга Памяти. Тамбовская область. Т. 3. Тамбов, 1995. С. 190).

¹⁰⁷ Филатов Григорий Данилович (1904-1944). Родился в с. Иноземная Духовка Тамбовского у. Тамбовской губ., рядовой. Умер от ран 24 января 1944 г. Похоронен: Ленинградская обл., Ораниенбаумский р-н. (Книга Памяти. Тамбовская область. Т. 1. Тамбов, 1994. С. 496).

¹⁰⁸ Протасов Лев Григорьевич (р. 1938), доктор ист. наук, профессор. Родился в г. Воронеж. В 1955 окончил СШ в Тамбове, в 1960 – ист.-филол. фак-т ТГПИ. В 1960-1962 работал учителем в 7-милетней школе с. Новосельцево (Тамбовский р-н), затем учился в аспирантуре МГПИ им. В.И. Ленина. С 1965 преподает в ТГПИ (ТГУ), зав. кафедрами истории, истории СССР, Рос. истории. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 477).

¹⁰⁹ Протасов Григорий Андреевич (1915-1988), канд. ист. наук. Родился в с. Машково-Сурена Козловского у. Тамбовской губ. Из крестьян. В годы коллективизации родительская семья была раскулачена. Окончил в 1941 ист. фак-т Воронежского пед. ин-та. Участник Великой Отечественной войны. В 1946-1949 аспирант и преподаватель Московского обл. пед. ин-та. С 1950 преподавал в ТГПИ, в 1956-1976 зав. кафедрой истории. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 477).

¹¹⁰ Сов. войска оставили г. Ржев 14 октября 1941.

¹¹¹ Опарник – большой глиняный горшок для опары.

¹¹² Колесникова (Клейнберг) Тамара Ивановна (р. 1924). Родилась в г. Одесса. Из служащих. После ареста родителей в 1937 направлена в Кардымовский детдом

Смоленской обл. Окончила СШ. В 1941 эвакуирована с детдомом в Тамбовскую обл. С октября 1941 работала воспитателем, с 1945 завучем Кардымовского детдома. В 1951-1966 дир. этого детдома (Сосновский р-н). Член ВКП(б) с 1953. В 1956 заочно окончила ТГПИ. В последующие годы работала завучем, дир. вечерней Сосновской СШ. С 1980 на пенсии. Засл. учитель РСФСР. Награждена медалью «За трудовую доблесть». (ЦДНИТО. Ф. 479. Оп. 2. Д. 4051; Оп. 40. Д. 5. Л. 101).

¹¹³ Васюкова Галина Матвеевна (р. 1927). Родилась в г. Рогачев Могилевской губ. С 5 лет воспитывалась в детдоме. В 1941 эвакуирована в Тамбовскую обл. По окончании ремесленного училища в 1944-1946 работала слесарем на ТВРЗ. Затем работала в совхозе «Землянский» Инжавинского р-на, в столовой г. Рассказово. Награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». (ЦДНИТО. Ф. 9291. Оп. 10. Д. 108).

¹¹⁴ Гоффеншефер Инна Исаевна (1916-?). Родилась в г. Липецк Тамбовской губ. Из служащих. В 1933-1936 учитель школы ФЗУ пос. з-да № 204, СШ № 1 г. Тамбов. В 1936-1940 обучалась в Ленинградском пед. ин-те им. Герцена. По окончании ин-та и до выхода на пенсию работала учителем, завучем, дир. (1943-1972) СШ № 7 г. Тамбов. Член ВКП(б) с 1946. С 1977 на пенсии. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За трудовое отличие», «За трудовую доблесть». Засл. учитель школы РСФСР. (ЦДНИТО. Ф. 735. Оп. 43. Д. 23. Л. 91).

¹¹⁵ Осиновская Нина Васильевна (р. 1917). Родилась в с. Сосновка Моршанского у. Тамбовской губ. Труд. деятельность начала в 1931 ликвидатором безграмотности в Козловско-Пригородном р-не Козловского округа ЦЧО. После окончания Мичуринского рабфака в 1939 поступила в Московский ин-т сов. и кооп. торговли. В мае 1941 окончила курсы помощников мед. сестер, была назначена ком. сандружины при Боткинской больнице г. Москва. В июле 1941 вернулась в Тамбов, работала в ЭГ № 1106 делопроизводителем. В послевоен. годы работала на з-де «Ревтруд», Тамбовском приборостроит. з-де, в Тамбовском облздравотделе бухгалтером, экономистом, ст. экономистом. Награждена орденом Отечественной войны 2-й ст.

¹¹⁶ Осиновский Александр Петрович (1892-1976). Родился в с. Большая Талинка Тамбовского у. Тамбовской губ. В течение длительного времени работал гл. бухгалтером Тамбовского коммунального банка. Награжден медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.».

¹¹⁷ Осиновская (Аносова) Елена Николаевна (1895-1976). Родилась в г. Тамбов. С 1914 супруга А.П. Осиновского. Работала бухгалтером в Тамбовском ломбарде.

¹¹⁸ Осиновский Лев Александрович (1916-1992). Родился в г. Кирсанов. Из служащих. Труд. деятельность начал в 1932 токарем на з-де «Ревтруд». В 1938-1939 обучался на рабфаке при ТГПИ. В ноябре 1939 был призван на срочную службу в РККА. В годы Великой Отечественной войны служил в арт. частях Закавказского, Северо-Кавказского, 1-го Украинского фронтов. Был ком. огневого взвода, ком. батареи. Инвалид войны. В 1945-1959 работал нач. части в Тамбовском горвоенкомате, в 1959-1992 ст. инструктором отдела по учету и бронированию в Тамбовском облвоенкомате. Награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Отечественной войны 2-й степени, орденом Кр. Звезды, 12 медалями.

¹¹⁹ Сестра и братья 1920, 1914, 1926 г.р.

¹²⁰ Вагранка – плавильная печь.

¹²¹ Иван Андреевич Беляев – директор КОГИЗа.

¹²² Трофимов Алексей Владимирович (1884-1942), машинист Тамбовского ж.-д. узла. 6 ноября 1937 осужден на 10 лет ИТЛ по ст. 58-10 УК РСФСР. В лагере (Карелия) работал ж.-д. машинистом. Умер в заключении.

¹²³ Имеется в виду орден Красной Звезды.

¹²⁴ Брат Саша, 1935 г.р.

¹²⁵ Брат Леонид, 1925 г.р.

¹²⁶ Касса (Васильева) Анна Григорьевна родилась в 1924 в д. Трубниково Тамбовского у. Тамбовской губ.

¹²⁷ Лыткина Вера Кирилловна родилась в 1925 в с. Воронцовка Тамбовского у. Тамбовской губ.

¹²⁸ Свясло – соломенный жгут для вязки снопов.

¹²⁹ Имеется в виду стихотворение К.М. Симонова «Сын артиллериста» (1941).

¹³⁰ Дружинин Анатолий Александрович (1931-2004). Родился в г. Тамбов. Из служащих. Окончил 1-е Московское авиарадиотех. училище в 1951. В 1951-1954 ст. техник, пом. военпреда з-да п/я № 629 (г. Ленинград). В 1954-1956 обучался в Воен.-воздушной академии, в 1956-1957 - в Ленинградском электротех. ин-те. В 1957-1959 инженер Тамбовского обл. управления Мин-ва связи СССР. Член КПСС с 1959. В 1959-1961 контролер, инженер ОТК з-да п/я № 64 (г. Тамбов). В 1961-1967 гл. инженер, нач. Тамбовской обл. дирекции радиотрансляционной сети. В 1963 окончил Всесоюз. заочный электротех. ин-т связи (г. Москва). В 1967-1970 2-й секретарь Ленинского РК КПСС г. Тамбов. В 1970-1972 обучался в ВПШ при ЦК КПСС. По окончании ВПШ инструктор Тамбовского ОК КПСС. В 1973-1980 пред. Ленинского РИКа г. Тамбов. В 1984-2004 нач. управления федеральной почтовой связи Тамбовской обл. Награжден орденами «Знак Почета», Октябрьской революции. Академик Международной академии реальной экономики. (ЦДНИТО. Ф. 735. Оп. 43. Д. 28. Л. 137).

¹³¹ Комбарова Анна Тимофеевна (р. 1918). Родилась в д. Дмитриевка Тамбовского у. Тамбовской губ. Из крестьян. По окончании 7 кл. поступила в ФЗУ з-да № 204. Затем была направлена контролером в 5-е произ-во этого предприятия, в 1-е мастерские. В годы войны участвовала в произ-ве пороха для снарядов. Отработала в цехе с вредными условиями труда 30 лет и 21 год в горторге. С 1983 на пенсии. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За трудовое отличие». (ЦДНИТО. Ф. 9291. Оп. 5. Д. 38. Л. 16-17).

¹³² Потлова Лидия Гордеевна (р. 1924). Работала на з-де № 204 (Котовский з-д пластмасс). С 1979 на пенсии. (ЦДНИТО. Ф. 9291. Оп. 3. Д. 32.).

¹³³ Болотова Людмила Ивановна (р. 1928). Родилась в с. Воронцовка Знаменского р-на Тамбовской обл. Из крестьян. В 1935 семья переехала в г. Котовск. Труд. деятельность начала по окончании школы в 1944 тех. секретарем Котовского ГК ВЛКСМ. Затем работала в Котовском ГК ВКП(б) тех. секретарем, статистом сектора учета. Член ВКП(б) с

1948. Окончила СШ раб. молодежи (1955), вечерний ун-т марксизма-ленинизма при Тамбовском ГК КПСС (1960). С 1956 работала в Котовском ГК КПСС пом. секретаря, зав. сектором учета, зам. зав. орготделом, членом внештатной комиссии по приему в КПСС. С 1987 на пенсии. Награждена медалями «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

¹³⁴ Посконкин Александр Романович (1919-1973), Герой Сов. Союза (1940). Родился в с. Коптево Тамбовского у. Из крестьян. Окончил 5 кл. и школу ФЗУ. Работал слесарем на з-де. В ВМФ с 1939. Участник сов.-финляндской 1939-1940. Матрос 13-го отд. арт. дивизиона (Балтийский флот). Отличился в составе разведгруппы во вражеском тылу. В 1942 окончил Воен.-морское полит. училище. Участник Великой Отечественной войны. С 1955 майор запаса. Жил в г. Котовск. Награжден орденами Ленина, Отечественной войны 2-й ст., 2 орденами Кр. Звезды, медалями. Его имя носит улица в г. Котовск. (Тамбовская энциклопедия. Тамбов, 2004. С. 462).

¹³⁵ Антюфеева Римма Александровна (р. 1931). Родилась в пос. «Красный боевик» Тамбовского р-на ЦЧО. Окончила с отличием Котовский индустриальный техникум. В 1951-1969 мастер, ст. мастер, ст. инженер, руководитель группы отдела гл. технолога з-да им. Кирова (г. Молотов). Окончила без отрыва от произ-ва Казанский хим.-технологический ин-т. В 1969-1975 руководитель группы тех. отдела НИИПМ (г. Пермь). В 1975-1990 ст. инженер Котовского з-да пластмасс. Избиралась делегатом Всемирного фестиваля молодежи и студентов в г. Москва. (Энциклопедия города Котовска. Тамбов, 2007. С. 107-108).

¹³⁶ Двойнин Леонид Алексеевич (1915-1942), ст. политрук. Пропал без вести в октябре 1942. (Книга Памяти. Тамбовская область. Т. 3. Тамбов, 1995. С. 400).

¹³⁷ Речь идет о жертвах налета нем. авиации 8 июля 1942. Погибло 34 чел. (30 – непосредственно при попадании бомбы в цех, 4 – умерли от ран. Среди погибших 32 женщины и 2 мужчин. (Котовск – город труженик и воин. Тамбов, 2000. С. 58).

¹³⁸ Алимпиева Мария Степановна родилась в 1925 в с. Столовое Тамбовского у. Тамбовской губ.

¹³⁹ Дробжев Михаил Иванович (р. 1929). Родился в с. Кутли Пичаевского р-на Тамбовской обл. Из крестьян. Окончил Моршанскую ФАШ в 1946. В 1946-1949 пом. госсанинспектора, эпидемиолога здравотдела Пичаевского РИКа. В 1949-1950 зав. отделом кадров и оргинструкторской работы Пичаевского РК ВЛКСМ. В 1950-1953 служил в СА. Член КПСС с 1953. В ноябре-декабре 1953 инструктор Тамбовского ОК ВЛКСМ. В 1953-1957 1-й секретарь Моршанского РК ВЛКСМ. В 1957-1960 обучался в Саратовской межобл. парт. школе. В 1958 окончил заочно ТГПИ, в 1961 – ЗВПШ при ЦК КПСС. В 1960-1966 инструктор (ноябрь-декабрь 1960), зав. отделом пропаганды и агитации (1960-1961), секретарь (1961-1962), 2-й секретарь (1962-1963, 1965-1966), зав. идеологическим отделом (1963-1965) Моршанского ГК КПСС. В 1966-1969 руководитель лекторской группы Тамбовского ОК КПСС. В 1969-1970 аспирант Академии общ. наук при ЦК КПСС. В 1970-1977 зав. отделом науки и уч. заведений Тамбовского ОК КПСС. С 1977 проректор по науч. работе, преподаватель, зав. лабораторией В.И. Вернадского ТГПИ (ТГУ им. Г.Р. Державина). Канд. филос. наук, доцент. Засл. работник высшей школы РФ. (ЦДНИТО. Ф. 735. Оп. 43. Д. 28. Л. 73).

¹⁴⁰ Дробжев Иван Васильевич (1907-1941). Родился в с. Кутли Пичаевского р-на Моршанского у. Тамбовской губ., рядовой. Погиб в бою в июле 1941. Похоронен:

Новгородская обл., г. Ст. Русса. (Книга Памяти. Тамбовская область. Т. 7. Тамбов, 1995. С. 60).

¹⁴¹ В газете «Ленинец» Кирсановского района от 9 февраля 1963 помещен некролог, в котором значится: «После тяжелой и продолжительной болезни на 82 году жизни скончался Всеволод Петрович Троицкий. В.П. Троицкий – один из лучших математиков нашего района, неутомимый труженик. Более 50 лет своей жизни он отдал воспитанию молодежи. В.П. Троицкий обладал большими знаниями и огромным педагогическим опытом, которые он охотно передавал молодым учителям. Его труд высоко оценен Советским правительством. Он был награжден орденом Ленина. Светлая память о Всеволоде Петровиче Троицком навсегда останется в наших сердцах. Группа товарищей».

¹⁴² Юлия – дочь В.П. Троицкого.

¹⁴³ Борис – сын В.П. Троицкого.

¹⁴⁴ Понедельник, 9 июля 1945.